

**ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК**

2023, Том 3, №2

Подписано к публикации: 27.02.2023

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Атаев Борис Махачевич (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Биданюк Марзият Мугдиновна (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Горишунов Юрий Владимирович (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор
Гумовская Галина Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жирова Ирина Григорьевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Закирова Елена Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулидзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимова Мариза Оглановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент
Лисицкая Лариса Григорьевна (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор
Лиходкина Ирина Александровна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Мазирка Ирина Олеговна (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Мощева Светлана Васильевна (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Павлова Елена Касимовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Рогалёва Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Степанова Надежда Сергеевна (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Толкачев Сергей Петрович (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022г., Elibrary.ru.

Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2782-5329 (online)

Е-mail: info@vfn-journal.ru

Сайт: <https://vfn-journal.ru>

© Вестник филологических наук, 2023

Содержание

Дворак Е.В. Семантическое переосмысление в политическом дискурсе (на примере словообразовательного префикса –self)	6-10
Иванова И.Е., Карыпкина Ю.Н. Языковое представление «большой» эсхатологии: представления о рае (на материале древнеанглийской литературы)	11-17
Михайлова Е.В. Религиозная лексика в англоязычных библейских текстах: теолингвистический аспект	18-23
Власова О.В., Павлова М.Н. Особенности перевода эпитетов в стихотворении Эдгара Аллана По "Bells" (на примере переводов К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова)	24-30
Самарин Д.А. Специфический характер развития и статус гренландского языка	31-35
Шу Яояо Выражение концепта "красота" в русском и китайском языках	36-38
Сребрянская Н.А., Котова И.Ю. Языковые средства выражения речевых тактик в рамках стратегии самопрезентации в текстах англоязычных резюме и сопроводительных писем	39-45
Тянь Юйчжу «Ночь нежна» в свете культурной семиотики М.Ю. Лотмана	46-50
Бурдина Е.А. Ономастические единицы как экспликация хронотопа в поэтических текстах А.К. Толстого	51-55
Галахова М.С. Особенности употребления имен собственных в художественной литературе авторов-маори	56-60
Дауев Д.А. Официально-деловой стиль лексики осетинского языка	61-67
Мирзоева М.И. Рецепция творческого наследия русских классиков в персидско-таджикской литературе	68-71
Сюй Лина Текстовые функции предикативной конструкции «Дело вот в чем» в современном русском языке	72-78
Ефремова Л.В. Речевой жанр предсказательных конструкций	79-82
Коньшева Н.Ю. Молчание и слово в раннем творчестве Р. Музиля	83-86
Саид Надия Ибрахим Мохамед Абделкадер Особенности перевода языка жестов в поликодовом (кино) тексте	87-93

Скрипченко С.Н., Соболева А.В. Лексические заимствования как одна из тенденций развития языка	94-97
Чжоу Цзянь Пространство, время и судьба человека в пьесе «Вишневый сад» А.П. Чехова	98-101
Азизова С.М., Азизова Л.Р. Структура и состав глагольных компаративных фем в русском и английском языках	102-105
Бейненсон В.А., Либинзон Д.Л. Адаптация жанра обозрения к цифровой среде: жанровая стабильность и форматное многообразие	106-113
Большакова Н.В., Муратова М.И. Мужской дискурс в мифологическом нарративе	114-119
Волков Ю.А., Савельева М.Н., Пашковская Н.Д., Яшина Ю.В. Индоевропейские заимствования в тюркских языках на примере казахского языка	120-127
Ергазина А.А. Культурный код нации и языковое моделирование	128-131
Коджебаш Д.О., Груздев Д.Ю. Типология видов аннотирования корпусов текстов в контексте лингвистических исследований	132-139
Моргун Н.Ю. О концепте “love” в коммуникативном сознании читателей газеты “The Guardian”	140-145
Цянь Синь СМИ в современном обществе: их роль, функции и проблемы	146-152
Богданова А.Р. Анализ понятий «жизнь» и «смерть» в китайской лингвокультуре	153-159
Малюта Е.Г. Стилистический способ аргументации в «Молении зело умилнем...» князя Симеона Шаховского	160-166
Панков В.В., Салахутдинов С.Р. Роль СМИ в негативной популяризации и возрастающей тенденции скулшутинга	167-173
Червякова О.А. Лексические средства выражения отрицательной оценки санкционной политики в отношении России (на материале корпуса испанских текстов)	174-179
Выборнова Л.В., Корнилова Л.Н., Тезина Е.В. Новая лексика периода коронавируса: семантика и функционирование	180-186
Новикова Л.В. Неологизмы в российских СМИ и политической лингвистике	187-191
Афонина М.М. Роль концептуальной метафоры в характеристике языковой картины мира: анализ ассоциативных связей (на материале фразеологизмов французского языка Канады)	192-198

Коньшева Н.Ю. Периферийные концепты раннего творчества Р. Музиля	199-205
Левина В.А. Анализ современных представлений о значении концептологии и ее прикладном применении	206-214
Савельева А.Ю. Роль перцептивных метафор в условиях концептуального сдвига понятия война war	215-217
Сунь Цюцзы Тактика языковой игры как элемент стратегии привлечения внимания к названиям вывесок в языковом пространстве СПб	218-225
Хараева Л.А., Путиловская Т.С., Тхакахова К.С. Молчание в акте коммуникации и его понимание	226-232
Чжан Юй Любовная иллюзия в романе Саши Соколова «Школа для дураков»	233-238
Середа Е.В. Терминологический статус дефиниции «Особые части речи»	239-243

*Дворак Е.В., кандидат педагогических наук, доцент,
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
Иркутский национальный исследовательский технический университет*

Семантическое переосмысление в политическом дискурсе (на примере словообразовательного префикса –self)

Аннотация: авторы посвятили данную работу одному из актуальных лингвистических направлений, а именно области лексикологии. В статье рассмотрена роль семантического переосмысления лексических единиц в современном политическом дискурсе, исследована и проанализирована трансформация словарного значения дефиниции «self-sanctions» и его производной «self-sanctioning», путем сравнения денотативных компонентов его исходного значения.

Научная новизна заключается в том, что авторам удалось выявить постепенную трансформацию значения дефиниции «self-sanctions» и его производной «self-sanctioning», от более узкого к более широкому значению. Был сделан вывод, что данное преобразование происходит под влиянием внешних политических, экономических и иных факторов.

Проведенный авторами когнитивный анализ текста и анализ компонентного состава изучаемых лексических единиц выявил тот факт, что данное языковое явление еще не зафиксировано в современных толковых словарях, по причине отсутствия четкого, фиксированного значения у данного термина. Выявлено, что частотность употребления данного неологизма в политическом дискурсе еще относительно невелика, а сам термин в результате семантического расширения своего исходного значения постепенно претерпел значительную трансформацию. Авторы полагают, что со временем данная дефиниция может закрепиться в речи и получить лексикографическую фиксацию в толковых словарях русского и английского языков.

Ключевые слова: неологизм, политический дискурс, дефиниция, концепт, когнитивный анализ, лексема, семантическое переосмысление, префикс «self-»

Для цитирования: Дворак Е.В. Семантическое переосмысление в политическом дискурсе (на примере словообразовательного префикса –self) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 6 – 10.

Появление неологизмов и семантические изменения в уже существующем лексическом составе любого языка, являются особым способом номинации новых реалий, что ведет к обогащению словарного состава данного языка. Лингвисты выделяют три вида семантических изменений в значении слов: 1) перенос (смещение или сдвиг) значения, 2) изменение денотативного значения (семантическое расширение и 3) сужение коннотативного компонента лексического значения слова [1]. Автор отмечает, что данные изменения могут носить как лингвистический, так и экстралингвистический характер. На них могут оказывать влияние как исторические, культурные, социокультурные, так и политические изменения, которые происходят в современной общественной жизни и на мировой политической арене.

На наш взгляд семантическое расширение или переосмысление значения термина как лингвистический феномен, который нашедший свое отражение в политическом дискурсе пока недостаточно подробно изучен, кроме того вопросы, затрагивающие причины контекстуально обусловленных семантических сдвигов в плане содержания лексемы, также недостаточно изучены.

В рамках данного исследования мы опирались на определение А.Ю. Малафеева, который трактует семантическое переосмысление как «изменение семантической структуры лексической единицы, а именно: появление в ее составе новых и/или исчезновение старых сем, не соответствующее языковой норме употребления данной единицы, но не направленное на нарушение коммуникации, а понятное из контекста и обусловленное последним» [4, с. 78-83]. Автор считает, что семантическая структура лексических единиц зависит от контекста и не имеет четко очерченных, заранее заданных пределов концептуальной экспликации. Кроме того, «если стандартные, зафиксированные в словаре значения лексемы не вполне отвечают авторской интенции, автор может прибегнуть к семантическому переосмыслению этой лексемы» [5, с. 17]. Именно контекст, в котором будет функционировать данная лексическая единица и будет определять новое значение данной лексемы.

Мы отождествляем семантического переосмысления не только как лингвистическое, но и как социокультурное явление, которое отражает характер конкретного исторического периода, так как словарный состав любого языка является источником информации о социокультурных, философско-религиозных и политических взглядах этого временного отрезка.

Политический дискурс, как особый вид коммуникации состоит из ораторских выступлений, посвященных политике, официальных текстов на политическую тематику (включая постановления, законы, указы), научные статьи по политологии, газетные и публицистические материалы [1]. Его исследованием занимались многие ученые (Э.В. Будаева, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал, А.Ю. Снисар и др.). В своих работах А.Ю. Снисар рассматривает политический дискурс как собой особый вид коммуникации, особой, благоприятной средой для возникновения новых политических и лингвистических реалий [7, с. 157]. Авторы статей и новостных сообщений, а также их читатели, которые имеют возможность оставлять свои комментарии непосредственно на интернет страницах новостных источников, имеют неограниченные экспрессивные и лингвистические возможности чтобы отразить свое личное или коллективное отношение к тому или иному событию. Очевидно, что большинство терминов, взятых из подобных источников являются стилистически маркированными и имеют свои функциональные особенности, которые определяются прагматической интенцией самого неологизма [7, с. 157-158]. Такие новообразования вызывают особый интерес у исследователей, поскольку именно в данной сфере слово должно обладать экспрессивностью, привлекать внимание аудитории, для чего зачастую конструируются лексические единицы, способные выполнить определенную коммуникативную задачу [2, с. 25].

Современные исследователи сходятся во мнении, что появление неологизмов в языке происходит закономерно, а не в результате спонтанных или хаотично протекающих процессов. Появление и фиксация в языке нового слова обусловлена определенными потребностями, как правило, имеющим прагматический характер. В случае, когда адресант не может из имеющего набора лексем выбрать языковую единицу, которая по всем параметрам (стилистическим, функциональным, коннотативным и т.д.) отвечала бы его интенциям, он либо создает новую, либо видоизменяет ту, что уже имеется в данном языке [7 с. 157-158]. Со временем подобный неологизм может закрепиться в языке, а также получить лексикографическую фиксацию в толковом словаре данного языка. Таким образом, постепенно словари фиксируют все лексико-семантические варианты употребления данного термина, приобретаемые им в результате функционирования в данном языке.

В различных языках существуют особенные, уникальные именно для этого языка способы образования новых слов. Префикс *-self* в английском языке является продуктивным способом словообразования. С его помощью могут быть образованы существительные (*self-murder*), прилагательные (*self-employed*), и даже глаголы (*self-destruct*). Мы сузили объект нашего семантического анализа до употребления префикса *-self* в составе лексемы «*self-sanctions*», и производной от нее «*self-sanctioning*». Мы сконцентрировали свое внимание именно на анализе семантического переосмысления (расширения первоначального значения) данного неологизма, исследуя трансформацию его исходного значения на материале современных средств массовой информации. Для этого был проанализирован языковой материал, включающий 32 англоязычные публикации и комментарии к ним. Весь исследуемый материал датируется периодом с 2014 по 2022гг.

Так как концепт *self-sanctions* является неологизмом, частотность его употребления в англоязычных публикациях на сегодняшний день недостаточно велика. Анализ материала показал, что термин «*self-sanctions*», впервые появился в публикациях Стэнли Милгрэма в 80х годах 20 столетия. Автор трактовал данный термин как синоним термина «*self-concept*» как «оценку самого себя, своих достоинств и недостатков» – «*when one views himself negatively for behaving inconsistently with a norm behavior*», т.е. «когда человек негативно оценивает себя за то, что ведет себя несовместимо с принятыми нормами поведения» [15, с. 376].

Далее, А. Bruvoll и К. Nyborg в своей работе «*Green consumers and public policy: On socially contingent moral motivation*» [16, с. 357], опубликованной в 2006 году предлагают собственную (авторскую) интерпретацию данному термину. Но тем не менее, авторы рассматривают *self-sanctioning* как синоним таких понятий как «*self-image term*» и «*self-image effects*», т.е. авторы по-прежнему трактуют данный термин в рамках его исходного значения – «самооценка».

Поиск перевода интересующей нас дефиниции в словаре Merriam-Webster dictionary, Multitran.com, Lingvoline.com, ABBYY Lingvo и т.д. не дали положительного результата. Данные словари для перевода неологизма *self-sanctions* предлагают лишь перевод отдельных его компонентов. Слово «*sanctions*» ими трактуется как «ограничительные меры», «меры ответственности» или «санкции», при этом встречается огромное множество способов перевода лексемы «*self*» – как «сущность», «это», «личность» и т.д. Google Translate предлагает перевод данной дефиниции как «самосанкции». Единственную интерпретацию данному понятию мы смогли найти в Deardorffs' Glossary of International Economics [9, с. 489]. Данный словарь интерпретирует неологизм *self-sanctioning* как «*Voluntary termination of transacting with, or operating within, a country or other entity that is the subject to international criticism. It is voluntary in the sense that the action is not called for by, or goes beyond, any official sanctions required by government*», т.е. «добровольное прекращение

каких-либо операций или деятельности». Из данного примера мы видим, что концепт *-self* употребляется в данном контексте в значении «принятые самостоятельно, без чьей-то помощи». Это словарная дефиниция послужила началом для проведения дальнейшего семантического анализа данного неологизма.

После начала специальной военной операции России на Украине с февраля 2022 года, в зарубежных газетных статьях все чаще стали появляться заголовки «Self-sanctioning Russia» [13], «Corporate ‘Self-Sanctioning’ of Russia Has US Fearing Economic Blowback» [8], «Russia Sanctions: Adapting to a Moving Target» [12], «Self-Sanctions: The Real Damage to Russia’s Economy» [18]. В данных контекстах дефиниция «self-sanctioning» трактуется авторами как «the restriction or complete cessation of trade and financial transactions in order to achieve goals related to security or foreign policy issues», т.е. как «(добровольно принятое решение) о полном прекращении торговых и финансовых операций для достижения целей, связанных с вопросами безопасности и/или внешней политики». В данной трактовке мы наблюдаем явное сужение коннотативного компонента лексического значения слова в целом, с сохранением его словарной дефиниции.

Анализируя сообщения, встречающиеся в масс-медиа пространстве, датированные июлем и августом 2022 года, мы отмечаем смещение или переосмысление дефиниции *self-sanctions*. Обзор еженедельного отчета, представленного The KSE [14] «Impact of foreign companies self-sanctioning on the economy», цель которого заключалась в сборе данных об иностранных компаниях, работавших на российском рынке и прекращающих свою деятельность в связи с проводимой Россией СВО (специальной военной операции), показал, что уход иностранных компаний не имел такого разрушительного эффекта, как изначально предполагали зарубежные экономисты и аналитики. По некоторым подсчетам с Российского рынка «добровольно» частично или полностью ушло порядка 400 компаний. The Reporter [17] подводя анализ потерь, понесенных компаниями в результате «добровольного» ухода с российского рынка сообщает, что «The losses of Mercedes-Benz amounted to almost 1,5 billion euros. McDonald's net income has almost halved and the company had to write off about \$1,2 billion in the second quarter of this year» – «Убытки компании Mercedes-Benz составили почти 1,5 миллиарда евро. Чистая прибыль компании McDonald's сократилась почти вдвое, и компании пришлось списать около \$1,2 млрд во втором квартале этого года». В комментариях к данной публикации [17], при упоминании многомиллионных убытков, термин «self-sanctions» трактуется уже как «санкции, предпринятые (компаниями) против самих себя».

Аналогичная интерпретация дефиниции «self-sanctions» была дана в комментариях к статье для интернета портала Forbes «Sanctions Compliance Today: How Should Companies Protect Themselves» [11] ее автор Julie Myers Wood утверждает, что «Staying compliant with sanctions regulations is more complex and challenging than ever» – «Соблюдать санкционные нормы стало сложнее и труднее, чем когда-либо». Обзор комментариев читателей к данной публикации выявил наличие подобных высказываний: «Europeans are unanimously supporting their *self-imposed sanctions* against themselves» – «Европейцы единогласно поддерживают санкции, введенные ими же против самих себя». Из приведенных примеров мы можем наблюдать постепенную трансформацию исходной семантики исследуемого нами языкового явления.

Анализ источников российских СМИ, подтвердил сделанный нами ранее вывод. В качестве примера приведем заголовок статьи Б. Литвинова для Livejournal [3] «Самосанкции запада – отчаянная попытка пережить устроенный ими же самими кризис» и публикацию в российском общественно-политическом интернет-издании «Свободная пресса» [6] «Запад вводит санкции против самого себя». Эти примеры показывают, что в российских и зарубежных средствах массовой информации происходит постепенная фиксация лексемы «self-sanctions» в значении «санкции, предпринятые (компаниями) против самих себя», т.е. происходит постепенное изменение исходного содержательно-смыслового потенциала дефиниции «self-sanctioning», его переосмысление и даже наращивание новой смыслового значения.

Проведенный анализ позволяет заключить, что в политическом дискурсе изменения в составе общественной, политической и общеупотребительной лексики происходят не только за счет количественного увеличения языковых единиц данного языка, но и за счет качественных изменений, затрагивающих семантические преобразования значений уже существующих языковых реалий. В процессе адаптации неологизма в информационном пространстве СМИ, с ним могут происходить различные трансформации (как расширение, так и сужение исходного лексического значения, а иногда и полное его переосмысление).

Литература

1. Дядюченко В.А. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Язык, культура и литература. Ежегодник. 2020. Вып. 2. С. 19 – 21.
2. Катермина В.В. Политическая неониминация в массмедийном дискурсе // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2016. Вып. 4 (58). С. 25 – 26.

3. Литвинов Б.Ю. Самосанкции запада – отчаянная попытка пережить устроенный им же самим кризис. 2022. URL: <https://l-boris.livejournal.com/6183354.html>
4. Малафеев А.Ю. Индивидуально-авторское семантическое переосмысление лексических единиц как когнитивный процесс // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 2. С. 78 – 83.
5. Малафеев А.Ю. Семантическое переосмысление лексических единиц в текстовом пространстве поэтического творчества Д. Самойлова (когнитивный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2008. 22 с.
6. Свободная пресса. URL: <https://svpressa.ru/blogs/article/327201/>
7. Снисар А.Ю. Специфика актуализации неологизмов с точки зрения их функциональной нагрузки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 11. Ч. 3. С. 155 – 159.
8. Bloomberg URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-06-14/corporate-self-sanctioning-of-russia-has-us-fearing-economic-blowback>
9. Deardorff A.V. Terms of Trade: Glossary of International Economics (2nd Edition) Kindle Edition, 2014. 616 p.
10. Eurasia review. 2022. URL: <https://www.eurasiareview.com/27062022-self-sanctions-of-commercial-companies-against-russia-oped/>
11. Forbes / Sanctions Compliance Today: How Should Companies Protect Themselves? 2019. URL: <https://www.forbes.com/sites/juliemyerswood/2019/12/18/sanctions-compliance-today-how-should-companies-protect-themselves/?sh=209e8fc640b9>
12. Institute of International Finance 2022, URL: https://www.usubc.org/files/IIF_Sanctions_2022_June8.pdf
13. Kilpatrick R.L. URL: <https://www.ejiltalk.org/self-sanctioning-russia/>
14. Kyiv School of Economics (KSE) / Impact of Foreign Companies Self-Sanctioning On RF Economy. 2022. URL: <https://kse.ua/about-the-school/news/impact-of-foreign-companies-self-sanctioning-on-rf-economy-8/>
15. Milgram S. Behavioral study of obedience // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. № 67. P. 371 – 378.
16. Nyborg K., Howarth R.B., Brekke K.A. Green consumers and public policy: On socially contingent moral motivation // Resource and Energy Economics. 2006. № 28. P. 351 – 366.
17. The Reporter, 2022. URL: <https://en.topcor.ru/27106-raskryty-obschie-poteri-zapadnyh-kompanij-ot-uhoda-iz-rossii.html>
18. Weafer C. 2022. URL: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/commentary/self-sanctions-the-real-damage-to-russias-economy/>

References

1. Djadjuchenko V.A. Politicheskij diskurs kak ob#ekt lingvisticheskogo analiza. Jazyk, kul'tura i literatura. Ezhegodnik. 2020. Vyp. 2. С. 19 – 21.
2. Katermina V.V. Politicheskaja neonominiacija v massmedijnom diskurse. Politicheskaja lingvistika. Ekaterinburg, 2016. Vyp. 4 (58). S. 25 – 26.
3. Litvinov B.Ju. Samosankcii zapada – otchajannaja popytka perezhit' ustroennyj im zhe samim krizis. 2022. URL: <https://l-boris.livejournal.com/6183354.html>
4. Malafeev A.Ju. Individual'no-avtorskoe semanticheskoe pereosmyslenie leksicheskikh edinic kak kognitivnyj process. Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2008. № 2. S. 78 – 83.
5. Malafeev A.Ju. Semanticheskoe pereosmyslenie leksicheskikh edinic v tekstovom prostranstve poeticheskogo tvorchestva D. Samojlova (kognitivnyj aspekt): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. N. Novgorod, 2008. 22 s.
6. Svobodnaja pressa. URL: <https://svpressa.ru/blogs/article/327201/>
7. Snisar A.Ju. Specifika aktualizacii neologizmov s točki zrenija ih funkcional'noj nagruzki. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2017. № 11. Ch. 3. S. 155 – 159.
8. Bloomberg URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-06-14/corporate-self-sanctioning-of-russia-has-us-fearing-economic-blowback>
9. Deardorff A.V. Terms of Trade: Glossary of International Economics (2nd Edition) Kindle Edition, 2014. 616 r.
10. Eurasia review. 2022. URL: <https://www.eurasiareview.com/27062022-self-sanctions-of-commercial-companies-against-russia-oped/>
11. Forbes / Sanctions Compliance Today: How Should Companies Protect Themselves? 2019. URL: <https://www.forbes.com/sites/juliemyerswood/2019/12/18/sanctions-compliance-today-how-should-companies-protect-themselves/?sh=209e8fc640b9>
12. Institute of International Finance 2022, URL: https://www.usubc.org/files/IIF_Sanctions_2022_June8.pdf

13. Kilpatrick R.L. URL: <https://www.ejiltalk.org/self-sanctioning-russia/>
14. Kyiv School of Economics (KSE). Impact of Foreign Companies Self-Sanctioning On RF Economy. 2022. URL: <https://kse.ua/about-the-school/news/impact-of-foreign-companies-self-sanctioning-on-rf-economy-8/>
15. Milgram S. Behavioral study of obedience. Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. № 67. P. 371 – 378.
16. Nyborg K., Howarth R.B., Brekke K.A. Green consumers and public policy: On socially contingent moral motivation // Resource and Energy Economics. 2006. № 28. P. 351 – 366.
17. The Reporter, 2022. URL: <https://en.topcor.ru/27106-raskryty-obschie-poteri-zapadnyh-kompanij-ot-uhoda-iz-rossii.html>
18. Weafer C. 2022. URL: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/commentary/self-sanctions-the-real-damage-to-russias-economy/>

*Dvorak E.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
School of Linguistics and Intercultural Communication,
Irkutsk National Research Technical University*

Semantic reconcept in political discourse (on the example of words, derived by – self prefix)

Abstract: the authors devoted this work to one of the most relevant linguistic areas, namely the field of lexicology. The article considers the role of semantic reconception of lexical units in modern political discourse, it explores and analyzes the transformation of the dictionary meaning of the definition "self-sanctions" and its derivative "self-sanctioning", by comparing the denotative components of its original meaning.

The scientific novelty lies in the fact that the authors managed to identify a gradual transformation of the meaning of the definition "self-sanctions" and its derivative "self-sanctioning", from a narrower to a broader meaning. It was concluded that this transformation occurs under the influence of external political, economic and other factors.

The cognitive analysis of the text and the analysis of the component composition of the studied lexical units, carried out by the authors, revealed the fact that this linguistic phenomenon has not yet been recorded in modern explanatory dictionaries, due to the lack of a clear and definite meaning for this term. It is revealed that the frequency of use of this term in political discourse is still relatively low, and the term itself has gradually undergone a significant transformation as a result of semantic expansion of meaning.

Keywords: neologism, political discourse, definition, concept, cognitive analysis, lexeme, semantic rethinking, self- prefix

For citation: Dvorak E.V. Semantic reconcept in political discourse (on the example of words, derived by – self prefix). Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (2). P. 6 – 10.

*Иванова И.Е., кандидат филологических наук, доцент,
Иркутский государственный университет,
Карыпкина Ю.Н., кандидат филологических наук, доцент,
Иркутский национальный исследовательский технический университет*

**Языковое представление «большой» эсхатологии: представления
о рае (на материале древнеанглийской литературы)**

Аннотация: в статье представлен анализ языковых единиц *hām, Ʒeard, rīce, heofon, sweƷ(e)l, rodoz* и словосочетания *neorhna wonƷ*, репрезентирующих эсхатологические представления англо-саксов о рае после принятия христианства, в период так называемого двоеверия. Исследование выполнено на материале древнеанглийской литературы IX-XI веков. Древнеанглийская литература, в отличие от литературы последующих периодов, посвящена в основном эсхатологии, что обусловлено эпохой датирования письменных памятников – на рубеже тысячелетий, времени доминирования эсхатологических мотивов. Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью исследования эволюции этнокультурной специфики кодирования и моделирования с точки зрения теории семантических универсалий. Методы современной лингвистики позволяют проводить анализ культурных сведений, содержащихся в древних текстах с учётом их функционирования в конкретной исторической среде, сочетая изучение языка с изучением культуры. В ходе исследования используются различные методы, среди которых историко-филологический и историко-этимологический методы, метод анализа словарных дефиниций и метод концептуального анализа.

Ключевые слова: эсхатология, этногенез, двоеверие, этно-культурная доминанта, концептуальный анализ, древнеанглийская литература, англо-саксы

Для цитирования: Иванова И.Е., Карыпкина Ю.Н. Языковое представление «большой» эсхатологии: представления о рае (на материале древнеанглийской литературы) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 11 – 17.

Методология и основные принципы этнологии – науки, изучающей основные последовательные принципы развития этнических систем, была предложена научному сообществу Л.Н. Гумилёвым [2]. Данная теория позволяет изучать эволюцию этнической системы. Этим критерием являются *этнические стереотипы поведения*. Стереотип поведения этноса динамичен, как и сам этнос, при этом нормы взаимоотношений подвергаются изменениям, как и обряды и обычаи, их кодифицирующие. Данные изменения всегда находят эксплицитное выражение в языке. Для исследователя единственным доступом к пониманию менталитета и этно-культурных традиций древних сообществ людей является дошедшая до наших дней литература.

Анализ древнеанглийских письменных памятников IX-XI веков показывает, что окончание первого тысячелетия и вхождение во второе характеризуется появлением большого количества произведений эсхатологического содержания. В состав древнеанглийской апокалиптической литературы входят как прозаические, так и поэтические письменные памятники. Наиболее яркими представителями древнеанглийской церковной проповеди были Эльфрик (955?-1020) и Вульфстан (?-1023). Первый автор создал две серии проповедей: *the Catholic Homilies*, написанная в промежутке между 990 и 994 гг., и *the Lives of the Saints*.

Наиболее известной проповедью, в которой описываются последние дни человеческого общества и пришествия Антихриста, является *Sermo Lupi ad Anglos «Обращение Волка к Англичанам»*, автором которой является Вульфстан. Шесть других проповедей данного автора включают *Secundum Matheum, Secundum Lucam, De Anticristo, De Temporibus Antichrist, Secundum Marcum* и *De Anticristo (Latin)*. Определённый интерес по данной тематике представляет сборник проповедей *The Blickling Homilies of the Tenth Century*, датированный 971 годом.

Обзор древнеанглийских поэм позволяет выделить значительное количество произведений, в той или иной мере посвящённых мотивам конца света. Интерес в апокалипсическом контексте представляют такие поэмы, как *Phoenix*, являющей собой перевод и переработку латинской поэмы *De Ave Phoenix*, в которой особо чётко прослеживается связь двух культур – англосаксонской и латинской; поэмы *Christ II* и *Christ III*, повествующие о вознесении Христа и об ожидании последнего суда; поэма *Judgement Day I*, входящей в состав Экстерской Книги, но уступающей по содержанию и выразительности другим стихам Судного дня; стихотворение *The Dream of the Rood*, содержит немного апокалиптических элементов, одним из которых является идея Креста как инструмента спасения перед Судом; стихотворения *Soul and Body I* и *Soul and*

Body II затрагивают похожие темы, обе версии просят преданного христианского читателя вспомнить о его телесных действиях на земле в отношении загробной жизни его души, умоляя тело жить по судьбе души, а не по желаниям плоти.

Отмечая архаичность древнеанглийской поэзии и её свойство отражать черты более раннего осмысления окружающего мира, существенно, что анализ текста позволит обнаружить динамику в содержании исследуемых эсхатологических представлений в рамках древнеанглийского периода. При анализе текстов на уровне культурной парадигмы отмечается наличие своеобразного «наслоения» двух систем законов – языческой и христианской. Ю.С. Степанов характеризует двоеверия как явление социальное, поскольку речь идёт не о состоянии веры в душе человека, а об определённом культурном феномене, когда в обществе параллельно сосуществуют две религиозные системы. «В смутных глубинах народного подсознания, как в каком-то историческом подполье, продолжалась своя уже потаённая жизнь, теперь двусмысленная и двоеверная» [13, с. 623]. Историки, в частности Ж. Жюссеран, М.П. Омельницкий, отмечают, обращенные в христианство англосаксы на территории туманного Альбиона принимали и религию Христа, и культ бога Тора. Новообращённый варвар часто умирал, стремясь попасть в Валгаллу, а не в христианский рай [3, 10].

Таким образом, целью данной работы является исследование процесса трансформации эсхатологических представлений англо-саксов о загробном мире, в частности рае, на материале древнеанглийской литературы IX-XI веков.

Предполагается что эсхатологические мотивы отсутствовали у народов, сохранявших первобытный уклад жизни и культуры. В архаичных мифологиях представления о гибели мира подготавливались календарными мифами о смерти и воскресения природы, о силах хаоса, злых духах, мифами о смерти и загробном мире [9, с. 670]. Характер скотоводческого общества определял и представления о загробном мире и пребывания в нём человеческих душ у древних индоевропейцев, у которых существенные признаки этого общества переносились на мир мёртвых: загробный мир виделся в виде пастбища, где паслись души умерших людей и приносимых в жертву животных. Как отмечает Т.В. Гамкрелидзе, данные общеиндоевропейские представления о потустороннем мире как о пастбище (луге) подтверждаются обозначениями мира мёртвых этимологически родственными друг другу лексемами, восходящими к общеиндоевропейскому корню **uel-* первоначально в значении «пастбище», «луг»: и.-е. **uel-* «пастбище», «луг», «обиталище мёртвых» (> «бог мёртвых» и «смерть»), тох. А *walu* «мёртвый», *wäl-* «умирать», *wlalune* «смерть», валл. *gwelli* «рана», др.-англ. *wæl* «резня, мёртвые тела, поле битвы» [1].

Вероятно, индоевропейское представление о месте обитания мёртвых в виде пастбища были переняты древними германцами, что нашло своё отражение в наименовании рая для бесстрашных воинов – Валгалле (германская форма **walhall*, где **wal* означает «поле мёртвых» > «мёртвые тела», *hall* – «королевский дворец / замок»). В германо-скандинавской мифологии Валгалле являла собой небесный чертог в Асгарде, куда доставлялись тела павших в бою воинов-героев. Именно смерть на поле боя гарантировала место в этом германском раю.

Как отмечает Ю.Н. Карыпкина «представление о рае в христианстве трансформировалось в место вечного блаженства, обещанное праведникам в будущей жизни. Отмечается, что Новый Завет не даёт чувственных и наглядных образов рая, о нём известно только то. Что там человек всегда пребывает с Богом» [5]. С учётом преемственности культуры не удивительно, что в христианской литературной традиции образы рая подвергаются мифологической, наглядно опредмечивающей обработке. В текстах древнеанглийской литературы рай предстаёт в различных образах: рай изображается в виде жилища, огороженного пространства, царства (королевства), небес и поля. Данные представления выражаются лексико-семантической группой древнеанглийских существительных *hām*, *Ʒeard*, *rīce*, *heofon*, *sweƷ(e)l*, *rodor* и словосочетанием *neorxna wonƷ*.

Рай как жилище. Представления о рае как доме, жильё, домашнем очаге, родном пристанище выражается общегерманской лексемой *hām* «home, house, dwelling, residence, estate». Согласно этимологическим данным, данное слово соотносится с аналогичными формами во всех языках германского ареала, как-то: др.-сакс. *hēm*, др.-в.-нем. *heim*, др.-сев. *heimr*, гот. *haims* в значении ‘village’ [17, с. 219]. Так, в поэме *Guthlac A* посланный богом светлый ангел убеждает Гутлака в необходимости вести праведный образ жизни: (1) *on hyra lifes tīd // earniað on eorðan / ecan lifes // hāmes in heahƷu* ‘за жизнь свою, что на земле проходит, они заслужат право жизни вечной, жилища в поднебесье обретя’ [23, строки 794-796].

Согласно исследованию А.А. Путина, в древнеанглийском языке образовались устойчивые нефразеологические выражения, обозначающие рай – *sē betra hām* «самый лучший дом», *clān hām* «чистый дом», *heofonlic hām* «небесный дом», *hām in heofonum* «дом на небесах», *hām in heahƷu* «дом наверху» [11, с. 167].

Рай как огороженное пространство передаётся древнеанглийским словом *Ʒeard* «fence, enclosure, courtyard, dwelling». Существительное, имея общегерманское происхождение – герм. **Ʒardaz* / **Ʒardan*, со-

относится с др.-сакс. *gardo*, др.-сев., гот. *gards* «house» и коррелирует с др.слав. *gradŭ*, рус. *город*. Так, в поэме *Guthlac A* находим: (2) *Swa soðfæstra / sawla motun // in ecne Zeard / up Zestižan // rodera rice* ‘Так души тех, кто верой преисполнен, допущены в те вечные жилища, дано им перейти в Господне царство’ [23, строки 790-792]. Указание на концептуализацию представления о рае как огороженном пространстве подтверждается обязательным наличием ворот (врат), охраняемых ангелами, как наглядно демонстрируют примеры (8) и (10).

Рай как царство. Представления о рае как царстве концептуализируются древнеанглийским существительным *rīce* со значением «kingdom, rule, power, realm, empire, authority, might, dominion, reign», которое обнаруживает корреляты в языках германского ареала, например, др.-фриз. *rīke*, др.-в.-нем. *rīhhi*, др.-сакс., др.-сев. *rīki*, гот. *reiki*, герм. **rīkja*, заимствованного из кельтских языков, ср. галл. *rīgion*, др.-ирл. *rīge* [21, с. 171]. М.М. Маковский соотносит нем. *reich* с двумя индоевропейскими корнями – и.-е. **rei-* «богатый» и и.-е. **rek-* «гореть, блестеть», поскольку, по мнению автора, в древности считали, что Небо (небесный свет, небесный огонь) является источником богатства, власти и силы. «Богатство в древнем осмыслении – это то, что на санскрите называлось «атман». «Атман» – это генетическое начало всего сущего, субстанция, это – нить, которая связывает и этот мир, и тот мир, и все существа. На атмане выткано небо, земля и воздушное пространство, разум и все дыхания. В круг понятий, охватываемых «атманом», относятся огонь, вода, земля, трава, пища, свет, звук – это всё родилось из Неуничтожимого и возвращается к нему же» [8, с. 396-397].

На базе семантики индоевропейского слова в германских языках развивается значение рая как места пребывания (царства) самого Бога и всех святых. В поэме *Judgement Day II* говорится: (3) *Pæt is Maria, / tædena selast; // heo let þurh þa scenan / scinendan rīcu, // geblotsodost ealra, / þæs breman fæder, // betweox fæder and sunu, / freolicum werede, // and betwux þære ecan / uplicum sibbe // rīce rædwitan* ‘Это Мария, самая Благословенная из дев. Она проведёт через эти яркие блестящие королевства, Блаженнейшая из всех, славного отца, между отцом и сыном, хорошим хозяином, и между тем вечным миром небесным, в царстве мудрого небесного правителя’ [23, строки 293-298]. Наиболее частотными со значением рай словом *rīce* в древнеанглийской литературе встречаются устойчивые выражения *Godes rīce, heofona rīce, heofonl īce rice, rodera rice*.

Рай как небеса. Образ рая как неба актуализируется в древнеанглийской литературе с помощью лексемы *heofon* (соотносится с гот. *himins*, др.-сакс. *hehan*, др.-сев. *hifinn*), первоначально имевшей значение «sky, heaven(s)». Относительно этимологии слова у исследователей нет единого мнения. По данным словаря Е. Клейна, лексемы произошли от герм. основы **hama(n)-*, образованной, в свою очередь, от и.-е. **kem-* / **kam-* «покрывать», предполагая, что в основе номинации лежит мотивировка «неба» как «свода» [19, с. 712]. Г. Крунен рассматривает германский корень как искажённое неизменяющую (“distorted continuant”), которая предположительно означала «небесное хранилище» [20, с. 220]. М.М. Маковский соотносит форму с и.-е. **kertn-* «гореть», но данный корень, по мнению автора, означает «море» (ср. др.-сев. *haf* «море»). Согласно древним верованиям, небо – это море, по которому двигались корабли с душами умерших в загробный мир [7, с. 169]. Т.В. Топорова полагает, что в основе номинации лежит мотивировка «неба» как «свода», и соотносит др.-англ. *heofon* с и.-е. **kem-* «покрывать» [14].

Не случайно в произведениях древнеанглийского периода представления о рае часто выражаются устойчивым выражением *heofon rīce*, совмещающая ассоциации рая как королевства (царства) на небесах. Так, Эльфрик в своих проповедях обещает праведникам: (4) *þonne genimð se Hælend to hys heofonlīcan rice / on þam micclan dæge of þam woruldmannum / þa ðe mid goodum willan and weorcum æfre / hym ær gecwemdan oð heora lifes ende* ‘тогда возьмёт Господь в своё Небесное Царство в тот великий день из людей тех, кто добрыми желаниями и делами всегда его раньше радовал до самой своей смерти’ [18, с. 596].

Связь представлений о рае как источнике света прослеживается в семантике древнеанглийского существительного *swegl* со значением «sky, heavens, ether; the sun» (ср. однокоренное прилагательное *swegl* «bright, clear, brilliant, splendid, sparkling»). Поэма *Judgement Day II* повествует: (5) *Sitt þonne sigelbeorht / swegles brytta // on heahsetle, / helme beweordod* ‘с могуществом и воинством, там сидит, солнечно-яркий, правитель небесного свода на судейском троне, покровитель воинства’ [23, строки 116-118].

Образ рая в древнеанглийском языке также номинируется существительным *rodor*, использовавшемся в качестве технического термина со значением «the firmament, the heaven of the fixed stars, heavens, ether», а в поэтических памятниках употреблялся для обозначения верхнего пространства «the heavens, sky, upper regions»: (6) *On ðām oðrum dæže ūre Drihten Zeweorhte firmamentum, ðe men hātað rodor* ‘В далёкие времена наш Господь создал твердь небесную, которую люди называют небом’ [16, с. 690]. Наиболее частым эпитетом Бога в древнеанглийской литературе служит устойчивое выражение *rodera weardas* ‘Хранитель неба’.

Рай как поле. Представляет интерес древнеанглийское сочетание *neorxnawonz* в значении «Paradise», поскольку, как отмечается исследователями, встречается только в древнеанглийском языке и не обнаруживает соответствий в других древнегерманских языках, оставаясь «предметом контroversз этимологов» [12, с. 17]. Авторы предлагают собственное этимологическое решение: первый компонент членится следующим образом: *neo-rxe-(na)*, где второй элемент корня отражает одно из древнейших имён медведя, сохранённого, в частности, в латинском языке *ursus*, поскольку в древнегерманском языке медведь выступал символом природного начала, а в англосаксонской традиции также являлся священным, тотемным животным. Первый компонент, *neo-*, соотносится с англосаксонским *neo* в значении «труп, мёртвое тело» (например, древнеанглийское *neofuzol* «ястреб» буквально переводится «мёртвая птица»). Таким образом, этимологически *neorxnawonz* трактуется как «поле (земля) мёртвых медведей». Такое представление, как отмечают учёные, восходит к глубинному пласту верований охотничьих культур [12, с. 18].

М.М. Маковский, допуская множественность толкований, предлагает членить первый компонент на два корня: слово *neor-* означает «нижний», а элемент *-orx-* можно понимать как **er-* + **eg* «дверь». Поскольку древнеанглийское *wanz* означает «мир», то всё сочетание можно перевести как «нижних дверей мир» [6, с. 42].

Изучая вопросы преемственности кельтской лирики в древнеанглийской поэзии, П.Л. Генри пишет, что древнеанглийское *neorxnawonz* в форме **erc-suna-wang* ‘the plain of the sons of heaven’ могло бы соответствовать ирландскому *mag muinntire nime* ‘plain of the blessed’, поскольку автор полагает, что древнеирландское *erc* ‘heaven’ было заимствовано в древнеанглийский язык через ирландских миссионеров в Нортумбрии. Исследователь обращает внимание на тот факт, что *neorxnawonz* в значении ‘Paradise’ встречается в ранней поэзии, в то же время в текстах Нового Завета оно переводится как ‘abode of the blessed after death’. В уэссекских текстах Евангелий употребляется существительное *paradisus*, но в прозаических памятниках, особенно в прозе Эльфрика, чаще всего встречается слово *neorxnawonz* [15, с. 202-205].

Так, в древнеанглийских проповедях и житиях об англосаксонских святых во «Видении Св. Фёрзи» мы находим: (7) *Mæn þa leofeste, Paulus se apostel, eallra þeode larðeaw, awrat beo him sylfen, þ he wære gelædd up to heofone, oddet he becom to þære þriddan heofona; and wæs to neorxnewange, and þær þa gastlice digolnysse gehyrde and geseh* ‘Любезные чада, апостол Павел, учитель всех людей, написал о себе, что был он вознесён на небеса; был он на третьем небе и был он в Раю; видел и слышал там тайну духовную’ [10, с. 106]. В данной лексема, как и в лексемах *hām* и *Zeard*, прослеживаются древнейшие индоевропейские представления о загробном мире как огороженном пространстве, попасть в которое возможно только через врата. Так, в *Judgement Day II* читаем: (8) *He mid lyt wordum / ac geleaffullum // his hæle begeat / and help recene, // and in gefor / þa ænlican geatu // neorxnawonges / mid nerigende* ‘Он с несколькими словами, но полон веры, его спасение получил и помощь быстро, и въехал в несравненные ворота рая со Спасителем’ [23, строки 61-64].

Исследования показывают, что изображение рая в древнегерманской модели мира ассоциируется с растительной символикой, природным изобилием, плодородием, составляющими ядро концепции возрождения. Такие мотивы как «медведь и плодородие» позволяют включить образ медведя в схему основного мифа, в котором особенно живучими оказались представления о медведе как духе растительности. Отсюда вполне понятна связь англ. *bear* «медведь» и англ. *bear* «рожать», а также связь с этим: англ. *bear* «медведь», др.-англ. *bere* «вид ячменя», алб. *bar* «трава, сено» [6, 7, 12]. На наш взгляд, подобные ассоциации могли способствовать закреплению со стороны семантики за представлениями о рае заимствованного слова *paradise*. По данным словарей, существительное *paradise* восходит к слову древнеперсидского происхождения со значением «park, the garden of Eden» и имеет корреляты в других индоевропейских языках. Например, авест. *pairidaēza* «огороженное место»: первый элемент этого сочетания обычно соотносится с авест. *pairi* «вокруг», а второй с греч. *τείχος* «стена» (ср. др.-ирл. *digen* «укрепленный») [7, с. 280; 17, с. 335; 19, с. 1124]. Так, св. Дрихтхельме повествует о своём видении, в котором неизменными атрибутами рая являются богатая растительность и белый свет ярче серебра и золота: (9) *Se ængel me lædde þærrihte to eastdæle, on myceles lihtes smyltnysse, into anre byrig, þær binnen wæs swyðe smede feld and brad, mid blowenda wyrten and grennysse eall afylled, and mid brihtere lihte þone ænig sunne scinende* “А ангел повёл меня в восточную часть, залитую ясным светом, где, окружённая стенами, расстилалась земля, ровная и широкая. Там было много трав и цветущих растений и сиял цвет, что был ярче любого солнца” [10, с. 101].

Неудивительно, что мотивы рая и ада оказываются сопряжёнными в тех контекстах, в которых имеют место общие индоевропейские ассоциации загробного мира как огороженного пространства / пастбища, в которое ведут врата. Например, автор поэмы *Guthlac A* описывает: (10) *Hwæðre hine Zebrohton /*

bolzenmode // wraðe wræstmæcƷas / wuldres cempan // haliƷ husulbearn / æt heldore ‘Однако, злобные духи перенесли небесного солдата, и Господа причастника святого, ко входу в ад’ [23, строки 557-559].

Сопряженными ассоциациирая и ада оказываются также в тех контекстах, в которых представления о рае связано с отсутствием определённых признаков ада, как-то, наказующего огня, холода, болезней, горя, печали, страданий и т.д., означают наличие данных признаков в аду: **(11)** *Cuplice þæt wuldor þysses middangeardes is sceort and gewitende; Drihtenes wuldor þonne, and his riçe þurhwunaþ on ecnesse. Þær is þæt ece leoht buton þeostrum. Þær is geogop buton ylde, þær is þæt æpele lif buton geendunge, þær is gefea buton unrotnesse, ne biþ þær hungor, ne þurst, ne wind, ne gewenn, ne wætres sweg, ne þær ne bið leofra gedal, ne laþra gesamnung: ac þær bið seo ece ræste* ‘Истинно, слава этого мира коротка и мимолётна, слава же Господа и его Царства продолжается вечно. Там вечный свет без темноты, там юность без старости, там благородная жизнь без конца, там радость без печали, там не будет голода, жажды, ветра, бури, шума воды. Там не будет разделения любимых, ни воссоединения враждующих, там будет вечный покой’ [22, с. 65].

Подводя итог следует отметить, что принятие христианства германцами способствовало глубокой трансформации взглядов на загробное существование. Переход от языческой культуры к христианской был длительным. Именно поэтому «овладение» языческой культурой системой христианской культуры не являлось простым механическим замещением одних представлений другими. Данный переход представлял собой «перевод» с одного языка на другой, о чём свидетельствует языковой материал. Так, древнейшие индоевропейские представления о загробном мире в виде пастбища продолжали сохраняться, коренясь в сознании носителей, в таких словах, как *hām* и *Ʒeard*, а также в словосочетании *neorxnawonz*. Как показывают примеры, в них всё ещё продолжают «жить» языческие ассоциации христианскогорая с Валгаллой, где праведники являются воинами, а ангелы – небесными солдатами (пример (5), (10)), где рай видится как огороженное забором пространство и попасть туда можно только через охраняемые врата (примеры (2), (8), (10)), где неотъемлемым атрибутом выступают богатство, тепло, свет, отсутствие голода и нужды (пример (1), (9), (11)), где Бог представляется как небесный правитель, восседающий на троне (примеры (3), (5)).

В текстах древнеанглийских памятников ассоциациирая представлены неоднородными, хотя и связанными между собою, образами: рай как жилище, реализуемый лексемой *hām*; рай как огороженное пространство на примере слова *Ʒeard*; рай как царство (королевство), репрезентированный в языке существительным *riçe*; рай как небеса, реализованный группой слов *heofon*, *swez(e)l* и *rodor*; и рай как поле, представленный словосочетанием *neorxnawonz*.

Таким образом, изучение эсхатологических представлений англосаксов, в частности выделение одной из многих сфер их реализации в древнеанглийском языке, способствует, как полагает И.Е. Иванова, «более глубокому пониманию этнокультурной специфики кодирования и моделирования систем и вносит определенный вклад в теорию семантических универсалий» [4, с. 169].

Литература

1. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. Т. 1-2. 1320 с.
2. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. 640 с.
3. Жюссеран Ж. История английского народа в его литературе. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 416 с.
4. Иванова И.Е. Пропозициональные модели гендерного эссенциализма в английской и русской фразеологии: компаративный анализ // Лингвистика и лингводидактика в свете современных научных парадигм. Сборник научных трудов. Вып. 3. Иркутск, 2020. С. 162 – 170.
5. Карыпкина Ю.Н. Историко-филологический анализ христианской прозы англо-саксов X-XI веков // *Magister Dixit*: электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2011. № 2. 185 с.
6. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: ВЛАДОС, 1996. 416 с.
7. Маковский М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. Слово в зеркале человеческой культуры. М.: Диалог, 2000. 416 с.
8. Маковский М.М. Этимологический словарь современного немецкого языка. Слово в зеркале человеческой культуры. М.: Азбуковник, 2004. 630 с.
9. Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 2000. Т. 2. 720 с.
10. Омельницкий М.П. Древнеанглийские святые. Древнеанглийские проповеди и жития об англосаксонских святых: Альбане, Этельрут, Милдред, Неоте, Дрихтхельме, Фёрзи и Чаде. М.: ЦАИ, 1999. 304 с.
11. Путин А.А. Об устойчивых сочетаниях слов в древнеанглийском языке. Пермь: Изд-во ПГУ, 1974. 213 с.

12. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры: Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М.: Наука, 1993. 158 с.
13. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
14. Топорова Т.В. Семантика «конца» в древнегерманской модели мира и проблема реконструкции германского эсхатологического мифа // Известия АН СССР. Сер.: Литературы и языка. М., 1987. Том 46. № 2. С. 132 – 140.
15. Henry P.L. The Early English and Celtic Lyrics. London: George Allen & Unwin Ltd, 1966. 244 p.
16. Bosworth J., Toller M.A. An Anglo-Saxon Dictionary. London: Oxford University Press, 1973. 1302 p.
17. Hoad T.F. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford: Oxford University Press, 2003. 552 p.
18. Homilies of Ælfric A Supplementary Collection / Ed. by John C. Pope. Vol. I, II. London: Oxford University Press, 1967-1968. 998 p.
19. Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam-London-New York: Elsevier Publishing Company, 1966. 1776 p.
20. Kroonen G. Etymological dictionary of Proto Germanic. Leiden, Boston, 2013. 794 p.
21. Lehnert M. Poetry and Prose of the Anglo-Saxons. Dictionary. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1956. 247 p.
22. The Blickling Homilies of the Tenth Century / Ed. with introduction, translation, notes and index of words by the Rev. R. Morris. London: Trübner & Co., 1880. 263 p.
23. Old English Pages – www.georgetown.edu/cball/oe/oe-texts.html

References

1. Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V. Indoevropskij jazyk i indoevropejcy. Tbilisi: Izd-vo Tbi-lisskogo universiteta, 1984. T. 1-2. 1320 s.
2. Gumil'ov L.N. Jetnogenez i biosfera Zemli. M.: Institut DI-DIK, 1997. 640 s.
3. Zhjuseran Zh. Istorija anglijskogo naroda v ego literature. M.: Knizhnyj dom «Librokom», 2009. 416 s.
4. Ivanova I.E. Propozicional'nye modeli gendernogo jessencializma v anglijskoj i russkoj frazeologii: komparativnyj analiz. Lingvistika i lingvodidaktika v svete sovremennyh nauchnyh paradig. Sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 3. Irkutsk, 2020. С. 162 – 170.
5. Karypkina Ju.N. Istoriko-filologičeskij analiz hristianskoj prozy anglo-saksov X-XI vekov. Magister Dixit: jelektronnyj nauchno-pedagogičeskij zhurnal Vostočnoj Sibiri. 2011. № 2. 185 s.
6. Makovskij M.M. Sravnitel'nyj slovar' mifologičeskogo simvoliki v indoevropskijh jazykah: Obraz mira i miry obrazov. M.: VLADOS, 1996. 416 s.
7. Makovskij M.M. Istoriko-jetimologičeskij slovar' sovremennogo anglijskogo jazyka. Slovo v zerkale čelovečeskogo kul'tury. M.: Dialog, 2000. 416 s.
8. Makovskij M.M. Jetimologičeskij slovar' sovremennogo nemeckogo jazyka. Slovo v zerkale čelovečeskogo kul'tury. M.: Azbukovnik, 2004. 630 s.
9. Mify narodov mira. Jenciklopedija. M.: NI «Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija», 2000. T. 2. 720 s.
10. Omel'nickij M.P. Drevneanglijskie svjatye. Drevneanglijskie propovedi i zhitija ob anglo-saksonskih svjatyh: Al'bane, Jetel'rut, Mildred, Neote, Drihtel'me, Fjorzi i Chade. M.: CAI, 1999. 304 s.
11. Putin A.A. Ob ustojčivyh sochetanijah slov v drevneanglijskom jazyke. Perm': Izd-vo PGU, 1974. 213 s.
12. Stepanov Ju.S., Proskurin S.G. Konstany mirovoj kul'tury: Alfavitny i alfavitnye teksty v periody dvoeverija. M.: Nauka, 1993. 158 s.
13. Stepanov Ju.S. Konstany: Slovar' russkoj kul'tury. M.: Akademičeskij proekt, 2004. 992 s.
14. Toporova T.V. Semantika «konca» v drevnegermanskoj modeli mira i problema rekonstrukcii germanskogo jeshatologičeskogo mifa. Izvestija AN SSSR. Ser.: Literatury i jazyka. M., 1987. Tom 46. № 2. S. 132 – 140.
15. Henry P.L. The Early English and Celtic Lyrics. London: George Allen & Unwin Ltd, 1966. 244 p.
16. Bosworth J., Toller M.A. An Anglo-Saxon Dictionary. London: Oxford University Press, 1973. 1302 p.
17. Hoad T.F. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford: Oxford University Press, 2003. 552 p.
18. Homilies of Ælfric A Supplementary Collection. Ed. by John C. Pope. Vol. I, II. London: Oxford University Press, 1967-1968. 998 p.
19. Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam-London-New York: Elsevier Publishing Company, 1966. 1776 p.
20. Kroonen G. Etymological dictionary of Proto Germanic. Leiden, Boston, 2013. 794 p.

21. Lehnert M. Poetry and Prose of the Anglo-Saxons. Dictionary. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1956. 247 p.
22. The Blickling Homilies of the Tenth Century. Ed. with introduction, translation, notes and index of words by the Rev. R. Morris. London: Trübner & Co., 1880. 263 p.
23. Old English Pages – www.georgetown.edu/cball/oe/oe-texts.html

*Ivanova I.E., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Irkutsk State University,
Karypkina Yu.N., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Irkutsk National Research Technical University*

**Linguistic representation of “big” eschatology: concepts
of paradise (with the reference to the old English literature)**

Abstract: the article presents the analysis of the language units *hām*, *Ʒeard*, *rīce*, *heofon*, *sweƷ(e)l*, *rodor* and the phrase *neorxna wonƷ*, representing the eschatological ideas of the Anglo-Saxons about the paradise after the adoption of Christianity during the period of the so-called ‘dual faith’. The study is based on the Old English literature of the 9th-11th centuries. Old English literature, in contrast to the literature of the subsequent periods, is mainly devoted to eschatology which is due to the era of dating of written monuments – at the turn of the millennium, the time when eschatological motifs dominated. The relevance of the topic is due to the necessity to research the evolution of the ethno-cultural specifics of coding and modeling from the semantic universals theory. The methods of modern linguistics make it possible to analyze the cultural information coded in the ancient texts, considering their functioning in a specific historical environment, combining the research of language with the study of culture. In the course of the research, various methods are used, including historical-philological and historical-etymological methods, the method of analyzing dictionary definitions and the method of conceptual analysis.

Keywords: eschatology, ethnogenesis, dual faith, ethno-cultural dominant, conceptual analysis, Old English literature, Anglo-Saxons

For citation: Ivanova I.E., Karypkina Yu.N. Linguistic representation of “big” eschatology: concepts of paradise (with the reference to the old English literature). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 11 – 17.

Михайлова Е.В., кандидат филологических наук, доцент,
Севастопольский государственный университет

Религиозная лексика в англоязычных библейских текстах: теолингвистический аспект

Аннотация: на протяжении многих веков теологи, философы, мыслители занимались изучением текстов Священного Писания с различных точек зрения. Огромное внимание Библии уделялось также со стороны филологов и лингвистов. Эта книга содержит в себе сакральные знания, относящиеся к различным областям жизни. Поскольку Библия является самой читаемой и цитируемой книгой, то ее исследование, несомненно, будет сохранять свою актуальность во все времена. Религиозная лексика, содержащаяся в библейских текстах, хранит в себе как культурную, так и историческую информацию и образует религиозную картину мира. Данная статья посвящена теолингвистическому анализу лексики, обозначающей различные религиозные понятия, в текстах ранних и поздних англоязычных версий Библии (XVII–XXI в.в.) с целью выявления специфики изменений, вносимых создателями версий на протяжении четырех столетий. Изучение религиозной лексики в диахронии, в теолингвистическом аспекте, связано с проблемой взаимовлияния языка и религии. Наука теолингвистика относительно молодая и только начинает активно развиваться, поэтому необходимо рассмотреть ранее накопленный исследовательский материал с других позиций, в частности, проследить, какие замены теонем произошли в библейских текстах поздних англоязычных версий под влиянием как лингвальных, так и экстралингвальных факторов, а какие остались неизменными на протяжении столетий. Такое исследование позволяет увидеть развитие религиозной лексики, как менялось мировоззрение людей, их ценности, сознание и приоритеты, как это отразилось на толковании религиозных терминов. Все это в последующем укажет на возможные пути сохранения истинного значения религиозной лексики и решения основной задачи теолингвистики – уберечь этот словарный пласт от секуляризации.

Ключевые слова: теолингвистический аспект, религиозная лексика, теонема, англоязычные версии Библии, библейский текст, субституция, лингвальный фактор, экстралингвальный фактор

Для цитирования: Михайлова Е.В. Религиозная лексика в англоязычных библейских текстах: теолингвистический аспект // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 18 – 23.

Интерес к изучению особенностей языка религии, текстов Священных Писаний, религиозных концептов, религиозного дискурса и религиозной картины мира со стороны как отечественных ученых, так и зарубежных (Мечковская Н.Б., Пименова М.В., Шевченко И.М., Карасик В.И., Михайлова Е.В., Булавина С.В., Васильева Е.А., Дуглас Рид, Daniell D. и др.) проявился, начиная с конца прошлого столетия, отчасти с возникновением таких направлений в лингвистике, как когнитивная лингвистика и лингвокультурология, и значительно возрос за последние годы в связи с началом развития теолингвистики (А. Вагнер, Гадомский А.К., В.И. Постовалова, Четырина А.М., Шамарова С.И., Галиева М.Р., И.Д. Киквидзе, Spenser N., Scott M., Ginev D).

Актуальность данного исследования заключается в том, что религиозный язык и религиозная лексика еще не в достаточной мере изучены в теолингвистическом аспекте, поскольку наука теолингвистика еще только приобретает свое теоретическое оформление, а накопленные множественные разрозненные исследования в данном направлении требуют своего объединения и систематизации. *Целью* данного теолингвистического исследования является выявление особенностей выбора использования религиозной лексики, теонем, под влиянием как лингвальных, так и экстралингвальных факторов, в текстах различных англоязычных версий Библии, создаваемых на протяжении четырех столетий (начало XVII в. – начало XXI в.).

Религия является важной и неотделимой частью жизни социума. Человека всегда волновали вопросы, связанные с его существованием и смертью, с душой и верой в Бога, с мудростью, а также информация, записанная в различных священных писаниях. Наука не всегда может дать на них ответы, а религия предоставляет их. В результате в XX в. – начале XXI вв. в лингвистике появляется направление, которое занимается изучением языка, при помощи которого человек выражает свое отношение к Богу, теолингвистика (греч. *theos* – Бог, лат. *lingua* – язык). Данная наука изучает религиозный язык и различные религиозные проявления, которые нашли свое отражение в языке, и не имеет четкой привязки к конкретной конфессии или национальности [3].

В рамках данного научного направления исследуется лексика религиозных текстов, Библии и Корана, различных произведений религиозной, богословской и философской тематики, профессиональная лексика, используемая в церковной среде, язык религиозного общения, язык гомилий и проповедей, язык молитвы,

язык церковных документов, терминология теолингвистики [4, с. 32]. Теолингвистов интересует генеология религиозных текстов, язык Библии и Корана, библеизмы, евангелизмы, коранизмы, религиозная лексикография, стилистика религиозных текстов, сакральная ономастика, религия в СМИ и цифровая религия. Проблема кодирования информации богословского характера, в целом, остается еще малоизученной на сегодняшний день.

Термин «теолингвистика» впервые предложил бельгийский лингвист Жан Пьер ван Нoppen в 1981 году. Термин приобрел популярность благодаря Д. Кристалу, который в 1987 году упомянул его в Кембриджской языковой энциклопедии, а затем А. Вагнер выступил в Касселе на тридцать втором Лингвистическом коллоквиуме с докладом «Теолингвистика? – Теолингвистика!», в котором употребил данное понятие [8, с. 222].

Ж.П. ван Нoppen, говоря об этой науке, подчеркивал, что она описывает, как по отношению к Богу может быть использовано человеческое слово, как оно функционирует в религиозном аспекте, в ситуациях, несоответствующих стандартам коммуникационной интерактивности, осуществляющейся непосредственно и в одностороннем порядке. «Теолингвистика считается наукой, описывающей то, как человеческое слово может быть использовано по отношению к Богу, и также то, каким способом язык проявляется в религиозных ситуациях, а именно в аспектах, которые не соответствуют агрессивным стандартам непосредственного одностороннего общения. С другой стороны, совпадающие с логикой его представления в таких известных видах, как речевой акт или метафора» [9, с. 698].

Большое число ученых в разных странах (Германия, Польша, Нидерланды, Россия, Белоруссия, Великобритания, Украина) проводят исследования в данной области в последние десятилетия. Однако существуют некоторые сложности, которые связаны с восприятием тех или иных религиозных аспектов. Поэтому, помимо знаний в области филологии и лингвистики, ученый также должен быть просвещен в сфере богословия, чтобы, например, корректно описывать различные абстрактные понятия, такие как «бог», «душа», «вера», «благословение», «грех» и др.

Предметом анализа в теолингвистике является исследование взаимовлияния языка и религии; с одной стороны, роль языка в различных религиозных ситуациях, а с другой – характер проявления религии в языке, другими словами, отображение в языке религиозного мировосприятия. Поскольку теолингвистика тесно связана как с богословием (теологией), так и с языкознанием, то, соответственно, она использует приемы, которые доступны для исследования в данных науках [7].

Применяя лингвистические методы исследования, можно проследить, какие изменения претерпели теонемы в библейских текстах, а герменевтика позволит увидеть и поможет объяснить изменения мировоззрения целых народов, их приоритеты и сознание. Понятие теонема вводится для обозначения языковых средств, которые передают смыслы религиозного содержания [1, с.298]. Проанализируем особенности субституций религиозной лексики, выбранной из текстов популярных англоязычных версий Библии: King James Version – здесь и далее KJV (1611), New American Standard Bible – NASB (1960), New Century Version – NCV (1991) и Easy English Bible – EEB (2018) [10]. Выбор указанных версий не случаен. Диапазон создания между первой (канонической) и последней из перечисленных составляет четыре столетия.

Версия KJV считается канонической, поскольку впервые была создана на официальном стандартном английском языке в XVII столетии. Английские колонисты с самого появления на американском континенте пользовались ею. Ревизоры Англо-Американской компании во многом следовали ей при создании "Standart Bible". С одной стороны они придерживались «Английского общеразговорного языка», а с другой «Атлантического», стараясь соблюсти «дружелюбное различие» между двумя разновидностями одного и того же языка [2, с. 207].

На основе версии American Standard Version XIX столетия в 60-е годы XX столетия появляется версия NASB. Версия NCV появляется в конце XX столетия. Основным ее отличием является использование наиболее употребительной лексики, деархаизация языка библейских текстов и использование гендерно-нейтрального языка. Версия EEB, созданная международными переводчиками Библии во втором десятилетии XXI столетия, является попыткой представить Библию на легком для понимания английском языке.

Лингвокультурологический подход, примененный в свое время в исследовании англоязычных версий Библии в диахронии, позволил выявить определенные тенденции к демократизации изложения, прослеживаемой в написании библейских текстов на современном английском языке, а также заменам «мирской» лексики, используемой в повседневной жизни, в поздних версиях Библии [5].

В данном исследовании корпус исследуемых языковых единиц, принадлежащих исключительно религиозной тематике, был разделен и проанализирован по следующим тематическим группам: «представители духовенства», «представители религиозных конфессий», «предметы религиозной службы».

В библейских текстах канонической англоязычной версии KJV для обозначения представителей религиозной власти и представителей религиозных конфессий времен Римской империи, о которых упоминают авторы Евангелий и других книг, входящих в Новый Завет, используются такие слова и словосочетания, как *scribe, elder, lawyer, high priest, chief priest, Levite, Pharisee, Sadducee, Epicurean, Stoic, Herodian, Gentile, proselytes*.

Некоторые из этих слов остаются неизменными (*Levite, Pharisee, Sadducee, Epicurean, Stoic*) и на протяжении четырех столетий функционируют в текстах указанных выше англоязычных версий, что указывает на незыблемость представленных ими понятий. Например, теонемы *Pharisee* и *Sadducee*, с одной стороны, являются историзмами и обозначают людей, принадлежащих к самой многочисленной и могущественной партии во времена Иисуса Христа, а с другой стороны, стали именами нарицательными, обозначающими лицемеров, которые проповедают одно, а делают совсем другое.

Однако все остальные названия религиозных представителей подвергаются заменам в более современных версиях Библии. Словосочетания *high priest* (Mtth.26:57) и *chief priest* (Mtth. 27:1), функционирующие в канонической версии, вводят понятия «первосвященник» и «священник второй чреды» соответственно. Первое место среди израильского священства принадлежало именно первосвященнику. Именно он начальствовал во время разбора судебных дел и позднее стал председателем синедриона, именно он соблюдал себя больше, чем другие священники в отношении личной чистоты и святости [6, с. 314-315]. Священники второй чреды являлись помощниками при служении первосвященника. В поздней версии ЕЕВ данные теонемы заменяются словосочетаниями описательного характера *the most important priest* для понятия «первосвященник» и *the leader of the priests* для понятия «священник второй чреды».

С одной стороны, при помощи такой синонимической замены создатели постарались донести до современного читателя суть значимости степеней священства духовных лиц, но, с другой стороны, у читателя, который мало знаком с иерархией санов священников, может возникнуть определенная путаница, поскольку выражение *the most important priest*, означающее «самый важный священник», и выражение *the leader of the priests*, которое обозначает «любого, кто ответственен за... или контролирует других священников» (иными словам, этот человек тоже является самым важным лицом в этой иерархии), в сравнении воспринимаются как равноценные категории.

Теонемы, передающие такие незыблемые для религиозного контекста понятия, как «первосвященник» и «священник второй чреды», использовались создателями различных англоязычных версий Библии на протяжении многих столетий и только в более поздней версии произошла их субституция:

KJV: *And they ...led him away to Caiaphas the **high priest**...*

NASB: *And those ...led Him away to Caiaphas, the **high priest**...*

NCV: *Those people ...led him to the house of Caiaphas, the **high priest**...*

ЕЕВ: *Then those men who had taken hold of Jesus took him to Caiaphas's house. Caiaphas was **the most important priest** /Mtth. 26:57/.*

KJV: *When the morning was come, all the **chief priests** and elders of the people took counsel...*

NASB: *Now when morning came, all the **chief priests** and the elders of the people conferred ...*

NCV: *Early the next morning, all **the leading priests** and elders of the people decided...*

ЕЕВ: *Early the next morning, all **the leaders of the priests** and the important Jews met together... /Mtth. 27:1/.*

Теонема *scribe*, заимствованная из латинского языка и функционирующая в версиях KJV и NASB, вводит понятие «книжник». Она обозначает человека, который изучал и разъяснял законы в период иудейской истории, переписывал и интерпретировал Священное Писание, был сведущим в законе Моисеевом и учил его исполнять. Затем стали появляться их ученики, которые для народа являлись богословами и юристами, поскольку собирали и записывали предания и дополнительные заповеди. В современной версии NCV теонема *scribe* заменяется словосочетанием *teacher of the law*. Слово *teacher* вводит понятие «учитель», обозначающего человека, который проповедует, учит закону, но не создает его и не записывает. Происходит субституция понятия в сторону его сужения представленного расчлененным наименованием. В самой поздней версии ЕЕВ в свою очередь происходит замена словосочетанием *teacher of God's Law*, которое вводит еще более конкретное понятие, подчеркивающее, что данный человек обучает не просто любым законам, а именно закону Божьему:

KJV: *...where **the scribes** and the elders were assembled.*

NASB: *...where **the scribes** and the elders were gathered together.*

NCV: *...where **the teachers of the law** and the elders were gathered.*

ЕЕВ: ***The teachers of God's Law** and the important Jews were meeting there together with Caiaphas /Mtth. 26:57/.*

Теонема *proselyte*, обозначающая представителя религиозного направления, вводит понятие «прозелит», т.е. человек, который принял иудейскую веру. Через некоторое время прозелитами стали называть тех людей, которые стремились и старались обращать других людей в свою веру и в свои убеждения. Во времена апостолов прозелиты были многочисленны и жили повсеместно в Римской империи. Поэтому в более современных версиях (NCV и ЕЕВ) происходит субституция этого понятия расчлененными понятиями, представленными словосочетаниями – *those who had become Jews* и *who now obey God as the Jews do*. Данные выражения являются толкованием теонемы *proselyte* в библейском понимании:

KJV: ...and strangers of Rome, Jews and **proselytes**...

NASB: ...and visitors from Rome, both Jews and **proselytes**

NCV: ...Rome (both Jews and **those who had become Jews**)...

ЕЕВ: ... Some of us have come from Rome to visit Jerusalem. Some of us were born as Jews. Others of us are Gentiles **who now obey God as the Jews do** /Acts 2:10-11/.

В тематической группе «предметы религиозной службы» субституции подвергаются такие теонемы, как *sanctuary, candlestick, tabernacle, the table of shewbread, vestry, censer*, функционирующие в канонической версии KJV. В самой поздней версии ЕЕВ данные теонемы заменяются словосочетаниями, в которых используется слово *special* для описания данных предметов: *sanctuary – special place* (Ex.25:8), *tabernacle – special tent* (1Chr. 6:32), *the table of shewbread – the table for the special bread* (Num.4:7), *vestry – the special clothes* (2 King 10:22).

Теонема *sanctuary*, функционирующая в ранних англоязычных версиях KJV и NASB, вводит понятие «святилище» и обозначает в данном контексте храм в Иерусалиме, святая святых, а также самое святое место в религиозном храме. В более поздней версии NCV происходит замена понятия в сторону его расширения, представленного расчлененным наименованием – *holy place*. В самой поздней версии ЕЕВ используется словосочетание и снова происходит замена понятия в сторону его расширения («святилище» – «священное место» – «специальное место»):

KJV: And let them make me **a sanctuary**; that I may dwell among them.

NASB: Let them construct **a sanctuary** for Me, that I may dwell among them.

NCV: The people must build **a holy place** for me so that I can live among them.

ЕЕВ: You must tell the Israelites to make **a special place** to be my home /Ex 25:8/.

Понятия «священное место» и «специальное место» могут быть по-разному истолкованы и не обязательно могут означать пространство, под которым изначально понимается святилище. Денотативное значение слова *place* шире денотата теонемы *sanctuary*. Священным местом или специальным местом можно считать открытое пространство, которое может иметь навес, крышу и стены, но может и не иметь эти строительные конструкции. Если в версии NCV ее создатели использовали со словом *place* прилагательное *holy* («святой, священный»), коннотативный аспект значения которого всеми своими составляющими (эмотивность, оценочность, интенсивность) позволяет понять указание на божественную связь с этим местом, то в версии ЕЕВ использование прилагательного *special* («специальный»), не относящегося к религиозной лексике, с нейтральной коннотацией, стирает чувство возвышенности, которое, по нашему мнению, должно возникать при чтении текстов Библии...

Языковая единица *candlestick*, являющаяся теонемой в библейском контексте канонической версии KJV, вводит понятие «подсвечник» и означает «предмет, который служит для установки и поддержки свечи». В остальных англоязычных версиях используется слово *lampstand*, которое вводит понятие «подставка для лампы» и означает «тяжелое, часто декоративное основание для электрического светильника, которое стоит на столе или на полу». Происходит субституция теонемы и понятия:

KJV: I saw seven golden **candlesticks**;

NASB: And having turned I saw seven golden **lampstands**;

NCV: When I turned, I saw seven golden **lampstands**.

ЕЕВ: When I turned, I saw seven gold **lampstands** with their lights /Rev. 1:12/.

Данная субституция вызвана таким экстралингвальным фактором, как технический прогресс. Лампа является источником света, полученным при помощи электричества. С одной стороны, для людей, живущих в эпоху развития техники, это слово понятнее. Однако при описании событий библейской давности упоминание электрических ламп, появившихся в середине XIX столетия, и подставок для них может вызвать диссоциации в сознании современного читателя, а в дальнейшем сомнение и недоверие к излагаемому в Священном Писании. Соответственно, использование теонемы, вводящей понятие «подсвечник», в библейском контексте гораздо предпочтительнее.

Таким образом, выполненный теолингвистический анализ религиозной лексики, теонимов, принадлежащих тематическим группам «представители духовенства», «представители религиозных конфессий», «предметы религиозной службы», позволил сделать следующие выводы:

1) в текстах современных англоязычных версий Библии в сравнении с канонической версией KJV субституции по действием экстралингвальных факторов (технический прогресс, новые реалии современного мира) подвергается, как оказалось, не только мирская, бытовая лексика, но и лексика сакральная, религиозного содержания, что несомненно, по нашему мнению, при чтении текстов нарушает атмосферу таинства, возвышенности Библии, ощущения посвящения читателя в мир связи с духовным и раскрытия божественных истин;

2) в тематических группах выявлены теонемы (*Pharisee, Sadducee, Levite, Epicurean, Stoic, altar, church, incense*), не подвергшиеся заменам в современных версиях, поскольку их понятия и значения остаются неизбылемыми на протяжении 400 лет; однако большая часть религиозных языковых единиц в версиях NCV и ЕЕВ либо заменяется словами с более широким денотатом (*censer – pan – pot; tabernacle – tent; sanctuary – place*), либо словосочетаниями, представляющими собой описание (*lawyer – expert on the law of Moses; gentile – non-Jewish people*), иногда приводящим к секуляризации теонемы (*vestry – wardrobe – special clothes*);

3) замены языковых единиц в текстах англоязычных версий Библии можно объяснить тем фактом, что создатели новых версий, принимая во внимание такой фактор, как глобализация английского языка, стараются привлечь к своей христианской конфессии все большее количество людей англоговорящих, но не владеющих языком в достаточной степени, чтобы понять те смыслы и образы, которые закодированы в библейских текстах, поэтому с целью их популяризации наблюдается тенденция, ведущая к упрощению языка Библии (лингвальный фактор), что приводит иногда к выхолащиванию и искажению смысла сакральных текстов.

Перспективным направлением исследований для теолингвистов считаем поиск путей, позволяющих повысить уровень духовной культуры прихожан с целью уберечь теонемы, функционирующие в текстах канонических версий Библии, переведенных на те или иные народные языки (*vernaculae*), от секуляризации, а также научить правильному использованию религиозных языковых единиц, как в узконаправленной профессиональной сфере (в церкви, у священнослужителей), так и в светском лексиконе.

Литература

1. Бугаева И.В. Теолингвистика: теология+лингвистика? // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Т. 2: Лингвистический анализ на грани методологического срыва / ред. Д. Шумска, К. Озга, Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 293 – 300.
2. Виноградов А. История английско-американской Библии. СПб.: Типография брат. Пантелеевых, 1891. 308 с.
3. Гадомский А.К. Краткий очерк истории теолингвистики // Мир православия. 2012. С. 378 – 397.
4. Кравченко Н.А. К вопросу о статусе теолингвистики в современном языкознании // Записки из романо-германской филологии. 2016. № 2 (37). С. 27 – 35.
5. Михайлова Е.В. Язык Нового Завета и время: Англоязычные версии Библии: моногр. Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2009. 188 с.
6. Нюстрем Э. Библейский энциклопедический словарь: пер. со швед. под ред. И.С. Свенсона. СПб.: Библия для всех, 2001. 523 с.
7. Постовалова В.И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // Magister Dixit. 2012. № 4. С. 56 – 103.
8. Степаненко В.А. Теолингвистика? Да, теолингвистика! // Вестник ИГЛУ. 2012. № 2 (18). С. 221 – 226.
9. Noppen J.V. Methodist Discourse and Industrial Work Ethic. A Critical Theolinguistic Approach // Belgisch Tijdschrift voor Filologie en Geschiedenis. 1995. № 73 (3). P. 693 – 714.
10. Online Bible [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bibliatodo.com/en/the-bible#> (дата обращения: 06.01.2023)

References

1. Bugaeva I.V. Teolingvistika: teologija+lingvistika? Jazyk i metod: Russkij jazyk v lingvisticheskih issledovanijah XXI veka. T. 2: Lingvisticheskiy analiz na grani metodologicheskogo sryva. red. D. Shumska, K. Ozga, Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. S. 293 – 300.
2. Vinogradov A. Istorija anglijsko-amerikanskoj Biblii. SPb.: Tipografija brat. Panteleevyh, 1891. 308 s.
3. Gadomskij A.K. Kratkij ocherk istorii teolingvistiki. Mir pravoslavija. 2012. С. 378 – 397.

4. Kravchenko N.A. K voprosu o statusе teolingvistiki v sovremennom jazykoznanii. Zapiski iz romano-germanskoj filologii. 2016. № 2 (37). С. 27 – 35.
5. Mihajlova E.V. Jazyk Novogo Zaveta i vremja: Anglojazychnye versii Biblii: monogr. Sevastopol': Izd-vo SevNTU, 2009. 188 s.
6. Njustrem Je. Biblejskij jenciklopedicheski slovar': per. so shved. pod red. I.S. Svensona. SPb.: Biblija dlja vseh, 2001. 523 s.
7. Postovalova V.I. Teolingvistika v sovremennom gumanitarnom poznanii: istoki, osnovnye idei i napravlenija. Magister Dixit. 2012. № 4. С. 56 – 103.
8. Stepanenko V.A. Teolingvistika? Da, teolingvistika! Vestnik IGLU. 2012. № 2 (18). С. 221 – 226.
9. Noppen J.V. Methodist Discourse and Industrial Work Ethic. A Critical Theolinguistic Approach. Belgisch Tijdschrift voor Filologie en Geschiedenis. 1995. № 73 (3). P. 693 – 714.
10. Online Bible [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.bibliatodo.com/en/the-bible#> (data obrashhenija: 06.01.2023)

*Mihailova E.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Sevastopol State University*

Religious vocabulary in English bible texts: theolinguistic aspect

Abstract: for many centuries, theologians, philosophers, and thinkers have been studying the texts of Holy Scripture from various points of view. Great attention was also paid to the Bible by philologists and linguists. This book contains sacred knowledge related to various areas of life. Since the Bible is the most read and quoted book, researching it will undoubtedly be relevant at all times. Religious vocabulary used in biblical texts contains both cultural and historical information and forms a religious picture of the world. This article is devoted to the theolinguistic analysis of the vocabulary denoting various religious concepts in the texts of early and late English Bible Versions (XVII-XXI centuries) in order to identify the specifics of the changes made by the creators of the versions over four centuries. The study of religious vocabulary in diachrony, in the theolinguistic aspect, is connected with the problem of the interaction of language and religion. Theolinguistics is a relatively young science and is just beginning to develop actively, so it is necessary to consider the previously accumulated research material from other positions, in particular, to trace what replacements of theonemes occurred in the biblical texts of the later English Versions under the influence of both lingual and extralingual factors, and what theonemes remained unchanged for centuries. Such a study allows us to see the development of religious vocabulary, how the worldview of people, their values, consciousness and priorities have changed, and how this has affected the interpretation of religious terms. All this will indicate possible ways to preserve the true meaning of religious vocabulary and solve the main task of theolinguistics – to protect this vocabulary layer from secularization.

Keywords: theolinguistic aspect, religious vocabulary, theoneme, English Bible Versions, biblical text, substitution, lingual factor, extralingual factor

For citation: Mihailova E.V. Religious vocabulary in English bible texts: theolinguistic aspect. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (2). P. 18 – 23.

*Власова О.В., старший преподаватель,
Павлова М.Н., старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения*

**Особенности перевода эпитетов в стихотворении Эдгара Аллана По "Bells"
(на примере переводов К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова)**

Аннотация: в статье производится анализ перевода эпитетов в произведении Эдгара Аллана По "Bells", а также сравнение двух различных переводов. Творчество Эдгара По представляет особый интерес для исследования, поскольку оно наполнено мистицизмом и символизмом, который привлекает современного читателя. В данном исследовании были выбраны два классических перевода произведения на русский язык: перевод К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова. Основанием для выбора данных переводов послужило то, что перевод К. Бальмонта считается традиционным и классическим переводом стихотворения "Bells" на русский язык. Перевод В. Брюсова был выбран исходя из того, что творчество поэта приходится на период серебряного века, который характеризуется использованием большого количества символов и новаторских предложений в литературе. Творчество По также является символическим, музыкальным и имеет свою особую мелодику. В настоящем исследовании при сопоставлении двух переводов выявляются различия в стилистике и семантике переводимых единиц, а также подтверждается предположение о том, что на семантику перевода влияет национальная картина мира языка перевода. На основании произведенного анализа сделаны выводы, которые приводятся в конце статьи.

Ключевые слова: Эдгар По, перевод, эпитет, символизм, эпоха романтизма

Для цитирования: Власова О.В., Павлова М.Н. Особенности перевода эпитетов в стихотворении Эдгара Аллана По "Bells" (на примере переводов К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 24 – 30.

Творчество американского поэта и прозаика Эдгара Аллана По вызывает широкий интерес у исследователей-филологов, культурологов, искусствоведов, а также у читателей, увлекающихся мистицизмом и темными силами. Действительно, трагическая судьба писателя, его биография, в которой до сих пор остались белые пятна, привлекает внимание различных специалистов. "Непонятый на родине, практически совершенно забытый вскоре после своей ранней смерти, он был оценен не у себя дома, а в Европе, и только вслед этому – тоже запоздавшему – триумфу стал привлекать заинтересованное внимание соотечественников" [6]. В рамках нашего исследования мы остановимся на творчестве Эдгара Аллана По, так как "о трагической жизни Эдгара По надо говорить или много, или лучше совсем не говорить" [5, с. 329].

На творчество Эдгара По несомненно повлияла английская литература, в частности, английские писатели и поэты эпохи романтизма (Дж.Г. Байрон, П.Б. Шелли, С.Т. Кольридж, Д. Китс) [5]. Э. По является автором множества прозаических и стихотворных произведений: стихотворений, рассказов, стихов и заметок. Все творчество писателя можно описать как попытку разобраться в свойствах человеческой души, в стремлении выяснить, может ли человек противостоять высшим силам. "Эдгар По едва ли не первый попытался найти "страшное" в естественном и подчинить "чудесное" логике, установить законы для "невозможного" [5, с. 333].

Э. По сам себя называет новатором в английском стихосложении, он пытался достичь новых средств в технике стиха с помощью новых размеров и построения строф [5]. Его стихотворения обладают удивительной ритмичностью и мелодичностью, а также соблюдением рифм. "Прорыв к высшей красоте, который По считал истинным призванием искусства, осуществлялся у него при помощи активизации полусознанных или бессознательных путей восприятия. Это достигалось за счет особенно изощренной эвфонии, тщательно продуманных модуляций ритма, интонационных ударений, т.е. за счет виртуозной техники стиха" [6].

Особенно ярко творческие решения Эдгара По раскрылись в его стихотворении "Колокола", которое является примером обращения к символизму в поэтическом тексте. Стихотворение было написано около 1845 года, в последние годы жизни писателя, однако, было опубликовано лишь после его смерти в 1849 году. В произведении практически не осталось черт, характерных для романтизма, то есть для той эпохи, в которую творил автор. В повествовании отсутствует лирический герой, оно ведется от лица так называемой вечной истины, которая находится над временем и пространством [7]. Стихотворение очень ритмично и, скорее, напоминает мелодию, которую можно напеть, чем обычное рифмованное произведение. В. Брюсов, автор перевода данного стихотворения, отзывался о нем, как о произведении, в котором "преобладающую

роль играют не образы... а звуки слов" [5]. Однако звукопись автора помимо мелодики обладает также со-держательной насыщенностью.

Композиционно стихотворение разбито на четыре части, которые символизируют четыре состояния: рост, расцвет, упадок и гибель. Также можно увидеть в данной разбивке на части четыре этапа в жизни че-ловека: молодость, зрелость, пожилой возраст и смерть. Смерти отведена самая большая часть стихотворе-ния, что говорит как об общей эстетике Э. По, так и об особом значении смерти творчестве автора: По счи-тал, что поиск смысла жизни необходимо начинать с поиска смысла смерти [7]. Колокольный звон в каж-дой части стихотворения имеет свои особые характеристики и описывается при помощи различных метал-лов: серебро, золото, бронза и железо. Каждая из четырех частей имеет эпитеты, которые дополняют сим-волические образы произведения.

Стихотворение "Колокола" интересно с точки зрения перевода на русский язык, поскольку автору пере-вода необходимо учитывать мелодику стиха и постараться передать его образность и музыкальность.

При переводе поэзии неизбежны смысловые потери, так как задачей переводчика является разграниче-ние смыслового и звукового компонента, а также передача данных компонентов с опорой на звуковой строй того языка, на который производится перевод. Соответственно, звуковая организация авторского стихотворения неизбежно будет видоизменена и потери в музыкальном ритме и мелодике стиха являются допустимыми [2].

Нами были рассмотрены два перевода стихотворения Эдгара По "Bells" на русский язык: К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова. Основанием данного выбора может служить то, что К.Д. Бальмонт является основным пе-реводчиком творчества Эдгара По на русский язык и его переводы пользуются наибольшей популярно-стью. Творчество В.Я. Брюсова относится к творчеству поэтов-символистов, создававших свои произведе-ния с использованием звукописи, словотворчества и с применением большого количества эпитетов и мета-фор. Данные особенности можно отнести к творчеству Э. По, соответственно, можно говорить о неких кор-реляциях.

Основной задачей настоящего исследования было проанализировать перевод эпитетов, однако стоит прежде всего упомянуть о переводе названия стихотворения. Эдгар По называет свое стихотворение "Bells", что в переводе на русский язык означает "колокола", "звон", "звончики". Авторы переводов по-разному подошли к переводу названия. К. Бальмонт называет стихотворение "Колокольчики и колокола". Таким образом он подчеркивает, что в повествовании речь пойдет о разных видах колоколов, он с самого начала разделяет произведение на части, таким образом подготавливает читателя к тому, что он встретится с разными по своим характеристикам описываемыми предметами. В. Брюсов озаглавливает свой перевод "Звон", заменяя множественное число на единственное. Здесь поэта интересует не сам предмет повествова-ния, а звук, который он передает, что является характерной чертой символизма.

В авторском тексте встречается 30 эпитетов. Причем их количество увеличивается от части к части. "Первая часть, открывающая светлую половину цикла, создает образ хрупких, но полных трогательности мечтаний юности, созвучных мелодии серебряных колокольчиков" [7, с. 33]. В данном отрывке нами были обнаружены следующие эпитеты: "silver bells", "icy air", "crystalline delight", "Runic rhyme".

В начале каждой части автор дает характеристику колоколам, описывая материал, из которого они сде-ланы: silver, golden, brazen, iron. В данных прилагательных одинаковое количество слогов, что очень удачно используется для передачи ритма стихотворения. Однако при переводе прилагательных, описывающих ма-териал, представляется сложным сохранить ритм, так как в русском языке эпитеты серебряный, золотой, бронзовый (медный) и железный имеют разное количество слогов и ударение в них падает на разные слоги [2]. В первой части произведения колокола серебряные. Авторы переводов по-разному решили проблему сохранения ритма.

Так, у К. Бальмонта мы видим сохранение эпитета:

Колокольчики звенят,

Серебристым легким звоном слух наш сладостно томят... [1]

Эпитет "silver" был сохранен, однако, в данном случае передан не материал, из которого изготовлен предмет, а его внешние характеристики: сравним, например, эпитетосочетание "серебристый цвет". У К. Бальмонта добавляется семантическое значение у данного эпитета: "цвета серебра, отливающий серебром, с серебряным оттенком, отливом" [9]. Мы можем обнаружить, что музыкальность и ритмическая мелодика стиха усиливается благодаря образности и зрительному восприятию текста.

В. Брюсов опускает эпитет, используя при переводе субстантивацию, однако полностью передает се-мантику авторского описания:

Внемлешь санок тонким звоном,

Звоном серебра? [4].

Следующий авторский эпитет описывает ночной воздух: "In the icy air of night" [10]. Переводческие решения были выбраны у авторов перевода различные. Так, К. Бальмонт отказывается от точности перевода и заменяет один эпитет на другой:

*Точно звучный смех ребенка,
В ясном воздухе ночном... [1].*

Эпитет "ясный" в точности не передает те характеристики воздуха, которые представлены в авторском тексте. Однако, сохраняется ритм и мелодика стиха.

В. Брюсов в точности сохраняет авторский эпитет:

*Внемлем звонам, звонам, звонам
В льдистом воздухе ночном... [4].*

Интересно, что оба автора перевода произвели грамматическую замену существительного "night" на прилагательное "ночной", что можно объяснить необходимостью сохранения стихотворного размера.

Сравним переводы следующего эпитета в первой части произведения:

*All the heavens, seem to twinkle
With a crystalline delight... [10].*

К. Бальмонт полностью видоизменяет данную часть строфы, опуская эпитет и выполняя "вольный" перевод. Нам не удалось найти точного соответствия данному эпитету в переводе автора. В. Брюсов, наоборот, сохраняет довольно точный перевод двустишия:

*В свете тысяч искр, зажженном
Кристаллическим огнем... [4].*

Аналогичная ситуация происходит и с эпитетом "Runic". Авторское двустишие "Keeping time, time, time, / In a sort of Runic rhyme..." [10] полностью отсутствует у К. Бальмонта, однако сохраняется у В. Брюсова:

*С ритмом верным, верным, верным,
Словно строфы саг размерным... [4].*

Э. По в своем произведении использует эпитетосочетание "Runic rhyme" – рунический стих, которое В. Брюсов переводит как "размерные строфы саг". Рунический стих – это "англосаксонский литературный памятник рунического письма. Создан в 8-9 вв. и восходит к др.-герм. традиции алфавитных стихов, общей для англосаксов, скандинавов и континентальных германцев. Состоит из 29 строф, представляющих собой загадки (о временах года, стихиях, свойствах человеческого характера, животных и др.), ключом к каждой является определённая англосаксонская руна" [3]. Склонность Эдгара По к таинственности, мистицизму и символическим образам выражается здесь в сравнении мелодии колокольчиков с руническим стихом, который загадывает загадки, ответы на которые можно найти только изучив символы древних рун.

Во второй части произведения автор предлагает нам пережить зрелые годы жизни человека и передает звук колоколов на свадьбе. "Звук всех слов становится более гулко-мягким, обволакивающим, золотым" [7, с. 33]. В данной части используется 7 эпитетов: "mellow wedding bells", "golden bells", "balmy air", "molten-golden notes", "liquid ditty", "sounding cells". Традиционно строфа открывается описанием звона колоколов:

Hear the mellow wedding bells, Golden bells! [10].

К. Бальмонт сохраняет прилагательное, описывающее материал, однако полностью меняет первую строчку с использованием субстантивации:

Слышишь к свадьбе зов святой, Золотой! [1].

Опускается эпитет "mellow" – "сочный", "спелый", "зрелый". Э. По этим эпитетом говорит о том, что после свадьбы человек входит в новый этап своей жизни – зрелый, осмысленный, подобный сочному плоду. К. Бальмонт добавляет эпитет "святой", подчеркивая то, что брачный союз, заключенный между мужчиной и женщиной, заключается на небесах с согласия творца.

В. Брюсов также опускает эпитет "mellow", однако в точности сохраняет перевод остальных эпитетов в данном двустишии:

Свадебному внемлешь звону, Золотому звону? [4].

Эпитет "balmy" заменяется у обоих авторов перевода, однако, при этом сохраняется место данного эпитета в строчке произведения. Сравним: "Through the balmy air of night" [10]. К. Бальмонт: "Сквозь спокойный воздух ночи" [1]; В. Брюсов: "В воздухе душистом ночи" [4]. Прилагательное "balmy" можно перевести как "бальзамический" или "теплый". Авторы перевода сохранили ассоциативное восприятие, которое вызывает существительное "бальзам".

При переводе дальнейшего повествования происходят значительные изменения. Приведем авторский текст:

*From the molten-golden notes,
And all in tune, What a liquid ditty floats*

*To the turtle-dove that listens, while she gloats
On the moon! [10].*

К. Бальмонт сокращает данный отрывок до двух строчек: "Из волны певучих звуков/ На луну они глядят" [1]. Эпитет "molten-golden" автор переводит как "певучий". Э. По символически описывает мелодию колоколов, сравнивая ее с расплавленным золотом. Спокойствие и тягучесть звуков также передает и использованное переводчиком прилагательное.

В. Брюсов сохраняет количество строк и выполняет более точный перевод:

*Нити золота литого,
За волной волну,
Льет он в лоно сна ночного,
Так чтоб горлинки спросонок, умиленные, немели,
Глядя на луну! [4].*

В. Брюсов передает плавность и мелодичность колокольного звона, производя грамматические замены частей речи, при этом сохраняется музыкальность и образность стихотворения.

Последний эпитет во второй части произведения "sounding cells" переводится авторами с применением различных способов. Так, К. Бальмонт сохраняет семантику эпитета: "Из призывных дивных келий". Звучание выглядит как призыв к веселью, радости, счастью. В. Брюсов занимается словотворчеством: "Как из этих фейных келий".

В третьей части поэтического произведения количество эпитетов увеличивается до двенадцати: "loud alarum bells", "brazen bells", "startled air", "clamorous appealing", "mad expostulation", "deaf and frantic fire", "desperate desire", "resolute endeavor", "pale-faced moon". В третьей части, наполненной звоном медных, набатных колоколов подчеркивается, что они играют out of tune (расстроено, фальшиво) ... Слово-символ bells здесь меняет свою звуковую окраску и значение, воспринимается резким, неприятным, назойливым лязгом" [7, с. 34].

В первом двустишии мы можем обнаружить эпитеты, описывающие звук колоколов:

*Hear the loud alarum bells –
Brazen bells! [10].*

Авторы-переводчики сохраняют эпитет "медный", характеризующий "материал" звучания, однако по-разному переводят эпитеты, описывающие звуковые свойства звона. К. Бальмонт опускает один из двух эпитетов и объединяет их в один:

*Слышишь, воющий набат,
Точно стонет медный ад! [1].*

Ту же трансформацию мы можем наблюдать и у В. Брюсова:

*Слышишь злой набата звон,
Медный звон? [4].*

При этом К. Бальмонт акцентирует внимание на звучании колокола, употребляя причастие "воющий", а В. Брюсова интересуют оценочные характеристики звона, его план содержания.

Эпитетосочетание "startled air" в строке "In the startled air of night" [10] претерпевает трансформацию. Авторы наделяют эпитетом существительное "ночь", при этом опуская эпитет перед существительным "воздух". К. Бальмонт: "Прямо в уши темной ночи" [1] и В. Брюсов: "Прямо в слух дрожащей ночи" [4]. Более точный перевод мы можем наблюдать у В. Брюсова, а трансформацию можно объяснить необходимостью сохранить размер стихотворения.

В следующем примере мы можем наблюдать субстантивацию: In a clamorous appealing/ To the mercy of the fire [10] – И к пылающей громаде/ Вопли скорби обращать! [1] (К. Бальмонт) и Все отчаяние зыванья пред пылающим огнем [4] (В. Брюсов). В данном случае переводчики усиливают ощущение беспомощности и бессмысленности борьбы со всепоглощающим огнем, используя такие существительные как "вопли", "скорбь", "отчаяние", в то время как у автора стихотворения характеристика дается лишь звуковая (startled - шумный).

Рассмотрим следующий отрывок, изобилующий эпитетами:

*In a mad expostulation with the deaf and frantic fire,
Leaping higher, higher, higher,
With a desperate desire,
And a resolute endeavor
Now – now to sit or never,
By the side of the pale-faced moon. [10].*

К. Бальмонт полностью видоизменяет данную часть произведения, дает "вольный" перевод, в котором сложно найти прямые соответствия употребляемым у Эдгара По эпитетам:

*А меж тем огонь безумный,
И глухой и многошумный,
Всё горит,
То из окон, то по крыше,
Мчится выше, выше, выше,
И как будто говорит:
Я хочу*

*Выше мчатся, разгораться, встречу лунному лучу,
Иль умру, иль тотчас-тотчас вплоть до месяца взлечу! [1].*

В. Брюсов более точен в своем переводе: он сохраняет как количество строк, так и эпитеты-определения, представленные в авторском тексте:

*Все безумье состязанья с яростным, глухим огнем,
Что стремится выше, выше,
Безнадежной жаждой дышит,
Слился в помысле одном,
Никогда, иль ныне, ныне,
Вознесись к луне прозрачной, долететь до тверди
синей! [4].*

Нам не удалось найти соответствие строчке "On the bosom of palpitating air" [10] в переводе К. Бальмонта. В. Брюсов заменяет эпитет "palpitating" на прилагательное, описывающее насыщенность и глубину света: "В темном воздухе ночном" [4].

"В четвертой части "звонящие" слова передают гулкой, протяжный, завораживающий и холодный звук "железных" колоколов" [7, с. 34]. Самая длинная часть по количеству строк имеет сравнительно небольшое количество эпитетов: "iron", "solemn", "muffled", "merry", "Runic".

На смену серебряным, золотым и медным звукам приходят звуки железных колоколов:

*Hear the tolling of the bells –
Iron bells!
What a world of solemn thought their monody compels! [10].*

К. Бальмонт увеличивает количество строк, при этом переносит символическую характеристику "железный", которая является одним из главных мотивов произведения, в конец отрывка:

*Похоронный слышен звон,
Долгий звон!
Горькой скорби слышны звуки, горькой жизни кончен сон.
Звук железный возвещает о печали похорон! [1].*

При этом автор перевода с самого начала говорит о том, что звон, издаваемый колоколами, возвещает о смерти, о похоронах. Усиливается гнетущее ощущение от момента смерти, благодаря эпитету "горький". В то время как Эдгар По ассоциирует момент перехода в иное состояние с торжеством и величием (solemn - торжественный). К. Бальмонт передал более близкое носителю русской культуры отношение к неизбежной утрате.

В. Брюсов сохраняет авторское отношение к смерти:

*Похоронный слышишь звон,
Звон железный?
Что за мир торжеств унылых заключает он! [1].*

Несмотря на грамматическую трансформацию и переход из прилагательного в существительное, при переводе сохранилась семантика начальных строк четвертой части произведения.

В следующем примере мы также можем видеть, как творчески подошел к переводу К. Бальмонт: "And who tolling, tolling, tolling./ In that muffled monotone" [10] – "Неизменно-монотонный./ Этот возглас отдаленный" [1]. Повторы, которые усиливают монотонность звука колокола, заменяются на эпитет "неизменно-монотонный", при этом сохраняется символический смысл строк. В. Брюсов выполняет следующий перевод: "Звон бросая похоронный./ В монотонность погруженный..." [4]. Здесь происходят значительные трансформации, которые позволяют сохранить ритм произведения.

В дальнейшем повествовании Эдгар По описывает темные силы, которые он называет "Ghouls" – "упыри". Предводитель этих существ (and their king) ликует при совершении своего похоронного обряда:

And his merry bosom swells

With the peep of the bells! [10].

К. Бальмонт следующим образом передает радость предводителя тьмы:

Кто-то чёрный там стоит,

И хохочет, и гремит... [1].

Здесь не так полно отражается ликование и безумная радость, сопровождаемая звоном колокола. В переводе В. Брюсова мы можем более точно почувствовать эти эмоции:

Сам восторгом упоен

Под пэан колоколов... [4].

В конце стихотворения Эдгар По трижды повторяет следующую строку: "In a sort of Runic rhyme" [10]. Она не встречается в переводе К. Бальмонта, однако точно передается В. Брюсовым: "Словно строфы саг размерным..." [4].

Творчество Эдгара Аллана По наполнено символизмом и удивительной музыкальностью. Это "особый мир, живущий по своим законам, но живущий подлинной жизнью, которую в него вдохнули мысль философа и прозрение художника" [5, с. 344]. Перевод поэтических произведений автора представляет собой определенную сложность, поскольку переводчикам необходимо передать не только семантическую составляющую стихотворений, но и их мелодику, ритм и эстетическую составляющую. К. Бальмонт улавливает этот экзистенциальный ритм, актуализируя в переводе стихотворения его звукомысл [8, с. 275].

На основании изученного материала и проведенного анализа и сравнения двух различных переводов можно сделать следующие выводы:

1. При переводе эпитетов стихотворения "Bells" происходят грамматические трансформации для сохранения музыкальности и размерности произведения.
2. Наблюдаются опущения эпитетов и добавление новых для соблюдения ритма произведения.
3. Перевод К. Бальмонта представляет собой менее точный перевод с семантической точки зрения, автор изменяет количество строк и оставляет за собой право полностью видоизменять строфы произведения.
4. Перевод В. Брюсова можно назвать более точным с точки зрения семантики, при этом автору удается сохранить музыкальность стихотворения и его звукопись.
5. На перевод произведения влияет национальное мировоззрение авторов перевода и национальная картина мира языка, на который производится перевод.

Литература

1. Антология классических переводов на Лукоморье [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://luckomore.com/anthology/english/edgar-allan-poe/the-bells/balmont> (дата обращения: 17.01.2023)
2. Бибин Е.А., Стилистические особенности лирики Эдгара По и проблемы ее перевода на русский язык [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013007649> (дата обращения: 13.01.2023)
3. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://bigenc.ru/literature/> (дата обращения: 14.01.2023)
4. Звон: пер. В.Я. Брюсова – Стихотворения – Эдгар Аллан По [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=st_52 (Дата обращения: 17.01.2023).
5. История западной литературы: (1800-1910 гг.) / Под ред. проф. Ф.Д. Батюшкова. Т. 3: Эпоха романтизма. 1914. 504 с.
6. История литературы США. Т. 3: Литература середины XIX в. (поздний романтизм) / Редкол.: Е.А. Стеценко и др. 2000. 612 с.
7. Коробейников А. Система символов поэмы Эдгара По "Колокола" // Музыкальная академия. 2011. № 3. С. 31 – 37.
8. Кравченко О.А. "Тень и сущность, вещество и свет": Эдгар По в зеркале русского символизма // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2014. № 3 (130). С. 273 – 277.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 12.01.2023)
10. Academy of American Poets [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://poets.org/poem/bells> (дата обращения: 17.01.2023)

References

1. Antologija klassicheskikh perevodov na Lukomor'e [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <http://luckomore.com/anthology/english/edgar-allan-poe/the-bells/balmont> (data obrashhenija: 17.01.2023)
2. Bibin E.A., Stilisticheskie osobennosti liriki Jedgara Po i problemy ee perevoda na russkij jazyk [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013007649> (data obrashhenija: 13.01.2023)

3. Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://bigenc.ru/literature/> (data obrashhenija: 14.01.2023)
4. Zvon: per. V.Ja. Brjusova – Stihotvorenija – Jedgar Allan Po [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=st_52 (Data obrashhenija: 17.01.2023).
5. Istorija zapadnoj literatury: (1800-1910 gg.). Pod red. prof. F.D. Batjushkova. T. 3: Jepoha romantizma. 1914. 504 s.
6. Istorija literatury SShA. T. 3: Literatura serediny XIX v. (pozdnij romantizm). Redkol.: E.A. Stecenko i dr. 2000. 612 s.
7. Korobejnikov A. Sistema simbolov pojemy Jedgara Po "Kolokola". Muzykal'naja akademija. 2011. № 3. S. 31 – 37.
8. Kravchenko O.A. "Ten' i sushhnost', veshhestvo i svet": Jedgar Po v zerkale russkogo simbolizma. Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki. 2014. № 3 (130). S. 273 – 277.
9. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://slovarozhegova.ru/> (data obrashhenija: 12.01.2023)
10. Academy of American Poets [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://poets.org/poem/bells> (data obrashhenija: 17.01.2023)

*Vlasova O.V., Senior Lecturer,
Pavlova M.N., Senior Lecturer,
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation*

**Features of the translation of epithets in Edgar Allan Poe's poem "Bells"
(on the example of translations by K.D. Balmont and V.Ya. Bryusov)**

Abstract: the article analyzes the translation of epithets in the work of Edgar Allan Poe "Bells", as well as comparing two different translations. Edgar Poe's work is of particular interest to study because it is filled with mysticism and symbolism that attracts the modern reader. In this study two classical translations of the work into Russian were chosen: the translation by K.D. Balmont and V.Ya. Brusov. The basis for the selection of these translations was that K. Balmont's translation is considered a traditional and classic translation of the poem "Bells" into Russian. Brusov's translation was chosen on the basis that the poet's work falls in the period of the Silver Age, which is characterized by the use of a large number of symbols and innovative proposals in literature. Poe's work is also symbolic, musical, and has its own particular melody. The present study when comparing the two translations reveals differences in the stylistics and semantics of the translated units, and confirms the assumption that the semantics of the translation is influenced by the national world view of the language into which the translation is made. On the basis of the analysis conclusions are made, which are given at the end of the article.

Keywords: Edgar Poe, translation, epithet, symbolism, epoch of romanticism

For citation: Vlasova O.V., Pavlova M.N. Features of translation of epithets in Edgar Allan Poe's poem "Bells" (on the example of translations by K.D. Balmont and V.Ya. Bryusov). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 24 – 30.

**Самарин Д.А., кандидат филологических наук, доцент,
Иркутский национальный исследовательский технический университет**

Специфический характер развития и статус гренландского языка

Аннотация: в статье рассматриваются особенности функционирования гренландского языка на территории Гренландии в его взаимодействии с датским языком. Гренландский язык представляет собой один из двух региональных языков Дании. Цель исследования состоит в характеристике современного состояния гренландского языка. Гренландский язык – инкорпорирующий язык, позволяющий образовывать очень длинные слова. Его первые характеристики относятся к XVII столетию. В нём в данный период выделяются три разных диалекта: восточный (тунумиит (его носители – аммасалик), самый распространённый западный (калааллисут), на котором основан литературный (официальный) вариант языка, и северный (инуктун). Современное положение гренландского языка определяется Законом о самоуправлении Гренландии. С другой стороны, роль гренландского языка ограничена, и он остаётся в основном региональным языком. Несмотря на наличие на острове двух высших учебных заведений, многие гренландцы для получения образования отправляются в Данию или другие страны. В профессиональной сфере в Гренландии налицо дефицит кадров, а получение высшего образования нереально без знания датского языка. Тем не менее, в течение XX столетия гренландский язык постепенно и последовательно укреплял свои позиции в Гренландии. С фактической и юридической стороны – это официальный язык острова. Его современная актуальность и распространение в регионе обусловлена потребностями общекультурного, правового и экономического развития Гренландии и роста благосостояния её населения.

Ключевые слова: гренландский язык, автономия, диалект, Северный регион, культура, датский язык, общество, языковая политика

Для цитирования: Самарин Д.А. Специфический характер развития и статус гренландского языка // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 31 – 35.

Гренландский язык, как известно, представляет собой один из двух малочисленных региональных языков Дании. Число говорящих на нём лиц – около 50 тыс. человек (в этом плане он отстаёт от фарёрского языка), сейчас проживающих на острове Гренландия, омываемом двумя океанами – Атлантическим и Северным Ледовитым (площадь этого огромного острова, почти в 50 раз превышающая размеры метрополии – 2 166 086 км²). Как хорошо видно из этих данных, плотность гренландского населения чрезвычайно мала. Несмотря на её географическое положение, Гренландия, хотя и находится в северо-восточной части Северной Америки, с политической стороны относится к Европе, образуя вместе с окружающими её небольшими островами одноимённую административную автономную единицу в составе Датского королевства. Для понимания того, как это произошло, необходимо обратиться к истории. Гренландия была открыта норвежскими викингками под началом Эрика (Эйрика) Торвальдсона Рыжего (950-1003) в 982 г. Эрик, очевидно, с рекламными целями, и дал острову известное сейчас название «Гренландия» (*grøn* (норв.) = «зелёный»), означающее «Зелёная земля». Гренландцы считались подданными королевства Норвегии (в состав которого входила в ту пору и Исландия, покинутая Эриком). Эскимосы же, хотя часто и называемые коренными жителями Гренландии, появились там только в XIII веке, когда на нём уже не менее двух столетий как имелись поселения норвежцев (пусть даже к 1408 г. фактически исчезнувшие с острова). В отличие от скандинавов, эскимосы с тех пор постоянно населяют остров. В 1536 г. Норвегия вместе со всеми её заморскими колониальными владениями вошла в унию с Данией; после расторжения же этой унии в 1814 г. Гренландия так и осталась в составе Дании. Это обстоятельство обусловило будущее доминирование датского языка во всех основных сферах жизни гренландского общества.

В XX столетии юридическое положение острова претерпело ряд изменений. В 1953 г. Гренландия была объявлена частью Датского королевства, получив сперва представительство в его парламенте – Фолькетинге, а в 1979 г. – также и автономный статус по внутренним делам. Как у административно-территориальной единицы, у Гренландия с 2008 г. – новая обширная автономия в составе Дании (общее число её жителей на 31 октября 2022 г. – ровно 56 796 человек (90% владеет гренландским языком). Но не только относительно небольшая численность говорящих на нём жителей самого крупного в мире острова характеризует этот язык. Не менее интересен и уникален характер самого гренландского языка.

Гренландский язык – инкорпорирующий язык, позволяющий образовывать очень длинные слова при добавлении к корню суффиксов. Его обособленность и малоизвестность легко объяснимы самим

географическим положением Гренландии. К XVII столетию относятся первые характеристики этого языка. Уже после прибытия датских миссионеров на остров в начале XVIII в. началось составление первых словарей и грамматических справочников. Самый первый словарь гренландского языка был создан в 1750 г. миссионером П. Эгеде, и им же, спустя десять лет, – его первая грамматика. Полноценные исследования грамматического строя и лексики гренландского языка появились только в XX в., их авторами стали, в частности, К.В. Шульц-Лорентцен, М. Сводеш, Э. Холтвед, К.А. Бергсланд, М. Фортескую, Ф. Меннесер и Н.Б. Вахтин. Закономерно, что ещё с начала XVII в. в гренландском языке применяется латинизированная письменность, как и в германских языках (далее – примеры из диссертации А. Берге): *aneertarpiit?* – ты выходишь гулять?; *silagitsillugu* – если бы была хорошая погода [6, р. 203]. Наличие инкорпорации (длинных слов-предложений) отличает гренландский язык от умеренно флективного и потому более динамичного датского языка. Интересно, что число говорящих на нём (обратно пропорционально территориальным различиям) превышает число носителей гренландского языка почти в сто раз. Неудивительно, что датский язык сохраняет свои доминирующие позиции в административной сфере Гренландии. Между тем, гренландский язык сам по себе совсем не однороден. В нём в данный период выделяются три разных диалекта: это восточный (тунумиит (его носители – аммасалик), западный (калааллисут) и северный (инуктун). Литературный (официальный) вариант языка основан на западном диалекте [8, s. 113]. По мнению Ю.М. Аваковой, этот выбор определялся нахождением на юго-западе острова столицы Гренландии – г. Нуука, в нём в 1845 г. датчане основали семинарию [2, с. 135]. С политическими целями представители метрополии в XIX в. стремились повысить грамотность и сознательность островных жителей. Соответственно, столичный статус этого города и содействовал распространению западного диалекта. Он оказался в стратегически более выгодном положении; другие диалекты в численном отношении незначительны. По данным ЮНЕСКО, носители северно-гренландского диалекта – около 1 тыс. человек, а восточно-гренландского – около 3 тыс. человек; оба находятся под угрозой исчезновения.

Современное положение гренландского языка определяется Законом о самоуправлении Гренландии. Статьи, посвящённые проблемам языка, представляют определенный интерес. По § 20 Закона (от 21 июня 2009 г.) гренландский язык – официальный язык региона. О применении же датского языка, напротив, отчётливо ничего не сказано. Но из доклада 2001 г. Комитета по языку Гренландии следует, что гренландский язык на острове ограничен в практическом применении, в отличие от датского языка как языка научного общения.

Соотношение языков, имеющих распространение в Гренландии, вероятно, станет более понятным при обращении к следующей классификации. Несмотря на декларируемое в документах равноправие перечисленных языков региона, они подразделяются на: 1) применяемые во всех сферах социальной жизни языки (*et komplet sprog*) и 2) употребляемые как официальные (государственные) языки (в сферах образования, права, управления и и пр.) (*et samfundsbaerende sprog*). И хотя гренландский язык вполне отвечает 2-му критерию, его социальные функции всё равно во многом ограничены [7, s. 11]. С 2009 г. Гренландия, как отмечал В.М. Смокотин, объявила коренной, калааллисутский, язык страны единственным официальным языком – гренландским [5, с. 53]. Важной новеллой данного закона стало установление статуса гренландского языка как одного из основных факторов национальной самоидентичности гренландского народа. Аналогичным образом ещё один исследователь, Ю.В. Гинзбург, подчёркивал: «Закон о самоуправлении одним предложением устанавливает, что государственным языком становится гренландский» [3, с. 26]. Придание ему государственного статуса преследовало развитие и распространение гренландского языка, равно как и общее упрочение его культурных и официальных позиций в регионе. Другой вопрос, добились ли законодатели реального достижения поставленной ими цели.

Закон «О языковой политике» ((19 мая 2010 г.) ратует за 1) наличие живого гренландского языка во всех сферах жизни; 2) поддержку и развитие его как первого (родного) и второго языка; 3) снятие языковых барьеров для развития двуязычия и многоязычия; 4) содействие развитию языка для упрочения научной роли Гренландии. Все эти пункты, без сомнения, должны равномерно реализовываться. Но каким оказывается фактическое положение дел в языковой сфере жизни острова на современном этапе? Проблема соотношения гренландского и датского языков очень актуальна и, пожалуй, наиболее остро проявляется в сфере образования. Речь идёт, как подчёркивала Ю.М. Авакова, о языковой интеграции для укрепления гренландской идентичности [2, с. 136]. Эти условия представляются краеугольными камнями для рационального развития гренландского языка и культуры. Но в самом гренландском обществе мнения серьёзным и неравномерным образом разделились. Если одна группа лиц хочет изучать гренландский язык, то другая – овладеть датским (английским) языком, а третья, видимо, не менее патриотично настроенная, чем первая, или в связи причинами научного, этнографического плана, – заняться исследованием истории и

культурой острова и его населения. Но если датский язык может применяться в официальной сфере, то английский и другие языки – лишь в необходимом объёме. В первой половине XX столетия даже обучение в школах практически повсеместно лишь на датском языке. Надо признать, что и смена этой парадигмы в конце 70-х гг. в связи с автономным статусом Гренландии (с 1979 г.) в полной мере не оправдала себя, и численность учащихся школ – носителей именно гренландского языка к 2005 г. едва достигала 45 %. И только время и реальные действия местных властей смогут показать, как будет меняться положение дел в 2020-е годы и в более отдалённом будущем.

Но этот момент – только одна сторона медали в процессе развития гренландской языковой политики. Власти Дании, с одной стороны, признают в Гренландии лишь инуитов как коренных жителей. А.Х. Абашидзе и А.А. Клишас аргументировали: «Однако племена тулу, проживающие в Гренландии, не согласны с этим и пытаются добиться от правительства Дании официального признания их в качестве отдельного коренного народа, отличного от инуитов» [1, с. 254]. При этом правительство Дании противоречит его собственному заявленному ранее подходу насчёт признания в рамках гренландского языка трёх диалектов, включая и говор племён тулу. Очевидно, что этот случай из сферы юридических коллизий, в своём роде нонсенс. Очевидно, что в этом отношении должен ещё в будущем также быть достигнут какой-то разумный консенсус.

В профессиональной сфере в Гренландии в целом налицо острый дефицит кадров; получение высшего образования нереально без знания датского языка. И эта проблема, хотя она и непринципиально нового характера, не может быть решена сразу. Создание же параллельной, гренландской, системы образования очень затратно и из-за необходимости огромных объёмов инвестиций просто нереально. Получение высшего образования в Гренландском университете (осн. в г. Нууке в 1987 г.) требует знания гренландского, датского и английского языков. При этом роль гренландского языка значительно урезана, и он остаётся фактически в основном региональным языком. Большинство гренландских чиновников и политиков, по данным Ю.М. Аваковой, говорят лишь на датском языке [2, с. 138]. Логично, что многие из них просто не стремятся обременять себя глубоким или просто приемлемым для общения изучением гренландского языка. И в руководстве находятся этнические датчане или инуиты, получившие высшее образование в Дании. В то же время, Ю.В. Гинзбург напоминал: «Язык является одним из ключевых факторов национальной идентичности народа» [3, с. 26]. Но этот случай не относится к популяризации и распространению гренландского языка. Фактически датский язык становится (остаётся) основным в сфере государственного управления. Но даже не это – главное условие сохранения *status quo*. Самым важным же сдерживающим фактором, уверен А.К. Криворотов, традиционно является финансовая несамостоятельность острова [4, с. 122]. С этим фактом, действительно, сложно поспорить. Отсутствие средств не позволяет развивать этническую культуру (нужны книги, аудио- и видеоматериалы, разного рода обучающие фильмы и т.п.), устраивать языковые курсы и семинары для желающих (а для этого нужны уже квалифицированные преподаватели, владеющие, кроме гренландского, датским и иными языками!), в целом снижая потенциальный интерес и энтузиазм населения. Неудивительно (а скорее, закономерно), что так же обстоит дело и с датчанами, живущими в Гренландии – они, естественно, на всех уровнях коммуникации предпочитают пользоваться своим родным языком, а не гренландским.

Несмотря на наличие в Гренландии двух высших учебных заведений, многие гренландцы для получения образования отправляются за границу, прежде всего, в Данию. Почему эти университеты не пользуются должным доверием или популярностью у местных жителей? Дело, определённо, не только в недостаточно престижном уровне этих учреждений для обеспечения образовательных или научных потребностей населения. В этом обстоятельстве, как отмечал Ю.В. Гинзбург, и кроется парадокс существующей ситуации, поскольку, несмотря на роль языка в национальной идентичности, установление государственного статуса гренландского языка лишь приведёт к колоссальным расходам «для выстраивания системы высшего образования на национальном языке» [3, с. 27]. И, по-видимому, решение данной дилеммы во многом определяется, прежде всего, именно экономическими и финансовыми, а не только одними административными и политическими факторами. А из этого следует, что без перестройки экономического подхода со стороны правительства к развитию гренландского языка реформы не дадут быстрого результата.

Итак, гренландский язык в современной Гренландии постепенно развивается, отвоёвывая всё новые позиции в обществе, его культурной и, что не менее значимо, политической жизни. К сожалению, этот процесс идёт ещё достаточно медленно. Тем не менее, несомненно и то, что коренные жители острова, владеющие лишь своим родным, гренландским, языком, в правовом поле (при взаимодействии с различными органами власти, напр., полицией и прочими службами) оказываются в более ущемлённом положении, по сравнению с лицами, могущие изъясняться также и на датском языке. Особенно резким этот

диссонанс будет во время поездок аутентичных монолингвальных гренландцев, например, в Данию (а тем более, и в другие страны). Без знания датского (а порой – и английского) языка им при этом не обойтись. Это же обстоятельство фактически препятствует их интеграции в датское (и, в целом, скандинавское) общество, значительным образом изолируя их от европейской культуры и ценностей. Сами датчане, с другой стороны, гренландским языком во многом пренебрегают. Гренландскому языку предстоит сначала уравнивать своё положение со статусом датского языка, и здесь ключевую роль, бесспорно, играет изменение системы образования. С учётом этого недостаточно устойчивого положения гренландского языка в официальной жизни Гренландии очевидно, что полный переход на него на острове в настоящее время пока ещё просто нереален.

Литература

1. Абашидзе А.Х., Клишас А.А. Защита прав и свобод человека в соответствии с международно-правовыми стандартами в условиях новых реалий глобализирующегося мира // Вестник РУДН, серия Юридические науки. 2013. № 2. С. 251 – 255.
2. Авакова Ю.М. Языковая политика в Дании как зеркало ее истории и культуры в общеевропейском контексте // Человек: образ и сущность. 2013. № 1 (24). С. 114 – 146.
3. Гинзбург Ю.В. Автономия как способ предотвращения сецессии: опыт Гренландии (историко-юридический аспект) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2021. Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2021. № 3. С. 22 – 30.
4. Криворотов А.К. Гренландия и Дания: арктический сецессионизм в силовом поле мировой политики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 118 – 134.
5. Смокотин В.М. Многоязычие и проблемы преодоления межъязыковых и межкультурных коммуникативных барьеров в современном мире. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 222 с.
6. Berge A.M.S. Topic and Discourse Structure in West Greenlandic Agreement Constructions: PhD dissertation. Berkeley: University of California. 2011. Vol. xiii 488 p.
7. Deklaration om nordisk språkpolitik. Nordiska Ministerrådet = [Декларация о языковой политике Северных стран Северного совета 2008 г.]: [Electronic resource]. Mode of access: http://www.norden.org/da/publikationer/publikationer/2007-746/at_download/publicationfile
8. Nordens sprog med rødder og fødder / Nordisk Ministerråd; Under red. af I.S. Sletten: [Electronic resource]. København, 2004. Mode of access: http://www.norden.org/da/publikationer/publikationer/2004-010/at_download/publicationfile

References

1. Abashidze A.H., Klishas A.A. Zashhita prav i svobod cheloveka v sootvetstvii s mezhdunarodno-pravovymi standartami v uslovijah novyh realij globalizirujushhegosja mira. Vestnik RUDN, serija Juridicheskie nauki. 2013. № 2. S. 251 – 255.
2. Avakova Ju.M. Jazykovaja politika v Danii kak zerkalo ee istorii i kul'tury v obshheevropejskom kontekste. Chelovek: obraz i sushhnost'. 2013. № 1 (24). S. 114 – 146.
3. Ginzburg Ju.V. Avtonomija kak sposob predotvrashhenija secessii: opyt Grenlandii (istoriko-juridicheskij aspekt). Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs. 2021. Istoriko-pravovye problemy: Novyj rakurs. 2021. № 3. S. 22 – 30.
4. Krivorotov A.K. Grenlandija i Danija: arkticheskij secessionizm v silovom pole mirovoj politiki. Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo. 2021. T. 14. № 1. S. 118 – 134.
5. Smokotin V.M. Mnogojazychie i problemy preodolenija mezh#jazykovyh i mezhkul'turnyh kommunikativnyh bar'erov v sovremennom mire. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2010. 222 s.
6. Berge A.M.S. Topic and Discourse Structure in West Greenlandic Agreement Constructions: PhD dissertation. Berkeley: University of California. 2011. Vol. xiii. 488 p.
7. Deklaration om nordisk språkpolitik. Nordiska Ministerrådet = [Deklaracija o jazykovej politike Severnyh stran Severnogo soveta 2008 g.]: [Electronic resource]. Mode of access: http://www.norden.org/da/publikationer/publikationer/2007-746/at_download/publicationfile
8. Nordens sprog med rødder og fødder / Nordisk Ministerråd; Under red. af I.S. Sletten: [Electronic resource]. København, 2004. Mode of access: http://www.norden.org/da/publikationer/publikationer/2004-010/at_download/publicationfile

*Samarin D.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Irkutsk National Research Technical University*

The specific nature of development and status of the Greenlandic language

Abstract: the article deals with the features of the functioning of the Greenlandic language on the territory of Greenland in its interaction with the Danish language. Greenlandic is one of the two regional languages of Denmark. The aim of the study is to characterize the current state of the Greenlandic language. Greenlandic is an incorporating language that allows the formation of very long words. Its first characteristics date back to the 17th century. In this period, three different dialects are distinguished in it: eastern (tunumiit (its speakers are ammasalik), the most common western (kalaallisut), on which both the literary (official) version of the language is based, and northern (inuktun). The current position of the Greenlandic language is determined by the Law On the other hand, the role of the Greenlandic language is limited, and it remains mainly a regional language. Despite the presence of two institutions of higher education on the island, many Greenlanders go to Denmark or other countries for education. There is a shortage in the professional sphere in Greenland However, during the 20th century, the Greenlandic language gradually and consistently strengthened its position in Greenland. In fact and legally, it is the official language of the island. Its modern relevance and distribution in the region is due to needs of general cultural, legal and the economic development of Greenland and the growth of the welfare of its population.

Keywords: Greenlandic language; autonomy; dialect; Northern region; culture; Danish language; society; language policy

For citation: Samarin D.A. The specific nature of development and status of the Greenlandic language. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (2). P. 31 – 35.

Шу Яояо,
*Институт иностранных языков,
Аньхойский университет, Китай*

Выражение концепта "красота" в русском и китайском языках

Аннотация: концепт «красота» в китайском и русском языках имеет как одинаковые, так и различные черты. Культурный концепт "красота" также имеет богатую коннотацию в русско-китайском языковом мире, отражая национальное сознание, языковое самосознание, языковую индивидуальность и языковую общность русско-китайского народа. В данной статье рассматриваются различия между русским и китайским культурными представлениями о "красоте" с точки зрения лингвокультурологии. Можно сделать вывод, что после всестороннего исследования концепта "красота" в китайском и русском языковом сознании, концепт красота имеет в обоих языках такое же значение, как сила, огонь, свет и цветок. В России красота – это товар, а в Китае красота – это еще и луна, и тяжелая работа. культура являет собой социальное явление, которое отражает достижения общества в материальном, духовном плане. Целью данной диссертации является помогать русским и китайским людям четко понимать друг друга в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: концепт, красота, сравнение между Россией и Китаем

Для цитирования: Шу Яояо Выражение концепта "красота" в русском и китайском языках // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 36 – 38.

Понятие «красота» всегда вызывало огромный интерес у человечества. Сложность в определении и установлении его норм и критериев в различных культурах остаются актуальными и на современном этапе.

Что такое "красота"? Ученые из различных дисциплин глубоко обсуждали этот вопрос. Философы утверждают, что источник красоты можно найти как в объективном материальном мире, так и в духовном мире человека. Красота – одно из центральных понятий русской философско-эстетической мысли. Слово «красота» происходит от праславянского «краса». Прилагательное «красный» в праславянском и древнерусском языках имело значение «красивый», «прекрасный», «светлый» 0 Например, всемирно известная Красная площадь в Москве называется Красной не из-за своего цвета или потому, что она вымощена красным кирпичом, а потому, что она всегда была самой большой, самой доминирующей и самой красивой площадью в городе Москве. Красота присутствует и в природе. Красота природы замечательно описана в произведениях русских классиков – А.С. Пушкина, И.С. Тургенева и др. Русское восприятие красоты природы – это непременно позиционирование естественности, невмешательство человека в процесс ее изменения. Человек постигает тайны бытия в созерцании природы со стороны 0

Концепт является важной частью национальной культуры, и изучение его в какой-то нации уже стало одним из основных методов исследования менталитета и личности данной нации. Метафора – это разновидность риторики, или это словесный механизм, который позволяет использовать метафоры для применения слов, изображающих характеристики одного типа объектов, к другому типу индивидов, похожих на него. В целом, традиционная метафора рассматривается как исследование языковых явлений. В отличие от традиционных метафор, концептуальная метафора – это способ мышления 0 Метафорические выражения являются внешним проявлением концептуальных метафор, поэтому конденсированное обобщение многочисленных метафорических выражений может привести к концептуальным метафорам, которые могут управлять выражением метафор и которые являются осью метафорических выражений.

Одинаковое значение концептуальной красоты в китайском и русском языках

Во-первых выражение "красота – сила" можно встретить как в русском, так и в китайском языках. Красота – это сила, которая заставляет людей стремиться к ней; которая привлекает внимание и стимулирует другие чувства; которая воздействует, движет субъектом; которая поражает, шокирует; которая вызывает восхищение, даже делает жертвой или пленником.

Во-вторых концептуальная метафора "красота – огонь" основана на собственном физическом опыте людей. Огонь способен генерировать тепло и дарить тепло людям. Метафора "красота" и огонь подчеркивает тот факт, что "красота" передает людям ощущение тепла.

В третьих красота – свет. С помощью света люди могут видеть и находить предметы. Свет занимает важное место в жизни человека, без него все в мире было бы темным. "Сильный или тусклый свет, излучаемый красотой, не только привлекает внимание окружающих, но и освещает разум и указывает направление жизненного пути".

Во четвёртых красота – цветы. Жизнь цветка проходит через несколько этапов, таких как укоренение, прорастание, цветение и увядание. Точно так же "красота" людей и вещей также проходит процесс становления, достигает пика своей ценности и, наконец, увядает. Очевидно, что характеристики "красоты" и цветов имеют много общего, поэтому люди ассоциируют "красоту" с цветами.

Значение различия между концептуальной красотой в китайском и русском языках

На российскую экономику неизбежно повлияла промышленная революция в Европе, а развитие товарной экономики привело к тому, что русские стали считать красоту ценностью, которую можно использовать в сочетании со словами "ценность", "купить" и "продать". Развитие товарной экономики привело к тому, что русские стали считать красоту ценностью, которую можно использовать в сочетании с такими словами, как "стоимость", "купить" и "продать", что привело к появлению метафорического выражения "красота – это товар". Однако в Китае, где торговля долгое время считалась последним средством, а основным способом производства было земледелие, китайцы редко ассоциируют "красоту" с характеристиками товаров.

Однако концепт красота ещё имеет другие значения в китайском языке.

Во первых красота это труд. В представлении китайцев трудолюбие – это благородная добродетель, а труд создает людей, все цивилизации человеческой истории и самих людей. Поэтому труд занимает важное место в жизни китайского народа, и люди считают работающих людей самыми почетными, уважаемыми и красивыми. Напротив, в русском языке редко можно встретить выражение "красота – это тяжелый труд".

Во-вторых красота – луна. В древнем Китае солнце, луна и звезды считались источником трех огней. В "Чжоу И" солнце и луна, небо и земля, цян и кунь, инь и ян были упорядочены, причем мужчина был представителем мужского начала, поэтому "солнце" – это свет солнца; женщина – представительница женского начала, а "тайинь" – свет луны. Поэтому в китайской цивилизации луна часто описывается как мягкая, добродетельная и элегантная женщина.

Термин "красота" все чаще используется в России и Китае и стал популярным словом в современном обществе. И в России, и в Китае красоту можно разделить на внутреннюю и внешнюю, причем внутренняя – это окно в душу, а внешняя – знак образа. Культурный концепт "красота" также имеет богатую коннотацию в русско-китайском языковом мире, отражая национальное сознание, языковое самосознание, языковую индивидуальность и языковую общность русско-китайского народа. В русской и китайской культуре понятие красоты являются сила, огонь, свет и цветы. В России красота – это товар, а в Китае красота – это еще и луна, и тяжелая работа. Поэтому красота многогранна и является одним из самых сложных явлений в мире человеческого восприятия. Она окружает все сферы человеческой деятельности. Сравнительное исследование значения концепта красота в русском и китайском языках поможет нам понять сходства и различия между китайской и русской культурами и будет способствовать взаимопониманию.

Литература

1. Уфимцева А.А. Лексическое значение слова. М., 1979. 34 с.
2. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (18 – нач. 19 века). СПб., 1994. 57 с.
3. Мскольдов С.А. Концепт и слово / Русская словесность. М., 1997. 268 с.
4. 杨明天. 观念的对比分析：以俄汉具有文化意义的部分抽象名词为例[M]. 上海：上海译文出版社，2009.

References

1. Ufimceva A.A. Leksicheskoe znachenie slova. M., 1979. 34 s.
2. Lotman Ju.M. Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (18 – nach. 19 veka). SPb., 1994. 57 s.
3. Mskol'dov S.A. Koncept i slovo. Russkaja slovesnost'. M., 1997. 268 s.
4. 杨明天. 观念的对比分析：以俄汉具有文化意义的部分抽象名词为例[M]. 上海：上海译文出版社，2009.

*Shu Yaoyao,
Institute of Foreign Languages,
Anhui University, China*

Expression of the concept of “beauty” in Russian and Chinese

Abstract: the concept of "beauty" in Chinese and Russian has both the same and different features. Russian cultural concept "beauty" also has a rich connotation in the Russian-Chinese language world, reflecting the national consciousness, linguistic identity, linguistic individuality and linguistic community of the Russian-Chinese people. This article examines the differences between Russian and Chinese cultural concepts of "beauty" from the point of view of linguoculturology. It can be concluded that after a comprehensive study of the concept of "beauty" in Chinese and Russian language consciousness, the concept of beauty has the same meaning in both languages as power, fire, light and flower. In Russia, beauty is a commodity, and in China, beauty is also the moon and hard work. culture is a social phenomenon that reflects the achievements of society in material, spiritual terms. The purpose of this dissertation is to help Russian and Chinese people clearly understand each other in intercultural communication.

Keywords: concept; beauty; comparison between Russia and China

For citation: Shu Yaoyao Expression of the concept of “beauty” in Russian and Chinese. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 36 – 38.

*Сребрянская Н.А., доктор филологических наук, профессор,
Воронежский государственный педагогический университет,
Котова И.Ю., преподаватель,*

Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского

Языковые средства выражения речевых тактик в рамках стратегии самопрезентации в текстах англоязычных резюме и сопроводительных писем

Аннотация: статья посвящена особенностям функционирования речевой стратегии самопрезентации в письменном дискурсе поиска работы, представленной жанрами резюме и сопроводительного письма. Целью исследования является выявление лексических и синтаксических средств выражения стратегии самопрезентации в письменных жанрах, обслуживающих дискурс поиска работы, установление композиционных особенностей выражения самопрезентации, а также выявление сходств и различий в функционировании средств самопрезентации в данных жанрах. Было установлено, что самопрезентация проявляет себя посредством речевых тактик, среди которых были выделены ключевые – тактики самооминания, самодекрипции, презентации собственных профессиональных достижений, описания собственных профессиональных обязанностей. В текстах сопроводительных писем также была обнаружена уникальная для данного жанра тактика идентификации с желаемым образом. При анализе особенностей функционирования самопрезентационных тактик были обнаружены значимые сходства и различия, на основании которых были сделаны выводы о природе явления самопрезентации в данных жанрах. Алгоритм концептуализации стратегии самопрезентации и ее тактик может быть перенесен потенциальными исследователями на другие жанры и виды дискурса. Результаты исследования могут быть использованы при составлении резюме и сопроводительного письма на английском языке.

Ключевые слова: речевые стратегии, речевые тактики, самопрезентация, деловая коммуникация, резюме, сопроводительное письмо

Для цитирования: Сребрянская Н.А., Котова И.Ю. Языковые средства выражения речевых тактик в рамках стратегии самопрезентации в текстах англоязычных резюме и сопроводительных писем // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 39 – 45.

В современном мире, где важную роль играют экономические отношения, изучение дискурса, обслуживающего поиск работы, приобретает все большую значимость. Письменная вариация дискурса поиска работы представлена в рамках двух переплетающихся между собой жанров – резюме и сопроводительного письма. Основным содержанием обоих жанров является самопрезентация, т.е. стремление кандидата на должность представить себя в наиболее выгодном свете. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена недостаточной изученностью стратегии самопрезентации и средств ее выражения в дискурсе поиска работы. Более того, ранее не предпринималось попыток сравнить особенности функционирования самопрезентации в разных жанрах одного и того же дискурса.

Объектом исследования являются тексты англоязычных резюме и сопроводительных писем. Предметом являются языковые средства выражения речевой стратегии самопрезентации в данных текстах.

Целью исследования выступает выявление лексических и синтаксических средств выражения стратегии самопрезентации в вышеуказанных жанрах деловой коммуникации, выявление сходств и различий в функционировании средств самопрезентации в данных жанрах. Использовались методы прагмалингвистического, семантического, синтаксического и контекстуального анализа.

Самопрезентация является объектом интереса множества отраслей науки о человеке, включая лингвистику. Данный феномен был введен в научное употребление канадо-американским социологом Ирвином Гофманом в его работе «Представление себя другим в повседневной жизни», где самопрезентация рассматривается как парадигмообразующий фактор в драматургической теории, т.е. представлении о том, что социальное взаимодействие следует логике театрального акта [15].

В лингвистике самопрезентация рассматривается в качестве речевой (или коммуникативной) стратегии, либо в качестве речевой тактики. Таким образом, в зависимости от вида дискурса, самопрезентация играет первостепенную или второстепенную роль, т.е. используется говорящим как стратегия или тактика. В рамках данной работы мы не стремимся определить видовой статус самопрезентации, т.к. считаем такие попытки контрпродуктивными. Тем не менее, в жанрах резюме и сопроводительного письма изучаемое явление представляет значительную часть содержания текста, что позволяет рассматривать его как речевую стратегию.

Для начала дадим широкое и узкое определение речевой стратегии: 1) «цепь решений говорящего, коммуникативных выборов тех или иных речевых действий и языковых средств» и 2) «реализация набора целей в структуре общения» [13, с. 122]. Потребность в управлении впечатлением посредством стратегий обусловлена многочисленными когнитивными и социокультурными факторами [9, 16].

Стратегия самопрезентация активно изучается в политическом дискурсе, на основе которого были предложены многие удачные дефиниции. Так, О.В. Атьман определяет самопрезентацию следующим образом: «Самопрезентация – это управление впечатлением, которое политик желает произвести на аудиторию с целью оказания на нее воздействия; это «самоподача» оратора, вербальная демонстрация его личностных качеств, так называемое автопортретирование» [1, с. 99]. Определение О.В. Атьман актуально и для дискурса поиска работы.

Есть определения, рассматривающие самопрезентацию не только как содержание текста, но и как цельнооформленное произведение: «Самопрезентация – это речевое произведение, главной коммуникативной целью которого является сообщение определенной информации о себе для формирования впечатления об авторе у адресатов этого текста» [2, с. 83].

В ходе исследования были проанализированы аутентичные тексты англоязычных резюме и сопроводительных писем. Материалом исследования послужили 315 текстов резюме и сопроводительных писем.

Рассмотрим особенности функционирования самопрезентации в жанре резюме, который можно определить как «письменный текст с краткой информацией о себе, составляемый ищущим работу для дальнейшего предложения работодателю» [12].

Тактика самопрезентации в текстах резюме выражается через определенный набор тактик, т. е. конкретных шагов, ведущих к осуществлению стратегии. Мы выделили четыре тактики в рамках стратегии самопрезентации: 1) самономинация; 2) самодескрипция; 3) презентация собственных профессиональных достижений; 4) описание собственных профессиональных обязанностей.

Тактика самономинации представляет собой «называние субъекта самопрезентации» [3]. В контексте резюме данная тактика используется преимущественно для обозначения своей профессиональной принадлежности. Языковые средства выражения, как предполагает название, номинативны и представляют собой наименование профессии или должности, а также существительное *specialist* и субстантив *professional*:

Energetic accounting assistant with 2+ years of experience in financial administration.

Experienced financial specialist with excellent analytical skills and results driven attitude.

Certified Payroll Professional.

Синтаксическая особенность тактики самономинации заключается в стремлении форм к эллиптизации по схеме опущения подлежащего *I* и глагола-связки:

[I am a] Licensed claims adjuster (Minnesota) with 6+ years of experience, skilled in property & casualty and investigating.

Средства самономинации составляют около 5% от всех средств самопрезентации в текстах резюме. Композиционно они располагаются преимущественно в разделе *Professional Summary*, в котором соискатель дает краткую профессиональную характеристику своей кандидатуре.

Стратегия самодескрипции предполагает описание кандидатом самого себя путем перечисления своих положительных профессиональных и личностных качеств.

К лексическим средствам выражения данной тактики относятся следующие прилагательные (в порядке убывания частотности): *efficient, passionate, dedicated, energetic, experienced, detail-oriented, personable, accomplished, skilled, effective, motivated, talented, friendly, creative, organized, collaborative, accurate, goal-oriented, hard-working, results-oriented, reliable, enthusiastic* и т.д.

Reliable construction superintendent with 5+ years in on-site leadership.

Persistent and detail-oriented maintenance technician with 3 years in aircraft upkeep and 2 years more with industrial operations.

Также к лексическим средствам относится существительное *experience* в постпозитивной позиции, в таких предложных комплексах, как *with [...] years of experience*:

Warehouse associate with 6+ years of experience seeking to deliver top KPIs for Target.

Как видно из приведенных выше примеров, тактика самодескрипции нередко сочетается с тактикой самономинации. Соответственно, они делят и синтаксические особенности:

[I am a] Competent forklift driver with 3+ years of experience driving side-standing and front-facing counter-balance forklifts.

Эллиптизации подвергаются и средства самодескрипции, употребляющиеся отдельно от самономинации:

[I am] *Dedicated to providing exemplary work and supporting the overall mission of the department and company.*

Количественно средства самодескрипции составляют около 30% от общего числа средств самопрезентации в текстах резюме. Расположены данные средства в разделах *Professional Summary* (вместе с самономинацией), *Skills*, *Certifications*.

Тактика презентации собственных профессиональных достижений представлена преимущественно глагольно и выражается в следующих единицах (в порядке убывания частотности): *achieve, develop, create, maintain, implement, increase, design, identify, reduce, raise, save, find [mistakes], contribute, resolve, be awarded, boost, deliver, earn, decrease, facilitate, introduce, grow, lower, be elected*:

Implemented processes to improve the workflow of AR roles on team, which improved time work and aged receivables by 85%.

Elected as treasurer of student government.

Синтаксис данной тактики также подвергается эллиптическим трансформациям, как правило, по схеме опущения подлежащего I:

[I] Increased enrollment in college business courses by 45%.

Может опускаться часть глагола (в пассивных конструкциях):

[I was] Voted "Teller of the Year" in 2018 for exceptional customer service.

С точки зрения композиции средства выражения тактики презентации собственных достижений располагаются в разделе *Work Experience* (как правило, в отдельной рубрике *Key Achievements*).

Средства выражения упомянутой тактики составляют 29% от общих средств выражения самопрезентации.

Тактика описания собственных профессиональных обязанностей также преимущественно выражена глаголами (в порядке убывания): *run, develop, manage, perform, ensure, assist, provide, help, maintain, prepare, collaborate, conduct, supervise, operate, organize, work [with], analyze, coordinate, monitor*:

Performed ROI analytical procedures.

Organized and maintained corporate financial records for more than a dozen companies.

Как видно из примера выше, лексические средства выражения тактики презентации собственных достижений и тактики описания собственных обязанностей пересекаются, при этом контекст позволяет интерпретировать одну и ту же единицу как «носителя» разных тактик.

Синтаксис тактики описания собственных обязанностей является эллиптическим и следует модели опущения подлежащего:

[I] Supervised junior accountants and monitored their work daily.

Средства выражения указанной тактики находятся в разделе *Work Experience* (как правило, в его рубрике *Key Responsibilities*).

Количественная репрезентация данной тактики составляет 36%.

Похожие тактики реализуются в текстах сопроводительных писем.

Сопроводительное письмо можно определить следующим образом: «Разновидность делового письма как документа, применяемого для связи, передачи информации между двумя корреспондентами, которыми могут быть и юридические, и физические лица [12]». В контексте поиска работы сопроводительное письмо служит средством связи между кандидатом и потенциальным работодателем и является одной из основных форм самопрезентации в деловом дискурсе.

Средства выражения самономинации в жанрах резюме и сопроводительного письма во многом совпадают. В сопроводительных письмах также используются названия профессий и такие существительные, как *specialist, student, (doctoral) candidate*:

As a certified EMT, I have hands-on knowledge in handling medical emergencies and complications due to chronic/severe illness, including strokes, seizures, diabetic comas [...].

I am a graduate from Hayward University, and am currently a doctoral candidate at the University of Oxford.

Приведенные выше примеры иллюстрируют синтаксические особенности средств выражения самономинации. Конструкции не подвергаются эллиптизации и следуют одной из двух формул: «Я являюсь кем-то» или «В такой-то роли я достиг [...]».

С точки зрения композиции самономинация расположена в первом абзаце (после обращения).

Единицы самономинации составляют 12% от общего количества средств самопрезентации в жанре сопроводительного письма.

К лексическим единицам самодескрипции относятся следующие: *licensed, certified, with [...] years of experience, passionate, experienced, competent, diligent, reliable, performance-driven, efficient, dependable, customer-focused, successful, dynamic* и т.д.:

I have over 10 years of experience as a competent, diligent, and reliable pharmacist.

As a multi-state licensed Dentist with 8 years of experience in private practice settings, I'm excited to submit my application for the Clinical Dentist position at [Hospital/Clinic Name].

Тактика самодескрипции употребляется в тесной связке с самономинацией, следовательно, имеет схожие синтаксические особенности. Средства самодескрипции, композиционно отделенные от самономинации также обнаруживает стремление к полным синтаксическим структурам, использованию сложносочиненных и сложноподчиненных предложений:

I'm reliable and capable in fast-paced environments, and I always deliver the finished product on time.

Самодескрипция занимает 32% от общего количества средств самопрезентации.

Лексические средства выражения тактики презентации собственных профессиональных достижений схожи со средствами аналогичной тактики в текстах резюме. К этим средствам относятся: *develop, increase, implement, design, maintain, achieve, reduce, save, win, earn, be awarded, grow, raise, create, identify, deliver, contribute, be voted*:

I reduced the overall time spent on preparing for non-Texas deeds with various out-of-state attorneys by 37%.

I also achieved 98% on-time completion of all projects [...].

Синтаксис (как и в случае с другими тактиками в рамках текстов сопроводительных писем) не подвержен эллиптизации. Преобладают конструкции с подлежащим *I* и глаголом в форме *Past Simple* или *Present Perfect*:

During my time there, I grew readership by 250%, from 1M per month to 3.5M per month.

I've saved \$1+ million annually by creating a new call system to eliminate customer misunderstandings.

Презентация собственных достижений является наиболее композиционно самодостаточной среди всех тактик и часто образует отдельный абзац.

Тактика презентации собственных достижений составляет 23,5%.

Лексические средства тактики описания собственных профессиональных обязанностей, как и в случае с аналогичной тактикой в резюме, являются преимущественно глагольными: *assist, maintain, train, perform, prepare, develop, work [with], manage, handle, conduct, coordinate, provide, communicate, collaborate*:

I also coordinated a "meet and greet" happy hour with local artists.

With Anna at Catz Marketing, I worked with a local company to build their business and promote their grand opening.

Синтаксис не подвергается эллиптизации. Преобладают глаголы в *Past Simple*, реже – *Present Perfect*:

I determined staffing levels and managed the budget for events.

I also have ample experience with comedy and drama, and have performed for young audiences as well as adult viewers throughout my career.

Композиционно указанная тактика сочетается в одном предложении или абзаце с другими тактиками (как правило, с презентацией достижений и самодескрипцией).

Средства данной тактики составляют около 13%.

Уникальной для текстов сопроводительных писем является тактика идентификации с желаемым образом, суть которой состоит в эксплицировании качеств идеального кандидата с последующей декларацией (в том числе имплицитной) кандидата об обладании этими качествами.

К средствам выражения относятся следующие единства: *perfect fit, [набор качеств и навыков] would make me a perfect/great/strong candidate (for this position), you are looking for [идеальный образ кандидата], valuable asset [to your team], right for the role*:

I'm confident my adaptability, hands-on branding experience, and encyclopedic meme knowledge would make me a perfect fit for the team at Scatterplot.

I'm confident that I would be a valuable asset to the team at Westward.

Синтаксис данной тактики чаще всего выражен сложноподчиненными предложениями по типу: «Я считаю/верю/уверен, что являюсь идеальным кандидатом»:

I believe I would be a perfect fit for the job.

I'm sure my experience will make me a valuable addition to your organization.

С точки зрения композиции тактика идентификации с желаемым образом работает в связке с самодескрипцией и расположена в начале письма, реже – в заключительном абзаце.

Данная тактика составляет 16% от общих средств самопрезентации.

Отметим, что особенности выражения самопрезентации в жанрах резюме и сопроводительного письма во многом совпадают, несмотря на значимые различия.

Сравнивая особенности функционирования стратегии самопрезентации в жанрах резюме и сопроводительного письма, мы пришли к следующим выводам:

1) В обоих жанрах самопрезентация является ключевой стратегией и проявляется посредством речевых тактик;

2) Набор речевых тактик в обоих жанрах во многом совпадает. В резюме и сопроводительном письме были обнаружены тактики самономинации, самодекрипции, презентации собственных профессиональных достижений, описания собственных профессиональных обязанностей. В текстах сопроводительного письма также была обнаружена тактика идентификации с желаемым образом;

3) Лексические средства выражения, в том числе их частеречная принадлежность, в обоих жанрах пересекаются;

4) Различия наблюдаются в выборе синтаксических средств – в резюме преобладают эллиптические конструкции, в сопроводительном письме большинство конструкций неэллиптированные и преобладают сложносочиненные и сложноподчиненные предложения;

5) Тактики самопрезентации в резюме, как правило, образуют собственные композиционные кластеры (за исключением самономинации и самодекрипции, которые часто «действуют» вместе); в сопроводительном письме средства выражения разных тактик обычно соседствуют друг с другом в рамках одного абзаца или даже предложения;

Таким образом, самопрезентация и ее тактики различаются по своей сути в зависимости от конвенций жанра и коммуникативной цели. На наш взгляд, значимыми жанровыми параметрами являются следующие:

1) безадресность – адресованность конкретному лицу. Резюме не адресовано конкретному лицу, в то время как сопроводительное письмо эксплицитно направлено на адресата;

2) эллиптированность – нарративность. Сопроводительное письмо, будучи адресовано конкретному лицу, обладает нарративностью – отсюда стремление кандидата использовать развернутые конструкции с множеством тактик, заключенных в одно предложение или абзац. Резюме как официальный документ, не адресованный эксплицитно конкретному лицу, стремится к экономии синтаксических средств;

3) фактичность – эмоциональность. Сопроводительное письмо обладает большей эмоциональностью, чем резюме, что так же обусловлено параметрами взаимодействия «безадресность – адресованность».

Литература

1. Атьман О.В. Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных теледебатах как агональном жанре // Политическая лингвистика, УрГПУ. 2011. № 1 (36). С. 96 – 101.

2. Бондарькова А.В. Самопрезентация как особый Интернет-жанр (на материале русскоязычных блогов) // Вопросы психолингвистики. 2014. № 1 (19). С. 78 – 91.

3. Борис А.М. Речевая стратегия самопрезентации в немецкоязычном имиджевом Интернет-дискурсе: дис. ... на соиск. ученой степ. канд. филол. наук / Северный Арктический Федеральный Университет. Архангельск, 2018. 195 с.

4. Болотнов А.В. Самопрезентация языковой личности в публичном дискурсе: когнитивно-стилистический аспект // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 10 (125). С. 169 – 173.

5. Букеева М.Е. Жанровые признаки презентационного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2013. № 675. С. 30 – 37.

6. Ворожцова О.А. Стратегии и тактики политического дискурса (на примере президентских выборов в США 2008 года) // Современные исследования социальных проблем. 2011. Т. 5. № 1. С. 209 – 210.

7. Вишневецкая Н.А., Козлова О.П., Романова О.Н., Сидорова Н.Ю. Понятие речевых стратегий и дискурса // Филологические науки. Теория и практика. Тамбов: Грамота, 2017. № 10 (66). С. 86 – 89.

8. Дайнеко П.М. Стратегии самопрезентации эксперта в институциональной интернет-коммуникации (когнитивно-прагматический аспект) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 584. С. 137 – 155.

9. ван Дейк Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. № 23. С. 54 -67.

10. Дубских А.И. Средства реализации коммуникативной стратегии самопрезентации личности в массово-информационном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 30. С. 50 – 54.

11. Клюев Р.В. Речевая коммуникация. Успешность речевого взаимодействия: учебное пособие. М.: РИПОЛ Классик, 2002. 320 с.

12. Краткий словарь терминов из области делопроизводства. <http://www.bibliotekar.ru/biznes-58/29.htm> (дата обращения: 10.10.2022)

13. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
14. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. С. 133.
15. Goffman E. The presentation of self in everyday life. NY., 1959. 251 p.
16. Tedeschi J.T., Riess M. Identities, the Phenomenal, Self and Laboratory Research Text // Journal of Experimental Social Psychology. 1981. P. 490 – 502.

References

1. At'man O.V. Verbalizacija strategii samoprezentacii v prezidentskih predvybornyh teledebatah kak agonal'nom zhanre. Politicheskaja lingvistika, UrGPU. 2011. № 1 (36). S. 96 – 101.
2. Bondar'kova A.V. Samoprezentacija kak osobyj Internet-zhanr (na materiale russkojazychnyh blogov). Voprosy psiholingvistiki. 2014. № 1 (19). S. 78 – 91.
3. Boris A.M. Rechevaja strategija samoprezentacii v nemeckojazychnom imidzhevom Internet-diskurse: dis. ... na soisk. uchenoj step. kand. filol. Nauk. Severnyj Arkticheskij Federal'nyj Universitet. Arhangel'sk, 2018. 195 s.
4. Bolotnov A.V. Samoprezentacija jazykovoj lichnosti v publichnom diskurse: kognitivno-stilisticheskij aspect. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2012. № 10 (125). S. 169 – 173.
5. Bukeeva M.E. Zhanrovyje priznaki prezentacionnogo diskursa. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2013. № 675. S. 30 – 37.
6. Vorozhova O.A. Strategii i taktiki politicheskogo diskursa (na primere prezidentskih vybo-rov v SShA 2008 goda). Sovremennye issledovanija social'nyh problem. 2011. T. 5. № 1. S. 209 – 210.
7. Vishneveckaja N.A., Kozlova O.P., Romanova O.N., Sidorova N.Ju. Ponjatie rechevyh strategij i diskursa. Filologicheskie nauki. Teorija i praktika. Tambov: Gramota, 2017. № 10 (66). S. 86 – 89.
8. Dajneko P.M. Strategii samoprezentacii jeksperta v institucional'noj internet-kommunikacii (kognitivno-pragmaticheskij aspekt). Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo ling-isticheskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2010. № 584. S. 137 – 155.
9. van Dejk T.A., Kinch V. Strategii ponimaniya svjaznogo teksta. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Kognitivnye aspekty jazyka. M., 1988. № 23. S. 54 -67.
10. Dubskih A.I. Sredstva realizacii kommunikativnoj strategii samoprezentacii lichnosti v massovo-informacionnom diskurse. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 30. S. 50 – 54.
11. Kljuev R.V. Rechevaja kommunikacija. Uspeshnost' rechevogo vzaimodejstvija: uchebnoe posobie. M.: RIPOL Klassik, 2002. 320 s.
12. Kratkij slovar' terminov iz oblasti deloproizvodstva. <http://www.bibliotekar.ru/biznes-58/29.htm> (data obrashhenija: 10.10.2022)
13. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa. M.: ITDGGK «Gnozis», 2003. 280 s.
14. Matveeva T.V. Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov. Rostov-na-Donu: Feniks, 2010. S. 133.
15. Goffman E. The presentation of self in everyday life. NY., 1959. 251 p.
16. Tedeschi J.T., Riess M. Identities, the Phenomenal, Self and Laboratory Research Text. Journal of Experimental Social Psychology. 1981. P. 490 – 502.

*Srebryanskaya N.A., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Voronezh State Pedagogical University,
Kotova I.Yu., Lecturer,
Lipetsk State Pedagogical University*

**Language means of expressing communicative tactics of self-presentation
in the English-language CVs and cover letters**

Abstract: the following article reports on the functioning of the self-presentation strategy in the English-language CVs and cover letters. The aim of our research is to identify and describe lexical and syntactic means of expressing self-presentation in the discourse of employment, as well as to pin down compositional differences and similarities of self-presentation in the communicative genres of CV and cover letter. Our model of conceptualizing this phenomenon states that self-presentation is expressed through the following communicative tactics: self-nomination, self-description, the tactic of presenting one's professional achievements and the tactic of describing one's professional responsibilities. Cover letters have an additional tactic, which we describe as the tactic of identifying oneself with the perfect employee image. Language means of expressing the aforementioned tactics of self-presentation are characterized by cross-genre similarities and differences. The model of conceptualizing self-presentation that we present in this research paper can be used for other communicative genres and types of discourse. The results can be used by job-seekers who are not familiar with the logic of the English-language discourse.

Keywords: communication strategies, communicative tactics, self-presentation, business communication, CV, cover letter

For citation: Srebryanskaya N.A., Kotova I.Yu. Language means of expressing communicative tactics of self-presentation in the English-language CVs and cover letters. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 39 – 45.

*Тянь Юйчжу,
Южно-Китайский педагогический университет, Китай*

«Ночь нежна» в свете культурной семиотики М.Ю. Лотмана

Аннотация: Роман Фицджеральда «Ночь нежна», на создание которого ушло семь лет, нарушает традиционную линейную последовательность повествования и использует уникальную трехмерную структуру параллельных переплетений, чтобы воспеть элегию спасения и гибели души в «эпоху джаза». Основываясь на теории культурной семиотики Лотмана, представителя тартуской школы семиотики, в статье рассматриваются текст с четырех сторон: функции передачи информации, функции порождения, функции творчества и функции пространственного моделирования, а также объясняет механизм регенерации текстового смысла и механизм пространственного моделирования. Многоязычная текстовая информация, содержащаяся в «Ночь нежна» постепенно становится генератором смысла, а различные углы вхождения создают различные текстовые пространственные эффекты, постоянно порождая новые смыслы во времени и эпохе, тем самым выстраивая непространственную текстовую пространственную «картину мира», в которой дихотомические «центр» и «периферия» смещаются в оппозиции друг к другу по мере изменения сюжета, постепенно показывая моральное смещение каждого персонажа, отображение и конденсация между различными пространствами, такими как эмоциональное пространство, пространство деятельности и реальное пространство, постоянно способствуют формированию новых смыслов.

Ключевые слова: «Ночь нежна», Лотман, культурная семиотика

Для цитирования: Тянь Юйчжу «Ночь нежна» в свете культурной семиотики М.Ю. Лотмана // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 46 – 50.

I. Текстовая передача и информационно-генерирующие функции.

Ночь нежна - это история Дика Девера, молодого американского врача из среднего класса, который приезжает в Цюрих, Швейцария, для изучения психопатологии и женится на Николь, страдающей шизофренией в результате инцеста ее отца. Эта борьба усиливается по мере того, как Розмэри выходит на сцену и взрослеет, и в конце концов Дик не может перестроить свою личность, заканчивая свое веселье «века джаза» отказом от высшего общества, что приводит его к краху и разрушению, и к жизни в депрессии в маленьком городке Нью-Йорка.

В целом роман состоит из трех частей, охватывающих 12 лет. Первая часть, с точки зрения Розмэри, подробно описывает экстравагантную отпускную жизнь Диков на французской Ривьере в 1925 году; в ней показан джентльменский и благородный главный герой, Николь, который теряет себя и становится зависимой под действием «эмпатии». Вторая часть – это воспоминания о любовной связи между Диком и его женой, за которыми следуют тысячи слов писем Николь, представляющих в виде монолога вражду супругов и их сложную психологическую деятельность; Третья часть возвращает к отпуску Дика с женой в Германии и Франции и их полному разрыву во Франции, а также к нынешней ситуации вырождающейся и опустившейся жизни Дика. Третья часть истории посвящена путешествиям и отдыху Дика с женой в Германии и Франции, его полному разрыву во Франции, а также нынешней ситуации опустившейся жизни Дика. По мере того как поток сознания текста пересекается друг с другом в часовом времени и психологическом пространстве, текст продолжает создавать новые смыслы.

Лотман выделяет три основные функции текста – передача константной информации, выработка новых смыслов, память. Художественный текст «Ночь нежна» обладает функцией передачи информации через приведенный выше анализ общей структуры; кроме того, он обладает функцией генерации информации. Регенеративный механизм текста постоянно побуждает к диалогу между читателем и текстом, создавая новые смыслы.^[1] В этот момент текст перестает быть просто вместилищем готовой информации, а становится генератором смысла, причем с определенной непредсказуемостью [2].

«Текст предстает перед нами не как реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности».^[3] По сути, роман является смыслообразующим элементом текста.

II. Творческая функция текстовой информации: многоязычные репрезентации и механизмы многофазного дискурсивного выражения

Разновременная и скачкообразная художественная структура выстраивает смысловой генератор «Ночь нежна», «Семиосфера отличается неоднородностью. Неоднородность определяется гетерогенностью и ге-

терофункциональностью языков... перед нами будет не одна кодирующая структура, а некоторое множество связанных, но различных систем» [4].

С точки зрения эмоционального пространства, роман отражает неполноценность и превосходство своих героев в силе и слабости треугольника, встраивая богатство их характеров между языком текста, смысл которого зависит от различных интерпретаций читателя. Роман начинается с одержимости Розмэри джентльменским образом Дика, от смутного увлечения юности до лицемерия зрелого возраста; от жажды восхищения до свободного влечения. Николь, как представительница женщин высшего класса, переходит от эмпатической психологической зависимости от Дика к отчаянной попытке самоискупления; от слабого чувства собственного достоинства за счет разрушения Дика к обновленному чувству ценности жизни.

С точки зрения пространства деятельности, роман открывается описанием пляжа: «В одном приятном уголке Французской Ривьеры, на полпути от Марселя к итальянской границе, красуется большой розовый отель» и «Вдоль горизонта ползло на запад торговое судно; во дворе отеля перекрикивались судомойки...» [5] – это картина воплощения великосветской роскоши и пышности, полная позолоченной риторики; переходя к концу романа, роман заканчивается словами «во всяком случае, ясно, что он и сейчас где-то в тех краях.», пронзительный рассказ о возвращении в Америку, о светских раутах и образе жизни аристократии и о жизни обычных городов, таких как Батавия, Рокавей и Хорнелл. Именно многоязычие такого широкого спектра деятельности и присущее сценам многоязычие позволяет читателю вести диалог с различными персонажами и развивать новые смыслы по мере чтения.

С точки зрения реальной жизни, три тома романа принимают перспективу трех главных героев в качестве основной точки входа, и по мере дальнейшего развития сюжета три части образуют параллельные и взаимосвязанные отношения, постепенно раскрывая пространство своего написания и пространство реальности, совпадающие с общим фоном времени. Роман, написанный в 1920-х и 1930-х годах, изображает трансформацию «американской мечты» от принципа «много работать, чтобы разбогатеть» к принципу «разбогатеть быстро» для честолюбивых молодых людей в условиях беспрецедентного процветания американской сырьевой экономики после Первой мировой войны. Дик думал, что сможет войти в высший класс благодаря своим медицинским достижениям, но высший класс, стоявший за ним, так и не принял его, и он казался окружающим «центром мира», но на самом деле он был «краем своего собственного мира». В романе воплощена реальность молодых американских устремлений в лице Дика, которые пытались обрести духовную убежденность и вернуть свое культурное наследие на европейском континенте. Можно сказать, что автор ясно осознавал кризис своего времени и будущее Америки, а трагедия «Ночь нежна» – это последняя элегия «века джаза», несущая в себе печаль той эпохи.

Лотман считает, что семиосфера неоднородна, и языки, населяющие ее, варьируются по своей природе от полностью переводимых до полностью непереводаемых. Неоднородность определена гетерогенность и гетерофункциональность. Неоднородность семиосфера, формируемая различными структурными диалогами текста «Ночь нежна», обусловлена гетерогенность и гетерофункциональность.

Название романа «Ночь» многогранно. Название «Ночь нежна» взято из «Оды соловью» поэта-романтика XIX века Китса.

*“Already with thee! tender is the night,
And haply the Queen-Moon is on her throne,
Clustered around by all her starry fays;
But here there is no light,
Save what from heaven is with the breezes blown
Through verdurous glooms and winding mossy ways.”*

По мысли Китса, прекрасный фантастический мир, представленный соловьем, противоречит суровой реальности мира, где автор хочет погрузиться глубже в дымку, чтобы обрести тишину, но не всегда может это сделать. Точно так же, в глазах Фицджеральда, ночь так нежна, но нет ни единого луча света, все - виртуальное отсутствие.

«Ночь» многогранна, она скрыта и изменчива. Автор помещает пространство своего произведения под скрытую образность ночи. Ночью Розмэри признается Дик: «А я влюбилась в вас с первого раза, как только увидела, – тихо произнесла она.»; «Но Дик Дайвер – тут не нужны были никакие оговорки. Она молча любовалась им» [6]. В это время Дик также испытывает муки как первоначального желания, так и морального подавления, а «– С новыми друзьями, – сказал он, словно изрекая важную истину, – часто чувствуешь себя лучше, чем со старыми» [7].

«Ночь» – это время смерти и погружения, физической смерти и духовного разочарования, а также предвестие разрушения Американской мечты. Изначально заманчивые слова Николь носят установочный характер: «Я не требую, чтобы ты всегда любил меня так, но я прошу тебя не забывать этот вечер», «взять все

или не брать ничего – таков был жизненный выбор, и теперь ему словно по высшему приговору предстояло до конца своих дней нести в себе «я» тех, кого он когда-то знал и любил, и только с ними и через них обрести полноту существования. То была невеселая участь; ведь так легко быть любимым – и так трудно любить», «Иногда мне кажется, это я во всем виновата – я тебя погубила», «...но вдруг она почувствовала свои руки свободными, и Дик, тяжело вздохнув, повернулся к ней спиной» [8]. Эмоциональная связь между Николь, Мэри и Диком начинается и заканчивается ночью. Дик становится периферией окружающего его мира, обремененного личностями окружающих его людей, а также собственной личностью, так что одиночество становится для него единственным способом жить с самим собой. За чередованием сильных и слабых сторон трех героев стоит отражение печали в сердцах и умах поколения, представленного Диком, неизбежного статус-кво страны.

«Нежность» многогранна. Образ нежной жены, джентльмена, друга и жизнь в нежности и достатке-- все это иллюзия. Существование нежности основано на закоренелости неженственности. Николь, сопровождаемая своим мужем Диком, блуждает в кажущейся «нежной» ночи и ей везет найти себя, а Дик меняет свою личность на «нежное» существование жены и погружается в бесконечную ночь.

Текст характеризуется неоднородностью семиосфера через гетерогенность слова «ночь» и «нежный», которые вместе с многоязычными выражениями внутреннего пространства отражают многоязычие внутри текста, открывая нам общество высшего класса.

III. Механизмы текстового пространственного моделирования.

«Ночь нежна» не только отличается многоязычием и гетерогенностью творческого языка, но и его внутренние пространственные отношения выражают многоточечный непространственный смысл.

По мнению Лотмана, художественные тексты могут быть использованы для выражения «картины мира» непространственного содержания в виде пространственных отношений. Действие романа-Европа, где сон Дика задерживается дольше всего от начала и до конца. В этом городе он с долгом, кровью и потом посвящает себя высшему обществу, пытаясь спасти Николь но на конец потерял себя.

Пляж Госссе на Ривьере становится самым доминирующим пространством в тексте. Этот пляж, который Дике приводит в порядок, сметая граблями камешки один за другим, является символом силы сознания Дика. Роман начинается с описания пляжа во всем его великолепии и заканчивается тем, что Дик приходит на пляж, чтобы попрощаться перед отъездом, «Он поднял правую руку и с высоты террасы широким крестным знаменем осенил весь пляж» [9]. Вместо того, чтобы молиться о благе пляжа, он молился о благе людей, которые проживают на пляже, включая Николь, Мэри, Барбана, Томми и других. Пространство пляжа создает основу для развития сюжета – и как центр текстового пространства, и как собственное пространство Дика, которое содержит в себе как пространство среднего класса, так и пространство высшего класса. Дик преодолевает границы среднего класса, кормит представителей высшего класса добротой и чувством ответственности, настаивает на использовании только зарплаты своей клиники, которая ничтожна по сравнению с текущим потреблением Николь, чтобы сохранить свою независимость, и в конечном итоге становится маргинальной личностью в обоих пространствах.

Другим географическим пространством, в котором это происходит, являются США. Дик родился в Америке в среднем классе и окончил Оксфордский университет. Из США он немного переезжает, становится кем-то другим и возвращается в маленький городок в Америке, чтобы жить обывательной жизнью. Это пространство является отправной точкой для всего сюжета, в то время, когда Америка была материально привилегированной, но постепенно испытывала недостаток в культуре. А у Дика «мечта теряется в его одержимости и стремлении к истории и традициям, но не может вернуться к ним впоследствии» [11].

«Блейлер и старший Форель сделают доклады, которые можно потом прочесть дома, затем некий американец расскажет о том, как он успешно лечит dementia praecox удалением зубов или прижиганием миндалин, и все будут слушать с насмешливо-почтительным интересом – еще бы, ведь Америка так могущественна и так богата» [10].

Лотман отмечает, что «В логике человеческого мышления существует врожденная тенденция к концептуализации геопространственных понятий и что «моральные ценности и географическое положение слиты воедино: моральные понятия имеют географический характер, а географический характер имеет моральное понятие» [12]. Любое перемещение в географическом пространстве имеет «религиозно-моральный» смысл, а географическое путешествие становится перемещением на карте «религиозно-моральной» системы. Изменение морального состояния главного героя обычно выражается через перемещение в пространстве. Чем ближе к центру, тем более морально негативным он становится.

Пространственное смещение путешествия Дика из США в Европу и обратно в США в романе показывает уменьшение значения морального отрицания в побеге из Европы. Тем больше Дик терзается профессиональной этикой и социальными реалиями; его поглощают сложные отношения между профессиональной

честностью и семейными обязанностями; его подавляет первоначальное желание к Мэри и моральный императив человечества; его подбрасывает соблазн самоуважения и высшего общества. Чем ближе он приближается к центру пространства, тем сильнее становится внутреннее отрицание Диком собственной морали и тем очевиднее становится конфликт. Когда Дик теряет все и возвращается в Америку, далеко от «центра», возвращается на край текстового пространства, он становится маргинальным человеком, противоречащим первоначальному замыслу восстановления социальных ценностей и неспособным вернуться к существующим культурным традициям.

IV. Заключение

Взаимосвязанная и сопоставленная общая структура художественного текста «Ночь нежна» является генератором смысла, а повороты сюжета с разных точек зрения создают постоянное пространство для размышлений. Многоязычное представление текстового пространства деятельности и многоязычность текстового языка позволяют системам переплетаться и размножаться новыми смыслами в диалоге с разными читателями из разных времен. В рамках механизма текстового пространственного моделирования пространство «Ночь нежна» является отражением непространственной «картины мира», в которой заложены противоположные трансформации «центра» и «края» и которая постоянно создает непространственные смыслы. Непространственные смыслы создаются по мере развития сюжета и вместе образуют трехмерный структурированный текст.

Литература

1. Лотман Ю.М. Ю.М. Лотман о трех функциях текста / Под. ред. В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2009. С. 294 – 309.
2. Кан Ченг. Пространство культурного выживания и развития / Нанкинский нормальный университет, 2005. С. 85.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2010. С. 18.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера / Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2001. С. 47 – 49.
5. Фицджеральд Ф.С. Ночь нежна [Электронный ресурс]. URL: <http://fitzgerald.narod.ru/tend/nochalt01.html>
6. Фан Дж. Структура и деконструкция «Американской мечты» – анализ глубинного паттерна в "Tender is the Night" // Преподавание иностранных языков в Шаньдуне. 1998. № 04. С. 61 – 64.
7. Лотман Ю.М. Динамическая модель семиотической системы. М., 1974.
8. Лотман Ю.М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. М., 1977. С. 21.

References

1. Lotman Ju.M. Ju.M. Lotman o treh funkcijah teksta. Pod. red. V.K. Kantora. M.: ROSSPJeN, 2009. S. 294 – 309.
2. Kan Cheng. Prostranstvo kul'turnogo vyzhivaniija i razvitija. Nankinskij normal'nyj universitet, 2005. S. 85.
3. Lotman Ju.M. Semiosfera. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2010. S. 18.
4. Lotman Ju.M. Semiosfera. Semiosfera. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB, 2001. S. 47 – 49.
5. Ficdzheral'd F.S. Noch' nezhna [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://fitzgerald.narod.ru/tend/nochalt01.html>
6. Fan Dzh. Struktura i dekonstrukcija «Amerikanskoj mechty» – analiz glubinnogo patterna v "Tender is the Night". Prepodavanie inostrannyh jazykov v Shan'dune. 1998. № 04. S. 61 – 64.
7. Lotman Ju.M. Dinamicheskaja model' semiotičeskoj sistemy. M., 1974.
8. Lotman Ju.M. Kul'tura kak kollektivnyj intellekt i problemy iskusstvennogo razuma. M., 1977. S. 21.

*Tian Yuzhu,
South China Pedagogical University, China*

“The Night is Tender” in the light of M.Yu. Lotman’s cultural semiotics

Abstract: Fitzgerald's novel "Tender is the Night", written in seven years, breaks the traditional linear narrative sequence and uses a unique three-dimensional structure of parallel interlacing to sing the elegy of salvation and destruction of the soul in the "Jazz Age". Based on the cultural semiotics theory of Lotman, a representative of Tartu's school of semiotics, this paper reinterprets the text from four aspects: textual information transmission function, generation function, creative function and spatial simulation function, and explains the mechanism of textual meaning regeneration and textual spatial simulation mechanism. The multi-lingual textual information contained in Tender Is the Night gradually becomes a generator of meaning, with different angles of entry constructing different spatial effects of the text, constantly generating new meanings across time and time, thus constructing a non-spatial "world picture" of textual space, in which the binary "centre" "The dichotomous 'centre' and 'periphery' shift in opposition as the plot varies, gradually revealing the displacement of each character's morality. The displacement of the protagonist within the textual space synchronises the ups and downs of the protagonist's moral psyche, from the 'centre' to the 'periphery', profoundly reflecting the tragedy of the times of the American youth represented by the protagonist.

Keywords: Tender is the Night, Lotman, cultural semiotics

For citation: Tian Yuzhu “The Night is Tender” in the light of M.Yu. Lotman’s cultural semiotic. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 46 – 50.

*Бурдина Е.А., кандидат филологических наук, доцент,
Российский государственный университет правосудия*

Ономастические единицы как экспликация хронотопа в поэтических текстах А.К. Толстого

Аннотация: в статье рассматривается фрагмент языковой картины мира А.К. Толстого, связанный с хронотопом, который отличается в творчестве поэта сложной структурой. Внимание уделяется именам собственным: антропонимам, топонимам, мифонимам, содержащим в своей семантической структуре локально-темпоральную сему и являющимся особыми хронотопическими маркерами в поэтических текстах А.К. Толстого – приверженца «чистого искусства», яркого сатирика. Локально-темпоральный синкретизм проявляется, прежде всего, на уровне авторских ассоциаций и поэтического контекста, однако базируется на универсальной картине мира носителя языка, что подтверждает наше предшествующее исследование, связанное со словником «Современного толкового словаря русского языка» Т.Ф. Ефремовой. Это приводит к появлению дополнительных значений лексем, развивая их полисемантическую не только в пределах авторского взгляда на мир, но и восприятия читателя. Кроме того, в процессе подобного семантического преобразования локально-темпоральные лексемы могут приобретать либо изменять коннотативную сему, а также стилистическую маркированность. Анализ материала показал, что пространственная и временная семантика может распространяться в семеме неравномерно, асимметрично. Интерес в плане лексико-семантической экспликации хронотопа представляют окказионализмы А.К. Толстого. В ходе исследования использовался метод погружения дефинируемой лексемы в авторский контекст, сравнительно-сопоставительный метод, методы контекстуального, структурно-семантического, компонентного и дистрибутивного анализа лексического значения. Такой подход позволяет коснуться индивидуально-авторской трактовки исторических событий и детализировать статьи «Поэтического словаря А.К. Толстого», который находится сейчас в процессе создания коллективом учёных, в число которых входит автор настоящего исследования.

Ключевые слова: лексика, семантика, ономастика, хронотоп, поэтический контекст, авторская лексикография, А.К. Толстой

Для цитирования: Бурдина Е.А. Ономастические единицы как экспликация хронотопа в поэтических текстах А.К. Толстого // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 51 – 55.

Лингвистическая система любого языка содержит определённые универсалии лексико-семантического уровня, которые являются понятийной основой человеческого мышления. К их числу относятся «время» и «пространство», наделённые особым статусом в мировидении любого человека. В сознании творческой личности пространственно-временные категории создают особую «сетку координат», проецирующую образ мира в семантике текста, репрезентирующего синкретизм универсального и индивидуального.

В более ранних исследованиях этого вопроса мы, опираясь на словник «Современного толкового словаря русского языка» Т.Ф. Ефремовой [1], обозначили несколько групп лексем, содержащих в своей семантической структуре хронотопическую сему. Это:

– лексемы *интервал, начало, промежуток* (например, *промежуток: 1) пространство между чем-л.; 2) а) время, отделяющее одно действие, явление, событие от другого*);

– лексемы, являющиеся историзмами и экзотизмами одновременно, а также историзмы и советизмы в чистом виде: *абаз, рыцарь, азбуковник, торгсин* и т.д. (например, *азбуковник: алфавитный рукописный словарь, созданный на Руси в XIII–XVIII вв. и содержащий сведения нравоучительного, учебного и т.п. характера*);

– имена собственные исторических личностей, географических объектов, иных значимых в историческом плане денотатов, что через ассоциативные связи приводит к их датировке и локации в сознании носителя языка [2; 3]: *«Аврора», Амати, «Юнкерс»* (например, *Амати – известный итальянский скрипичный мастер (конца XVI – середины XVII в.), учениками которого были Джузеппе Гварнери и Антонио Страдивари*);

– номинация отдельных абстрактных понятий (например, *ностальгия: болезненная тоска по родине или минувшему, утраченному, по связи с домом* (где *семь родина* и *дом* являются пространственными репрезентантами, *минувшее* – временным));

– лексемы, в семантической структуре которых при толковании сочетаются лексические и грамматические семы (например, *ноократия: грядущее эволюционное состояние власти, которое будет соответ-*

ствовать развитию разумной жизни на **планете**; *власть разума* – наряду с темпоральной семьей ‘грядущее’, в дефиницию включается будущее сложное время глагола ‘будет соответствовать’) [4].

Потенциальная пространственно-временная семантика находит рельефное проявление в поэтическом контексте, полном дополнительных смыслов, возникающих в авторских ассоциациях, связанных с восприятием реальности и формированием языковой картины мира как вербализованной системы матриц, эксплицирующих индивидуальное видение мира.

Алексей Константинович Толстой занимает особое место в истории русской литературы: хрестоматийно его причисляют к приверженцам «чистого искусства», однако было бы неверным утверждать, что Толстой намеренно старался избегать общественных проблем современного ему мира – напротив, это был человек с социально активной позицией, не боявшийся «сильных мира сего», яркий сатирик. Именно поэтому на данном этапе работы мы обратились к поэтическим текстам А.К. Толстого [5]. Материалом исследования являются ономастические единицы, которые, по нашим наблюдениям, репрезентируют локально-темпоральный синкретизм. В ходе анализа активно использовался «Поэтический словарь А.К. Толстого», находящийся в настоящее время в процессе создания коллективом авторов, в который входят преподаватели Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, а также автор этой статьи. В словаре предполагается сфокусировать особое внимание на выявлении групп слов из лексикона А.К. Толстого, которые имеют индивидуально-авторское значение, а также семантику, выходящую за пределы однозначности [6, с. 7]. Подобный подход определяет комплекс методов исследования: погружение дефинируемой лексемы в авторский контекст, сравнительно-сопоставительный метод, методы контекстуального, структурно-семантического, компонентного и дистрибутивного анализа лексического значения [6, с. 9]. Перечисленные методы в полной мере позволяют сосредоточиться на фрагменте языковой картины мира А.К. Толстого, связанной с восприятием действительности сквозь призму лексико-семантической репрезентации хронотопа посредством имён собственных (в приведённых примерах в круглых скобках указано общее количество словоупотреблений, в угловых – номера поэтических произведений А.К. Толстого в полном собрании сочинений; здесь и далее подчёркивания сделаны нами).

Лессинг (2) Лессинг Готхольд Эфраим (1729-1781), немецкий драматург, теоретик искусства и литературный критик, один из крупнейших представителей литературы европейского Просвещения. *Меня насмешливость твоя Равняет с Лессингом <180>; Увы, не Лессинг я! <180>*.

Приведённый антропоним содержит в своей семантической структуре как временные семы (‘1729-1781’, ‘Просвещение’ – хронотопическая лексема, в которой совмещены пространственно-временные понятия: «движение в Европе и Сев. Америке конца 17 – начала 18 в.» [7]), так и пространственные (‘немецкий’, ‘европейского Просвещения’). Иначе говоря, семантика хронотопа может заключаться не только в отдельных пространственно-временных семах дефиниции, но и «извлекаться» из слова посредством ступенчатого дистрибутивного анализа. Это позволяет говорить о семантическом хронотопе первой ступени экспликации, очевидном при обращении к словарному толкованию, и второй ступени экспликации, требующей более детального анализа семантики дефинирующих лексем.

Подобную репрезентацию можно увидеть и в семантике устойчивых сочетаний.

Львиный (2) ♠ *Львиное Сердце*. Ричард I Львиное Сердце (1157-1199), английский король из династии Плантагенетов. *Он в крепкую броню стальную одет, Знаком его меч сарацинам, – То Ричард, Христовых то воинов цвет, И Сердцем зовут его Львиным <263>*.

Временная семантика репрезентируется в дефиниции в семе ‘1157-1199’, пространственная – в прилагательном ‘английский’. Особую семантическую нагрузку несёт название династии ‘Плантагенеты’, эксплицирующее хронотопическую реалию: «английская королевская династия 1154-1399» [8] и, таким образом, являющееся семантическим хронотопом второй ступени экспликации.

Антропонимы как особые хронотопические маркеры широко используются А.К. Толстым в сатирическом произведении «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева». Актуализация пространственно-временной семантики начинается уже с названия, в котором употреблены хронотопические антропонимы *Гостомысл* и *Тимашев*: Гостомысл – русский князь, о котором говорится в предании VI века, основал Великий Новгород и «призвал варягов» (аллюзия на норманнскую теорию происхождения Древнерусского государства); Александр Егорович Тимашев – управляющий Третьим отделением, министр внутренних дел с 1868 года – года, в котором была создана поэма А.К. Толстого. Эргоним же *Третье отделение*, в свою очередь, в энциклопедических изданиях соотносится с топонимом *Россия*, антропонимом *Николай I* и временным периодом 1826 [8, 9], т.е. является экспликацией семантического хронотопа второй ступени. В тексте произведения каждый антропоним, называющий правителей, связан с Русью, Россией и является хронологическим обозначением на историческом векторе времени, движущемся из прошлого через настоящее в будущее, репрезентируя триаду *время – пространство – движение*: *Но братец старший*

Рюрик «Постой...», – сказал другим... (862–879 гг.) → За ним княжил князь **Игорь**, А правил им **Олег**... (882–945 гг.) → Потом княжила **Ольга**, А после **Святослав**... (946–972 гг.) → Когда ж вступил **Владимир** На свой отцовский трон... (980–1015 гг.) → **Иван** явился **Третий**... (1462–1505) → Настал **Иван Четвертый**... (1547–1586) → За ним царить стал **Фёдор**... (1586–1598) → **Борис** же, царский шурин... <...> И сел на царский трон... (1598–1605) → Взошел на трон **Василий**... (1606–1610) → Тут **Минин** и **Пожарский** Скорей собрали рать... (1611–1612 гг.) → Земля же **Михаила** Взвела на русский трон... (1613–1646 гг.) → Сев **Алексей** на царство, Тогда роди **Петра**. (1646–1676; 1682–1725 гг.) → **Бирон** царил при **Анне**... (1730–1740 гг.) → Веселая царица Была **Елисавет**... (1740–1760 гг.) → ...И где же корень зла, Сама **Екатерина** Постигнуть не могла. (1762–1769 гг.) → За ней царить стал **Павел**... (1796–1801 гг.) → Царь **Александр Первый** Настал ему взамен... (1801–1825 гг.) → Когда на нас в азарте Стотысячную рать Надвинул **Бонапарте**... (война с Наполеоном 1812–1815 гг.). → ...*Боюсь monsieur Veillot*. (Велио Иван Осипович, директор департамента полиции, позже – почтового департамента, современник А.К. Толстого) → Се **Норов**, се **Путятин**, Се **Панин**, се **Метлин**, Се **Брок**, а се **Замятнин**, Се **Корф**, се **Головнин**. <...> ...Свой лик яви **Тимашев** – Порядок водвори (современники автора).

Хронотопическая сема способна репрезентироваться в семантической структуре мифонимов, как в следующем приведённом случае: семы ‘в греческой’, ‘в Трое’, ‘в музее Пио-Клементино’, ‘Ватикан’ – локальные репрезентанты; ‘во время Троянской войны’, ‘ок. 50 до н.э.’ – темпоральные.

Лаокоон (1) В греческой мифологии жрец Аполлона в Трое; во время Троянской войны предостерегал троянцев от введения в город деревянного коня, задушен вместе с сыновьями двумя змеями, которых послала богиня Афина, помогавшая грекам. Скульптурная группа «Лаокоон» родосских мастеров Агесандра, Атенодора и Полидора (ок. 50 до н. э., в музее Пио-Клементино, Ватикан). *Не мню, что я Лаокоон, Во змей упершийся руками, Но скромно зрю, что осаждён Лишь дождевыми червяками!* <180>.

Топонимы с пространственно-временной семантикой представлены в поэтических текстах А.К. Толстого в меньшей степени, являясь, однако, не менее яркой лексической экспликацией хронотопа. Так, в приведённом ниже примере мы можем увидеть вполне прозрачную хронотопическую сему в экспликации первой ступени: сема ‘старинный’ репрезентирует время, семы ‘Андалусия’, ‘столица’, ‘провинция’, ‘Кордова’ – пространство.

Кордова (1) Старинный город в Андалусии, столица провинции Кордова. *В монастыре пустынном близ Кордовы Картина есть* <106>.

Как видим, пространственная и временная семантика может распространяться в семеме неравномерно, асимметрично: так, при анализе дефиниции лексемы **Кордова** очевиден «перевес» локальной семантики, что обусловлено её топонимической природой. В семантической же структуре устойчивого сочетания, представляющего геортоним **Иванов день**, превалирует темпоральная.

Иванов (1) ◊ **Иванов день** – народный праздник восточных славян, посвящённый летнему солнцестоянию и наивысшему расцвету природы и отмечаемый 24 июня (7 июля). *Вихорь-конь, торопясь, Иванов уж день!* <289>.

Локальная семантика реализуется семей ‘восточных’, темпоральная – семами ‘летнему’, ‘24 июня’, ‘7 июля’. Темпоральность геортонима обусловлена не только временной лексемой *день*, входящей в структуру названия, но и общей семантикой гиперонима ‘праздник’, в которой центральной семей также выступает ‘день’ [10].

Наиболее частотным топонимом в поэтических текстах А.К. Толстого является **Киев** и его производные (22 употребления). Обращение к Киевскому периоду правления связано с «квасным патриотизмом» автора: это пограничная эпоха между системой ценностей любимой поэтом старины, справедливым управлением государством и ненавистным правлением Орды и московского царства Ивана Грозного.

Производящее слово употреблено 15 раз и совмещает в своей семантической структуре пространственную сему ‘столица’ и экспликацию хронотопа второй ступени в семе ‘Киевская Русь’ (топоним совмещает пространственно-временную семантику в репрезентантах ‘раннефеодальное’, ‘государство’, ‘9 – начало 12 в.’, ‘Восточная Европа’, ‘рубеж 8–9 вв.’, ‘Среднее Приднепровье’, ‘Киев’ [8]).

Киев (15) Столица Киевской Руси, русский исторический центр. *Но род твой не вечно судьбою храним, Настанет тяжёлое время, Обнимет твой Киев и пламя и дым, И внуки твои будут внукам моим Держать золоченое стремя!* <127>; *Гаральд в боевое садится седло, Покинул он Киев державный, Вздыхает дорогою он тяжело: «Звезда ты моя, Ярославна!..»* <128>; <129>, <130>, <136>, <305>.

Лексемы с основной пространственной семантикой, подвергшиеся трансонимизации (например, *иордань*, *кремль* и др.), также могут заключать в своей структуре хронотопическую сему: локальный компонент – ‘прорубь’, ‘водоём»; ‘внутренняя’, ‘городская’, ‘крепость’, ‘городах»; темпоральный – ‘праздник’, ‘Крещение Господня’ (вторая ступень экспликации); ‘старинных’.

Иордань (1) Название проруби в водоёме, сделанной к празднику Крещения Господня для совершения обряда освящения воды. Он вдруг сказал народу: «Ведь наши боги – дрянь, Пойдем креститься в воду!» И сделал нам Иордань <178>.

Кремль (1) Внутренняя городская крепость в старинных русских городах. Иль влетим мы в светлый град Со кремлем престольным? <10>.

Опираясь на иллюстративный материал последней словарной статьи, мы полагаем, что следует уточнить индивидуально-авторскую семантику сочетания *кремль престольный* (= столичный): в одном контексте с перифрастическим наименованием столицы *светлый град* речь, видимо, идёт о Москве, а не Киеве, поскольку далее в тексте произведения «Колокольчики мои...» автор говорит в том числе и о шапке Мономаха, которой венчались на царство русские цари.

Интерес в пространственно-временном плане представляет окказионализм А.К. Толстого *ксантиппность*, образованный от антропонима.

Ксантиппность (1) От *Ксантиппа*, имени сварливой, злой жены Сократа; отсюда: свойство злой жены. Для каждого стиха *errata* С утра до вечера пишу, С супружней кротостью Сократа Твою ксантиппность я сношу <212>.

Хронотопической семьей в данном случае является антропоним ‘Сократ’, представляющий вторую ступень экспликации хронотопа, поскольку в лексикографических источниках в словарных статьях к этому реалиюму приводятся временные и пространственные координаты (‘древнегреческий’, ‘греческий’, ‘афинский’, ‘античный’) [11, 12].

Итак, хронотоп А.К. Толстого отличается весьма сложной структурой, что находит яркое отражение в ономастических единицах, употребляемых автором в поэтическом контексте. «Поэтический словарь А.К. Толстого» нацелен на детальное описание картины мира поэта, в том числе её локально-темпорального фрагмента, связанного с именами собственными.

Литература

1. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ: Астрель, 2006. 3298 с.
2. Багирова Е.П. Имя собственное и хронотоп (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Пространство и время в языке, язык в пространстве и времени. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. С. 191 – 198.
3. Бунеева Е.В. Имена собственные как хронотоп в «маленьких» поэмах С. Есенина (1912-1915 гг.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2010. № 2. С. 18 – 20.
4. Бурдина Е.А. Лексико-семантическая экспликация хронотопа // Русский язык в школе. 2013. № 12. С. 64 – 69.
5. Толстой А.К. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Правда, 1964. Т. 1. 496 с., 5 л. ил.; 399 с., 4 л. ил.; 527 с., 4 л. ил.; 591 с., 4 л. ил.
6. Атаманова Н.В., Бурдина Е.А., Вороничев О.Е. и др. Лексико-семантические особенности поэтического идиостиля А.К. Толстого. Брянск: Новый проект, 2017. 199 с.
7. Философия [Электронный ресурс]: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy (дата обращения: 27.07.2021)
8. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]: в 30 т. М.: Сов. энциклопедия, 1969-1978. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse> (дата обращения: 27.07.2021)
9. Белова Л.Н., Булдаков Г.Н., Дегтярев А.Я. и др. Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград [Электронный ресурс]: Энциклопедический справочник. М.: Большая Рос. энцикл., 1992. 687 с. URL: https://sankt_peterburg.academic.ru/2295 (дата обращения: 27.07.2021)
10. Словарь русского языка [Электронный ресурс]: (Малый академический словарь, МАС). URL: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ-term-60025.htm> (дата обращения: 17.06.2021)
11. Гайденоко П.П., Солопова М.А., Месяц С.В. и др. Античная философия [Электронный ресурс]: Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 896 с. URL: https://antique_philosophy.academic.ru (дата обращения: 27.07.2021)
12. Грицанов А.А. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1999. 877 с. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy (дата обращения: 27.07.2021)

References

1. Efremova T.F. *Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka*: v 3 t. M.: AST: Astrel', 2006. 3298 с.
2. Bagirova E.P. *Imja sobstvennoe i hronotop (na materiale romana M.A. Bulgakova «Master i Margarita»)*. Prostranstvo i vremja v jazyke, jazyk v prostranstve i vremeni. Tjumen': Izd-vo Tjumen. gos. un-ta, 2005. S. 191 – 198.
3. Buneeva E.V. *Imena sobstvennye kak hronotop v «malen'kih» poemah S. Esenina (1912-1915 gg.)*. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2010. № 2. S. 18 – 20.
4. Burdina E.A. *Leksiko-semanticheskaja jeksplikacija hronotopa*. Russkij jazyk v shkole. 2013. № 12. S. 64 – 69.
5. Tolstoj A.K. *Sobranie sochinenij*: v 4 t. M.: Pravda, 1964. T. 1. 496 s., 5 l. il.; 399 s., 4 l. il.; 527 s., 4 l. il.; 591 s., 4 l. il.
6. Atamanova N.V., Burdina E.A., Voronichev O.E. i dr. *Leksiko-semanticheskie osobennosti pojeticheskogo idiosilija A.K. Tolstogo*. Brjansk: Novyj proekt, 2017. 199 s.
7. *Filosofija [Jelektronnyj resurs]: Jenciklopedicheskij slovar' / pod red. A.A. Ivina*. M.: Gar-dariki, 2004. 1072 c. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy (data obrashhenija: 27.07.2021)
8. *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija [Jelektronnyj resurs]: v 30 t. M.: Sov. jenciklopedija, 1969-1978*. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse> (data obrashhenija: 27.07.2021)
9. Belova L.N., Buldakov G.N., Degtarev A.Ja. i dr. *Sankt-Peterburg. Petrograd. Leningrad [Jelektronnyj resurs]: Jenciklopedicheskij spravocnik*. M.: Bol'shaja Ros. jencikl., 1992. 687 s. URL: https://sankt_peterburg.academic.ru/2295 (data obrashhenija: 27.07.2021)
10. *Slovar' russkogo jazyka [Jelektronnyj resurs]: (Malyj akademicheskij slovar', MAS)*. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ-term-60025.htm> (data obrashhenija: 17.06.2021)
11. Gajdenko P.P., Solopova M.A., Mesjac S.V. i dr. *Antichnaja filosofija [Jelektronnyj resurs]: Jenciklopedicheskij slovar'*. M.: Progress-Tradicija, 2008. 896 s. URL: https://antique_philosophy.academic.ru (data obrashhenija: 27.07.2021)
12. Gricanov A.A. *Novejšij filosofskij slovar' [Jelektronnyj resurs]*. Minsk: Izd. V.M. Skakun, 1999. 877 s. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy (data obrashhenija: 27.07.2021)

*Burdina E.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Russian State University of Justice*

Onomastic units as an explication of the chronotope in the poetic texts of A.K. Tolstoj

Abstract: this article analyzes A.K. Tolstoj's linguistic picture of the world fragment, associated with the chronotope, distinctive due to its complex structure in the poet's works.

The focus is on proper names: anthroponyms, toponyms, mythonyms; which contain a local-temporal seme in their semantic structure and are special chronotopic markers in the poetic texts of A.K. Tolstoj, an adherent of "pure art", an outstanding satirist. Local-temporal syncretism manifests itself primarily at the level of author associations and poetic context, however, it is based on the universal picture of the world of a native speaker, which is confirmed by our previous research related to the dictionary of the "Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language" by T.F. Efremova.

This leads to emerging additional meanings of lexemes, developing their polysemanticism not only within the author's view of the world, but also in the reader's perception.

In addition, in the process of such semantic transformation, local-temporal lexemes can acquire or change their connotative seme, as well as stylistic labeling. The analysis of the material revealed that spatial and temporal semantics can distribute unevenly and asymmetrically in the sememe. Among other things, the occasionalisms of A.K. Tolstoj are interesting in terms of lexical and semantic explication of the chronotope. The study utilized the method of immersion of the defined lexeme into the author's context, the comparative method, the methods of contextual, structural-semantic, component and distributive analysis of lexical meaning. This approach allows to breach the individual author's interpretation of historical events and to detail the articles of the "Poetic Dictionary of A.K. Tolstoj", which is currently in the process of creation by a team of scientists, including the author of this study.

Keywords: vocabulary, semantics, onomastics, chronotope, poetic context, author's lexicography, A.K. Tolstoj

For citation: Burdina E.A. Onomastic units as an explication of the chronotope in the poetic texts of A.K. Tolstoj. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 51 – 55.

*Галахова М.С., аспирант,
Московский государственный областной педагогический университет*

Особенности употребления имен собственных в художественной литературе авторов-маори

Аннотация: данная статья представляет собой описание особенностей использования имен собственных в художественных произведениях новозеландских писателей Вити Ихимаэра и Кери Хьюм. Исследование проводится с помощью метода лингвокультурологического комментирования и дефиниционного методов.

В работе рассмотрены преимущественно топонимы и антропонимы, относящиеся к безэквивалентной лексике, так как они связаны с культурой того или иного народа. Примеры заимствований взяты из текстов новозеландской художественной литературы, которая была создана маорийскими авторами на английском языке как один из способов поддержать культуру маори, имеющую хрупкий статус. В ходе исследования сделан вывод о том, что имена собственные служат средствами вербальной репрезентации культурной картины мира маори; помогают воссоздать реалистичный ландшафт Новой Зеландии; показывают, что маори – это часть бикультурного общества, история которого связана с волной как маорийских переселений и открытий, так и европейских; выражают через действительное окружение особенности аксиологической картины мира маори, такие как ценность земли, исторической родины, семьи, предков, родословной и священных мест.

Теоретическая и практическая значимость заключается в том, что автору удалось охарактеризовать использование маорийских имен собственных в автохтонной литературе, обосновать фонологический процесс ассимиляции заимствований, выявить семантическое значение топонимов-маоризмов. Результаты исследования значимы для области вариантологии и изучения миноритарных языков.

Ключевые слова: вариантология, реалии, заимствования, миноритарный язык, топонимы, антропонимы, новозеландский английский, маори

Для цитирования: Галахова М.С. Особенности употребления имен собственных в художественной литературе авторов-маори // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 56 – 60.

Введение

Имена собственные относятся к безэквивалентной лексике, так как имеют связь с определенным народом, национальными традициями и культурой, что и роднит их с реалиями [1, с. 222]. По словам Л.П. Крысина, для вхождения слова в язык необходимо выполнение следующих условий: «а) графемно-фонетическая передача иноязычного слова средствами заимствующего языка; б) соотнесение его с определенными грамматическими классами и категориями; в) семантическая самостоятельность слова, отсутствие у него дублетных синонимических отношений со словами, существующими в языке-заимствователе; г) для слова литературного языка - употребление не менее чем в двух речевых жанрах, для термина - регулярное употребление в определенной терминологической сфере» [2, с. 50-51].

Что касается фонетической адаптации, то, как утверждает Д. В. Лагоденко в своей диссертации, «фактический материал выделяет два направления фонетического освоения заимствуемой лексической единицы: 1) заимствованное слово по качеству составляющих его фонем и их дистрибуции перестает отличаться от исконных слов; 2) происходит модификация фонологической системы воспринимающего языка. Степень переработки плана выражения заимствуемой лексической единицы зависит от того, на каком участке системы языка-реципиента осуществляется заимствование. Заимствования, проникающие в норму языка-реципиента (научные, политические термины, номинации чужих бытовых реалий), как правило, полностью сохраняют «иноязычный» графический облик в языке-реципиенте» [3, с. 80-81].

Фонологическая система маорийского языка имеет 5 гласных звуков и 10 согласных и тем самым является намного проще английского: /p/- p, /t/- t, /k/- k, /m/-m, /n/-n, /-ŋ/-ng, /w/-w, /f/-wh, /r/-r, /h/-h, /a/-a, /e/-e, /i/-i, /o/-o, /u/-u. Оба языка основаны на латинской графике. Как свидетельствуют С. Влахов и С. Флорин, ««из латиницы в латиницу» имя собственное обычно переносится без графических изменений, т. е. транскрипции не производят» [1, с. 208]. Таким образом, топонимы и антропонимы заимствовались в английский язык целиком, не видоизменяясь.

Топонимы

Как показало проведенное исследование, заимствования из группы имен собственных являются наиболее частотными в новозеландских художественных текстах, приблизительно 70 % из всего числа отобран-

ных единиц. Среди топонимов встречаются названия стран, городов, пригородов, поселений, районов, рек, гор, вулканов, побережий и другие.

Как свидетельствует В. В. Ощепкова, топонимия Новой Зеландии возникла «в последней четверти XVIII века на базе английского языка и на основе топонимии метрополии, которая к тому времени существовала уже более 18-ти веков и обладала уже полностью сложившимися нормами и моделями. Развитие топонимической системы Новой Зеландии происходит в условиях отдаленности и изолированности островов Новой Зеландии, с одной стороны, и непосредственных контактов с полинезийским языком маори, с другой» [5, с. 243].

В статье имена собственные рассмотрены на примерах из новозеландской художественной литературы писателей-маори второй половины XX века. Были использованы материалы из следующих произведений: «Оседлавший кита», «Булибаша: король цыган», «История дяди», «Женщина из Парихаки» Вити Ихимаэра, «Люди-скелеты» Кери Хьюм.

В художественной литературе топонимы, прежде всего, являются местом действия, в котором происходит сюжетное развертывание событий, фоном, который окружает главных героев. Действия многих произведений Вити Ихимаэра происходят в поселении Уэйтуай (Waituhi), прообразом которого является родная деревня писателя на Северном Острове Новой Зеландии, соединяющая в себе вымысел и факт. Это место играет роль связующего звена, которое объединяет «людей земли» – ‘tangata whenua’ (так называют себя маори), время от времени покидающих деревню и возвращающихся обратно. Именно там происходят важные события из жизни маорийского общества, проводятся церемонии и ритуальные обряды.

Как отмечает О. В. Николаева, в культурной картине мира маори концепт земли имеет особую значимость. Через глубинный принцип коллективного бессознательного человек-природа-общество формируется концепт родословной (whakarapa), являющийся базовым для коренного населения. С одной стороны, человек принадлежит к определенной семье, племени, одному из первых каноэ, происходит от мифического божественного предка, с другой стороны, неотделим от природы, прежде всего, земли. Говоря об этимологии лексемы, Николаева отмечает, что «слово ‘whakarapa’ может рассматриваться как состоящее из двух компонентов: каузативного префикса whaka – prefixed causative; generally, it has the sense of ‘to cause’, ‘to make to do’ и компонента ‘rapa’ от мифологического имени Матери-земли Rapatūānuku – Earth mother» [4, с. 154]. Таким образом, связь народа с землей заложена уже в самом понятии родословной ‘whakarapa’ и обуславливается верой маори в происхождение от Матери-Земли, то есть от божественного предка.

‘How she’d managed to cope among such a tribal people as ours I’ll never know. Perhaps that’s why she had moved from Waituhi to a flat in nearby Gisborne city soon after Grandfather Arapeta had died.’ – «Никогда не пойму, как ей удалось выжить среди нашего племенного народа. Возможно, именно поэтому она переехала из Вайтухи в квартиру в соседнем городе Гисборн вскоре после смерти дедушки Арапета» [11, с. 13].

В романе «Оседлавший кита» В. Ихимаэра действие происходит в поселении Уангара (Whangara) недалеко от города Гисборн. Название этой деревни связано с легендой о герое Пайкеа, который прибыл в Новую Зеландию верхом на ките, и, обнаружив сходство пейзажа со своей родиной Гавайки, дал аналогичные названия всему, что его окружало. Согласно легенде, кит превратился в огромную скалу, которая до сих пор является частью ландшафта деревни в форме морского животного. Таким образом, топонимы, имеющие ассоциативные связи с географическими объектами Полинезии, являются частью полинезийской региональной когнитивной идентичности и отражают ценность исторической родины Гавайки [4, с. 142].

Фрагмент из романа «Оседлавший кита»: *‘At the time of landfall the star Poututerangi was just rising above our sacred mountain, Hikurangi. The landscape reminded Paieka of his birthplace back in Hawaiki so he named his new home Whangara Mai Tawhiti, which we call Whangara for short. All the other places around here are also named after similar headlands and mountains and rivers in Hawaiki – Tawhiti Point, the Waiapu River, and Tihirau Mai Tawhiti.’* - «В момент выхода на берег звезда Поутутеранги как раз поднималась над нашей священной горой Хикуранги. Пейзаж напомнил Пайкеа о его родине Гавайки, поэтому он назвал свой новый дом Уангара Май Тауити, который мы сокращенно называем Уангара. Все остальные места здесь также названы в честь похожих мысов, гор и рек Гавайки - мыс Тауити, река Вайапу и Тихирау Май Тауити». [9, с. 22] (Whāngārā-mai-i-Tawhiti означает далекая Whāngārā, или “далекая солнечная бухта”). Слово «далекая» свидетельствует о том, что историческая родина маори - это достаточно отдаленное от новой родины место.

Европейские путешественники в Новой Зеландии также давали имена впервые увиденным местам: Gisborne, Dunedin, Christchurch, Wellington, New Plymouth, Auckland, Tasman Sea, Mount Tasman, New Zealand, Aiguilles Rouges (‘красные иголки’ – фр.), Dannevirke (дат.), Franz Joseph (австр.).

Все большие города были названы по британскому подобию, многие маорийские названия были заменены на английские: Tamaki-makau-rau был переименован в Auckland, Te Upoko-o-te-Ika стал Port Nicholson,

затем Wellington, Otakou был назван Dunedin. Улицы получили названия улиц британских городов (Queen's Street, Victoria Street) [4, с. 171].

Как отмечают С. Влахов и С. Флорин, «по традиции одни топонимы передаются путем транскрипции, независимо от достаточно ясного содержания (мы говорим *Шварцвальд*, в не «Черный лес», *Стара планина*, а не «Старая гора»), другие переводятся - *Остров Святой Елены* (в оригинале 'Saint Helena Island'), *берег Нокса* (в оригинале 'Knock Coast')» [1, с. 217]. Новозеландские географические названия автохтонного происхождения заимствовались в своем графическом облике, они утратили свое исконное нарицательное значение, но могут быть осмыслены носителями или знатоками маорийского языка.

Семантическим значением обладают подавляющее большинство имен собственных [1, с. 216]. Многие новозеландские топонимы имеют исконные корни и получили свое название, как уже было отмечено, в процессе знакомства маорийцев с новой местностью на островах Аотеароа: *Ahuahu*, *Waituhi* ('glowing waters' – «светящаяся вода»), *Waiapu* ('swallowing river' – «проглатывающая река»), *Rotorua* (от 'roto' – озеро и 'tua' – два, «второе озеро»), *Whanganui* ('big harbour' – «большая гавань»), *Waitotara* («подокарп тотара (эндемик) у реки»), *Waireka* ('sweet water' – «сладкая вода»), *Waikanae* ('mullet waters' – «вода с кефалем»), *Rahotu* (от 'rā' – солнце и 'hotu' – желать, 'long for the sun' – «желать солнца»), *Pukewhero* ('red hill' – «красный холм»), *Waitangi* ('noisy water' – «шумная вода»), *Waikoukou* ('water of the morepork' «совы у воды»), *Waingongoro* ('gurgling water' – «журчащая вода»), *Whangara* ('sunny bay' – «солнечная бухта»; некоторые из них основаны на легендах: *Whakatane* ('to act like a man' – «вести себя как мужчина»), *Rarotonga* ('below south' – «ниже юга»).

Некоторые из топонимов были изменены европейцами: *Amuri* от маор. *Haumuri* («восточный ветер»), *Pitone* от *Pito-one* («конец пляжа»).

В романе В. Ихимаэра «Женщина из Парихаки» повествуется о следующей легенде: однажды путешественницу из Гавайки ваку *Mataatua* (waka – каное) отнесло волной от берега к скалам. В то время как высадившиеся ранее на берег мужчины исследовали новые земли, женщинам пришлось грести, хотя по традиции это было запрещено. Женщина по имени Уаирака (*Wairaka*) воскликнула богам: 'Kia whakatane au I ahau. Let me make myself into a man' («Сделай меня мужчиной!»). И, схватив весла, спасла ваку со своей командой [12, с. 120]. В честь этого события получил свое название город Факатане (*Whakatane*).

Таким образом, особое отношение к земле и привязанность к исторической родине коренного населения маори выразилось в отождествлении исконных концептов с новым окружением.

В художественных текстах кроме собственно заимствований из топонимической системы встречается и множество гибридных наименований, состоящих из двух компонентов – английского и маорийского: *Taranaki Mountain*, *the Waituhi Valley*, *Anaura Bay*, *the Waipaoa River*, *Tawhiti Point*, *Tolanga Bay*, *Kiwi Valley*, *Wainui Beach*, *Tawhiti Point*, *The Waiapu River*, *Tuamotu Archipelago*, *Raukawa country*, *the Taranaki Bight*, *the Whanganui River*, *the Waitara Block*, *the Tataraimaka Block*, *the Waitotoroa Stream*, *the Waingongoro River*, *Rimutaka Ranges*.

Существуют и другие известные поэтичные, мелодичные маорийские эквиваленты английских названий, которые возникли в мифическом прошлом: *Te Moana Nui a Kiwa* (*The Great Ocean of Kiwa, the Pacific Ocean* – Тихий океан), *Te Ika a Maui* (*the fish of Maui* – Северный Остров), *Te Waipounamu* (*the place of greenstone* – Южный Остров), *Poneke* (*Wellington*). Аотеароа Новая Зеландия (*Aotearoa New Zealand*) имеет еще одно неофициальное наименование Киви Ленд. Как пишет В.В. Ощепкова, «название бескрылой новозеландской птицы киви (*kiwi*) в переносном значении обозначает жителя страны, оно входит также в образное наименование Новой Зеландии *Kiwiland*» [5, с. 135].

Местом действия другого произведения является поселение Парихака [*Parihaka*] в регионе Таранаки [*the Taranaki region*], расположенное между горой Таранаки [*Mount Taranaki*] и Тасманским морем. Оно стало центром военных действий по захвату земель европейцами в 1870-1880-е гг., на которые маорийцы ответили ненасильственным сопротивлением. Эти события разворачиваются в историческом романе Вити Ихимаэра «Женщина из Парихаки».

Большое внимание уделяется изображению главного «украшения» и символа региона Таранаки - горе Таранаки. Автор описывает гору (спящий вулкан) как священное место для маори, национальную гордость, называет ее «предком» ('*tipuna*'), представляет ее «живым организмом», рожденным в мифическом прошлом. Гора имеет и второе, английское название *Mount Egmont*, которое ей дал Джеймс Кук в 1770 году в честь графа Эгмонта, но по требованию маори с 2020 года сохраняется только одно официальное название – маорийское *Taranaki Maunga* [8], что является значимым для коренного населения Новой Зеландии.

'*To Maori, of course, the mouna has always been Taranaki*' ~ "Для маори, конечно, гора всегда была Таранаки" [12, с. 8].

Кроме вышеупомянутой священной горы Таранаки в произведениях встречаются другие топонимы, имеющие сакральное значение для маорийского народа. В северных традициях все души отправляются на мыс Те Реинга Вайруа (Te Reinga Wairua). Оттуда они спускаются в подземный мир Парохенга (Rarohenga) или, по другим поверьям, путешествуют на легендарную родину Гавайки [8].

Согласно словарю маорийского языка Те Ака, *Te Rēinga Wairua*, '1. (location) place of departed spirits – used in two senses: one of the actual locality at the North Cape; the other the place where the wairua of a person who has died goes'. ~ местонахождение усопших душ – используется в двух значениях: непосредственное месторасположение на Северном Мысе; место, куда отправляются умершие души.

Te Rerenga-wairua 1. (location) Cape Rēinga, Leaping Place of Spirits. ~ Те Реренга-вайруа 1. (местоположение) Мыс Реинга, место прыжка душ (rerenga - leaping place/место прыжка, wairua – spirit, soul/душа) [7].

В романе «Люди-скелеты» Кери Хьюм описывается этот путь души после смерти: 'One goes north to Te Rerenga-wairua, down the grey root of Akakitererenga, onto the rock platform and into the sea. Into the seahole that leads into Te Reinga.' – «Они отправляются на север к Те Реренга-вайруа, вниз по серому корню Акакитереренга, на каменную платформу и в море. В морскую дыру, ведущую в ад». [13, с. 377]. Как справедливо подытоживает О.В. Николаева, «легенды о путешествии душ умерших назад к родине, свидетельствуют о коллективной памяти и общественном осознании самого факта миграции и прибытия на новые острова и, в какой-то степени, временности своего пребывания на этой новой земле» [4, с. 144].

Антропонимы

Среди антропонимов (имен людей) встречаются:

исконные: *Moana Ngarimu, Aperahama Te Reke, The Whiti o Rongomai, Tohu Kaakahi, Minarapa Te Rangihatuake, Horitana, Te Whao, Titokowaru, Te Hapua, Te Ua Haumene, Tamarura, Rangikawa, Hikurangi, Wairangi, Taikomako, Erenora, Rehua, Koro Apirana, Porourangi, Kahu, Kahutia Te Rangi, Toroa, Rawiri, Paikea, Tahu Potiki, Te Kani, Te Whironui, Reremoana, Waari, Tu, Arapeta, Turei, Haapu, Tunui a te Ika, Ranginui*;

заимствованные из другого языка (в основном из английского): *Huhana (Susanna), Wiremu (William), Enoka (Enoch), Ripeka (Rebecca), Meri (Mary), Paora (Paul), Putiputi (Flower), Eruera (Edward), Hemi (James), Riripeti (Elisabeth), Henare (Henry)*;

гибридные сочетания имени и фамилии, в которых одним компонентом является маорийское слово, другим - иностранное (в том числе заимствованное): *Michael Mohana, Wiremu Kingi Te Rangitake, Wiremu Kingi Moki Te Matakatea, Paora Kukutai, Whina Cooper, Mihi Kotukutuku, Pita Awatere, Hone Hika, Ngati Kaupois*.

'In my case a couple by the name of **Huhana and Wiremu** took a shine to me. Even so, I felt I owed it to **Enoka and Miriam** to remember them as long as I could' «В моем случае мне приглянулась пара по имени Хухана и Вирему. Несмотря на это, я чувствовал, что должен помнить Эноку и Мириам так долго, как только смогу» [12, с. 16]. *Huhana* – от англ. *Susanna*; *Wiremu* - от англ. *William*; *Enoka* - от ивр. *Enoch*.

Заключение

Таким образом, имена собственные служат средствами вербальной репрезентации культурной картины мира маори имплицитно и эксплицитно. Используя топонимы как маорийского происхождения, так и английского, а также гибридные названия, автор-билингв Вити Ихимаэра стремится воссоздать реалистичный ландшафт Новой Зеландии, соединяя вымысел и факт в своих произведениях; показать, что маори - это не только коренное население островов, но и часть бикультурного общества, история которого связана как с волной маорийских переселений и открытий, так и европейских; выразить через действительное окружение особенности аксиологической картины мира маори, такие как ценность земли, исторической родины, семьи, предков, родословной и священных мест.

Огромное количество топонимов и антропонимов в художественных текстах создает эффект сближения и интрекоммуникации культур. Существование гибридных имен собственных является свидетельством процесса языкового и культурного взаимодействия в Новой Зеландии. В художественных произведениях они составляют своеобразие и уникальность новозеландской географической среды, являются средствами создания местного колорита.

Литература

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения. 1980. 350 с.
2. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с. (Studia Philologica)
3. Лагоденко Д.В. Взаимодействие разносистемных языков в едином коммуникативном пространстве: На материале новозеландского варианта английского языка и языка маори: дис. ... к.ф.н. М., 2003.

4. Николаева А.В. Теория взаимодействия концептуальных картин мира: языковая актуализация (на варианте новозеландского варианта английского языка и языка маори): дис. ... к.ф.н. Владивосток, 2011.
5. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М.; СПб.: ГЛОССА: КАРО, 2004. 336 с.
6. Tregear Edward, Maori-Polynesian Comparative Dictionary, 1891.
7. Te Aka Maori English Dictionary
8. Te Ara encyclopedia
9. Ihimaera Witi, "The Whale rider". NZ ePenguin, 2008. 110 p. [Online]
10. Ihimaera Witi, "Bulibasha". Penguin Books Limited, 2016. 334 p. [Online]
11. Ihimaera Witi, "The Uncle's Story". NZ ePenguin. 2003. 162 p. [Электронный ресурс]
12. Ihimaera Witi, "The Parihaka Woman". Vintage book. 2011. 277 p. [Online]
13. Hulme Keri, "The Bone people". Penguin books, 1986. 450 p. [Online]

References

1. Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija. 1980. 350 s.
2. Krysin L.P. Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovanija po sovremennomu russkomu jazyku i sociolingvistike. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 888 s. (Studia Philologica)
3. Lagodenko D.V. Vzaimodejstvie raznosistemnyh jazykov v edinom kommunikativnom prostranstve: Na materiale novozelandskogo varianta anglijskogo jazyka i jazyka maori: dis. ... k.f.n. M., 2003.
4. Nikolaeva A.V. Teorija vzaimodejstvija konceptual'nyh kartin mira: jazykovaja aktualizacija (na variante novozelandskogo varianta anglijskogo jazyka i jazyka maori): dis. ... k.f.n. Vladivostok, 2011.
5. Oshhepkova V.V. Jazyk i kul'tura Velikobritanii, SShA, Kanady, Avstralii, Novoj Zelandii. M.; SPb.: GLOSSA: KARO, 2004. 336 s.
6. Tregear Edward, Maori-Polynesian Comparative Dictionary, 1891.
7. Te Aka Maori English Dictionary
8. Te Ara encyclopedia
9. Ihimaera Witi, "The Whale rider". NZ ePenguin, 2008. 110 p. [Online]
10. Ihimaera Witi, "Bulibasha". Penguin Books Limited, 2016. 334 p. [Online]
11. Ihimaera Witi, "The Uncle's Story". NZ ePenguin. 2003. 162 p. [Elektronnyj resurs]
12. Ihimaera Witi, "The Parihaka Woman". Vintage book. 2011. 277 p. [Online]
13. Hulme Keri, "The Bone people". Penguin books, 1986. 450 p. [Online]

*Galakhova M.S., Postgraduate,
Moscow Region State Pedagogical University*

The peculiarities of using proper nouns in the fiction of Maori authors

Abstract: this article concerns the usage of proper nouns in Keri Hulme and Witi Ihimaera's fiction. The study is carried out using the methods of linguoculturological commenting and a definitional method.

The article mainly deals with toponyms and anthroponyms related to non-equivalent lexicon, as they are associated with the culture of certain people. Examples of loanwords were taken from the texts of New Zealand fiction, which have been created by Maori authors in English as one of the ways to support a minority aboriginal culture. It was concluded that proper nouns serve as a means of verbal representation of the cultural Maori worldview; help to recreate the realistic landscape of New Zealand; show that Maori people are a part of the bicultural society, whose history is connected both with a wave of Maori migrations and European ones; express through the actual environment the features of the axiological picture of the Maori world, such as the value of land, historical homeland, family, ancestors, genealogy and sacred places.

The theoretical and practical significance lies in the fact that the author managed to substantiate the use of Maori proper names in New Zealand fiction, characterize the phonological process of borrowing assimilation and reveal the semantic meaning of maorisms. The results of the study are significant for the field of variantology and the study of minority languages.

Keywords: variantology, realia, borrowings, minority language, toponyms, anthroponyms, New Zealand English, Maori

For citation: Galakhova M.S. The peculiarities of using proper nouns in the fiction of Maori authors. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (2). P. 56 – 60.

*Дауев Д.А., аспирант,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова*

Официально-деловой стиль лексики осетинского языка

Аннотация: статья посвящена исследованию особенностей официально-делового стиля лексики осетинского языка. Актуальность темы заключается в том, что изучение и практика применения осетинского языка необходима для сохранения этнокультуры народа, его самобытности и традиций. Цель исследования заключается в выявлении особенностей официально-делового стиля осетинского языка. Методология исследования основана на этнокультурном подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, дедукция, индукция), а также ряд специальных методов: контент-анализ научной литературы по теме исследования; корпусное исследование деловой лексики осетинского языка, метод экстралингвистического анализа. В результате проведенного исследования автор статьи пришел к следующим выводам: наибольшую частотность в сфере официально-деловых отношений имеет повседневно-деловая лексико-семантическая группа с коннотацией «работодатель – подчиненный»; лексика данной группы наиболее распространена на официальном рынке труда среди частных компаний и выражена как в устной, так и в письменной форме. Второй по уровню частотности лексико-семантической группой является делопроизводственная сфера государственных учреждений с коннотацией «приказ – исполнение». Особенностью данной группы является большой объем юридической терминологии, которая используется для составления внутренних нормативных и правовых актов.

Ключевые слова: языкознание, лингвокультура, лингвистика, этнолингвистика, корпусное исследование, осетинский язык, ираноязычная группа, деловой стиль, официально-деловая лексика, лексико-семантические группы

Для цитирования: Дауев Д.А. Официально-деловой стиль лексики осетинского языка // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 61 – 67.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что осетины являются уникальной лингвокультурной группой в двух отношениях. Во-первых, они являются единственной этнической группой, встречающейся как на северных, так и на южных склонах Кавказского хребта; Северная Осетия-Алания и Южная Осетия соединены только Рокским туннелем. Во-вторых, осетины говорят на индоевропейском языке, в отличие от своих кавказоязычных соседей. Осетинский язык подтверждает историческую связь осетин с такими древними ираноязычными группами, как скифы, сарматы и их потомки аланы. С лингвистической точки зрения осетинский язык классифицируется исследователями как «член северо-восточной иранской языковой семьи более крупного индоевропейского рода» [3, с. 6]. Ближайшие к осетинскому «мертвые» языки – авестийский и согдийский; а ближайший «живой» язык – ягноби, на котором говорят не более 2000 человек в высокогорной долине реки Ягноб в западном Таджикистане [3, с. 7]. Классификация осетинского языка как иранского языка основана прежде всего на обилии слов иранского в общем объеме основной лексики индоевропейского происхождения. Связь осетинского с другими иранскими языками проявляется не только в основной лексике, но и в глубоких грамматических закономерностях языка. Например, осетинский язык, как и другие иранские языки, отличается порядком «субъект-объект-глагол». Такой порядок слов совершенно не похож на большинство других индоевропейских языков, включая английский, которые имеют порядок «субъект-глагол-объект». При этом, с точки зрения кросс-лингвистической типологии, будучи субъектно-объектно-глагольным языком, осетинский язык также имеет постпозиции, а не предлоги, так что такие слова, как «в» или «к», появляются после, а не перед существительным [10, с. 356]. Еще одной особенностью, характерной для осетинского языка, которая отличает его от языков коренных народов Кавказа, является отсутствие эргативности в этом языке; его морфосинтаксическая структура имеет именительно-винительное выравнивание.

В отличие от типичного индоевропейского языка, который обходится в среднем четырьмя падежами, осетинский имеет девять падежей: именительный, родительный, дательный, аллативный, аблятивный, инсивный, адессивный, эквативный и комитативный. Такая относительно богатая система падежей, включающая несколько локативных падежей, таких как аллативный («то»), аблятивный («от»), инсивный («в»), адессивный («ат, на»), считается заимствованной от кавказоязычных соседей [10, с. 357].

В силу перечисленных особенностей осетинский язык становится довольно сложным полем для работы переводчика, особенно при работе над текстами официально-делового содержания, когда стиль документации требует максимально однозначных трактовок текста оригинала.

Согласно наиболее распространенному в научной литературе определению, деловой стиль – «это совокупность языковых инструментов, функция которых заключается в обслуживании сферы официальных деловых отношений, т.е. отношений, возникающих между государственными органами, между организациями или внутри них, между организациями и физическими лицами в процессе их производственной, хозяйственной, правовой деятельности» [7, с. 168].

В осетинском языке многие виды деловых документов имеют общепринятые формы изложения. Основным требованием к такому стилю является однозначность трактовки, что предопределяет использование в деловой речи терминов и специальных языковых средств.

С этой точки зрения исследование официально-деловой лексики осетинского языка имеет не только теоретическую, но и практическую значимость. При этом, осетинский национальный корпус [8] является «средой для получения новых научных данных, осмысление которых представляется приоритетным для современного лингвистического описания и абсолютно необходимым в научной деятельности современного исследователя» [2, с. 7].

Современная историография темы довольно обширна и включает в себя труды как российских, так и зарубежных исследователей. В частности, общие принципы, лексические и жанровые особенности официально-делового стиля рассмотрены в работах таких авторов, как Е.И. Боблева, Д.К. Ефимов [1], Н.В. Драчук, Т.В. Черницына [4], Л.С. Караол [5], Н.С. Медведь [6].

Специфика фразеологии официально-делового стиля представлена в статье И.В. Назаровой и С.С. Пархоменко [7]. Кросс-лингвистическое исследование осетинского языка представлено в работе Б.Т. Дзусовой, З.А. Гогаевой [3].

Методологические аспекты проведения корпусного исследования представлены в работах О.О. Борискиной [2] и С.Ш. Ошурмахмадова [9]. Данные статьи послужили образцом для разработки авторской методики проведения сопоставления частотности лексико-семантических групп.

Историография темы представлена также эмпирическими исследованиями таких авторов, как Л.М. Гацалова, Л.В. Парсиева, М.Д. Валиева [10], Л.М. Гиниятуллина [11], Э.Б. Сацаев [12], Р. Шанаева, Т. Туаева [13] и В. Сикорская [14].

Тем не менее, несмотря на довольно обширную историографию, особенности официально-делового стиля осетинского языка требуют проведения дополнительных корпусных исследований, а также морфологического частотного анализа. В настоящей статье предложена методика такого рода исследования, что позволяет частично восполнить указанный историографический дискурс.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили 75 документов официально-делового стиля, составленных на осетинском языке. Частотность каждой лексической единицы, имеющей коннотацию «деловые отношения», «нормативно-правовые отношения», «международные отношения», была выявлена на основе данных осетинского национального корпуса [8].

Основную единицу анализа составила лексико-семантическая группа (далее – ЛСГ), рассматриваемая как «совокупность слов, относящихся к одной и той же части речи, объединенных внутриязыковыми связями на основе взаимообусловленных и взаимосвязанных элементов значения» [9, с. 476].

Критериями анализа стали основные лексико-семантические группы делового стиля:

- 1) лексика, обслуживающая повседневный деловой стиль;
- 2) лексика, обслуживающая административный документооборот;
- 3) лексика международного права (табл. 1).

Таблица 1

Критерии анализа корпуса деловой лексики осетинского языка

Наименование лексико-семантической группы	Примеры лексики			Коннотации
	Осетинский язык	Индекс частотности по корпусу осетинского языка	Перевод на русский язык	
ЛСГ «повседневный деловой стиль»	Бадзырд	79	Договор	Отношения «работодатель – подчиненный», трудовые отношения, рынок труда, найм на работу, права и обязанности наемного работника, права и обязанности работодателя
	Коллективон бадзырд	61	Коллективный договор	
	Бадзырдон хæстæ	66	Договорные обязательства	
	Профцад	41	Профсоюз	
	Куыстдæтæг	88	Работодатель	
	Æххуырсын	98	Нанимать	
	Фæллойадон стаж	99	Трудовой стаж	
ЛСГ «административный документооборот»	Приказæ гæстæ	78	Согласно приказу	Отношения «приказ, исполнение, стороны официальных документов, государственные органы, исполнительная власть, администрирование»
	Министрад	82	Министерство	
	Æвзарстады бар	67	Избирательное право	
	Уагæвард тархондон	98	Решение суда	
	Тархон æххæстæсанæг	98	Судебный исполнитель	
	Дзуаппдæтæг	98	Ответчик	
	Гражданты баргæ æмæ	98	Права и обязанности граждан	
ЛСГ международного права	Фидыды бадзырд	90	Мирный договор	Отношения «правила, регулирование международных отношений», международное право, стороны международных договоров, международные соглашения.
	Бадзырд фидар канын	87	Утверждать договор	
	Дыварсон	72	Соглашение	
	Рæстæгмæ фидыд	12	Перемирие	
	Дунейон гæххæттыгæ	98	Международные документы	

Всего было выявлено 350 примеров лексики официально-делового стиля в 75 исследованных документах, на основе корпуса осетинского языка была установлена средняя частотность для каждой лексической единицы, после чего весь полученный материал был обработан по предложенной ниже методике.

Методология исследования основана на лингвокультурном подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, дедукция, индукция), а также ряд специальных методов: метод контент-анализа научной литературы по теме исследования; метод экстралингвистического анализа текстов официально-делового характера для выявления основных лексико-семантических групп; а также метод частотного анализа по выявленному корпусу официально-деловой лексики.

Для удобства и системности анализа все анализируемые тексты были разделены на три группы: деловая переписка на осетинском языке, тексты административного документооборота на осетинском языке и международные официальные документы, переведенные с английского на осетинский язык.

Частотность лексико-семантических групп осетинского языка в текстах делового и нормативного содержания была проанализирована с помощью программы Neural Designer (программного инструмента для расширенной и описательной аналитики) и переведена в графический формат диаграмм для наглядности восприятия. Частотность соответствующей лексики в каждой ЛСГ оценивалась по среднему баллу, что позволило вывести все расчеты в 10-балльную шкалу.

Каждая ЛСГ была оценена программой Neural Designer по общему уровню частотности: 1-3 балла – низкий уровень частотности по группе, 4-6 средний уровень частотности по группе, 7-10 высокий уровень частотности по группе.

Предложенная методика анализа позволила обобщить количественные данные о частотности лексико-семантических групп, которые состояли не только из одного слова, но из предложений и кратких прецедентных текстов.

Исследование проведено со 2 по 31 января 2023 года.

Результаты исследования

По итогу проведенного частотного анализа по трем лексико-семантическим группам было выявлено следующее соотношение частотности (рис. 1).

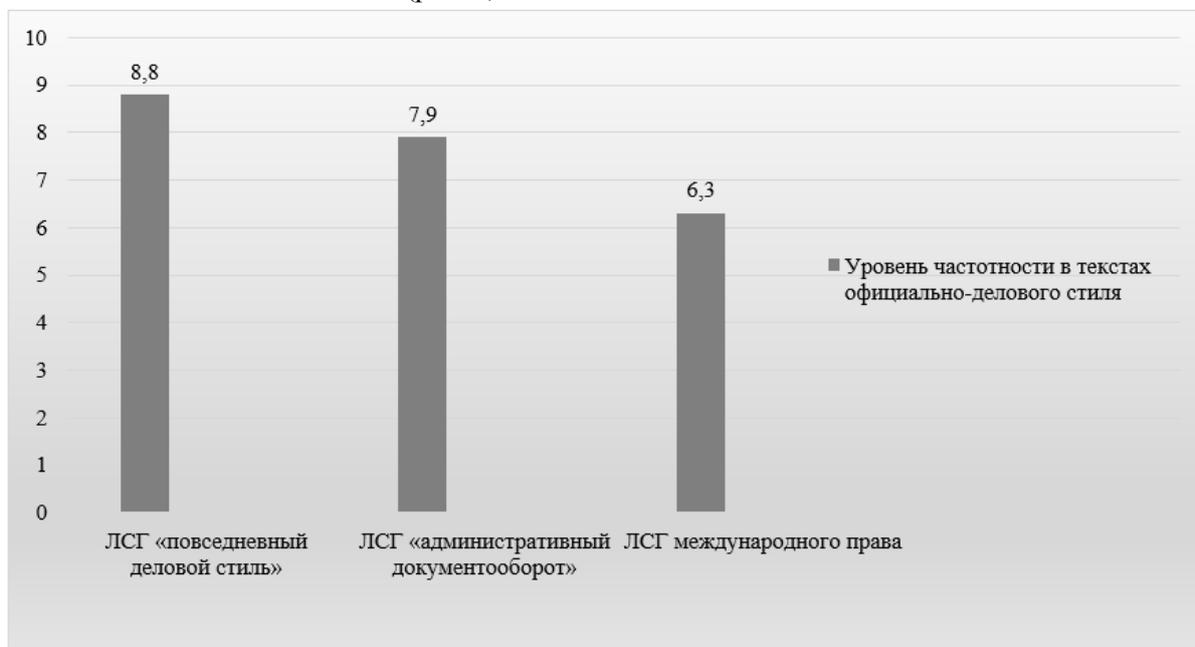

Рис. 1. Результаты анализа частотности трех лексико-семантических групп осетинского языка в официально-деловых текстах (составлено автором с помощью программы Neural Designer)

Представленные на рис. 1 данные позволяют заключить, что в сфере официально-деловых отношений наибольшее распространение имеет повседневно-деловая лексико-семантическая группа с коннотацией «работодатель – подчиненный». Лексика данной группы наиболее распространена на официальном рынке труда среди частных компаний и выражена как в устной, так и в письменной форме. Вторая по уровню частотности лексико-семантическая группа обслуживает делопроизводственную сферу государственных учреждений с коннотацией «приказ – исполнение». Характерной особенностью данной группы является большой объем юридической терминологии, которая используется для составления внутренних нормативных и правовых актов.

Что касается устойчивых форм репрезентации официально-делового стиля, то морфологический анализ трех лексико-семантических групп показал следующие результаты (рис. 2).

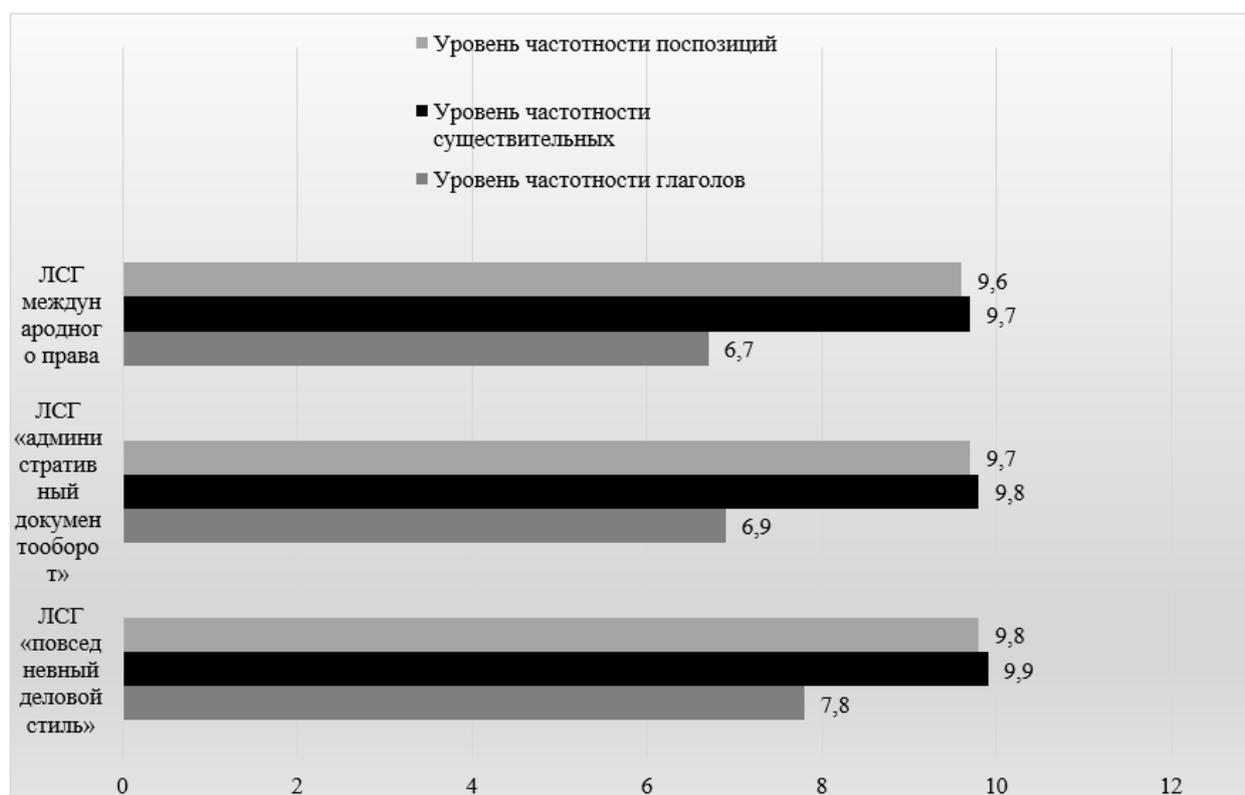

Рис. 2. Морфологический частотный анализ трех лексико-семантических групп осетинского языка в официально-деловых текстах (составлено автором с помощью программы Neural Designer)

Таким образом, наибольшая частотность в трех группах наблюдается для существительных и постпозиций (альтернатива предлогам в индоевропейских языках), наименьшую частотность удалось выявить для глаголов. Это означает, что в официальных документах используется строгий стиль, без детализированного описания действия, нацеленный на подробное описание ситуации или отношений.

В данном случае можно считать эту особенность осетинского языка доказанной. Более того, такая морфологическая структура текстов официально-делового содержания позволяет говорить о сильном родстве осетинского языка с иранской языковой группой [10, с. 357].

Заключение

По итогу проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- 1) Официальный деловой стиль осетинского языка обслуживает юридическую, административную и общественную сферы деятельности, которая ведется на осетинском языке. В ходе исследования морфологической частотности трех лексико-семантических групп удалось выявить особенности осетинского официально-делового стиля в отношении его родства с иранской языковой группой.
- 2) Эмпирически удалось также доказать, что в официально-деловом стиле осетинского языка наиболее часто используются три лексико-семантические группы, имеющие коннотации с деловыми отношениями «работодатель-подчиненный» на рынке труда, административной деятельностью государственных органов власти; а также со сферой международного права.

Литература

1. Боблева Е.И., Ефимов Д.К. Особенности перевода официально-деловой документации // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2021. № 4. С. 110 – 113.
2. Борискина О.О. Корпусное исследование языка: мода или необходимость? // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 24 – 27.
3. Дзусова Б.Т., Гогаева З.А. Структурно-типологический анализ синонимов в русском и осетинском языках // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 4. С. 3 – 9.
4. Драчук Н.В., Черницына Т.В. Характеристика как жанр официально-делового стиля // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 4. С. 2 – 10.
5. Караоол Л.С. Лексические особенности официально-делового стиля тувинского языка // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. 2017. № 4. С. 137 – 142.

6. Медведь Н.С. Особенности лексикона официально-делового стиля // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2016. № 1. С. 104 – 110.
7. Назарова И.В., Пархоменко С.С. Фразеология официально-делового стиля: типология и особенности // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: Сборник материалов VI Международной научно-методической конференции. Воронежский государственный университет, филологический факультет. Воронеж, «Научная книга». 2020. С. 165 – 170.
8. Осетинский национальный корпус. URL: http://corpus.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=ru (дата обращения: 12.01.2023)
9. Ошурмахмадова С.Ш. Особенности лексики дипломатического делопроизводства // *Мир науки, культуры, образования*. 2019. № 1. С. 475 – 478.
10. Gatsalova L.B., Parsieva L., Valieva M.D. Practical problems of documentary linguistics in database compiling (based on the Ossetian language material) // *Modern studies of social problems*. 2022. Vol. 13 (4). P. 355 – 367.
11. Giniyatullina L.M. Features of difficult syntactic units in official-business style texts // *Bulletin of Udmurt University Series History and Philology*. 2021. Vol. 12 (3). P. 18 – 29.
12. Satsaev E.B. To the question of the etymological aspect of the Ossetian language // *International linguistics*. 2022. Vol. 6. P. 27 – 39.
13. Shanaeva R., Tuaeveva T. Phraseologism expressing the value of time in the Ossetian language // *Bulletin of Udmurt University Series History and Philology*. 2022. Vol. 32 (5). P. 1022 – 1026.
14. Sikorska V. Basic principles of translating official-business style texts. *Bulletin of Udmurt University Series History and Philology*. 2020. Vol. 3 (9). P. 48 – 60.

References

1. Bobleva E.I., Efimov D.K. Osobennosti perevoda oficial'no-delovoj dokumentacii. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2021. № 4. S. 110 – 113.
2. Boriskina O.O. Korpusnoe issledovanie jazyka: moda ili neobhodimost'? *Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*. 2015. № 3. S. 24 – 27.
3. Dzusova B.T., Gogaeva Z.A. Strukturno-tipologicheskij analiz sinonimov v russkom i osetinskom jazykah. *Evrazijskij Sojuz Uchenyh*. 2015. № 4. S. 3 – 9.
4. Drachuk N.V., Chernicyna T.V. Harakteristika kak zhanr oficial'no-delovogo stilja. *Evrazijskij Sojuz Uchenyh*. 2015. № 4. S. 2 – 10.
5. Karaool L.S. Leksicheskie osobennosti oficial'no-delovogo stilja tuvinskogo jazyka. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*. 2017. № 4. S. 137 – 142.
6. Medved' N.S. Osobennosti leksikona oficial'no-delovogo stilja. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2016. № 1. S. 104 – 110.
7. Nazarova I.V., Parhomenko S.S. Frazeologija oficial'no-delovogo stilja: tipologija i osobennost. Problemy prepodavaniya filologicheskikh disciplin inostrannym uchashhimsja: Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii. *Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, filologicheskij fakul'tet*. Voronezh, «Nauchnaja kniga». 2020. S. 165 – 170.
8. Osetinskij nacional'nyj korpus. URL: http://corpus.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=ru (data obrashhenija: 12.01.2023)
9. Oshurmahmadova S.Sh. Osobennosti leksiki diplomaticheskogo deloproizvodstva. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*. 2019. № 1. S. 475 – 478.
10. Gatsalova L.B., Parsieva L., Valieva M.D. Practical problems of documentary linguistics in database compiling (based on the Ossetian language material). *Modern studies of social problems*. 2022. Vol. 13 (4). P. 355 – 367.
11. Giniyatullina L.M. Features of difficult syntactic units in official-business style texts. *Bulletin of Udmurt University Series History and Philology*. 2021. Vol. 12 (3). P. 18 – 29.
12. Satsaev E.B. To the question of the etymological aspect of the Ossetian language. *International linguistics*. 2022. Vol. 6. P. 27 – 39.
13. Shanaeva R., Tuaeveva T. Phraseologism expressing the value of time in the Ossetian language. *Bulletin of Udmurt University Series History and Philology*. 2022. Vol. 32 (5). P. 1022 – 1026.
14. Sikorska V. Basic principles of translating official-business style texts. *Bulletin of Udmurt University Series History and Philology*. 2020. Vol. 3 (9). P. 48 – 60.

*Dauev D.A., Postgraduate,
North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*

Official-business style in the Ossetian language

Abstract: the article reveals the peculiarities of the official business style of the vocabulary of the Ossetian language. The research relevance lies in the fact that the study and practice of using the Ossetian language is necessary to preserve the ethnic culture of the people, their identity and traditions. The research goal is to identify the features of the official business style of the Ossetian language.

The research methodology is based on the ethno-cultural approach and includes the methods of the general scientific group (analysis, synthesis, deduction, induction), as well as a number of special methods: content analysis of scientific literature on the research topic; corpus study of the business Ossetian language, the method of comparative frequency analysis. As a result of the study, the author of the article came to the following conclusions: the most frequent in the field of official business relations is the everyday business lexical-semantic group with the connotation «employer – subordinate»; the vocabulary of this group is most common in the official labor market among private companies and is expressed both orally and in writing. The second most frequent lexical-semantic group is the clerical sphere of state institutions with the connotation «order – execution». A feature of this group is a large amount of legal terminology, which is used to draw up internal regulations and legal acts.

Keywords: linguistics, linguoculture, linguistics, ethnolinguistics, corpus research, Ossetian language, Iranian language group, business style, official business vocabulary, lexical and semantic groups

For citation: Dauev D.A. Official-business style in the Ossetian language. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 61 – 67.

Мирзоева М.И., докторант,

Таджикский государственный институт языков им. Соти́ма Улугзода, Республика Таджикистан

Рецепция творческого наследия русских классиков в персидско-таджикской литературе

Аннотация: современные глобализационные трансформации в политической, экономической и культурной сферах интенсифицировали обновление международных культурных взаимосвязей, что обусловлено необходимостью совершенствования национальных отношений между государствами. Возрастающий интерес к культурному наследию России актуализирует необходимость исследования проблемы рецепции русских классических литературных традиций в персидско-таджикской литературе. Целевым ориентиром исследования является анализ влияния русской литературы на персидско-таджикский литературный процесс. В качестве методологического базиса в статье на основе теоретических литературоведческих исследований применялись методы: контекстуального анализа, компаративного анализа литературных явлений.

Ключевые слова: русская литература, персидско-таджикская литература, литературные классики, рецепция, традиции, литературный процесс

Для цитирования: Мирзоева М.И. Рецепция творческого наследия русских классиков в персидско-таджикской литературе // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 68 – 71.

На сегодняшний день исследовательские процессы в современном литературоведении характеризуются формированием и развитием новых направлений: наряду с изучением литературных течений, поэтики художественных произведений, образов литературных героев прослеживается тенденция духовного обогащения посредством рецепции национальной специфики литературного наследия разных народов и культур.

Характер воздействия литературы на формирование вкусов современного зарубежного литературного сообщества обусловлен определенной эпохой, национальной спецификой культурной ментальности, что является индикатором восприятия/рецепции художественно-литературного наследия зарубежным литературоведческим сообществом.

Таким образом, проявляется новый взгляд на интерпретацию других культур сквозь призму рецепции классических литературных произведений в виде нового их прочтения.

Базирование литературной рецепции на принципах переосмысления, воссоздания литературного зарубежного наследия способствует проецированию текста оригинала на свое мировосприятие и мироощущение.

Таджикский народ всегда проявлял большой интерес к русской культуре и литературе. Передовое сообщество конца XIX – начала XX века рассматривали русскую литературу как средство, способствующее развитию и обогащению национальной культуры других народов. В процессе изучения русской литературной классики в ее лучших традициях происходило формирование таджикско-персидского литературного пласта.

Основоположник таджикской советской литературы Садриддин Айни, мудро оценивая роль и значение русской литературы, считал, что русская литература является «той сокровищницей, где собрана суть знаний всего человечества» [8, с. 89]. Литературное творчество Айни формировалось благодаря рецепции художественных произведений М. Горького: «Я мало видел Горького, мало читал его, тем не менее, очень многому научился у него, многое использовал в своей творческой деятельности. И до тех пор, пока я буду жив, буду учиться у Горького, буду изучать его» [1, с. 312].

Вслед за Айни о роли русской литературы в идейном и художественном росте, углублении художественного мышления и совершенствовании писательского мастерства с благодарностью говорят все таджикские писатели. Ярким примером тому может служить высказывание поэта Пейрава Сулаймони, который с восхищением преклоняется перед вечно юной, волнующей поэзией А.С. Пушкина: «Творчество Пушкина – бурное, взволнованное море. Боюсь, что я не сумею почерпнуть что-то значительное из него своей маленькой кружкой осведомленности в русском языке» [8, с. 72]. Пейраву принадлежит право считаться первооткрывателем для таджикского читателя революционной поэзии Маяковского: он приблизил к родному языку ритмы и образы трибуна революции.

Лучшие таджикские писатели и поэты стали переводчиками замечательных произведений русских писателей. По образному выражению Мирзо Турсун-заде, «...как стадо истомленных жаждой оленей, встретив в пустыне прекрасный родник, жадно пьет из него чистую, благоухающую спасительную влагу, так и мы, встретив на своем пути неиссякаемый родник могучей и величественной русской литературы, жадно припали к нему» [4, с. 65].

О необходимости рецепции русского литературного наследия говорил народный поэт Таджикской ССР Мирсаид Миршакар: «Русская литература, как и русский язык сплотили народы нашей страны, укрепили их дружбу. И наше родное, созданное великим Фирдоуси «Шах-наме», сегодня казался бы обедненным без русско-интернациональных литературных заимствований» [4, с. 87].

Включенные в ткань таджикских произведений русские слова и выражения используются во всех жанрах таджикской литературы: в повседневной жизни многообразная лексика русского языка выражает восторг и печаль, боль и радость, гнев и ненависть, любовь и признание, торжество разума и общечеловеческий гуманизм. В русской литературе заложена правда истории и его проницательный ум, и талант русского народа.

Мумин Каноат указывает на особое значение плодотворного фактора взаимодействия таджикской литературы с русской литературой: «благодаря русской классике наша тысячелетняя литература стала достоянием всех народов страны и вышла на мировую арену. В то же время таджикский читатель получил возможность познакомиться с величайшими достижениями советской и мировой культуры...» [5, с. 179].

В 30-е годы двадцатого века поэтом Х. Юсуфи были переведены: поэмы А.С. Пушкина, «Кавказский пленник», «Братья разбойники» и «Демон» М.Ю. Лермонтова. В этот период молодые писатели Таджикистана создают русское литературное объединение [7, с. 621].

Литературоведы Ирана и стран Ближнего Востока в лице национальной интеллигенции (А.К. Ага-Бабаханова, М.Ф. Ахундзаде) становятся трансляторами лучших традиций русской классики, осуществляя переводы А.С. Пушкина на персидский язык. Свое восхищение великим русским классиком Ахундзаде выразил пс. 65с.освящением ему в 1837 году «Восточной поэмы на смерть Пушкина». Персидский поэт Фазил-хан-Шайда, осуществляющий «извинительную» миссию по поводу трагической гибели А.С. Грибоедова, отчаянно желал встретиться с А.С. Пушкиным, что говорит об известности к тому времени русского поэта в Иране [7, с. 59].

Благодаря русскому литературному наследию, мировому читателю стало доступным все ценное, что есть в сокровищнице таджикской многонациональной литературы – Айни и Ауэзова, Кербабаяева и Яшена, Турсун-заде и Гамзатова, Абашидзе и Зульфую, Айтматова и Мирзо Ибрагимова, которых сегодня знают и читают в Париже и Дели, в Лондоне и Коломбо, Джакарте и Нью-Йорке, во всех странах Европы, Ближнего и Дальнего Востока. На 30 языков мира переведены повести и романы С. Айни, более 35 наций и народностей планеты читают на своем языке Лахути. Стихи М. Турсун-заде, переведенные на 47 языков, облетели почти весь земной шар [6, с. 232].

*«Когда повержен был дворец эмира в Бухаре
И наступил заветным днем конец его поре,
Мы услышали вдруг впервой в далеком кишлаке –
«Свобода», «равенство» и «хлеб» на русском языке.
И перед взорами людей – Моих односельчан
Открылся вдруг чудесный мир, Как счастья океан.
И стало слово «человек»
Большим и гордым вдруг.*

*Так Горький некогда сказал, Наш добрый брат и друг».
Турсун-заде. Законы братства [4, с. 101]*

Фатех Ниязи верно сказал, что «русский язык не только открыл перед нами двери мира и обогатил пашу культуру, по еще и нас открыл миру, прославляя пашу литературу на всю планету [9, с. 59].

Бурная рецепция русского литературного наследия происходила в Иране, в сороковые-пятидесятые годы. На персидском языке было издано много произведений русских классиков – Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Крылова, Чехова, Достоевского, Тургенева, Толстого, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Островского, Белинского, Чернышевского и других представителей русской литературной когорты [2, с. 37].

Зарубежному читателю стала доступна литература русских писателей в переводах восточных авторов. Наряду с этим иранская периодическая литература стала содержать библиографические сведения о жизни и творчестве известных русских литераторов дореволюционной и советской эпохи.

В свете приобщения к русской культуре и популяризации творчества русских писателей в Иране вошли в моду литературные встречи, организация выставочных мероприятий, разноплановых развивающих радиопередач.

В восьмидесятые годы на фоне ирано-иракской войны иранское литературное сообщество актуализировало русскую литературу военной тематики (Ю. Бондарев «Горячий снег», фронтовая русская поэзия времен Великой Отечественной войны, переводы в иранской прессе стихов Симонова, Твардовского, Суркова) [3, с. 90].

Стоит отметить, тесные творческие литературные связи представителей персидско-таджикской с русскими классиками литературы были обусловлены тесным литературным взаимодействием и плодотворным творческим содружеством, и способствовали формированию и обновлению национальных эстетических и художественных вкусов и традиций.

Таким образом, рецепция русского литературного наследия в таджикско-персидской литературе и культуре в XIX-XX веках характеризуется своей плодотворностью.

Основной всплеск интереса к русской классической литературе активизировался благодаря активному переводу русского литературного пласта на фарси, а также компаративистским филологическим исследованиям, что способствовало формированию новых направлений в изучении таджикско-персидско-русского культурного взаимодействия. Это позволяет нам констатировать устоявшиеся научные традиции и направления в сфере гуманитарных исследований, требующие к себе более глубокого внимания в силу своей новизны и актуальности.

Литература

1. Брагинский И.С. Айна и русская литература // Вопросы литературы. 1978. № 5. С. 311 – 313.
2. Карими-Мотаххар Дж. Наследие русских классиков в персидской литературе Ирана: сборник материалов международного форума Москва-Тула // Современные направления, методы и приемы в практике обучения русскому языку как иностранному в персоязычной аудитории. 2014.
3. Кляшторина В.Б. Иран и Россия: культурное взаимодействие в прошлом, настоящем и будущем // Иран и СНГ: сборник статей. М.: Институт востоковедения РАН, 2003. 220 с.
4. Мирзо Турсун-заде. Вечный свет. Стихи и поэмы. М.: Художественная литература, 1968. 270 с.
5. Мумин Каноат // Писатели Таджикистана / автор-сост. М. Левин и др. 4-е изд., испр. и доп. Душанбе: Ирфон, 1986. 511 с.
6. Нагзибекова М.Б. Русский язык в Таджикистане // Slavica Helsingiensia 35. S ljubov'ju k slovu / Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday. Ed. by Jouko Lindstedt et al. Helsinki, 2008. С. 233 – 241.
7. Розенфельд А.З. Проза Пушкина на персидском языке (переводы «Капитанской дочери»). М.: Наука, 1999.
8. Табаров С. Пайрав Сулаймони, Душанбе, 1962.
9. Холматова С.Д.Таджикские писатели о русском языке // Русская речь. 1984. № 6. С. 57 – 61.

References

1. Braginskij I.S. Ajni i russkaja literature. Voprosy literatury. 1978. № 5. С. 311 – 313.
2. Karimi-Motahhar Dzh. Nasledie russkih klassikov v persidskoj literature Irana: sbornik materialov mezhdunarodnogo foruma Moskva-Tula. Sovremennye napravlenija, metody i priemy v praktike obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu v persojazyčnoj auditorii. 2014.
3. Kljashtorina V.B. Iran i Rossija: kul'turnoe vzaimodejstvie v proshlom, nastojashhem i budushhem. Iran i SNG: sbornik statej. M.: Institut vostokovedenija RAN, 2003. 220 s.
4. Mirzo Tursun-zade. Vechnyj svet. Stihi i pojemy. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1968. 270 s.
5. Mumin Kanoat. Pisateli Tadzhiqistana. avtor-sost. M. Levin i dr. 4-e izd., ispr. i dop. Dushanbe: Irfon, 1986. 511 s.
6. Nagzibekova M.B. Russkij jazyk v Tadzhiqistane. Slavica Helsingiensia 35. S ljubov'ju k slovu. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday. Ed. by Jouko Lindstedt et al. Helsinki, 2008. S. 233 – 241.
7. Rozenfel'd A.Z. Proza Pushkina na persidskom jazyke (pervody «Kapitanskoj dochki»). M.: Nauka, 1999.
8. Tabarov S. Pajrav Sulajmoni, Dushanbe, 1962.
9. Holmatova S.D. Tadzhiqskie pisateli o russkom jazyke. Russkaja rech'. 1984. № 6. S. 57 – 61.

*Mirzoeva M.I., Doctoral Candidate,
Tajik State Institute of Languages named after Sotim Ulugzod, Republic of Tajikistan*

Reception of the creative heritage of the Russian classics in Persian-Tajik literature

Abstract: modern globalization transformations in the political, economic and cultural spheres have intensified the renewal of international cultural relations, which is caused by the need to improve national relations between states. Increasing interest in the cultural heritage of Russia actualizes the need to study the problem of reception of Russian classical literary traditions in the Persian-Tajik literature. The target of the study is to analyze the influence of Russian literature on the Persian-Tajik literary process. As a methodological basis, the article used methods: contextual analysis, comparative analysis of literary phenomena on the basis of theoretical literary studies.

Keywords: Russian literature, Persian-Tajik literature, literary classics, reception, tradition, literary process

For citation: Mirzoeva M.I. Reception of the creative heritage of the Russian classics in Persian-Tajik literature. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 68 – 71.

Сюй Лина, аспирант,
Дальневосточный федеральный университет

Текстовые функции предикативной конструкции «Дело вот в чем» в современном русском языке

Аннотация: в статье рассматривается функционирование предикативной конструкции *Дело вот в чём* в тексте. Цель исследования – определить особенности функционирования конструкции как текстовой скрепы. Задачи исследования: обосновать квалификацию конструкции *Дело вот в чем* как текстовую скрепу и выявить ее функции. В работе использован описательный метод, сбор материала осуществлялся с помощью корпусной методики.

В результате анализа установлено, что предикативная конструкция *Дело вот в чём* имеет глагольную и безглагольную модификации, безглагольная модификация используется значительно чаще. Конструкция оформляет проспективные отношения между фрагментами текста и обладает признаками скрепы-фразы: постоянным лексико-грамматическим составом, интонацией завершённого высказывания. Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что в качестве текстовой скрепы конструкция используется говорящим для перехода к информации, в которой содержится либо раскрытие содержания того, о чем сказано в предшествующем контексте, либо для объяснения причины той ситуации, которая описана в предшествующей скрепе части текста.

Полученные результаты могут быть использованы при формировании реестра текстовых скреп, в лексикографической практике при создании словарной статьи в словаре служебных слов, в учебных курсах по анализу текста, в практике преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: текст, синтаксис, текстовая скрепа, скрепа-фраза, служебные слова, проспекция

Для цитирования: Сюй Лина Текстовые функции предикативной конструкции «Дело вот в чем» в современном русском языке // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 72 – 78.

Текст является одним из центральных объектов исследования в современной лингвистике. При его изучения актуальным и основополагающим является комплексный и системный анализ средств связи. Выбор того или иного средства для оформления связности текста во многом предопределяется говорящим, его представлением о том, какое из возможных связующих средств более четко передаст необходимые ему отношения между информационными блоками.

С этой точки зрения особый интерес представляют разного рода текстовые скрепы, объединяющие текстовые блоки в единое целое.

Объектом настоящего исследования является предикативная конструкция *Дело вот в чем*, которая в определенных позициях в тексте приобретает функции текстовой скрепы. Например: (1). *Ученые установили, что разгадка кроется в вязкости крови. Точнее, риск инсульта напрямую зависит от степени ее густоты. Дело вот в чем. Когда красные клетки крови – эритроциты – теряют эластичность и уже не могут протиснуться сквозь тонкие сосуды, там образуются заторы и даже "пробки"* [Труд-7, 2005.02.10]. (2). *Есть там и еще сорт памятников, составляющих очень оригинальную достопримечательность города. Дело вот в чем: в некоторых местностях Китая существует обычай воздвигать памятники, в виде таких же каменных столбов или арок, в честь вдов, не пожелавших вторично выйти замуж; на этих колоннах пишутся имена чествуемых и изображаются иногда разные бытовые сцены* [В. Д. Черевков. По китайскому побережью // «Исторический вестник», 1898].

Выбор объекта исследования связан с тем, что на базе существительного *дело* возник целый ряд разных конструкций, которые участвуют в оформлении связи в тексте. Среди них выделяется грамматикализованная конструкция *дело в том, что*, подробно описанная в научной литературе [6, с. 78-81, 9, 10]. Однако другие конструкции с этим существительным, формально и семантически соотносящиеся с конструкцией *дело в том, что* и также выполняющие связующую функцию в тексте, не имеют специального описания. В то же время выявление и характеристика всех существующих текстовых единиц, их классификация является важной задачей при составлении реестра текстовых средств связи.

Цель данного исследования – определить особенности функционирования текстовой скрепы *Дело вот в чем*. Задачи исследования: обосновать отнесенность конструкции *Дело вот в чем* к классу текстовых скреп и выявить ее функции как текстовой скрепы.

Материал исследования был собран с помощью Национального корпуса русского языка (НКРЯ) методом сплошной выборки из основного и газетного корпусов.

Текстовые средства связи изучаются как с точки зрения лингвистики текста, так и с точки зрения развития системы служебных слов русского языка. Теоретической базой нашего исследования стали труды по теории служебных текстовых единиц [5, 16, 17, 19, 23, 24], в частности, работы ученых Дальневосточной синтаксической школы, в которых описан ряд текстовых скреп [2, 14, 15, 22].

В системе служебных слов текстовые средства связи занимают особое место, так как они часто не относятся ни к одной из трех основных служебных частей речи (предлоги, союзы, частицы). Уже давно отмечено, что в систему текстовых средств связи входит значительное количество единиц, которые возникли на основе соединения знаменательных и служебных слов или развили связующие функции, но остались знаменательными словами. Специалисты обращают внимание на активное пополнение средств текстовой связи, расширение состава этого функционального класса. Исследования последних лет [15, 23] показали, что текстовую функцию могут выполнять не только отдельные слова и словосочетания, но и целые конструкции. Г.Д. Фигуровская отмечает, что в класс связующих средств начинают входить предикативные мета-конструкции, «называющие тот или иной тип семантико-синтаксических отношений и тем самым выражающие их» [23, с. 9]. Основу таких мета-конструкций формируют слова типа *причина, цель, средство; вызывать, ограничиваться* и под., например: *Отличие состоит в следующем / в этом / вот в чем* [23].

Для обозначения средств, обеспечивающих связность текста, в лингвистике употребляются разные термины: *коннектор, релятив, дискурсивное слово, текстовая скрепа, межфразовая скрепа* и др. Выбор термина во многом зависит от теоретического направления, которого придерживаются исследователи. М.И. Черемисина и Т.А. Колосова использовали термин *скрепа* как общее название всех типов служебных слов, формирующих сложное предложение, при этом авторы отмечали, что в них включаются и такие единицы, которые «связывают предложения и абзацы в структуре связного текста» [24, с. 137]. Однако необходимость выделить отдельный функциональный класс текстовых средств связи привела к появлению терминов *межфразовая скрепа* [8, 11] и *текстовая скрепа* [17].

А.Ф. Прияткина рассматривает текстовую скрепу как «...специальное средство текстовой связи: скрепы выражают отношения между высказываниями внутри абзаца, между частями текста, оформленными в виде абзаца, или соотносят между собой сколь угодно крупные части текста» [17, с. 335-336].

В свою очередь среди текстовых скреп А.Ф. Прияткина предложила выделить разновидность – *скрепы-фразы*. К скрепам-фразам А.Ф. Прияткина относит единицы, обладающие стандартизированным лексико-фонетическим составом, регулярно выступающие в связующей функции и «поддающиеся перечню» и обязательно «имеющие интонационный признак отдельного высказывания («интонация точки»)» [16, с. 327]. В письменных текстах указанная интонационная особенность отражается в знаках препинания: для скрепы-фразы характерно оформление с помощью двоеточия и точки [16, с. 330].

Обратимся к объекту нашего исследования.

Сначала рассмотрим элементы, составляющие предикативную конструкцию *Дело вот в чем*.

Дело: Существительное *дело* имеет 11 значений, одно из них – «событие, обстоятельство, факт; положение вещей» [13, с. 548].

Вот: Частица *вот* является логически ударным центром конструкции. Е.А. Стародумова обращает внимание на то, что основное значение частицы *вот* – указательное – имеет разнообразные проявления [20, с. 123]. По мнению Е.А. Стародумовой, эти разнообразные употребления объединяются «прагматической особенностью» частицы: говорящий использует ее «для привлечения внимания адресата к какому-нибудь предмету, ситуации, оценке» [20, с. 123]. В исследованиях, посвященных данной частице, отмечается ее характерная особенность – способность сочетаться с местоименными относительно-вопросительными словами. Сочетание *вот что* А.Н. Баранов и П.Б. Паршин считают грамматическим фразеологизмом, имеющим «семантическую валентность на последующее предложение» [1, с. 24], а Р.П. Рогожникова относит это сочетание к эквивалентам слова и определяет как местоимение, функция которого – обратить внимание на объект действия [18, с. 254]. Т.П. Вязовик объединяет названные выше точки зрения: она определяет сочетание *вот что* как «неоднословное местоимение» и в то же время отмечает, что оно имеет признак идоматичности, потому что «их общее значение (указательное местоимение) не является суммой отдельных значений указательной частицы *вот* и «к-местоимений» – вопросительных или относительных» [3, с. 256]. По мнению Т.П. Вязовик, в сочетаниях с к-местоимениями частица *вот* «кардинально меняет их семантику», преобразуя их в указательные, а сама частица «теряет лексическую самостоятельность, приближаясь к морфемам» [4, с. 56].

Е.А. Стародумова считает, что частица «вот» в монологической речи может выполнять текстовую функцию, в частности, в сочетании *вот что*, а также с другими местоименными словами «сигнализирует о представлении какой-то важной информации» [20, с. 124]. Это утверждение соотносится с мнением Т.М. Николаевой о том, что частица «вот» обладает типом «скрытой семантики», который связан «с потребно-

стью в контексте» [12, с. 214]. В диссертационном исследовании Лан Шо, посвященном частице *вот*, было уточнено, что в связующей функции частица в сочетании с местоименными словами обладает катафорической направленностью [7, с. 102].

Что: Местоимение *что* в состав рассматриваемой нами конструкции включено в форме предложного падежа с предлогом «в».

Г.Д. Фигуровская отмечает, что при описании средств связи разного типа необходимо обращать внимание на средства актуализации компонентов конструкций. К таким актуализаторам относятся местоименные слова и частицы, такие как *одно*, *вот*, *следующее* и др. [23, с. 10]. Метаслова, метаконструкции и актуализаторы играют важную роль в формировании связности текста. По нашим наблюдениям, актуализаторы часто становятся обязательным компонентом связующего средства. Например, в качестве текстовой скрепы функционирует предикативная конструкция *дело в другом*, включающая в свой состав актуализатор «другой» [21]. В конструкции *Дело вот в чем* актуализатором и одновременно обязательным компонентом является частица *вот*.

Анализируемая конструкция имеет две модификации – безглагольную и глагольную, с глаголом *быть* в форме прошедшего времени: *Дело было вот в чем*. В результате анализа собранного нами из НКРЯ материала было установлено, что безглагольная модификация является более частотной: в основном корпусе зафиксировано 269 вхождений, в газетном корпусе – 100 вхождений. Из них в сумме в позиции между двумя точками отмечено 160 вхождений (см. пример (1)), перед двоеточием – 98 вхождений (см. пример (2)). В неначальной позиции, то есть внутри предложения, обнаружено 10 вхождений.

Для глагольной модификации в НКРЯ обнаружено 36 вхождений в основном и 2 вхождения в газетном корпусе, в неначальной позиции – 2 вхождения, например: (3). *Мы не задумывались тогда над тайнами Катинной тщательно скрываемой жизни. А дело было вот в чем: Катя профессиональная проститутка и воровка. Обе профессии – требуют засекреченности, обе учат лгать, изворачиваться, заметить следы* [Л. К. Чуковская. Прочерк (1980-1994)].

Как видно из приведенных выше количественных данных, для конструкции *Дело вот в чём* типичными позициями являются изолированная позиция между двумя точками и позиция в начале предложения перед двоеточием. Это позволяет считать, что данная конструкция выступает в качестве скрепы-фразы.

Конструкция может вступать во взаимодействие с союзами А (52 примера из НКРЯ) и НО (20 примеров из НКРЯ), а также с вводно-модальными словами, стоящими в начале конструкции. Такие факты мы рассматриваем как единую текстовую скрепу. Например: (4). *Говорю тебе об этом так, чтобы ты знал, и больше говорить об этом не буду. А дело вот в чем: это никакая не подпольная организация подождла трест и баню, это я поджег...* [А. А. Фадеев. Молодая гвардия (1943-1951)]. (5). *За предложение спасибо. Но дело вот в чем. Через три часа отходит поезд на Ростов, и я уже взял билет...* [Как Шолохов боролся с цензурой // Комсомольская правда, 2005.10]. (6). *Могу сказать, что погоду метеорологи определяют довольно точно. Думаю, дело вот в чем. Люди воспринимают сведения о погоде слишком прямолинейно и субъективно, а поэтому им кажется, что комментатор соврал* [С ним прогноз погоды немного теплее // Аргументы и факты, 1999.10].

В теории текста отсылка к последующему содержанию текста понимается как проспекция. В ходе исследования мы установили, что сочетание *вот в чём* в составе конструкции *Дело вот в чем* предопределяет проспективную функцию этой конструкции, поскольку *вот в чем* обладает катафорической направленностью. С помощью конструкции *Дело вот в чем* говорящий оформляет переход к новой информации и акцентирует внимание адресата на том, что будет сказано в следующем предложении или целом фрагменте текста.

Основываясь на анализе фактического материала, мы установили, что скрепа-фраза *Дело вот в чем*, являясь скрепой проспективного типа, оформляет переход от левого контекста к правому, при этом между левым и правым контекстом устанавливаются следующие два вида отношений.

1. Скрепа-фраза *Дело вот в чем* оформляет переход к правому контексту, в котором раскрывается *содержание* того, что обозначено в левом контексте. В таких случаях в левом контексте есть слова со значением чувства, мысли, восприятия, например: *просьба*, *точка зрения*, *мнение*, *соображение* и другие. В правом контексте, который вводится скрепой, раскрывается содержание просьбы, мнения, точки зрения и т.д.

Например: (7). *У того, однако, оказались совсем другие соображения, по которым граф находил необходимым присутствие доктора в Митаве. Дело было вот в чём. – Если я уеду, – стал объяснять граф, – то здесь, возле короля, никого не останется из посвященных, и я не могу никому сообщить сведения, полученные мною от нашего общества, потому что имею право делиться этими сведениями только с тем, на кого мне указывают, как в данном случае, например, на вас. Таким образом, здесь необходим человек, который следил бы за этой госпожой и не допустил бы ее сделать зло, задуманное ею* [М.Н. Волконский.

Ищите и найдете (1904)]. Скрепа-фраза *Дело вот в чем* вводит фрагмент текста, в котором объясняется, почему возникло соображение о необходимости присутствия определенного человека в определенном месте. (8). *Даже самой хорошо стало. А у меня есть для тебя новости. Начну со второй, потому что первая, в основном, зависит от неё. Дело вот в чём: завод посылает на учёбу в Московский Химико-технологический институт им. Менделеева нескольких товарищей. У меня есть возможность оказаться в их числе* [Письмо девушки (1977)]. В части текста после скрепы раскрывается содержание новости.

2. Скрепа-фраза *Дело вот в чем* оформляет переход к правому контексту, в котором дается **объяснение, причина** ситуации или факта, описанных в левом контексте. Такое отношение между левым и правым контекстами часто сопровождается наличием в левом контексте вопросительных предложений с наречием *почему*. Например: (9). *Но почему авторы не приводят картины белкового кристалла? Дело вот в чем. Белковые кристаллы являются кристаллами совершенно необычными. Они содержат огромный процент воды (иногда до 90%). Это делает их съёмку в электронном микроскопе невозможной* [А.И. Китайгородский, Л.Д. Ландау. Физика для всех. Молекулы (1978)]. *Дело вот в чем* прямо вводит объяснение, последующее предложение указывает на причину ситуации, описанной в левом контексте в виде вопросительного предложения.

В то же время наличие вопросительного предложения в левом контексте необязательно. Например: (10). *Достаточно быстро Super Mario Run побила рекорды по количеству скачиваний. И примерно с такой же скоростью получила тысячи негативных отзывов: средняя оценка игры — полторы звезды из пяти. Дело вот в чем: от представленных на презентации Apple продуктов всегда ожидают слишком многого. В случае с Super Mario Run, которая оказалась обычным раннером без претензии на гениальность, чуда не случилось* [Влад Массино Андрей Борисов. В Россию вернулся «Прогресс» // lenta.ru, 2016.12.02]. В левом контексте дана информация о том, что игра оценивается низко, в правом контексте после скрепы объясняется причина этой ситуации – обычность, неоригинальность игры. (11). *Еще один вариант развития событий предлагает Алексей КАРНАУХОВ, физик-теоретик из Института биофизики клетки РАН: холода наступят именно из-за глобального потепления! А дело вот в чем: жары не вынесет Гренландский ледник. Он растает, пресная вода попадет в холодное Лабрадорское течение, которое вытеснит теплый Гольфстрим* [Не согреемся, так замерзнем? // Комсомольская правда, 2001.08.21]. Скрепа вводит правый контекст, в котором объясняется, почему существует высказанная в левом контексте точка зрения.

Проведенный анализ сферы функционирования конструкции *Дело вот в чем* показал, что эта конструкция употребляется в художественных, публицистических и бытовых (эпистолярный жанр) текстах. Художественные тексты с данной конструкцией относятся по большей части к концу 19 – первой половине 20 века. Публицистические тексты охватывают 19-21 века. Однако делать выводы о преобладающем употреблении конструкции в каком-либо временном периоде нельзя, так как изученный материал ограничен тем, что есть на данный момент в НКРЯ.

Выводы. Проведённый анализ позволил установить, что конструкция *Дело вот в чем* имеет глагольную и безглагольную модификации, при этом безглагольная модификация используется чаще, чем глагольная. В подавляющем большинстве собранных и изученных примеров конструкция в тексте занимает позиции перед двоеточием и между двумя точками, такая пунктуация отражает интонацию изолированного высказывания, характерную для скрепы-фразы. Компонентный состав конструкции предопределяет ее общую катафорическую функцию – она является показателем отношений проспекции. Скрепа-фраза *Дело вот в чем* оформляет переход от содержания левого контекста к правому, с ее помощью говорящий акцентирует внимание адресата на той информации, которая будет дана после скрепы. Скрепа-фраза *Дело вот в чем* используется говорящим как сигнал того, что информация в последующем (правом) контексте либо раскроет содержание того, о чем говорящий только намекает, либо будет содержать объяснение, причину той ситуации, которая была представлена говорящим в предшествующем скрепе контексте.

Литература

1. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Процедурный метаязык в лингвистической семантике // Известия АН СССР. Серия: лит. и яз. 1990. № 1. С. 16 – 30.
2. Ван Цяоши Функционирование текстовых скреп *Теперь о №6 и И последнее* в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2022. 211 с.
3. Вязовик Т.П. Сочетания типа "вот что" в отечественной лексикографической практике // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 255 – 257.
4. Вязовик Т.П. Сочетания типа «вот что» в системе эквивалентов слова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 1. № 2. С. 52 – 59.

5. Инькова О, Манзотти Э. Связность текста: мерологические логико-семантические отношений. М.: Изд. Дом ЯСК, 2019. 376 с.
6. Копотев М.В., Стеклова Т.И. Исключение как правило: Переходные единицы в грамматике и словаре. Москва: Языки и славянские культуры, 2016. 168 с.
7. Лан Шо. Частица «вот» в лексикографическом представлении: значение, прагматика, функции: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2018. 129 с.
8. Лапынина Н.Н. Межфразовые скрепы, формирующиеся на базе стандартизованных предикативных единиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1996. 19 с.
9. Лапынина Н.Н. О текстообразующей функции стандартизованной единицы «дело в том, что» // Вестник ВГУ. 2013. № 2. С. 120 – 125.
10. Лапынина Н.Н. Структурно-семантическая характеристика скрепы дело в том, что и ее вариантов // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов 3-й Международной заочной научной конференции. Макеевка. 2017. С. 15 – 21.
11. Мажарова А.Г. Грамматикализация слов и словосочетаний как тенденция в текстообразовании (межфразовые скрепы градиционной семантики в русских и немецких текстах): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1992. 196 с.
12. Николаева Т.М. Частицы и ситуации. «Скрытая семантики» частиц // Лингвистика. Избранное. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 209 – 226.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Ити технологии, 2003. 944 с.
14. Откидыч Е.В. Функционирование текстовых скреп «КСТАТИ» и «МЕЖДУ ПРОЧИМ» в монологическом и диалогическом тексте: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2017. 199 с.
15. Пилюгина Н.Ю. Конструктивная роль фразеологизированных сочетаний: специфика семантики и прагматика // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 595 – 598.
16. Прияткина А.Ф. Скреп-фраза (о новой модели организаторов текста) // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции): избранные труды. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2007. С. 326 – 334.
17. Прияткина А.Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции): избранные труды. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2007. С. 334 – 344.
18. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. М.: Русский язык, 1991. 254 с.
19. Семантика коннекторов: контрастивное исследование / под науч. ред. Иньковой О.Ю. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2018. 366 с.
20. Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002. 292 с.
21. Сюй Лина. Текстовая скрепа *дело в другом*: особенности контекстов // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию: Сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 95-летию доктора филологических наук, профессора Аллы Федоровны Прияткиной. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2021. С. 80 – 84.
22. Тюрин П.М. Текстовые скрепы «таким образом» и «итак» в современном русском языке: особенности функционирования и семантики. Владивосток, 2016. 202 с.
23. Фигуровская Г.Д. Союзные средства в предложении и тексте: скрепы-фразы, актуализованные фразы, метаконструкции // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию: Сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 95-летию доктора филологических наук, профессора Аллы Федоровны Прияткиной. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2021. С. 8 – 13.
24. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 197 с.

References

1. Baranov A.N., Parshin P.B. Procedurnyj metajazyk v lingvisticheskoj semantike. Izvestija AN SSSR. Serija: lit. i jaz. 1990. № 1. S. 16 – 30.
2. Van Cjaoshi Funkcionirovanie tekstovyh skrep Teper' o N6 i I poslednee v sovremennom russkom jazyke: dis. ... kand. filol. nauk. Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2022. 211 s.
3. Vjazovik T.P. Sochetanija tipa "vot chto" v otechestvennoj leksikograficheskoj praktike. Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2014. № 3 (45). S. 255 – 257.

4. Vjazovik T.P. Sochetanija tipa «vot chto» v sisteme jekvivalentov slova. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2013. T. 1. № 2. S. 52 – 59.
5. In'kova O, Manzotti Je. Svjaznost' teksta: mereologicheskie logiko-semanticheskie otnoshenij. M.: Izd. Dom JaSK, 2019. 376 s.
6. Kopotev M.V., Steksova T.I. Isključenje kak pravilo: Perehodnye edinicy v grammatike i slovare. Moskva: Jazyki i slavjanskie kul'tury, 2016. 168 s.
7. Lan Sho. Chastica «vot» v leksikograficheskom predstavlenii: znachenie, pragmatika, funkcii: dis. ... kand. filol. nauk. Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2018. 129 s.
8. Lapykina N.N. Mezhfrazovye skrepy, formirujushiesja na baze standartizovannyh predikativnyh edinic: avtoref. dis. ... kand. filol.nauk. Voronezh, 1996. 19 s.
9. Lapykina N.N. O tekstoobrazujushhej funkcii standartizovannoj edinicy «delo v tom, chto». Vestnik VGU. 2013. № 2. S. 120 – 125.
10. Lapykina N.N. Strukturno-semanticheskaja harakteristika skrepy delo v tom, chto i ee variantov. Nauka i mir v jazykovom prostranstve: sbornik nauchnyh trudov 3-j Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchnoj konferencii. Makeevka. 2017. S. 15 – 21.
11. Mazharova A.G. Grammatikalizacija slov i slovosochetanj kak tendencija v tekstoobrazovanii (mezhfrazovye skrepy gradacionnoj semantiki v russkih i nemeckih tekstah): dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 1992. 196 s.
12. Nikolaeva T.M. Chasticy i situacii. «Skrytaja semantiki» chastic. Lingvistika. Izbrannoe. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2013. S. 209 – 226.
13. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M.: Iti tehnologii, 2003. 944 s.
14. Otkidych E.V. Funkcionirovanie tekstovyh skrep «KSTATI» i «MEZhDU PROChIM» v monologicheskom i dialogicheskom tekste: dis. ... kand. filol. nauk. Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2017. 199 s.
15. Piljugina N.Ju. Konstruktivnaja rol' frazeologizirovannyh sochetanj: specifika semantiki i pragmatika. Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2022. № 6 (97). S. 595 – 598.
16. Prijatkina A.F. Skrepa-fraza (o novej modeli organizatorov teksta). Russkij sintaksis v grammaticheskom aspekte (sintaksicheskie svjazi i konstrukcii): izbrannye trudy. Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2007. S. 326 – 334.
17. Prijatkina A.F. Tekstovye «skrepy» i «skrepy-frazy» (o rasshirenii kategorii sluzhebnyh edinic russkogo jazyka)/ Russkij sintaksis v grammaticheskom aspekte (sintaksicheskie svjazi i konstrukcii): izbrannye trudy. Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2007. S. 334 – 344.
18. Rogozhnikova R.P. Slovar' jekvivalentov slova: narechnye, sluzhebnye, modal'nye edinstva. M.: Russkij jazyk, 1991. 254 s.
19. Semantika konnektorov: kontrastivnoe issledovanie. pod nauch. red. In'kovej O.Ju. M.: TORUS PRESS, 2018. 366 s.
20. Starodumova E.A. Chasticy russkogo jazyka (raznoaspektnoe opisanie). Vladivostok: Izd-vo DVGU, 2002. 292 s.
21. Sjuj Lina. Tekstovaja skrepa delo v drugom: osobennosti kontekstov. Russkij sintaksis: ot konstrukcij k funkcionirovaniju: Sb. materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 95-letiju doktora filologicheskich nauk, professora Ally Fedo-rovny Prijatkinov. Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2021. S. 80 – 84.
22. Tjurin P.M. Tekstovye skrepy «takim obrazom» i «itak» v sovremennom russkom jazyke: osobennosti funkcionirovanija i semantiki. Vladivostok, 2016. 202 s.
23. Figurovskaja G.D. Sojuznye sredstva v predlozhenii i tekste: skrepy-frazy, aktualizovannye frazy, metakonstrukcii. Russkij sintaksis: ot konstrukcij k funkcionirovaniju: Sb. materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 95-letiju doktora filologicheskich nauk, professora Ally Fedo-rovny Prijatkinov. Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2021. S. 8 – 13.
24. Cheremisina M.I., Kolosova T.A. Očerki po teorii slozhnogo predlozhenija. Novosibirsk: Nauka, 1987. 197 s.

*Xu Lina, Postgraduate,
Far Eastern Federal University*

Textual functions of the predicative construction "Here's the thing" in modern Russian

Abstract: this article deals with the functioning of the predicate construction “Here's the thing”. The aim of the study is to determine the peculiarities of the functioning of the textual staple “Here's the thing”. Objectives of the research: to substantiate the attribution of the construction “Here's the thing” to the class of textual connectors, to reveal its functions as a textual connector. Descriptive method was used in the work, the material was collected with the help of corpus technique.

As a result of the analysis it was found that the predicate construction “Here's the thing” has verbal and verbless modification, the verbless modification is used much more often. The construction formalizes the prospective relations between the text fragments and has the features of a connecting phrase: constant lexical and grammatical composition, the intonation of the completed utterance. The conducted research allows us to conclude that as a textual connector the construction is used by the speaker to transition to the information, which contains either the disclosure of the content of what is said in the preceding context, or to explain the reason for the situation that is described in the preceding staple part of the text.

The results obtained can be used in the formation of a register of textual connectors, in lexicographic practice when creating a dictionary entry in the vocabulary of function words, in training courses on text analysis, in the practice of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: text, syntax, textual connector, connecting phrase, function words, prospection

For citation: Xu Lina Textual functions of the predicative construction "Here's the thing" in modern Russian. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 72 – 78.

*Ефремова Л.В., кандидат филологических наук, доцент,
Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова*

Речевой жанр предсказательных конструкций

Аннотация: проблематика и разработка речевых жанров – одно из актуальных направлений в языке. Еще нет единой точки зрения на понимание, что же такое речевой жанр. Однако существует несколько концепций, которые развивают теорию речевых жанров. Научная новизна работы заключается в определении конститутивных признаков речевого жанра «предсказания», в установлении структуры данного речевого жанра. Также в статье сравниваются жанры «предсказания», «предостережения», «предупреждения». В зависимости от маркеров, которые используются в предсказании, оно может становиться то ближе к совету, то ближе к предупреждению. Модус и диктум в предсказании всегда четко разграничены. Модус – это содержание предсказания, диктум – ситуация устранения или ситуация следования. Адресант предсказания – чаще всего обобщен. Однако существуют предсказания, в которых адресант отождествляет себя с обобщенным адресатом. Отмечается, что маркер «предсказать» редко используется в жанре предсказания. Приводятся статистические данные такого типа предсказаний. Теоретическая значимость проведенного исследования состоит в том, что оно вносит вклад в развитие теории речевых жанров, характеризуя особенности выражения речевого жанра «предсказание» и его отличительные особенности от жанра «совет», «предупреждение», «предостережение».

Ключевые слова: речевой жанр, модус, предсказание, диктум, дискурс, речевой акт, императив

Для цитирования: Ефремова Л.В. Речевой жанр предсказательных конструкций // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 79 – 82.

В настоящее время в лингвистике набирает популярность теория речевых жанров. Жанр рассматривается как интеграционная система, которая захватывает сферу прагматики и коммуникации. По набору определенных языковых признаков (использование глагольных форм, лексем) определяется принадлежность к тому или иному жанру. Так, М.М. Бахтин понимал жанр, как структурно, стилистически и тематически устойчивый тип высказывания [1]. Зарубежные лингвисты расширили понятие жанр и рассмотрели его с точки зрения прагмалингвистики, соотнеся его с целями и задачами коммуникации с комплексом конституированных элементов. В отечественной лингвистике мнения о жанре расходятся и на данный момент нет четкой концепции, однако находит отражение в социалингвистике, прагмалингвистике, психолингвистике. Нами будет рассмотрено предсказание как особая жанровая единица. Оно обладает набором специфических особенностей, по которым и может быть отнесено к отдельному жанру, который может быть использован в различных дискурсах – медицинском, социальном, обиходно-бытовом.

Объектом изучения является речевой жанр «предсказание». Актуальность темы подведена тем, что предсказание не было предметом детального рассмотрения с точки зрения теории речевых актов и употребления его в различных типах дискурса. А также тем, что предсказание часто используется в различных источниках для привлечения внимания к различного рода проблемам. Жанровое своеобразие императивных речевых актов, к которым следует относить предсказание, уже рассматривалось в научной литературе [1, 2, 3, 4]. Предсказание как речевой жанр представляет собой сложную коммуникативную единицу, имеющую определенную структуру, набор характерных особенностей и применяющуюся при соблюдении определенных условий.

Цель работы – описать предсказание в русле речевых жанров. Из поставленной цели вытекает ряд задач – определить структуру речевого жанра предсказание; выявить основные особенности предсказаний на лексическом, структурном аспектах, определить конститутивные признаки речевого жанра «предсказание».

Материалом исследования послужили данные сплошной выборки из различных источников – газет, Интернет сайтов, текстов научно-популярной литературы. В работе использовались следующие методы **исследования:** структурный и описательный.

Вопросы теории речевых жанров продолжают активно изучаться современными лингвистами: Анисимовой [5, 6, 7]. В связи с этим жанроцентризм рассматривается как «универсальное направление» [8, с. 109], которое объединяет теорию речевых жанров и типы дискурсов, а также околотингвистические дисциплины.

В настоящее время коммуникативные ценности прививаются человеку отовсюду, обилие различных способов психологического воздействия на человека породило целую науку – когнитивную генристику. Речевой жанр в ней рассматривается с лингвокультурологической точки зрения. По М.М. Бахтину к жанру

можно отнести «короткие реплики бытового диалога, и бытовой рассказ, и письмо, и короткую стандартную военную команду, и развернутый и детализированный военный приказ, многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа)» [8, с. 159]. Развивает эту теорию А.Г. Баранов, который приводит свою классификацию жанров [9]. Если следовать ей, то предсказание можно отнести ко вторичным речевым жанрам. В данном случае следует учитывать различные составляющие: от стилистики до функционирования в дискурсах. Так, речевой жанр – это тип конструкций, которому присущ набор стилистических, функциональных, структурных, прагматических особенностей. основополагающими признаками в жанре предсказания являются: адресат – тот, к кому обращен речевой акт; адресант – абстрактное лицо, которое стремится побудить к действию адресата. Чаще всего это лицо, обладающее какими-то углубленными знаниями в области, о которой идет речь в предсказании; наличие ситуации следования или ситуации устранения – часть предсказания, которая предполагает побуждение к каким-либо действиям адресата; императивность; футуральность; эвристичность.

Если говорить о составе предсказания, то тут можно выделить два аспекта: компонентный и смысловой. Компонентный состав – двучленность предсказательных конструкций; тема, передаваемая четким набором лексических единиц; вывод-прогноз – может быть выражен одним словом. Смысловой состав: описание ситуации с целью побуждения к действию (ситуация может быть прямой или переносной); экспрессивность (например, наличие устрашения); суггестивность предсказания; ожидание реакции адресата. Предсказание – это своего рода способ найти ответы на вопросы эвристическим путем. Предсказание вплетается в многообразие жанров, потому что служит для системы ценностей.

Вслед за Л.Ф. Марковой мы полагаем, что «речевой жанр – типизированное высказывание, которое построено на стереотипных моделях и имеет общий план содержания, стиля, композиции» [10].

Некоторые исследователи выделяют различные классы речевых жанров. Если следовать теории Н.Д. Арутюновой, то предсказание можно отнести к информативному диалогу [11, с. 53-55]. Т.В. Шмелева выделяет три аспекта речевых жанров: лексический, стилистический и речеведческий [12, с. 91-92]. А также речевой жанр обладает рядом постоянных особенностей, по которым можно определить коммуникативную направленность. Так, в предсказании преобладает, на наш взгляд, побудительная направленность. Это отражается на различных уровнях: лексическом, синтаксическом, прагматическом. По данной классификации предсказание можно отнести к императивному жанру. Предсказания можно разделить на те, что имеют ближнюю перспективу, такие предсказания приближены к жанру совет или предостережение. Предсказания с дальней перспективой – это конструкции, близкие по жанровому своеобразиею с жанром прогноз или предупреждение. Такого рода предсказания характеризуются отсутствием конкретного адресата – он обобщен и также на первый план выдвигается заинтересованность адресата в передаче особого знания, а не интерес адресанта. Футуральность предсказания заключается в том, что адресат не нуждается в особой просьбе адресата. Адресант предполагает, что эта информация в любом случае понадобится адресату. Если говорить о жанре предсказания, то в оно сосредоточено на сообщении особой информации, суггестивности высказывания, побуждении к действию. То есть предсказание – это всегда получение нового знания с последующим применением. В отличие от предостережения или предупреждения, знание в которых определено опытом говорящего, в предсказании присутствует элемент предвосхищения. Что касается структуры предсказания, то она похожа на структуру предупреждения. Предсказание в различных дискурсах может имплицитно содержать глагол «предсказываю»: «Все самое плохое все случится в XXI веке. Планета уже истощена, мы все выжали, мы выкачали нефть, уголь, леса горят, экология. Страшные болезни и катаклизмы ждут нас, поэтому надо быть хорошо подготовленными» [13]. В данном предсказании видно четкое деление на новую информацию и вывод-прогноз из нее. Диктум и модус четко разграничены, это характерно для большинства императивных жанров. Следует обратить внимание на диктум, который начинается как правило с глаголов: «случится», «ждут» и модус: «надо быть подготовленными». Как правило предсказания касаются групп людей, но может быть обращено к конкретному адресату. «Сильный кризис стоит ожидать как раз после 2023 – поэтому в течение него стоит задуматься о реальной жизни, лучше всего беречь средства и выходить на стабильный доход» [14]. Данное предсказание обращено к людям в целом – нет указания на лицо, обладает прогностическим началом («Сильный кризис стоит ожидать как раз после 2023»), а также ситуацией следования во второй половине предсказания «в течение него **стоит задуматься** о реальной жизни, лучше всего **беречь средства и выходить на стабильный доход**». Основной коммуникативной целью предсказания является побуждение к размышлению, а затем к действию адресата. Адресант, наделенный определенными полномочиями, описывает ситуацию будущего и ситуацию следования или устранения. При этом нередко объединяет себя с народом, что может способствовать установлению доверительных отношений между адресантом и адресатом. Это же может сблизить жанр предсказания с жанром совета, который содержит модальность волеизъявления: «Нас с вами ждет поступательное возрож-

дение нравственности, традиционных ценностей и верного мировоззрения, а освещать путь всему человечеству будет именно Россия» [14] В отличие от совета или предупреждения в предсказании существует явная трансцендентальность: «Ожидаем появление новых валют и ослабление старых, вся финансово-экономическая система продолжит глобальную перезагрузку» [15].

Что касается маркеров в предсказательных конструкциях, то «предсказываю», «в предсказании», «предсказывает» – встречается редко. Лишь в 20% предсказаний включают в себя данные маркеры. Частотными моделями предсказаний являются такие, которые включают в себя индикативы «*ожидает/ожидают*», «*ждет/ждут*», «*будет/будут*», «*случится*» и под. Так, предсказания – это конструкции с условно-следственными или причинно-следственными отношениями, как и у большинства превентивных жанров. Итак, в данном исследовании мы затронули проблематику жанрового своеобразия предсказания. Выявили основные особенности жанра предсказания от других императивных жанров, таких как совет, предупреждение и предостережение. Так, отличительной чертой предсказания стал больший разброс в модальном значении, а это в свою очередь дает возможность разграничивать предсказание на предсказание-совет, предсказание-предупреждение, предсказание-предостережение. В перспективе можно рассмотреть речевой жанр предсказания в социальном, обиходно-бытовом дискурсе.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940-1960 гг. С. 159 – 206; С. 535 – 555.
2. Воробьева С.Н. Просьба как один из речевых жанров религиозной коммуникации // Вестник удмуртского государственного университета. Серия: Филологические науки. Т 31. Вып. 6. С. 1143 – 1149. DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-6-1143-1150
3. Федосюк М.Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры / под ред. Т.В. Матвеевой. Екатеринбург: Арго, 1996. С. 73 – 94.
4. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект М., 1993. С. 158 – 212.
5. Полякова Е.В., Щитова Н.Г., Кликушина Т.Г. Использование этнических стереотипов в медийном пространстве с целью манипулятивного воздействия на формирование образа народа // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3. № 1. С. 24 – 29.
6. Анисимова Т.В. К вопросу о значении термина "речевой жанр" // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. Т. 1. № 1. С. 104 – 111.
7. Карасик В.И. Иронические поучения // Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 267-274. DOI: 10.18500/2311-0740-2021-4-32-267-274
8. Тарасова И.А «Жанр»: номадический концепт или эстетическая универсалия? // Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 252 – 258. DOI: 10.18500/2311-0740-2021-4-32-252-258
9. Дементьев В.В. Жанры в меняющемся мире: креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 6 – 21. DOI 10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21
10. Баранов А.Г. Речевой жанр в системе дискурсивных структур // Медиалингвистика. 2015. № 2 (8). С. 47 – 57. URL: <https://medialing.ru/rechevoj-zhanr-v-sisteme-diskursivnyh-struktur/> (дата обращения: 15.02.2023)
11. Макарова О.С., Устюжанина А.К. Трансляция ценностей здорового образа жизни через внутреннюю форму слова (на материале названий медицинской продукции) // Вестник НовГУ. 2013. № 73. Т. 1. С. 63 – 65.
12. Арутюнова Н.Д., Булыгина Т.В., Кибрик А.А. и др. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / Отв. ред. Т.В. Булыгина; Рос. АН, Ин-т языкознания. Москва: Наука, 1992. С. 280.
13. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. № 1. С. 88 – 98.
14. Сетевое издание «Блокнот». URL: <https://bloknot.ru> (дата обращения: 02.02.2023)
15. Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/> (дата обращения: 02.02.2023)
16. Газета "Московский Комсомолец" Электронное периодическое издание «МК.ru». URL: <https://www.mk.ru/> (дата обращения: 03.02.2023)

References

1. Bahtin M.M. Problema rechevyh zhanrov. Sobr. soch. M.: Russkie slovari, 1996. T. 5: Raboty 1940-1960 gg. S. 159 – 206; S. 535 – 555.
2. Vorob'eva S.N. Pros'ba kak odin iz rechevyh zhanrov religioznoj kommunikacii. Vestnik udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologicheskie nauki. T 31. Vyp. 6. S. 1143 – 1149. DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-6-1143-1150
3. Fedosjuk M.Ju. Kompleksnye zhanry razgovornoj rechi: «uteshenie», «ubezhdenie» i «ugovory». Russkaja razgovornaja rech' kak javlenie gorodskoj kul'tury. pod red. T.V. Matveevoj. Ekaterinburg: Argo, 1996. S. 73 – 94.
4. Glovinskaja M.Ja. Semantika glagolov rechi s točki zrenija teorii rechevyh aktov. Russkij jazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmaticeskij aspekt M., 1993. S. 158 – 212.
5. Poljakova E.V., Shhitova N.G., Klikushina T.G. Ispol'zovanie jetnicheskikh stereotipov v medijnom prostranstve s cel'ju manipuljativnogo vozdejstvija na formirovanie obraza naroda. Vestnik filologicheskikh nauk. 2023. T. 3. № 1. S. 24 – 29.
6. Anisimova T.V. K voprosu o znachenii termina "rechevoj zhanr". Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishheva. 2019. T. 1. № 1. S. 104 – 111.
7. Karasik V.I. Ironicheskie pouchenija. Zhanry rechi. 2021. № 4 (32). S. 267-274. DOI: 10.18500/2311-0740-2021-4-32-267-274
8. Tarasova I.A «Zhanr»: nomadicheskij koncept ili jesteticheskaja universalija? Zhanry rechi. 2021. № 4 (32). S. 252 – 258. DOI: 10.18500/2311-0740-2021-4-32-252-258
9. Dement'ev V.V. Zhanry v menjajushhemsja mire: kreacionistskie potencii rechevyh zhanrov i jepistemologicheskie potencii teorii rechevyh zhanrov. Zhanry rechi. 2019. № 1 (21). S. 6 – 21. DOI 10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21
10. Baranov A.G. Rechevoj zhanr v sisteme diskursivnyh struktur. Medialingvistika. 2015. № 2 (8). S. 47 – 57. URL: <https://medialing.ru/rechevoj-zhanr-v-sisteme-diskursivnyh-struktur/> (data obrashhenija: 15.02.2023)
11. Makarova O.S., Ustjuzhanina A.K. Transljacija cennostej zdorovogo obraza zhizni cherez vnutrennjuju formu slova (na materiale nazvanij medicinskoj produkcii). Vestnik NovGU. 2013. № 73. T. 1. S. 63 – 65.
12. Arutjunova N.D, Bulygina T.V., Kibrik A.A. i dr. Chelovecheskij faktor v jazyke. Kommunikacija, modal'nost', dejksis. Otv. red. T.V. Bulygina; Ros. AN, In-t jazykoznanija. Moskva: Nauka, 1992. S. 280.
13. Shmeleva T.V. Model' rechevogo zhanra. Zhanry rechi. 1997. № 1. S. 88 – 98.
14. Setevoe izdanie «Bloknot». URL: <https://bloknot.ru> (data obrashhenija: 02.02.2023)
15. Gazeta.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/> (data obrashhenija: 02.02.2023)
16. Gazeta "Moskovskij Komsomolec" Jelektronnoe periodicheskoe izdanie «MK.ru». URL: <https://www.mk.ru/> (data obrashhenija: 03.02.2023)

*Efremova L.V., Candidate of Philological Science s (Ph.D.), Associate Professor,
Ryazan State Medical University named after I.P. Pavlov*

Speech genre of predictional constructions

Abstract: the problematics and development of speech genres is one of the current trends in the language. There is still no single point of view on understanding what a speech genre is. However, there are several concepts that develop the theory of speech genres. The scientific novelty of the work lies in the determination of the constitutive features of the speech genre of "prediction", in establishing the structure of this speech genre. The article also compares the genres of "prediction", "caution", "prevention". Depending on the markers that are used in the prediction, it can become either closer to advice or closer to a prediction. Mode and dictum in divination are always clearly demarcated. A modus is the content of a prediction, a dictum is a situation of elimination or a situation of following. The addresser of the prediction is most often generalized. However, there are predictions in which the addresser identifies himself with the generalized addressee. It is noted that the marker "predict" is rarely used in the genre of prediction. Statistical data of this type of predictions are given. The theoretical significance of the study is that it contributes to the development of the theory of speech genres, characterizing the features of the expression of the speech genre "prediction" and its distinctive features from the genre "advice", "prevention", "caution".

Keywords: speech genre, mode, prediction, dictum, discourse, speech act, imperative

For citation: Efremova L.V. Speech genre of predictional constructions. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (2). P. 79 – 82.

*Коньшева Н.Ю., аспирант,
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет*

Молчание и слово в раннем творчестве Р. Музиля

Аннотация: в статье рассматривается проблема возможностей слова, речи, языка и молчания, как противопоставленных друг другу форм, выраженные в известном тезисе современника Р. Музиля Л. Витгенштейна. Вопросы соотношения слова и молчания актуальны в конце XIX – начале XX веков в культуре и наиболее остро восприняты словесным творчеством. Австрийский писатель Р. Музиль, чей первоначальный успех приходится именно на начало века, не обходит стороной проблему выразительности и выражения. Впервые возникнув в дневниках 1898-1905 годов, вопрос о том, в какую форму облечь то, что сложно или даже невозможно сказать, звучит уже в раннем творчестве достаточно остро и остаётся актуальным для позднего Музиля.

Противопоставление молчания и слова определяет несколько ключевых тезисов. Молчание – признак и условие мыслительной, созидательной деятельности, отстранённости героя. Оно сопряжено с предчувствием иного состояния, любви, гармонии противоположного, достичь которого стремятся все главные герои раннего творчества, составляет предмет наивысшего постижения мира (Тёрлес, Клодина, Вероника). Для других молчание – следствие страха, смиренности, безразличия, слабости (Базини). Во-вторых, ограниченное, пустое слово, противоположно молчанию. Пустословие характеризует Райтинга, Иоганнеса. Другая форма бытования слова – устная речь и его связь с мыслительной, этической, познавательной деятельностью. Поэтическое слово дополняет осмысленное молчание, коррелирует с ним. В социально-конкретном аспекте слово подвергается негативной, пошлой, тривиальной интерпретации в речи Божены, жителей окрестности интерната.

В целом слово в раннем творчестве Р. Музиля лишено приоритета на фоне молчания, наделённого смыслами. Такая же психологическая суть соотношения молчания и слова сохраняется в позднем творчестве писателя.

Ключевые слова: язык, речь и слово, осмысленное молчание и тишина, Schsprach-скепсис

Для цитирования: Коньшева Н.Ю. Молчание и слово в раннем творчестве Р. Музиля // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 83 – 86.

Введение

В конце XIX – начале XX веков особое внимание австрийской философии и культуры было обращено к проблемам языка. Мультинациональность культуры Дунайской монархии и неоднозначное отношение к «почти общему» [6, с. 13] языку определили наиболее острое звучание языкового вопроса. С одной стороны, «не свой» язык относят к чертам своеобразия австрийской словесности, с другой, тот же факт принадлежности австрийской литературы к общенемецкой языковой группе оспаривает её специфику и даже существование [6, с. 13; 7, с. 5]. Темы распада целостности мировосприятия, утраты традиционных ценностей и сомнения в коммуникативных возможностях языка, в его соответствии выражаемому содержанию стали ключевыми в философии рубежа веков. Их поддержала и литература. **Целью** данного исследования является определение роли и значимости слова в речи героев раннего творчества Р. Музиля, установление соотношения слова и молчания.

Методы

Молчание и слово в эстетической системе австрийского писателя XX века Роберта Музиля обладает сакральным, образно-художественным потенциалом. «Представление о неоднородности мира, факта, события, слова» [13, с. 241] является основополагающим для художественного, эссеистического и публицистического творчества писателя. На значимость вопроса указывает тот факт, что в исследованиях проблема немногословия и излишней речевой активности не остаётся без внимания. Игра слова, авторская терминология доставляют немало сложностей при переводе и служат предметом изучения текстологических исследований. Именно по этой причине, а также чтобы избежать двусмысленности, американские исследователи дают некоторые слова в немецком варианте, без перевода на английский язык (к примеру, Ф. Пейн).

О молчании и слове как самостоятельном мотиве австрийского и немецкого романа 20-30-х годов пишет в одной из монографий Н.Э. Сейбель [14]. Отдельный параграф отведён поэтико-гносеологическим возможностям слова в романе «Человек без свойств» (Н.Э. Сейбель «Австрийская параллель»). В статье Киселевой М.В. «Роберт Музиль: тело и слово как способ познания героев» ключевые понятия: телесное, физиологическое, материально выраженное и нематериальное, вербальное, в некоторых аспектах духовное, –

вынесенные в заголовок, рассматриваются как взаимоисключающие [8]. В общей сложности можно определить два ключевых направления в исследованиях языкового потенциала произведений Музиля: лингвистическое, целью которого является анализ слова как актуализатора скрытых смыслов [12], и литературоведческое – соотношение эстетики Музиля с идеями Schprach-скепсиса. Сам Музиль в дневниках 1905 года писал о том, что содержание обусловлено способом, то есть «инструментом» выражения, при котором «главный интерес – не к тому, что говоришь, а к тому, как ты это говоришь [9]». Таким образом, общий принцип, из которого исходит Музиль, заключается не в семантических, а в эстетических возможностях слова. Исходя из этого, мы в качестве методологической основы выделяем **семиотический подход** и рассматриваем слово и молчание, применяя **концептный анализ**.

Основная часть

В ранний период творчества автор занят проблемой поиска стиля, основу которого составляет слово. Возможности слова, по мнению писателя, слишком малы и недостаточны для достижения необходимой цели – «выразить невыразимое» [9]. Искания Музиля близки к тому кругу проблем, которыми вплотную занимается Л. Витгенштейн («Логико-философский трактат», 1921). Философия шпрахскепсиса только еще начинает формироваться. Трактат К. Крауса «Язык» выйдет в 1938 году, но проблемы, над которыми размышляют Музиль, Витгенштейн и Краус оказываются максимально близки: «Сомнение как великий моральный дар, которым человек мог быть обязан языку и до сих пор сохранял его, было бы спасительным препятствием прогрессу, который с полной уверенностью ведет к концу цивилизации, которой он осмеливается служить» [1, р. 394]. Если слова не позволяют выразить многое, то меньшее число слов содержит больше смыслов. Музиль называет это «принципом прямой линии, кратчайшим расстоянием между двумя точками» [9]. Следуя эпиграфу из Мориса Метерлинка, автор ищет языковой выразительности и находит ее в немногословности, в неотделимости слова и сознания, семантики и звука, явления и его языкового воплощения, единичного и целого. Самые глубокие смыслы – в молчании и невысказанном слове. Высокая степень смысловой нагруженности слова и в особенности молчания, его многозначность и многозначительность отличают словесно-образную систему художественных произведений писателя и его эссеистики. Основным принцип работы и обращения автора с речью – в противопоставлении слова и молчания.

С одной стороны, Музиль не раз подчёркивает скептическое отношение к возможностям языка и многозначительность молчания, «потому что от разговоров нет толку» [11, с. 84]. Такое недоверие к языку объясняет лаконичность образов в прозе Музиля. Детальное описание явлений, героев, событий, состояний не свойственно стилю писателя, потому что «все слова имеют столько оттенков смысла, двусмысленности, побочных и двойных ощущений, что хорошо держаться от них подальше» [4, р. 9]. Даже герои совершенно определённо распадаются на «говорящих» и «молчаливых» – пожалуй, наиболее значимая из немногих имеющихся характеристика персонажей. Байнеберг без усталости говорил об Индии, а «schweigsamen (молчаливый)» [2, р. 18] Тёрлес «знал об этих разговорах достаточно. Они проходили мимо него» [2, р. 21]; «то, что рассказывал Райтинг о себе и Базини, казалось ему несущественным» [2, р. 48]. Знание людей, которому герой научился у принца, определяется не словом, а интонацией, жестом и даже «по тембру его молчания (nach dem Timbre seines Schweigens)» [2, р. 11]. Вероника и Иоганнес обмениваются ежедневно ничего не значащими словами («Искушение кроткой Вероники»). При том, что сами портреты героев напоминают эскиз, нет подробных описаний, слова, речевая манера и способ коммуникации определяет характер героя, его интересы и т.д.

С одной стороны, в раннем творчестве Музиля осмысленное молчание противопоставлено слову.

Для одних героев молчание – признак и условие созерцательной деятельности и размышлений героев, уединённости и отстранённости от всего мира. В «Созревании любви» не раз повторяется эпизод, когда внезапное молчание побуждает героев к совместным размышлениям об одном и том же. Например, Клодина с мужем – об измене и пороке. В дороге Клодина, наблюдая за движением поезда, погружается в воспоминания о муже, в переживания, ощущая при этом, как «беззвучно бушевала природа», а люди «казались такими большими и громкими» [3]. Вероника, занятая игрой мыслей, предчувствует, что где-то рядом есть мир, в котором не звучат слова. Молчание сопряжено с предчувствием иного состояния, любви, гармонии противоположного, становится важным условием полноты ощущения комплекса чувств и приближения к нему, то, что не укладывается в клише и речевые формулы. Клодина также предчувствует что-то невыразимое, что-то, что нужно полюбить в себе, для того чтобы понять, «что-то общее, что было у нее только с мужем, она почувствовала сильнее в этом молчании (etwas das sie nur mit ihrem Mann gemeinsam hatte, empfand sie stärker bei diesem Schweigen)» [3]. Так, молчание обнаруживает, помогает проявиться свойствам и признакам, скрытым ранее.

Для других – это выражение страха, смиренности, безразличия, слабости. К примеру, Базини молчит, потому что боится жестокости одноклассников, из-за слабости характера не решается им противостоять.

Для него промолчать и стерпеть – уже есть избавление. Тёрлес испытывает чувство угнетения, страха, одиночества от этой «молчащей жизни», «молчаливого неба», деревьев, будто молча наблюдающих за ним. То, что герой не ощущал раньше, в условиях тишины и молчания проявило себя.

С другой стороны, слово тоже обладает смысловыми, эмоциональными, поэтическими возможностями, которые в речи усиливаются или обесцениваются: «Он ждал события, которое неясным образом должно быть связано с грязными халатами женщин, с их грубыми руками, с замаранностью их дворов... Словами этого не сказать; это совсем не так скверно, каким оно делается из слов; и только если непременно нужно сказать это словами, только тогда оно получается таким» [11, с. 18]. Ощущения Тёрлеса точно описывает тезис Витгенштейна: «То, что вообще можно сказать, можно сказать ясно, а о том, о чём нельзя говорить, должно хранить молчание» [5, с. 14]. В романе «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» произнесённое слово надделено тривиальными, грубыми смыслами. Его семантика связана с телесным и пошлым. Такова речь Божены, развязная, сопровождается громким смехом. Когда возникает момент произнести какое-то грубое словечко, чтобы показаться взрослым и произвести впечатление, Тёрлес сдерживает себя и замолкает. Для него слово – способ снять психологическое и эмоциональное напряжение. К примеру, его диалог с Базини об отношениях с одноклассниками, или эпизод, когда Тёрлес просит Базини сказать, что он вор («Als er vorhin das Wort «Dieb» ausgesprochen hatte, war ihm für einen Augenblick leichter geworden. Es war wie ein Hinausstellen, Vonsichwegschieben der Dinge gewesen, die in ihm wühlten – Когда он произнес слово «вор», ему на мгновение стало легче. Это было похоже на то, как будто он отодвигал от себя то, что бушевало в нем [2, р. 52]»). Клодина испытывает стыд, вспоминая слова согласия на близость с незнакомцем. Иное, пренебрежительное отношение к слову у Базини: пустая болтовня, неумение держать слово и отвечать за свои слова. Так, произнесённое слово, речь провоцирует героев на определённое эмоциональное и душевное состояние.

Заключение

В раннем творчестве Р. Музиля прослеживается тенденция, характерная для культуры начала века – адекватность языка выражаемому содержанию. С одной стороны, языковой скепсис «реабilitирует молчание и утверждает настороженное отношение к слову, не способному передать актуальный смысл» [13, с. 110], его несамодостаточность. С другой, слово также наделяется семантикой, как раскрывает, так и скрывает внутренние смыслы. Музиль исходит из задачи слова намеками обозначить суть. Подспудные глубины содержания, о которых пишет М. Метерлинк в эпитафии, уходят в подтекст, умалчиваются. Несмотря на то, что писатель противопоставляет сакральное, осмысленное молчание и слово молчанию и слову, не имеющим смысла, молчание дополняет слово, создавая настроение, эмоциональную окраску.

Литература

1. Kraus K. Die Sprache. Wien: Die Fackel Verlag, 1937. 399 p. URL: <https://archive.org/details/DieSprache/page/n3/mode/2up> (дата обращения: 5.04.2021)
2. Musil R. Die Verwirrungen des Zöglings Törless. Hamburg: Rowohlt, 1992. 159 p.
3. Musil R. Die Vollendung der Liebe. URL: <https://www.litres.ru/robert-musil/die-vollendung-der-liebe>
4. Musil R. Tagebücher. Hamburg: Rowohlt, 1983. 200 p.
5. Витгенштейн Л. Избранные работы: пер. с нем. и англ. В. Руднева. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 440 с.
6. Затонский Д.В. Австрийская литература в XX столетии. Москва: Худож. лит., 1985. 444 с.
7. История австрийской литературы XX века. Т. I. Конец XIX – середина XX века. Москва: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2009. 632 с.
8. Киселева М.В. Роберт Музиль: тело и слово как способ познания героев // Вопросы литературы. 2009. № 3. С. 319 – 352. URL: <https://voplit.ru/article/robert-muzil-telo-i-slovo-kak-sposob-poznaniya-geroev/>
9. Музиль Р. Из дневников // А.В. Карельский. Метаморфозы Орфея: беседы по истории западных литератур. Москва: РГГУ, 1999. Вып. 2. URL: http://lib.ru/INPROZ/MUZIL/musil2_5.txt
10. Музиль Р. Португалка: Новеллы: пер. с нем. А. Карельского, И. Алексеевой. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2004. 224 с.
11. Музиль Р. Душевные смуты воспитанника Тёрлеса: пер. с нем. С. Апта. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2000. 200 с.
12. Солодилова И.А. Скрытые смыслы и их языковое выражение в словесно-образной системе Роберта Музиля: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: 2000. 14 с.
13. Сейбель Н.Э. Австрийская параллель: А. Штифтер, Г. Брех, Р. Музиль: монография. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2005. 290 с.
14. Сейбель Н.Э. Австрийский роман Zwischenkriegszeit: монография. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006. 414 с.

References

1. Kraus K. Die Sprache. Wien: Die Fagkel Verlag, 1937. 399 p. URL: <https://archive.org/details/DieSprache/page/n3/mode/2up> (data obrashhenija: 5.04.2021)
2. Musil R. Die Verwirrungen des Zöglings Törless. Hamburg: Rowohlt, 1992. 159 p.
3. Musil R. Die Vollendung der Liebe. URL: <https://www.litres.ru/robert-musil/die-vollendung-der-liebe>
4. Musil R. Tagebücher. Hamburg: Rowohlt, 1983. 200 p.
5. Vitgenshtejn L. Izbrannye raboty: per. s nem. i angl. V. Rudneva. Moskva: Izdatel'skij dom «Territorija budushhego», 2005. 440 s.
6. Zaton'skij D.V. Avstrijskaja literatura v XX stoletii. Moskva: Hudozh. lit., 1985. 444 s.
7. Istorija avstrijskoj literatury XX veka. T. I. Konec XIX – seredina XX veka. Moskva: IMLI im. A.M. Gor'kogo RAN, 2009. 632 s.
8. Kiseleva M.V. Robert Muzil': telo i slovo kak sposob poznaniya geroev. Voprosy literatury. 2009. № 3. С. 319 – 352. URL: <https://voplit.ru/article/robert-muzil-telo-i-slovo-kak-sposob-poznaniya-geroev/>
9. Muzil' R. Iz dnevnikov. A.V. Karel'skij. Metamorfozy Orfeja: besedy po istorii zapadnyh literatur. Moskva: RGGU, 1999. Vyp. 2. URL: http://lib.ru/INPROZ/MUZIL/muzil2_5.txt
10. Muzil' R. Portugalka: Novelly: per. s nem. A. Karel'skogo, I. Alekseevoj. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2004. 224 s.
11. Muzil' R. Dushevnye smuty vospitannika Tjorlesa: per. s nem. S. Apta. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2000. 200 s.
12. Solodilova I.A. Skrytye smysly i ih jazykovoe vyrazhenie v slovesno-obraznoj sisteme Roberta Muzilja: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg: 2000. 14 s.
13. Sejbel' N.Je. Avstrijskaja parallel': A. Shtifter, G. Broh, R. Muzil': monografija. Cheljabinsk: Izd-vo ChGPU, 2005. 290 s.
14. Sejbel' N.Je. Avstrijskij roman Zwischenkriegszeit: monografija. Cheljabinsk: Izd-vo ChGPU, 2006. 414 s.

*Konysheva N.Yu., Postgraduate,
South Ural State Humanitarian Pedagogical University*

Silence and the word in the early works of R. Musil

Abstract: the article deals with the problem of the possibilities of the word, speech, language and silence as opposed to each other forms, expressed in the well-known thesis of R. Musil's contemporary L. Wittgenstein. The issues of the correlation of word and silence are relevant in the late XIX – early XX centuries in culture and are most acutely perceived by verbal creativity. The Austrian writer R. Musil, whose initial success falls precisely at the beginning of the century, does not ignore the problem of expressiveness and expression. Having first appeared in the diaries of 1898-1905, the question of what form to put what is difficult or even impossible to say sounds quite acute already in early creativity and remains relevant for the late Musil.

The juxtaposition of silence and words defines several key theses. Silence is a sign and condition of the mental, creative activity, detachment of the hero. It is associated with a premonition of a different state, love, harmony of the opposite, which all the main characters of early creativity strive to achieve, is the subject of the highest comprehension of the world (Turles, Claudine, Veronica). For others, silence is a consequence of fear, humility, indifference, weakness (Basini). Secondly, a limited, empty word is the opposite of silence. Empty talk characterizes Reiting, Johannes. Another form of the existence of the word is oral speech and its connection with mental, ethical, cognitive activity. The poetic word complements meaningful silence, correlates with it. In a socially concrete aspect, the word is subjected to a negative, vulgar, trivial interpretation in the speech of Bozhena, residents of the neighborhood of the boarding school.

In general, the word in R. Musil's early work is deprived of priority against the background of silence endowed with meanings. The same psychological essence of the relationship between silence and the word is preserved in the writer's late work.

Keywords: Sprache, Sprache und Wort, sinnvolles Schweigen und Schweigen, Sprach-Skepsis

For citation: Konysheva N.Yu. Silence and the word in the early works of R. Musil. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (2). P. 83 – 86.

Саид Надиа Ибрахим Мохамед Абделкадер, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности перевода языка жестов в поликодовом (кино) тексте

Аннотация: в статье рассматриваются роль и значимость жестов как невербального (кинестетического) компонента в семиотическом пространстве кинофильма, представляющего собой поликодовый текст. В качестве материала для практического анализа выступили жесты в кинофильме «Черный мед» (2010), сериале «Как я стал русским» (2015) и их вербальное сопровождение в озвучке. При анализе звукового сопровождения жестов в рассматриваемых кинолентах были выделены три группы подходов к переводу жестов и подбору к ним вербальной составляющей: 1) фрагменты, в которых вербальный компонент соответствует семантике жеста, корректно передает его значение; 2) случаи неверной вербальной интерпретации жестов и несовпадение семантики жеста и высказывания, в результате чего у зрителя как адресата киноленты может сформироваться неверное представление о представляемой в конкретном эпизоде ситуации; 3) отсутствие вербального сопровождения жеста. В результате проведенного анализа способов перевода жестов в кинофильмах, которые были созданы в разных культурах и отражают разные подходы к восприятию окружающей действительности, автором был сделан вывод о необходимости тщательного подбора вербального сопровождения жестов при озвучке.

Ключевые слова: жест, кинофильм, поликодовый текст, вербальное сопровождение, невербальный компонент

Для цитирования: Саид Надиа Ибрахим Мохамед Абделкадер Особенности перевода языка жестов в поликодовом (кино) тексте // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 87 – 93.

Введение

Данная статья посвящена рассмотрению роли и значимости невербального компонента, в частности, жестов персонажей, в семиотическом пространстве кинофильма, который представляет собой синкретическое коммуникативное пространство.

Кинофильмы, их вербальная и невербальная составляющие не раз становились объектом пристального внимания исследователей, которые рассматривали их в разных аспектах, в зависимости от направления изучения. Кинематограф, по мнению исследователей, является на сегодняшний день одним из самых массовых и популярных форм искусства. Кино призвано оказывать эстетическое воздействие на целевую аудиторию, представленную зрителями разных возрастов, социального статуса, убеждений. Социологи высказывают мнение о том, что кинематограф как никакой другой вид искусства обладает достаточным воздействием потенциалом для изменения восприятия действительности со стороны его аудитории, навязывая ей определенные ритуалы, модели поведения, мировоззренческие, потребительские и иные установки [6].

В данном исследовании, соглашаясь с позицией Г.Г. Слышкина, М.А Ефремовой, под кинотекстом будет пониматься связанное, цельное и завершённое сообщение, для выражения которого используются вербальные и невербальные знаки, организация которого определяется замыслом коллективного функционального автора, оно фиксируется на материальном носителе (плёнке) и имеет предназначением воспроизведение на экране и восприятие целевой аудиторией – зрителями [4].

По своей природе кинотекст нацелен на изображение действительности. Как отмечает в этой связи А.А. Бодрова, сосредоточенность на демонстрации «различных событийных ситуаций, с присущими только ему специфическими формами фактического осмысления, делают кинотекст важным объектом анализа приемов и способов <...> изображения картины мира» [2, с. 32].

Особый интерес для исследователей представляет специфический язык кино и структура кинотекста, ведущей отличительной характеристикой которого выступает полифония и многоканальность. Специфика кинотекста проявляется, прежде всего, во взаимодействии ряда взаимодействующих семиотических кодов (языка, звуков, жестов, мимики, декораций, и т.д.), которые в совокупности своей направлены на формирование семантики кинопроизведения и определяют природу его воздействия на целевую аудиторию. Зритель выступает адресантом кинофильма и одновременно непосредственным участником художественной интеракции. Он получает информацию не только из вербального сообщения, заложенного в кинотексте, но и в результате взаимодействия единиц разных систем. Как особо подчеркивает А.Г. Сонин, значение имеют не только слова и фразы, но и детали кадра, освещение, ракурс, план, музыкальное сопровождение, монтаж [5].

Отличительной чертой кинофильма является его полная креолизация, при которой вербальная часть не может существовать автономно: вне изображения она утрачивает свою смысловую целостность, может быть неправильно истолкована или полностью непонята. Иными словами, кинотекст характеризуется высокой степенью синсемантики всех задействованных в нем систем: вербальный компонент зависит от иконолического компонента, изображение носит облигаторный характер: без него кинотекст теряет свою текстуальность [1].

Важную роль в передаче содержащегося в кинофильме содержания играет невербальная коммуникация, к которой относятся позы персонажей, их жесты, мимика. При этом следует признать тот факт, что несмотря на значимость невербального коммуникативного компонента в раскрытии вложенного в кинофильм автором смысла, данная составляющая не получила достаточного освещения в научной литературе. Кроме того, актуальным представляется учет национально-культурных особенностей невербальной коммуникации, в частности, жестов, при переводе кинотекста. Таким образом, объектом данного исследования выступает кинофильм, рассматриваемый как коммуникативное пространство, состоящее из ряда компонентов, участвующих в передаче заложенного в произведение смысла; предметом – особенности реализации невербальных коммуникативных средств при переводе на примере жестов героев. Целью исследования выступает выявление особенностей перевода языка жестов в пространстве кинофильма.

Материалы и методы

Материалом исследования выступили жесты в кинофильмах «Черный мед» (режиссер А. Асвад, 2010) и сериале «Как я стал русским» (режиссер К. Статский, авторы идеи С.А. Тарбаев, В.П. Шляппо, В.Куценко, 2015) и их вербальное сопровождение в озвучке.

Цель работы, ее объект и предмет определили выбор методов анализа. На разных этапах исследования использовались описательно-аналитический, сопоставительный, интерпретативный метод, метод обобщения.

Обсуждение

Жесты относятся к кинестетике, то есть восприятию окружающего мира посредством движений. Благодаря кинестетическим средствам, реализуемым при помощи положений тел персонажей как в статике, так и в движении, где зритель получает значительный объем информации. В данной работе принимается широкая трактовка жеста как «телодвижения, преимущественно движения рукой, сопровождающего речь для усиления ее выразительности или имеющее значение какого-л. сигнала, знака и т.п.» [3].

Ряд жестов обладает ярко выраженной национально-культурной спецификой. Данный аспект подробно рассматривается в работе Е.Ф. Тарасова и Ю.А. Сорокина. Авторы отмечают, что «вся национальная специфика «гнездится» в операциях – в способах совершения действий, которые зависят от условий (окружающей среды, норм социального взаимодействия)» [7].

При анализе звукового сопровождения жестов в рассматриваемых кинолентах были выделены три группы подходов к переводу жеста как невербального компонента в поликодовом кинотексте.

Первую группу составляют фрагменты, в которых вербальный компонент точно и верно передает семантику кинестетического элемента. Ко второй группе были отнесены случаи неверной вербальной интерпретации жестов и несовпадение семантики жеста и вербально оформленного высказывания. Третья группа представлена эпизодами, в которых вербальное сопровождение жестов отсутствует.

Далее рассмотрим примеры, иллюстрирующие выделенные группы перевода языка жестов.

На рис. 1 герой фильма сжимает руки вместе в направлении другого человека. Данный жест используется для выражения благодарности и / или признательности по отношению к тому, кому направлено это движение.

Рис. 1. Скриншот из фильма «Черный мед»

В качестве вербального сопровождения этой сцены используется выражение «Спасибо. Благодарю». Это высказывание в полной мере передает семантику жеста.

На скриншоте, представленном на рис. 2, персонаж картины поднимает указательный и средний правой руки и прикладывает их к голове сбоку. Этот жест можно интерпретировать как демонстрацию того, что герой что-то забыл и возможно пытается вспомнить информацию, необходимую для продолжения коммуникации.

Рис. 2. Скриншот из фильма «Черный мед»

Вербальное сопровождение рассматриваемого эпизода полностью передает указанную выше семантику жеста: «Ой! Я забыл». В результате зритель как адресат кинотекста подводится к верной интерпретации ситуации, представленной в данном фрагменте.

На рис. 3 представлена сцена встречи. Невербальной составляющей этого эпизода выступает крепкое объятие. Этот жест соотносится с приветствием между хорошо знакомыми между собой людьми, особенно после длительной разлуки.

Рис. 3. Скриншот из фильма «Черный мед»

Вербальная составляющая рассматриваемого эпизода соответствует описанной выше семантике жеста: «Здравствуй!».

В сериале «Как я стал русским» также активно используются жесты, которые имеют вербальный компонент. На рис. 4 изображен момент знакомства главного героя с московской редакцией газеты. Водитель, представляя американца, протягивает в его сторону ладонь. Этот жест соотносится с представлением и указанием, кого именно представляют окружающим.

Рис. 4. Скриншот из сериала «Как я стал русским»

Вербальное сопровождение в данном случае соответствует семантике жеста: «Знакомьтесь, Алекс Уилсон из США».

Как показал проведенный анализ, значение жеста может не совпадать с семантикой вербального компонента. В этом случае существует опасность неверного толкования фрагмента. На рис. 5 полицейский использует следующий жест: правая рука с соединенными пальцами ударяет по раскрытой ладони левой руки. Данное движение является профессиональным жестом стражей правопорядка и в ситуациях, связанных с дорожным движением, означает требование предъявить документы. Вербальным сопровождением этой сцены является выражение «Это все из-за тебя».

Рис. 5. Скриншот из фильма «Черный мед»

По нашему мнению, в рассматриваемом фрагменте имеет место некорректно подобранная вербальная составляющая, что может иметь своим результатом неверную трактовку зрителем данной ситуации. У адресата может сформироваться мнение о том, что полицейский выдвигает по отношению к водителю какие-то обвинения. На самом же деле имеет место только требование показать водительское удостоверение и сопутствующие документы. На наш взгляд, логичным вариантом озвучки в этом случае был бы «Предъявите документы».

Несоответствие вербального и невербального компонентов было зафиксировано и в сериале «Как я стал русским». На рис. 6 персонаж – начальник главного героя – перед отравлением того в командировку в Россию хлопает по плечу. Данный жест, как правило, означает выражение моральной поддержки в трудной ситуации.

Рис. 6. Скриншот из сериала «Как я стал русским»

В озвучке этот момент соответствует этикетной фразе прощания «До свидания». В результате такого сочетания вербальной и невербальной составляющей возможно непонимание зрителем как адресатом киноленты представляемой ситуации: ему не понятно, поддерживает ли главного героя начальник или просто прощается с ним.

Интересным, на наш взгляд, является следующий эпизод, в котором главный герой здоровается с новыми коллегами и начальницей. Он демонстрирует жест виктории (оказывается указательным и средним пальцами руки, направленными вверх в форме латинской буквы «V»). Этот жест традиционно ассоциируется с победой.

Рис. 7. Скриншот из сериала «Как я стал русским»

Вербальным сопровождением этого жеста в рассматриваемом фрагменте выступает разговорный вариант «Hi», то есть привет. В этом случае можно говорить о несоответствии жеста и вербальной составляющей. Однако в данном случае такое сочетание является, на наш взгляд, оправданным, поскольку герой находится в состоянии алкогольного опьянения, чем и объясняется выявленное несоответствие.

Проведенный в рамках исследования анализ позволил выделить еще один подход к предъявлению жестов в кинофильмах. Суть этого подхода заключается в отсутствии вербального сопровождения как такового. На рис. 8 героиня полностью закрывает свое лицо руками. Этот жест может трактоваться по-разному в зависимости от контекста: стыд, застенчивость.

Рис. 8. Скриншот из фильма «Черный мед»

В анализируемом эпизоде отсутствует вербальное сопровождение жеста, однако его семантика понятна зрителю из представляемой ситуации и в заданном контексте он передает семантику застенчивости.

На рис. 9 герой киноленты использует жест, обозначающий пьянство, – щелчок по шее. Данный жест имеет давнюю историю, и его связывают с Петром Первым. Следовательно, можно предположить, что этот жест обладает национально-маркированным характером.

Рис. 9. Скриншот из сериала «Как я стал русским»

Вербальное сопровождение в рассматриваемом эпизоде отсутствует, что объясняется, на наш взгляд, его широкой распространенностью и известностью в русскоязычной среде.

Таким образом, проведенный анализ способов звукового сопровождения жестов в кинофильмах, созданных в разных культурах и представляющих разные картины мира, подтвердил ярко выраженную национально-культурную специфику данного типа кинестетических компонентов. Данная специфика требует тщательного отбора вербального сопровождения жестового поведения героев кинофильма. Как свидетельствуют результаты исследования, игнорирование важности учета семантики жеста может привести к неверной интерпретации фрагмента киноленты.

Литература

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 124 с.
2. Бодрова А.А. Конструирование гендера в кинотексте (на материале американского варианта английского языка): дис... канд. филол. наук: 10.02.04. Н. Новгород, 2010. 158 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А Темп», 1997. 944 с.
4. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Изд-во «Водолей Publishers», 2004. 153 с.
5. Сонин А.Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М.: Институт языкознания РАН, 2005. 220 с.
6. Сорока Ю.Г. Кинодискурс повседневности постмодерна // Постмодерн: новая магическая эпоха / под ред. Л.Г. Иониной. Харьков: Харьковский нац. ун-т им. Н. В. Карамзина, 2002. С. 47 – 49.
7. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 14 – 38.

References

1. Anisimova E.E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaja kommunikacija (na materiale kreolizovannyh tekstov). M.: Akademija, 2003. 124 s.
2. Bodrova A.A. Konstruirovanie gendera v kinotekste (na materiale amerikanskogo varianta anglijskogo jazyka): dis... kand. filol. nauk: 10.02.04. N. Novgorod, 2010. 158 s.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskijh vyrazhenij. M.: OOO «A Temp», 1997. 944 s.
4. Slyshkin G.G., Efremova M.A. Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza). M.: Izd-vo «Vodolej Publishers», 2004. 153 s.
5. Sonin A.G. Ponimanie polikodovyh tekstov: kognitivnyj aspekt. M.: Institut jazykoznanija RAN, 2005. 220 s.
6. Soroka Ju.G. Kinodiskurs povsednevnosti postmoderna. Postmodern: novaja magicheskaja jepoha. pod red. L.G. Ionina. Har'kov: Har'kovskij nac. un-t im. N. V. Karamzina, 2002. S. 47 – 49.
7. Sorokin Ju.A., Tarasov E.F. Nacional'no-kul'turnaja specifika rechevogo i nerechevogo povedenija. Nacional'no-kul'turnaja specifika rechevogo povedenija. M.: Nauka, 1977. S. 14 – 38.

*Said Nadia Ibrahim Mohamed Abdelkader, Postgraduate,
St. Petersburg State University*

Features of sign language translation in polycode (cinema) in the text

Abstract: the article examines the role and significance of gestures as a nonverbal (kinesthetic) component in the semiotic space of a motion picture, which is a polycode text. Gestures in the movie "Black Honey" (2010), the TV series "How I became Russian" (2015) and their verbal accompaniment in voice acting were used as material for practical analysis. When analyzing the sound accompaniment of gestures in the films under consideration, three groups of approaches to the translation of gestures and the selection of a verbal component to them were identified: 1) fragments in which the verbal component corresponds to the semantics of the gesture, correctly conveys its meaning; 2) cases of incorrect verbal interpretation of gestures and mismatch of the semantics of the gesture and the utterance, as a result of which the viewer as the addressee of the film may form an incorrect idea of the situation presented in a particular episode; 3) the absence of verbal accompaniment of the gesture. As a result of the analysis of the ways of translating gestures in films that were created in different cultures and reflect different approaches to the perception of the surrounding reality, the author concluded that the need for careful selection of verbal accompaniment of gestures during voice acting.

Keywords: gesture, movie, polycode text, verbal accompaniment, non-verbal component

For citation: Said Nadia Ibrahim Mohamed Abdelkader Features of sign language translation in polycode (cinema) in the text. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 87 – 93.

Скрипченко С.Н., кандидат педагогических наук,
Соболева А.В.,
Владимирский государственный университет

Лексические заимствования как одна из тенденций развития языка

Аннотация: в данной статье рассматриваются лексические заимствования с точки зрения положительного и отрицательного воздействия на развитие современного языка. В статье анализируются интралингвистические и экстралингвистические факторы, приводящие к возникновению лексических заимствований. Экстралингвистические факторы включают геополитические отношения между народами, развитие средств и каналов передачи информации, сознательное воздействие общества на язык. Интралингвистические факторы связаны со стремлением к выражению разных значений в разных формах и близких значений в одной форме; существование жестких границ между морфемами; экономия языковых средств посредством устранения избыточных средств выражения; употребление более экспрессивных форм.

В работе представлены мнения лингвистов, убедительно доказывающих, что этот процесс в большей степени ведет к обогащению языка-рецептора иностранными словами и терминологией, необходимыми для обозначения вновь возникающих понятий в современной жизни общества. Отрицательное влияние является минимальным, которое можно избежать или устранить. Однако языковые заимствования несут с собой и негативную тенденцию, связанную с употреблением излишней иностранной лексики, что ведет к засорению прежде всего литературного языка. Действия государства по предотвращению отрицательных последствий данного явления получили название «пуризм», то есть стремление к максимальному очищению родного языка от иноязычной лексики, стирающей его национальный колорит. Франция может быть примером для других государств в вопросе проводимой страной языковой политики на национальном и региональном уровнях. Таким образом, современная лингвистика не рассматривает однозначно положительно языковые заимствования в процессе развития языков.

Ключевые слова: лексические заимствования, интралингвистические и экстралингвистические факторы, геополитические отношения между народами, экономия языковых средств, избыточные средства выражения, обогащение языка, литературный язык, англицизмы и американизмы, национальный язык, пуризм, языковая политика

Для цитирования: Скрипченко С.Н., Соболева А.В. Лексические заимствования как одна из тенденций развития языка // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 94 – 97.

Следует ли рассматривать наличие лексических заимствований одним из источников развития языка, не оказывающим на него отрицательного воздействия. На наш взгляд, данный вопрос остается дискуссионным и требует обоснованной аргументации. Бесспорно, язык является живой, непрерывно меняющейся системой. В своей статье А.Ю. Соколова (5) дает подробный анализ интралингвистических и экстралингвистических факторов развития языка как целостной структуры. Обращаясь к экстралингвистическим факторам, она предлагает использовать классификацию тенденций, меняющих язык, представленную Н.Б. Мечковской (5). Эта классификация включает геополитические отношения между народами, развитие средств и каналов передачи информации, сознательное воздействие общества на язык.

Интралингвистические факторы приводят к определенной закономерности развития языковой системы. Б.А. Серебренников (4) к таким закономерностям относит: стремление к выражению разных значений в разных формах и близких значений в одной форме; существование жестких границ между морфемами; экономия языковых средств посредством устранения избыточных средств выражения; употребление более экспрессивных форм.

Экстралингвистические и интралингвистические факторы в той или иной степени приводят к возникновению лексических заимствований. Согласно Л.П. Крысину (7), причинами заимствования выступают стремление к устранению полисемии и упрощению смысловой структуры слова, потребность к разграничению некоторых смысловых оттенков, прикрепив их к разным словам, то есть семантическая и стилистическая дифференциация выразительных средств.

М.А. Брейтер (2) полагал, что к причинам заимствования лексики как одной из тенденций развития языка следует относить отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора; отсутствие соответствующего наименования в языке-рецепторе; обеспечение стилистического эффекта; установление коннотаций, которыми не обладает эквивалентная единица в языке-рецепторе.

Таким образом, многие лингвисты рассматривают лексические заимствования как один из источников обогащения, в частности, русского языка. В своей статье П.Н. Магомедгаджиева (8) убедительно доказывает, что развернувшиеся дискуссии в научном мире конца 20- начала 21 веков по поводу стремительного засорения литературного русского языка иностранными словами и прежде всего англицизмами и американизмами не имеют серьезного основания. Она утверждает, что кажущийся огромный пласт заимствованной лексики на самом деле не превышает 3% всего словарного состава родного языка. Из этого количества только небольшая часть выступает в качестве межстилевой общеупотребительной лексики. Большая же часть заимствований имеет узкую сферу применения и представлена профессионализмами, варваризмами, различными терминами.

В качестве доказательства П. Н. Магомедгаджиева(8) приводит данные распространения англицизмов и американизмов в русском языке в конце 20 века. Она утверждает, что заимствования составляют 434 слова английской лексики из разных сфер жизни, из которых 136 слов входят в общественно-политическую лексику русского языка, а именно: *андэграунд, грант, киллер, Европарламент, имиджмейкер, интеракция, копирайт, масс медиа* и т.д. Экономическая лексика включает 80 слов, например, *аудит, аудитор, брокер, ваучер, демаркетинг, дистрибьютор, евродоллар, инжиниринг, квотирование* и т.д. Количество слов технической лексики не превышает 75 слов, например, *дискета, картридж, маркет, модем* и т.д. В состав спортивной лексики и молодежного жаргона вошло самое маленькое количество, соответственно, 19 и 15 слов, например, *брейк, овертайм, даун, дринк* и т.д.

К.А. Балышева (1) считает, что русский язык конца 20 века и первой четверти 21 века находится на переломе эпох. Именно в такие периоды одним из значимых факторов развития языка является процесс заимствования, при этом сам язык представляет собой саморазвивающуюся и самоочищающуюся систему, которая обогащается новой лексикой и убирает избыточность. Бесспорно, что лексический состав прежде всего русского литературного языка испытывает существенные изменения, при этом в освоении англицизмов-американизмов главная роль отводится печатной и электронной прессе средств массовой информации, и, соответственно, публицистический стиль является основным источником развития литературного языка.

К.А. Балышева (1) детально описывает и обосновывает процесс освоения иноязычной лексики на трех уровнях. Первый уровень характеризуется заимствованием слова вместе с понятием, отсутствующим в языке и культуре общества, но требующим обозначения в связи с интенсивно меняющимся образом жизни людей. Такие заимствования, как правило, не имеют синонимов в языке-рецепторе. Они приспособляются к графическому и фонетическому оформлению слов в русском языке. Таким образом, с одной стороны, происходит удовлетворение потребности в номинации новых предметов и явлений, а, с другой стороны, осуществляется процесс экономии языковых средств. Первый уровень включает общеупотребительные номинации, например, *билборд, дресскод, фейс-контроль, ресепшен, ток-шоу* и др. Однако от заимствований, привнесенных в язык для обозначения новых языковых реалий, следует отличать номинации, имеющие эквиваленты в русском языке. К.А. Балышева (1) приводит примеры таких слов, а именно: *бодигард* – телохранитель, *коуч*- тренер, *камерамен* – кинооператор и др. На наш взгляд, номинации, имеющие полные эквиваленты в русском языке, следует употреблять крайне редко. Именно при интенсивном распространении подобных явлений происходит засорение родного языка иностранной лексикой.

Второй уровень заимствования иноязычных слов характеризуется использованием словообразовательных аффиксов родного языка. Как следствие, происходит приращение семантики и слова входят в состав русской лексической системы. В родном языке, согласно К.А. Балышевой (1), преобладает морфологический способ словообразования, который в большей степени представлен суффиксацией. Таким образом, англицизмы и американизмы интенсивно преобразуются в прилагательные и намного реже в существительные и глаголы, например, *брендовый, виповский, гламурный, медийный, оффшорный, креативность, мониторить* и др. Однако при использовании словосложения подавляющее большинство заимствованных номинаций являются именами существительными, например, *веб-консультация, интернет-журнал, пиар-технология* и др. Главным показателем, на наш взгляд, недостаточного освоения англицизмов и американизмов в русском литературном языке является неустойчивость орфографии. Например, слово *онлайн* (*онлайн*) встречается в слитном написании и с использованием дефиса, использование русской или английской графики на выбор характерны для таких слов, как *веб* (*Web*), *пиар* (*PR*) и др. Третий уровень освоения англоязычной лексики связан с развитием у англицизмов и американизмов двуплановой стилистической коннотации. Например, от словосочетания *мобильный телефон* с помощью суффикса –*ник*- образовалось слово *мобильник*, которое имеет разговорную коннотацию, а возникшее слово *мобила* вошло в состав жаргонной лексики.

Подобные двуплановые стилистические коннотации встречаются в таких заимствованиях, как *оффшорная компания* – *оффшорка*, *СМС-сообщение* – *эсмэска* и др.

Однако языковые заимствования несут с собой и негативную тенденцию, связанную с употреблением излишней иностранной лексики, что ведет к засорению прежде всего литературного языка. Сильное влияние англицизмов и американизмов на западноевропейские языки вызвало серьезные дискуссии и принятие ряда мер по предотвращению отрицательных последствий данного явления и сохранению своеобразия и красоты национального языка. Бесспорно, такая же ситуация характерна и для русского языка, что, как следствие, должно вести к использованию опыта других стран.

В начале 21 века Франция особенно остро ставит вопрос о сохранении самобытности языка и культуры страны. О.В. Кравченко (6) достаточно подробно анализирует меры, предпринимаемые этим государством по сохранению чистоты родного языка. В частности, она отмечает, что данная проблема является даже частью предвыборных кампаний политиков, стремящихся к привлечению большего количества своих сторонников. Франция может быть примером для других государств в вопросе проводимой страной языковой политики на национальном и региональном уровнях. Такие действия государства получили название «пуризм», то есть стремление к максимальному очищению родного языка от иноязычной лексики. Французская Академия, являющаяся самой влиятельной организацией в вопросе положения государственного языка, в социальных сетях ведет активное обсуждение с населением вводимых неологизмов с целью устранить обозначение новых возникающих понятий английской и американской терминологией и словами. Таким образом, современная лингвистика не рассматривает однозначно положительно языковые заимствования в процессе развития языков.

Литература

1. Балышева К.А. Англицизмы в русском литературном языке рубежа XX-XXI вв. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglitsizmy-v-russkom-literaturnom-yazyke-rubezha-xx-xxi-vekov/viewer> (дата обращения: 23.01.2023)
2. Брейтер М.А. Современные лексические заимствования в русском языке: «чужеродные речения» или средство обогащения языка? // Русистика. The Russian Journal of the Association for Language Learning. (Великобритания). 1996. № 14. С. 33 – 45.
3. Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. М.: Изд-во МГУ, 1993. 112 с.
4. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., Либроком, 2010. 248 с.
5. Соколова А.Ю. Изменчивость языка: факторы, влияющие на развитие грамматического строя // Вестник МГОУ. 2019. № 2. С. 24 – 31. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenchivost-yazyka-factory-vliyayuschie-na-razvitie-grammaticheskogo-stroya/viewer> (дата обращения: 20.01.2023)
6. Кравченко О.В. Языковая политика Франции по предотвращению проникновения в язык иностранных слов и выражений // Филологический аспект. 2019. № 6. С. 55 – 63. Электронный ресурс. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38549539> (дата обращения: 20.01.2023)
7. Крысин, Л.П. Языковое заимствование как проблема диахронической социолингвистики // Диахроническая социолингвистика. М.: Наука, 1993. С. 131 – 151.
8. Магомедгаджиева П.Н. Заимствования и вопросы современной вербальной коммуникации // Общественные и гуманитарные науки. Дагестанский гос. пед. универ. 2017. Т. 11. № 1. С. 91 – 94. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaimstvovaniya-i-voprosy-sovremennoy-verbalnoy-kommunikatsii/viewer>. (дата обращения: 20.01.2023)

References

1. Balysheva K.A. Anglicizmy v russkom literaturnom jazyke rubezha XX-XXI vv. Jelektronnyj resurs. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglitsizmy-v-russkom-literaturnom-yazyke-rubezha-xx-xxi-vekov/viewer> (data obrashhenija: 23.01.2023)
2. Brejter M.A. Sovremennye leksicheskie zaimstvovanija v russkom jazyke: «chuzherodnye rechenija» ili sredstvo obogashhenija jazyka? Rusistika. The Russian Journal of the Association for Language Learning. (Velikobritanija). 1996. № 14. S. 33 – 45.
3. Volodina M.N. Nacional'noe i internacional'noe v processe terminologicheskoy nominacii. M.: Izd-vo MGU, 1993. 112 s.
4. Serebrennikov B.A. Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke. Jazyk i myshlenie. M., Librokom, 2010. 248 s.

5. Sokolova A.Ju. Izmenchivost' jazyka: faktory, vlijajushhie na razvitie grammaticheskogo stroja. Vestnik MGOU. 2019. № 2. S. 24 – 31. Jelektronnyj resurs. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/izmenchivost-yazyka-factory-vliyayushchie-na-razvitie-grammaticheskogo-stroya/viewer> (data obrashhenija: 20.01.2023)

6. Kravchenko O.V. Jazykovaja politika Francii po predotvrashheniju proniknovenija v jazyk inostrannyh slov i vyrazhenij. Filologicheskij aspekt. 2019. № 6. S. 55 – 63. Jelektronnyj resurs. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38549539> (data obrashhenija: 20.01.2023)

7. Krysin, L.P. Jazykovoje zaimstvovanie kak problema diahronicheskoy sociolingvistiki. Diahronicheskaja sociolingvistika. M.: Nauka, 1993. S. 131 – 151.

8. Magomedgadzhieva P.N. Zaimstvovanija i voprosy sovremennoj verbal'noj kommunikacii. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki. Dagestanskij gos. ped. univer. 2017. T. 11. № 1. S. 91 – 94. Jelektronnyj resurs. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaimstvovaniya-i-voprosy-sovremennoj-verbalnoj-kommunikatsii/viewer>. (data obrashhenija: 20.01.2023)

*Skripchenko S.N., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Soboleva A.V.,
Vladimir State University*

Lexical borrowings as one of the tendencies of the language development

Abstract: the article touches upon negative and positive influence of lexical borrowings on the development of modern languages. It analyzes intralinguistic and extralinguistic factors which lead to lexical borrowings. Extralinguistic factors include geopolitical relations between nations, the development of means and channels of information transmission, the impact of society on language. Intralinguistic factors try to express various meanings in various forms and close meanings in one form. Besides these factors deal with the rigid boundaries between morphemes; the economy of linguistic means by eliminating surplus expression; the usage of more expressive forms.

The article presents the opinions of the linguists who prove that this process mostly leads to the enrichment of the language with foreign words. These words nominate new notions appeared in the life of a modern society. The negative influence is little and it can be escaped. However lexical borrowings lead to surplus usage of foreign words and as a result to the impurity of the literary language. The prevention of the negative consequences of this phenomenon by the state has been named “purism”. This term means the elimination of foreign words and word combinations from a national language and preservation its peculiarities. The language policy of France on the national and regional levels can be an example for other states. Thus lexical borrowings can bring as positive so negative influence on the language development.

Keywords: lexical borrowing; intralinguistic and extralinguistic factors; geopolitical relations between nations; the economy of linguistic means; surplus expression; enrichment of the language; a literary language; Anglicisms and Americanisms; a national language; purism; national policy

For citation: Skripchenko S.N., Soboleva A.V. Lexical borrowings as one of the tendencies of the language development. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (2). P. 94 – 97.

*Чжоу Цзянь, аспирант, преподаватель,
Институт русского языка,
Хэйлуцзянский университет, Китай,
Институт иностранных языков,
Хуабэйский политехнический университет, Китай*

Пространство, время и судьба человека в пьесе «Вишневый сад» А.П. Чехова

*Исследование выполнено при поддержке департамента образования провинции
Хэбэй в рамках гуманитарного исследовательского проекта (проект № JSQ2021003)*

Аннотация: бытие человека никогда не может быть отделено от времени и пространства, то есть человек существует во времени и пространстве. Одна из важных миссий литературы состоит в том, чтобы представить человеческий опыт времени и пространства в контексте меняющегося времени. На рубеже XIX и XX веков А. П. Чехов завершил работу над пьесой «Вишневый сад», в которой драматург предлагает глубокие размышления о времени, пространстве и судьбе людей в эпоху перемен. Главная тема, которую раскрывает Чехов – пошлая жизнь обычных людей. Он рисует картины быта, и, иногда гиперболизируя поведение персонажей, показывает ничтожество и бессилие людей перед временем и пространством. Более того, интерпретация «Вишневого сада» показывает, как Чехов использует время, пространство и персонажей в реалистической драме для создания новой формы драмы.

Ключевые слова: А.П. Чехов, «Вишневый сад», время, пространство, судьба человека, метафора

Для цитирования: Чжоу Цзянь Пространство, время и судьба человека в пьесе «Вишневый сад» А.П. Чехова // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 98 – 101.

«Вишневый сад» – шедевр А. П. Чехова и венец его драматического творчества. И до сих пор настоящая замечательная работа активно идет на театральных сценах по всему миру. По мнению советского театрального критика В. В. Ермилова, пьеса «Вишневый сад», предсмертное гениальное создание Чехова, представляет собою смелое сочетание комедии с нежной и тонкой лирикой [1, с. 336]. В наше время многочисленные интерпретации «Вишневого сада» доказывают его вечный смысл и глубокое пространство интерпретации, что является классической и исследовательской ценностью пьесы.

Главные герои пьесы – Раневская и ее брат Гаев олицетворяют пассивную эмоцию падшей русской дворянской аристократии в начале 20-го века, как уныние, растерянность, отчаяние и т.д. С полным основанием могли бы они сказать о себе: «Нас нет... мы не существуем, а только кажется, что существуем». Пьеса Чехова отражает страх и бессилие персонажей в связи с драматическими изменениями их времени. Как многие другие персонажи Чехова, персонажи в «Вишневом саде» – это застойная группа: застрявшая в прошлом, неспособная жить в настоящем и оплакивающая потерю социального порядка. «Существенная особенность персонажей заключается в том, что каждый из них несет и испускает чувство обреченности, которое больше, чем его собственная обреченность... [персонажи] олицетворяют цивилизацию и эпоху» [2, с. 58].

Человеческое бытие никогда не отделено от времени и пространства, то есть оно существует в пространстве и времени. В своей знаменитой философской работе «Бытие и время» Хайдеггер утверждает, что время – это бытие, и человеческое восприятие пространства начинается в наших собственных телах, и в повседневной жизни наши тела становятся средой для восприятия пространства. Тема человеческого бытия – одна из центральных тем как и в литературе, так и на театральных сценах. В пьесе «Вишневый сад» драматург обращается к языку драмы, чтобы представить человеческое восприятие времени и пространства на рубеже веков в разгар перемен. В пьесе Чехова время не является линейным отрезком, как и пространство не является расширением ориентации. На самом деле, время и пространство – это сложное переплетение, тесно связанное с жизненным опытом человека, его духовным состоянием, культурным и историческим контекстом.

Чехов был человеком со страстью к знаниям, который вел войну с заурядностью и боролся за правду в своих произведениях. На протяжении всей своей литературной карьеры Чехов выражал озабоченность развитием русского театра и необходимостью его обновления. Хотя его пьесы, казалось бы, написаны в стиле реализма, его трактовка времени, пространства и персонажей отклоняется от нормы. В пьесе «Вишневый сад» Чехов предлагает глубокие размышления о взаимосвязи времени, пространства и судьбы человека. С сострадательным взглядом на судьбу человечества он рационально представляет жизненное состояние ге-

роев, пассивное и не желающее ничего менять, и их духовный мир, погруженный в отчаяние и тоску по будущему, тем самым показывая ничтожность человека в противостоянии времени и пространства.

Основным пространством повествования в пьесе «Вишневый сад» является прекрасное аристократическое поместье со столетним вишневым садом на окраине российской провинции. Один из основателей современной теоретической физики, лауреат Нобелевской премии по физике А. Эйнштейн утверждал, что пространство – это не пассивный контейнер всех событий, а скорее активный участник всех физических событий [3, с. 66]. Данное утверждение поддерживает мнение о том, что восприятие человеком пространства является непосредственным выражением его духовного мира, поскольку его душевное состояние неотделимо от занимаемого им пространства. Пространство настолько важно в пьесе «Вишневый сад», что оно становится еще одной важной темой пьесы, помимо темы времени.

Для разных героев пьесы имение с вишневым садом имеет разное значение. Для помещицы Роневской и её брат Гаев имение с вишневым садом является памятником славного прошлого семьи, хранящий теплые воспоминания о их детстве и юности. Если имение будет продано, они потеряют свой духовный дом и основы своей жизни. Отношения между дворянством и имением – это классический пример «облигатного симбиоза (obligate symbiosis)» в природе, т.е. они зависят друг от друга, чтобы выжить.

В пьесе пространство вишневого сада наделяется множественными значениями: он является свидетелем и остатком старомодной жизни, не может создать никаких богатств в новую эпоху; хотя оно оставляет приятные воспоминания семье Роневской, в то же время оно хоронит кровь и слезы бесчисленных несчастных крепостных. В глазах Раневской вишневый сад несет в себе чистые и прекрасные воспоминания детства и юности; героиня подчеркивает, что здесь жили ее предки и родители, что здесь же похоронены ее муж и сын, так что в случае потери вишневого сада ее жизнь не имела бы ни фундамента, ни надежды. Вернувшись в имение, Роневская с восторгом восхищается: «Какой изумительный сад! Белые массы цветов, голубое небо...»; «Сад весь белый. О моё детство, чистота моя!... счастье просыпалось вместе со мною каждое утро, и тогда он был точно таким, ничего не изменилось. Весь, весь белый! О сад мой! После тёмной ненастной осени и холодной зимы опять ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя ...». Трофимов, разночинец и студент нового времени, ненавидит вишневый сад, считая, что это символ несчастной жизни крепостных в старые времена и кладбище, где похоронены бесчисленные крепостные. Он говорит Ане, дочери помещицы: «ваш дед, прадед и все ваши предки были крепостники, владевшие живыми душами, и неужели с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола не глядят на вас человеческие существа, неужели вы не слышите голосов...».

Сын крепостного, бизнесмен нового времени, Лопахин испытывал еще более сложные чувства по отношению к имению, в котором, в конце концов, рабами были его предки и родители, где им не разрешалось даже заходить на кухню; теперь он купил его и стал хозяином имения. Он кричит: «Приходите все смотреть, как Ермолай Лопахин хватит топором по вишневому саду, как упадут на землю деревья! Настроим мы дач, и наши внуки и правнуки увидят тут новую жизнь...» По мнению Лопахина, каким бы прекрасным ни был вишневый сад, он не мог создать богатство и оправдать надежды людей на новую жизнь, поэтому его нужно уничтожить, чтобы освободить место для нового порядка.

Повторимся, жизни персонажей переплетаются в пространстве, которое они населяют, поскольку их судьбы не могут быть отделены от пространства. В пьесе в течение пяти месяцев Чехов иллюстрирует взаимосвязь между человеческой судьбой и изменениями окружающей среды через различные отношения и состояния бытия персонажей в имении перед тем, как имение будет продано с аукциона на двадцать второе августа. В имении, которое можно рассматривать как своего рода закрытую среду, судьба человека, кажется, связана с пространством. Результат аукциона также служит катализатором для семьи Раневских в создании новой жизни, которая не будет отягощена прошлым. Их прошлое укоренилось в имении, и они настолько завязли в этом прошлом, то с радостью продолжали бы жить в имении в нищете, постоянно жалуясь на свою судьбу. Но поскольку для семьи Раневских это больше не выход, они вынуждены смотреть в будущее и начинать закладывать основы новой жизни в новом мире.

Также необходимо отметить еще один пространственный образ, который встречается во всех действиях пьесы – поезд и железная дорога. Первая строка пьесы: «Пришел поезд, слава богу». С самого начала пьесы драматург подчеркивает, что семья Раневской вернулась из Парижа на поезде. В первом действии, когда Лопахин впервые напоминает помещице о предстоящем банкротстве, он говорит: «Двадцать второго августа и вишневый сад, и все имение будут продавать с аукциона», «Ваше имение находится только в двадцати верстах от города, возле прошла железная дорога, и если вишневый сад и землю по реке разбить на дачные участки и отдавать потом в аренду под дачи...» Широкое применение поездов способствовало экономическому развитию и социальному прогрессу, которое является символом прогресса индустриальной цивилизации в России. Очевидно, что именно вторжение поездов и железных дорог в сельскую местность

приведёт к быстрому упадку пригородных имений, которые будут превращены в дачи для досуга горожан. Действие четвертое перекликается с действием первым, в том плане, что персонажи покидают имение на одном и том же поезде, который развозит их в разных направлениях. Из-за вторжения поезда в деревню Раневская теряет свои имение и сад и и начинает жизнь в эмиграции на чужбине; Лопухин приобретает недвижимость и начинает свою карьеру в качестве хозяина имения; Аня с радостью прощается со старой жизнью и отправляется в новое будущее. Несомненно, что поезд, представляющий развитую индустриальную цивилизацию, является как внешней пространственной силой, уничтожившей старую жизнь, так и связующим звеном, которое привело людей к новой жизни.

Персонажи Чехова всегда считаются заложниками окружающей среды (пространства). Конфликт между человеком и пространством главной темой его творчества, но нельзя игнорировать важность времени в рамках такой среды. В «Вишневом саду» драматург не только создал образы людей, чья жизнь пришлась на переломную эпоху, но запечатлел само время в его движении. В пьесе трагедийность растворяется в относительном спокойствии разговоров и банальностей, в котором люди ощущают течение времени и застой жизни в заурядных разговорах, ностальгии, ожидании. Именно в этом проявляется значение времени. Как отмечает Лопухин в заключительной сцене пьесы: «Мы друг перед другом нос дерем, а жизнь знай себе проходит».

В пьесе «Вишневый сад» персонажи говорят «время летит», но отношение к времени у них разное. Лопухин не раз смотрит на часы, и время, о котором он говорит – это точное время. Это доказывает, что он – прагматичный человек и его только интересует текущая жизнь. Однако внимание, которое Раневская и Гаев уделяют протеканию времени, свидетельствует о том, что они ценят «прошлое». И чем больше они отмечают, что время летит, тем больше они хотят запечатлеть историю в памяти. «Старая женщина, ничего в настоящем, все в прошлом», – так характеризовал Раневскую в своих письмах Станиславскому Чехов.

Память связывает прошлое с настоящим, и позволяют человеку найти смыслы жизни в прошлом и тем самым противостоять беспомощности и опустошенности в текущей жизни [4, с. 647]. Воспоминание – это то, чем Раневская чаще всего занимается в имении. Она наслаждается прошлым, чтобы избежать конфронтации с настоящим. Она с наслаждением вспоминает детство, которое прошло в имении, и делится грустными и мучительными воспоминаниями о Париже с другими. Кажется, что единственная ценность ее жизни – это воспоминания о прошлом. В связи с этим она находится далеко от настоящего и погрязла в памяти. Кажется, что в имении время словно останавливается. Персонажам нечем заняться, и они живут скучной жизнью день за днем. Помещица не обращает внимания на течение времени и ничего не делает. Наконец, она теряет имение и смиряется со своей судьбой. Немецкий философ Маркузе так объяснил «Воспоминание – это не память о золотом веке прошлого, о невинном детстве, о первобытном человеке и так далее. Скорее, воспоминание, как эпистемологическая функция, – это особый способ мышления, способ, обычно используемый человеческими существами, чтобы уравновесить свои эмоции, закрепить свои чувства и в некоторой степени избежать реальности» [5, с. 163]. Другие персонажи в пьесе, такие как болтун Гаев и консерватор Фельс, также блуждают в ловушке потока времени. Несбыточность их надежд дает ощущение угнетения времени над судьбой.

Пока вишневый сад остается силой в жизни героев, настоящее и будущее ускользают от них: они будут парализованы и не смогут ничего сделать. Такое пространство можно рассматривать как разделительную линию между мечтой об определенном образе жизни и реальной жизнью. Несмотря на постоянные ссылки на время, Раневская не может жить в настоящем моменте. Это объясняет, почему она никогда не указывает конкретное время. Таким образом, только в начале четвертого действия, под звук топора, ударяющего по дереву, время снова течет. Это позволяет персонажам освободиться от оков, которыми вишневый сад связывает их к прошлому.

Отношение Лопухина ко времени контрастирует с остальными персонажами. В пьесе только Лопухин всегда успевает вовремя, точно подмечает время и постоянно смотрит на часы. Свою деловую мудрость и рационализм он проявляет через свою требовательность ко времени. Он представляет зарождающихся российских капиталистов, где время – деньги, и поэтому он позаботится о том, чтобы семья Раневских покинула имение и уехала вовремя. Провожая семью Раневских, Лопухин призвал: «до поезда осталось всего сорок шесть минут!» Это символизирует, что наступает новая эра и что старое должно уступить место новой жизни.

Лопухин купил имение с садом, и судьба его меняется, поскольку для всех жителей имения наступает новая жизнь. Действия Лопухина на всем протяжении пьесы являются не столько воплощением борьбы человека с судьбой в текущем времени, сколько проявлением его мощной жизненной силы как зарождающейся русской силы. Несмотря на то, что Лопухин, который представляет «сейчас», победил в настоящем, история показала, что в определенный момент такой человек тоже уйдет в прошлое, и что ни у кого не будет

всегда победы. Время становится главным героем в этой пьесе, не выходя на сцену, оно справедливо и не дает лишнего прощения или благословения никому в пьесе. В потоке времени каждый становится «маленьким человеком». Говоря оптимистично, жизнь человека – это процесс борьбы, прохождение через одну трудность за другой, благодаря этому мы можем открыть для себя прелесть новой жизни.

Будучи врачом и писателем, Чехов глубоко задумался о судьбе человечества на рубеже веков. В пьесе «Вишневый сад» Чехов изображает картину смешную и жалкую: люди фантазируют, что могут решить все свои проблемы в ожидании, но не желают создавать новую жизнь собственными усилиями. В пьесе Чехов показывает заурядную и пошлую жизнь людей на рубеже веков, в которой то, чем следует дорожить, разрушается в процессе заурядности и бездействия.

Хотя в пьесе «Вишневый сад» Чехов размышляет о времени и пространстве бытия человека, он не делает оценочного суждения о смене времен: не говорит о том, что новый образ жизни обязательно лучшим, и не осуждает старый образ жизни как абсолютное зло. В своей работе Чехов просто показывает неотвратимость течения времени и изменения пространства; он изображает ничтожность человека перед временем и пространством.

В ходе исторического развития неизбежно что-то новое приходит на смену старому. Исчезновение сада – это не конец жизненного пути героев в пьесе, а начало их новой жизни. Поезд увозит семью Раневской в новую жизнь, деревья в саду падают одно за другим, и конец четвертого действия представляется началом новой страницы жизни, они приходят к своему будущему в потоке времени.

Литература

1. Ермилов В.В. А.П. Чехов. М.: Советский писатель, 1951. С. 336.
2. Бентли Э. Жизнь драмы. Лондон: Метуэн, 1969. С. 58.
3. Эйнштейн А. Очерки Эйнштейна в науке. Нью-Йорк: Дувр Паблицейшнс, 2009. (Первоначально опубликовано в 1934 г.) С. 66.
4. Кант И. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 647.
5. Маркузе Г. Одномерный человек, АСТ, Ермак, 2003. С. 163.

References

1. Ermilov V.V. A.P. Chehov. M.: Sovetskij pisatel', 1951. C. 336.
2. Bentli Je. Zhizn' dramy. London: Metujen, 1969. C. 58.
3. Jejnshtejn A. Oчерки Jejnshtejna v nauke. N'ju-Jork: Duvr Pablikejshns, 2009. (Pervonachal'no opublikovano v 1934 g.) C. 66.
4. Kant I. Sobraenie sochinenij: v 8-mi t. M.: Choro, 1994. T. 4. C. 647.
5. Markuze G. Odnomernyj chelovek, AST, Ermak, 2003. C. 163.

*Zhou Jian, Postgraduate, Lecturer,
Institute of the Russian Language,
Heilongjiang University, China,
Institute of Foreign Languages,
North China University of Science and Technology*

Space, time and destiny in Chekhov's play “The Cherry Orchard”

Abstract: human existence can never be separated from time and space, i.e. humans exist in time and space. One of the important missions of literature is to present the human experience of time and space. At the turn of the nineteenth and twentieth centuries, Anton Chekhov completed his play “The Cherry Orchard”, in which the playwright offers profound reflections on time, space and the fate of people in an era of change. The main theme that Chekhov reveals is the life of ordinary people. He draws pictures of everyday life, and by sometimes hyperbolising the behaviour of the characters, shows the nothingness of people in front of time and space. Moreover, this interpretation of The Cherry Orchard shows how Chekhov uses time, space and characters in a realistic drama to create a new form of drama.

Keywords: Anton Chekhov, The Cherry Orchard, time, space, destiny, metaphor

For citation: Zhou Jian Space, time and destiny in Chekhov's play “The Cherry Orchard”. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (2). P. 98 – 101.

Азизова С.М., кандидат педагогических наук, доцент,
Азизова Л.Р., кандидат педагогических наук, преподаватель,
Дагестанский государственный университет

Структура и состав глагольных компаративных ФЕ в русском и английском языках

Аннотация: в статье проводится сопоставительный анализ глагольных компаративных фразеологизмов русского и английского языков. Определяется структура компонентного состава данных единиц.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что недостаточно изучены вопросы структуры и состава глагольных компаративных фразеологических единиц в русском и английском языках.

Основная цель заключается в сопоставительном анализе состава и структуры глагольных компаративных ФЕ в русском и английском языках.

Конкретные задачи работы определяются этой целью и сводятся к следующему:

- определить количественный состав и структуру глагольных компаративных фразеологизмов в русском и английском языках;

- установить сходство и различия среди глагольных компаративных фразеологизмов обоих языков.

Ключевые слова: английский язык, русский язык, глагольные компаративные фразеологизмы, варьирование, структура, компонентный состав, сопоставительный анализ, сравнительные обороты

Для цитирования: Азизова С.М., Азизова Л.Р. Структура и состав глагольных компаративных ФЕ в русском и английском языках // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 102 – 105.

Глагольные компаративные фразеологические единицы составляют достаточно большую по объему и употребительную серию устойчивых сочетаний. Они активно используются в речевой коммуникации, а также художественной речи и в публицистике, что свидетельствует об их глубоком проникновении в исследуемые языки.

Выявление особенностей структуры компаративных ФЕ предполагает определение их компонентного состава и исследование их грамматического и семантического строения. Под компонентным составом следует понимать совокупность лексических элементов, необходимую для реализации закрепленного языковой традицией содержания [1, с. 37].

При анализе компонентного состава данных компаративных фразеологизмов обнаружилось, что в число первых компонентов-глаголов в английском языке несколько больше. Среди рассмотренных глаголов выделились следующие основные группы: глаголы движения, глаголы речи, глаголы, выражающие различные процессы и состояния.

Первую группу составляют глаголы перемещения, движения. По нашим подсчетам более 25 глаголов русского языка, и более 40 глаголов английского языка входят в состав компаративных фразеологизмов исследуемых языков. Наибольшее совпадение имеют в обоих языках такие глаголы движения и перемещения, как *walk, work, live, run, crawl* «ходить, работать, жить, бегать, ползти»:

Англ. *to go run like clock work* «работать как часы», *as if the ground had* «как сквозь землю провалиться», *to crawl like a snail* «ползти как улитка» [3].

Русс. *ползти как черепаха, работать как вол, бегать как белка в колесе* [4].

Численное превосходство английских глаголов обеспечивает большое разнообразие английских первых компонентов данной группы, которые определяют характер движения. К числу наиболее продуктивных в данной группе относятся одни и те же глаголы, что приведены выше.

Глаголы речи составляют небольшую группу: 8 английских и 7 русских глаголов являются первыми компонентами в компаративных фразеологизмах исследуемых языков:

Англ. *to grin like a Cheshire cat* «усмехаться как Чеширский кот», *silent as a lamb* «молчаливый как ягненок», *as close as oysters* «нем как рыба» [3].

Русс. *трещать как сорока, болтать без умолку, нем как рыба* [4].

Следующую группу составляют глаголы, характеризующие различные состояния и процессы. Это наиболее многочисленная группа. Мы насчитали более 150 глагольных компаративных фразеологизмов в английском языке, и столько же в русском языке. Данную группу мы распределили на более мелкие подгруппы:

1) глаголы, которые характеризуют важные жизненные процессы: *be, sleep, live, drink, grow, fit* «быть, спать, жить, пить, расти»:

Англ. *live like a King* «живи как король», *to die like a dog* «умереть как собака», *be happy as a lark* «быть счастливым как жаворонок» [3].

Рус. *жить как у Христа за пазухой, расти как грибы после дождя, находиться между двух огней* [4].

2) глаголы, характеризующие различные физические процессы: *stand, lie, sit, see, tremble* «стоять, лежать, сидеть, видеть, дрожать»:

Англ. *to fit like a glove* букв. «сидеть как влитая»;

Рус. *сидеть как на горячих углях, дрожать как лист на ветру, дрожать от страха, лежать как боров, стоять как истукан* [4].

3) глаголы, характеризующие внутреннее состояние и различные процессы, которые протекают в сознании человека. Данная подгруппа глаголов отличается самой высокой продуктивностью в обоих языках: *to love, to know, to feel, to be afraid, to understand, to lie* «любить, знать, чувствовать, бояться, понимать»:

Англ. *patient as Job* «терпеливый как Иов».

Рус. *глуп как сивый мерин, бояться как огня, знать как свои пять пальцев*.

Как показало наше исследование, наиболее продуктивные глаголы вошли в перечисленные выше группы, причем ими оказались в обоих языках, за небольшими исключениями, одни и те же слова. В ряде компаративных фразеологизмов они взаимозаменяемы. Это варьирование фиксируется в словарях. Например, в русском языке встречаются варианты *сидеть как на иголках / быть как на иголках; стоять как истукан / сидеть как статуя / стать как вкопанный*.

Сходство глагольных компаративных фразеологических единиц в обоих языках обнаруживается в наиболее существенных чертах:

Возможность выделения одних и тех же структурных групп, к которым можно отнести глагольные, адъективные и субстантивные компаративные фразеологизмы. В русском и английском языках они отмечаются примерно в одинаковом количестве.

В обоих языках отмечаются одни и те же фразеобразовательные типы, большая часть из которых составляет одна и та же модель, образованная посредством сравнительных компонентов, в русском языке – союз *-как*: *лететь как бабочка, присосаться как пиявка*. В некоторых случаях встречается и компонент *словно*: *словно муха укусила*.

В английском языке такие выражения образуются посредством сравнительного компонента *-as* в прилагательных, а также глагола *like*: *run like the wind* «мчаться как ветер», *to swim like a fish* «плавать как рыба», *as slippery as an eel* «скользкий как угорь».

Сравнительные обороты в английском языке делятся на две группы. В зависимости от частеречной отнесённости различают 1) стёртые сравнения и 2) подлинные сравнения. Конструкции первой группы относятся к прилагательным, причастиям, глаголам и присоединяются при помощи маркера *as (if)* [2, с. 139].

Различия в структурно-морфологическом аспекте касаются, с одной стороны, распространенности того или иного структурного типа или связаны со спецификой языка. Сюда можно отнести порядок последовательности компонентов, наличие или отсутствие в одном из языков форм.

Для исследуемых языков в равной степени характерны явления синонимии и вариантности. Общность проявляется в этом плане в наличии одних и тех же разновидностей синонимов и совпадении большинства типов варьирования. Различия затрагивают чаще число членов синонимического ряда, образы, лежащие в основе синонимов, характер лексической сочетаемости компаративных фразеологизмов или различное количество компаративных фразеологизмов-вариантов, связанное с варьированием какой-либо грамматической категории, свойственной только одному языку. Для русского языка свойственны большие возможности варьирования сравнительного союза или заменяющих его слов.

Различия могут сводиться к разному числу членов антонимического ряда, различию в образах компаративных фразеологизмов, а также в возможности образования антонимического ряда с другими словами и выражениями, обладающих компаративной семантикой. Например: *trudging like a turtle – fly like an arrow* «тащиться как черепаха – лететь как стрела».

К числу стилистических средств образования компаративных фразеологизмов можно отнести гиперболу и антифразу. Они распространены в обоих языках. В английском языке более широко встречаются компаративные фразеологизмы, построенные на игре слов: *to grin like a Cheshire cat* «усмехаться как Чеширский кот», *to fight like Kilkenny cat* «сражаться как кот Килькина».

В обоих языках одни и те же понятия характеризуются посредством компаративных фразеологизмов. Это подтверждают первые компоненты компаративных фразеологизмов. В процессе анализа выделились определенные семантические группы, где наиболее продуктивными оказались прилагательные и глаголы,

характеризующие наиболее существенные признаки. Разница состоит в количественном перевесе английских первых компонентов и их высокой продуктивности в образовании компаративных фразеологизмов.

Сопоставление вторых компонентов показало, что для характеристики качества предметов и явлений или действия, или состояния в обоих языках употребительны в большинстве случаев существительные, которые обозначают одни и те же понятия. Такие случаи совпадения в обоих языках отмечаются часто. Различия заключаются в способности одних и тех же слов образовывать компаративные фразеологизмы, сочетаясь с разными первыми компонентами. К примеру, в русском языке *устал как собака, работать как собака, голодный как собака, злой как собака*. В английском встречается только *work like a dog* «работать как собака». Иногда различия могут быть связаны с характером переосмысления второго компонента.

В русском и английском языках обнаружались компаративные фразеологизмы с одинаковыми, близкими и различными образами. Наличие сходных образов обусловлено общностью окружающей природы и отношений людей, которые складывались в процессе общения с природой и между собой. Ряд совпадений объясняется либо общностью источника происхождения, либо результатом калькирования. А наличие компаративных выражений с одинаковой семантикой, но с различной образной основой связано с характером обобщений или различиями в метафорическом употреблении.

Различия в компаративных фразеологизмах, являющихся специфичными для одного из исследуемых языков обусловлены особенностями жизни и быта народа, его менталитета, различной языковой картиной мира, с разными событиями исторического или мифологического характера.

Важным является выбор структуры сообщения, то есть сохранение структурной употребительности выражения, так как соблюдение трафаретности выражения, всех элементов стандартности играет при передаче компаративных фразеологизмов особую роль, из чего вытекает необходимость четкого ограничения формы и границ компаративных фразеологизмов. И это непосредственно связано с устойчивостью их воспроизведения. В решении данного вопроса эффективны данные о частотности компаративных фразеологизмов и материалы лингво-статистического анализа.

Таким образом, проведенный сопоставительный анализ показал, что количественный состав глагольных компаративных фразеологизмов английского языка обнаруживает небольшой численный перевес по сравнению с глагольными компаративными фразеологизмами русского языка. Однако, если принимать во внимание различную полноту охвата глагольных компаративных фразеологических единиц в данных языках, а также критерии включения компаративных фразеологизмов в словари, то можно утверждать, что различия не столь велики. При сопоставлении количества примеров глагольных компаративных фразеологизмов из словарей русского и английского языков, художественной литературы, показало, что частотность глагольных компаративных фразеологических единиц также немного выше в английском языке, чем в русском.

Литература

1. Абдулкадырова П.М. Компаративные ФЕ даргинского и английского языков. Махачкала, 2011. 160 с.
2. Голева Н.М., Воронков Л.С. Формы компаративных конструкций в русском и английском языках // International journal of professional science. 2016. С. 138 – 141.
3. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. Москва: Живой язык, 2005. 942 с.
4. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. Москва: АСТ: Астрель, 2008. С. 878.

References

1. Abdulkadyrova P.M. Komparativnye FE darginskogo i anglijskogo jazykov. Mahachkala, 2011. 160 s.
2. Goleva N.M., Voronkov L.S. Formy komparativnyh konstrukcij v russkom i anglijskom jazykah. International journal of professional science. 2016. S. 138 – 141.
3. Kunin A.V. Bol'shoj anglo-russkij frazeologicheskij slovar'. Moskva: Zhivoj jazyk, 2005. 942 s.
4. Fedorov A.I. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka. Moskva: AST: Astrel', 2008. S. 878.

*Azizova S.M., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Azizova L.R., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Lecturer,
Dagestan State University*

Structure and composition of verbal comparative PU in Russian and English

Abstract: the article provides a comparative analysis of the verbal comparative phraseological units of the Russian and English languages. The structure of the component composition of these units is determined.

The relevance of the research topic is due to the fact that the issues of the structure and composition of verbal comparative phraseological units in Russian and English have not been sufficiently studied.

The main goal is to compare the composition and structure of the verbal comparative PU in the Russian and English languages.

The specific tasks of the work are determined by this goal and are reduced to the following:

- to determine the quantitative composition and structure of verbal comparative phraseological units in Russian and English;

- to establish similarities and differences among the verbal comparative phraseological units of both languages.

Keywords: English, Russian, verbal comparative phraseological units, variation, structure, component composition, comparative analysis, comparative turns

For citation: Azizova S.M., Azizova L.R. Structure and composition of verbal comparative PU in Russian and English. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 102 – 105.

*Бейненсон В.А., кандидат филологических наук,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Либинзон Д.Л.,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации*

Адаптация жанра обозрения к цифровой среде: жанровая стабильность и форматное многообразие

Аннотация: традиционный журналистский жанр обозрения в цифровой среде получил новый виток развития и обрел высокую популярность. К причинам этого можно отнести относительную простоту производства для редакции, а также реализацию функции «неврачебной психотерапии» для аудитории, в рамках которой обозрение формирует иллюзию информированности и освобождает от информационной перегрузки. Важной причиной активного использования жанра является также его мощный публицистический потенциал, поскольку сегментированная аудитория, найдя автора обозрения, близкого ей по взглядам, испытывает к нему высокую степень доверия и потребляет его контент регулярно. Ключевым преимуществом жанра обозрения является многообразие его воплощения в различных мультимедийных форматах: текстовых (мультимедийная статья, линейный и нелинейный лонгрид, карточки, список, чек-лист), фотографических (фотогалерея, таймлайн, фотослайдер), интерактивных (тест, интерактивная инфографика), однако наибольшее распространение получили проекты в формате видеокolonки на платформе YouTube. Здесь развиваются как общие (пространственно-временные), так и тематические обозрения.

Ключевые слова: жанр, обозрение, мультимедийный формат, YouTube, видеоблог, лонгрид, таймлайн

Для цитирования: Бейненсон В.А., Либинзон Д.Л. Адаптация жанра обозрения к цифровой среде: жанровая стабильность и форматное многообразие // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 106 – 113.

Несмотря на традиционность и долгую историю, жанр обозрения в последние годы вышел на новый виток своего развития. Это произошло во многом благодаря распространению различных сетевых площадок, дающих возможность создавать мультимедийный контент. Оказалось, что обозрение имеет отличный потенциал для визуализации и способно привлекать и удерживать внимание избалованной, постоянно отвлекающейся сетевой аудитории благодаря разнообразию мультимедийных форматов, которые могут быть применены к данному жанру: форматов с текстовой основой, фотоформатов, видеоформатов, интерактивных форматов.

Вопрос о соотношении категорий «жанр» и «формат» в сетевой журналистике остается в зоне внимания исследователей [1, 11, 13], однако общее направление в понимании этого вопроса все же можно считать сложившимся. Несмотря на то, что границы категорий «жанр» и «формат» являются подвижными, и часто данные термины используются в качестве синонимов, указанные понятия все же имеют очевидные различия.

Категория жанра является традиционной, устойчивой. Несмотря на то, что жанры подвержены гибридизации, ядро жанра, логика его структуры часто остается неизменной и неосознанно узнаваемой аудиторией на протяжении десятилетий. Жанр включает в себя как содержательные, так и формальные признаки и в большинстве случаев не может быть определен без понимания смысла публикации.

Для категории же формата в сетевой мультимедийной журналистике характерна подвижность, изменчивость, модность. Формат часто зависит от развития технологий, он призван привлекать и удерживать внимание аудитории. Однако сам по себе формат является лишь «упаковкой» жанра. Определить формат публикации возможно даже без понимания смысла материала, например, на незнакомом языке.

При этом количество мультимедийных форматов огромно, и оно постоянно растет. Если в 2018 году медиаэксперт Оксана Силантьева описала 92 мультимедийных формата [15], то с развитием информационных технологий можно сказать, что сейчас количество форматов уже превысило сотню.

Разумеется, не все они реализуются в публикациях каждого из жанров. Однако именно для жанра обозрения характерно многообразие применяемых форматов. При этом обозрение в цифровой среде сохраняет свою содержательную жанровую логику. Однако из-за внешней форматной непохожести аудитория может даже не замечать его привычной жанровой сути.

Можно выделить такие группы форматов обозрения, как текстовые, фотоформаты, видеоформаты, интерактивные форматы.

1. Наиболее традиционной и привычной группой форматов для обозрения являются текстовые: мультимедийная статья, линейный и нелинейный лонгрид, карточки, список, чек-лист. При этом в цифровой среде текст часто делится на небольшие фрагменты и/или заменяется различными визуальными элементами, что позволяет удерживать внимание аудитории.

- Мультимедийная статья как формат представляет собой текстовый материал, перемежающийся различными визуальными элементами – фото, графикой, видео. Данный формат носит универсальный характер и не связан со статьей как жанром. Он применим практически к любому жанру, в том числе к обозрению. Например, историческое тематическое обозрение «Пиршества, пиры, пирушки: как изображали застолье в искусстве» в издании «Нож» [12]. Это очень распространенный, рутинный формат, регулярно применяемый в практике большинства сетевых изданий. В отличие от лонгрида он не требует привлечения дополнительных ресурсов. При этом формат мультимедийной статьи является довольно простым способом удерживать внимание аудитории на объемных текстовых публикациях.

- Формат лонгрида также способен воплотить публикации в различных «крупных» жанровых разновидностях – очерки, статьи, расследования, репортажи, в том числе и обозрения. Однако в отличие от формата мультимедийной статьи лонгриды чаще всего создаются как спецпроекты: отдельной командой, по особому поводу, с дополнительным финансированием, часто в виде самостоятельного сайта с оригинальной версткой и дизайном. Структура подобных лонгридов может быть как линейной, так и нелинейной. Например, в линейном лонгриде в жанре обозрения «Чернобыль. Мифы и факты» [18] ТАСС выстраивает цепочку фактов и оригинальных архивных тассовских фотографий о чернобыльской аварии. В качестве примера нелинейного лонгрида в жанре обозрения можно упомянуть «Дни затмения» [9] издания «Лента», который представляет собой своего рода справочник событий времен распада СССР в виде блоков на главной странице, которые можно просматривать в произвольном порядке. Все это создает вовлекающий эффект, позволяющий удерживать внимание аудитории на детальном объемном материале с глубокой проработкой темы.

- Карточки также являются удобным как для автора, так и для читателя форматом жанра обозрения. Карточки стали популярным мультимедийным форматом за счет деления сложной и многоаспектной темы на отдельные вопросы и короткие и простые ответы на них. Часто ответ и вопрос выделяются графически рамкой-карточкой. Подобный формат получил распространение в силу его адаптированности для потребления на экранах мобильных устройств. На ряде карточек логично располагаются все аспекты темы обозрения, например, «Фриланс: что это такое, что придется делать и сколько вам будут платить» издания Skillbox [17].

- Формат списка является довольно популярным и отлично подходит в качестве формы воплощения жанра обозрения, например, исторический материал «Как разделились православная и католическая церкви: пять фактов» от сетевого издания Russia Beyond [8]. Аналитичность материала и авторская позиция здесь воплощаются в выборе эпизодов (пунктов списка), характеристике каждого из них, а также способности журналиста выстроить последовательность элементов, которая мотивировала бы читателя дойти до конца материала.

- Чек-лист является более редким форматом в отличие от списка, но обладает не менее сильным вовлекающим потенциалом, поскольку создает эффект «исчерпанности» темы и задает прикладной, практический уклон публикации. Например, то же издание Russia Beyond выпускает цикл обозрений с чек-листами о том, что нужно сделать и какие места посетить во время путешествия в тот или иной город России. Если читатель выполняет все пункты, у него должно создаться впечатление удачной, содержательной поездки и экономии времени.

Если текстовые обозрения были распространены и в печатной журналистике, то для сетевой журналистики стали характерны обозрения в фотоформатах: фотогалерея, таймлайн, фотослайдер.

- Формат фотогалереи (фотоленты, фоторяда) предполагает подбор и выстраивание в виде последовательности горизонтально или вертикально сверстанного ряда фотографий, чаще всего с подписями или комментариями. Регулярно данный формат воплощает жанр общего (пространственно-временного) обозрения и используется в рубриках «Фото дня», «Фото недели» и т.д. в изданиях «Ведомости», МК, «Ъ», «Интерфакс» и др. Для редакции он является относительно малозатратным: подобный вид обозрения часто состоит из ранее опубликованных фотографий собственного издания или доступных по подписке от информагентств.

Фотогалерея может воплощать и тематические обозрения. Здесь в качестве главных причин интереса читателя можно назвать подбор необычной, любопытной темы, часто с элементами развлекательности, а также акцент на визуальную последовательность. Например, обозрение издания «Ведомости» о журнали-

стах, перешедших на работу во властные структуры [7] или материал «Ленты» о том, как год от года менялась прическа сенатора Валентины Петренко [6].

- Таймлайн (или лента времени) представляет собой временную шкалу (часто интерактивную) с обозначением цепочки ключевых событий в истории или жизни отдельного человека в сопровождении фотографий. Небывалый всплеск популярности данного формата можно было отметить 8 сентября 2022 года, в день смерти королевы Великобритании Елизаветы II. Множество изданий по всему миру представили фототаймлайны, посвященные ей [16]. Данный формат требует довольно кропотливой подготовки, поэтому подобные проекты часто готовятся редакциями заранее.

- Формат фотослайдера по принципу «было-стало» является хорошим инструментом для удержания внимания и вовлечения аудитории. Подобный формат вполне может воплотить обозрение исторической тематики, где ряд архивных фотографий попарно совмещается при помощи специального сервиса (например, Juxtapose JS или Interacty) с современными снимками того же объекта или места. Например, в издании NN.ru фотокорреспондент повторил ракурсы нескольких снимков начала XX века и сопоставил старинные и современные кадры в виде слайдеров [4].

Упомянутые фотоформаты не только привлекают внимание аудитории за счет своей визуальности, но еще и обладают вовлекающим потенциалом, то есть мотивируют пользователя на просмотр материала до конца за счет последовательного пролистывания элементов с фотографиями.

3. При этом для достижения вовлеченности аудитории могут применяться также специальные интерактивные геймифицированные форматы. Несмотря на то, что потенциальный спектр интерактивных форматов довольно широк (голосование, игра, опрос, викторина, калькулятор и др. [15]), в воплощении жанра обозрения распространение нашли форматы интерактивной инфографики и теста.

- Интерактивная инфографика предполагает взаимодействие с пользователем, который должен свершить ряд действий с материалом (нажать, пролистать, развернуть), чтобы получить полный объем информации. Тематическое обозрение в формате инфографики может содержать, например, объемный познавательный материал об истории культуры. Так, в материале «Весь XIX век в одной таблице» [10] от «Арзамаса» собраны и упорядочены факты о ключевых войнах, героях, идеях, произведениях искусства в каждой пятилетке века. Нажимая на блоки таблицы, пользователь получает содержательные пояснения.

- Формат теста также может нести просветительскую функцию. В него может быть «упакован» ряд интересных фактов по избранной теме. Например, тест NN.ru «800-летняя история Нижнего Новгорода в 8 вопросах с подвохом» [5] содержит неочевидные даже для коренных нижегородцев ответы на вопросы, вызывающие любопытство и мотивирующие читателей проверить эрудицию. Регулярно тесты с отобранной, привлекательно поданной и вовлекающей просветительской информацией также публикует проект «Арзамас».

4. Однако наибольшую популярность в последние годы приобрел формат классической видеокolonки. Он предполагает выступление автора в кадре, в котором он излагает отобранные, оцененные в большей или меньшей степени и выстроенные им факты. При этом, как в любых авторских программах, видеобозрение может создаваться с привлечением команды редакторов, однако подается и воспринимается подобный контент именно как личное авторское высказывание.

Подобный формат обозрений переживает период активного развития в информальных медиа, в частности в рамках ныне многочисленных профессиональных YouTube-каналов с журналистским контентом [2].

Наиболее ярким явлением в развитии жанра можно считать авторские обозрения в YouTube. Особого внимания заслуживает ряд проектов в жанре классического общего обозрения. Выпуски создаются по единой модели: в соответствии с концепцией конкретного проекта отбираются события, произошедшие в течение какого-то периода, обычно недели.

Причем выбор новостей часто носит субъективный характер: информационные поводы могут как пересекаться с теми, что предлагают традиционные СМИ, так и быть иными, не попавшими в официальные источники. При этом каждый автор не только предлагает свою альтернативную повестку, акценты главного, но и собственную трактовку и оценку этих событий.

Несмотря на то, что журналистские каналы начали активно появляться на YouTube с 2017 года, проекты с общими обозрениями приобрели взрывную популярность в 2019-2020 годах. При этом визуальная модель видеокolonки с обозрениями является довольно устойчивой: в большинстве своем это монологическое выступление в кадре автора с иллюстративными и видеовставками, а также анимацией. Данные элементы служат как для привлечения внимания аудитории, так и для снабжения материала элементами оценочности, сатиры и юмора [3].

Подобный формат наследует сразу две традиции: как традицию телевизионных авторских программ, так и уже устоявшийся монологический формат в видеоблогинге. Справедливости ради нужно отметить, что

общее обозрение появилось на YouTube еще до активного развития там каналов профессиональных журналистов. Один из наиболее старых и успешных проектов на YouTube продолжает выпускать влогер Руслан Усачев. С мая 2015 года вышло более 350 выпусков в рубрике UsachevToday, представляющих собой ролики, выполняющие функции классических журналистских общих обозрений, отличающиеся узнаваемой авторской подачей, отличной от телевизионных канонов.

Одним из первых проектов в жанре общего обозрения на YouTube, созданных профессиональным тележурналистом, можно считать «Парфенон» Леонида Парфенова, выпускавшийся с февраля 2018 года в течение 2 лет. Экспериментальность проекта заключалась в том, что это не было попыткой заменить, переосмыслить и дать трактовку новостной повестке. Обозрение Л. Парфенова было подчеркнуто субъективным, элементы иных жанров (репортажа, зарисовки, интервью) часто преобладали над новостными компонентами. Можно сказать, что автор здесь создавал атмосферу «клуба» своих поклонников, выбирая темы и их подачу по собственному усмотрению.

С мая 2019 г. по февраль 2022 г. выпускал свои обозрения в формате видеокolonки главный редактор российского Esquire (с 2022 г. издание выходит под названием «Правила жизни») Сергей Минаев. Несмотря на большой опыт в телевизионной журналистике, С. Минаев предлагал проект в подчеркнуто блогерской стилистике, предполагающей остро сатирическое, саркастическое комментирование новостей за неделю в подчеркнуто субъективной, провокационной манере.

На канале «Редакция» под руководством журналиста Алексея Пивоварова (признан иноагентом) проект обозрений «Редакция. News» был запущен в ноябре 2019 г., спустя 8 месяцев с начала работы канала. Подобная стратегия может объясняться тем, что каналу необходимо было набрать «ядерную» аудиторию, готовую не время от времени, а еженедельно смотреть авторские обозрения. Если в других рубриках канала («Редакция. Спецрепы», «Редакция. Антитревел», «Редакция. Полный формат») регулярно появляются другие журналисты, работающие в «Редакции», то здесь «лицом» проекта является исключительно Алексей Пивоваров. Концепция данного проекта объединяет как телевизионные каноны, так и элементы стилистики и форматов YouTube-блогеров. В выпусках «Редакции. News» присутствуют элементы оценочности и в большей или меньшей степени выраженная авторская позиция, но информационная функция здесь является доминирующей: ведущий повествует о событиях недели, которые его аудитория могла пропустить в силу «нехватки времени». Это могут быть как социально значимые общественно-политические события, так и локальные происшествия и просто курьезные случаи. Сочетание «важных» поводов, их анализа и толкования с развлекательными новостями позволяет удерживать внимание аудитории.

В 2019 году YouTube-обозрения запустили не только профессиональные журналисты, но и популярные блогеры, ранее работавшие в иных жанрах и форматах и на других площадках. В апреле 2019 г. начинает для своей аудитории еженедельный проект «Самые честные новости» Артемий Лебедев, а в июне 2019 г. автор мультиплатформенного блога «Сталингулаг» Александр Горбунов запускает на YouTube цикл «Личное мнение». Несмотря на то, что оба автора не являются журналистами, они берут на вооружение классический жанр общего обозрения, который подразумевает априорный интерес к фигуре автора-публициста. Поэтому успех эксперимента с обозрениями в данном случае был обусловлен большой лояльной аудиторией, приобретенной в других проектах.

Запущенная в 2019 году тенденция возникновения новых проектов общих обозрений получила дальнейшее развитие в период пандемии в 2020 году. Причин тому можно назвать несколько. Во-первых, в данный период возник плотный поток негативных новостей о коронавирусе, смертях, росте заболеваемости, отсутствии эффективных методов лечения, противоречивых мнений экспертов и лжеэкспертов, что создавало атмосферу неопределенности и тревожности. Аудитория не могла разобраться во всем этом самостоятельно и предпочитала потреблять отобранную информацию от вызывающего доверие автора. Во-вторых, формат видеокolonки жанра обозрения допускает минимальную визуализацию, отсутствие дополнительных выездных съемок, производство силами небольшой команды в режиме удаленной работы.

В 2020 году количество общих обозрений продолжило расти. Собственные обозрения начинают выпускать Ксения Собчак («Осторожно, новости!»), Илья Варламов («Чё происходит») и др. Нужно отметить, что это также авторы с уже накопленной аудиторией, определенной системой ценностей и характерной манерой подачи информации. Среди общих обозрений выделяется проект блогера Ильи Варламова. В среднем хронометраж выпусков обозрений составляет примерно от 15 до 40 минут, продолжительность же выпусков И. Варламова – от полутора до трех часов. Это происходит за счет увеличения количества обозреваемых информационных поводов с сохранением присущей для этого жанра авторской трактовки. Выпуски И. Варламова отличает большое количество международных новостей, которые не упоминают не только другие YouTube-обозреватели, но и традиционные СМИ. Таким образом, автор возвращается к классическому принципу панорамности обозрения, при этом рискуя непрерывным вниманием пользователей, что для

YouTube-авторов не является проблемой, поскольку платформа учитывает не количество уникальных пользователей, а отдельные просмотры. Поэтому длинные выпуски с неоднократным возвращением пользователя к одному ролику становятся трендом в YouTube не только в жанре интервью и очерков, но и обзоров.

Важной чертой общих обзоров является строгая периодичность выпусков (чаще всего раз в неделю, в определенный день). Таким образом, целый ряд авторов с разнообразной подачей новостей формируют устойчивую привычку регулярного обращения к контенту подобного типа.

Необходимо также отметить тенденцию развития на YouTube обзоров тематического вида. По своей визуальной модели они могут отличаться от общих (пространственно-временных). Если в общих обзорах основным типом видеоряда является выступление в кадре автора с теми или иными дополнительными визуальными элементами (или вовсе без них), то для тематических обзоров характерны внестудийные дополнительные съемки, элементы репортажа, зарисовки и интервью. При этом принцип панорамности и цепочечная структура как атрибутивные признаки жанра обзора здесь сохраняются.

При этом, как и в случае с тематическими обзорами на YouTube, журналисты не стали там «первооткрывателями» жанра. Например, тот же Илья Варламов с 2017 года публикует у себя на канале выпуски, называемые «обзорами» о недвижимости, урбанистике и городском благоустройстве. С точки зрения жанровых характеристик подобные ролики являются именно тематическими обзорами.

Среди профессиональных журналистов в жанре тематического обзора одним из первых также можно считать Леонида Парфенова. В марте 2019 года он на своем канале продолжил авторский проект «Намедни. Наша эра», до этого выходивший в 1997-2003 гг. на телеканале НТВ. В основе этого известного проекта исторической тематики заложены принцип панорамности и цепочечно-эпизодическая структура. При этом выбор событий, наиболее ярко отражающих ту или иную эпоху, является принципиально субъективным, факты перемежаются с авторскими оценками, комментариями, лирическими элементами.

Надо заметить, что исторических проектов в YouTube существует немало, однако обзоры среди них довольно редки. Например, проект на канале Сергея Минаева «Уроки истории» представляет собой, по сути, авторские лекции, череда представляемых фактов в которых представлена как объективно существующая в исторической науке, а не являющаяся результатом авторского субъективного отбора.

Обрели свою аудиторию на YouTube и обзоры профессиональных авторов, посвященные тематике культуры и искусства. Например, нашли своего зрителя сразу несколько проектов с литературными обзорами. В мае 2019 г. Николай Солодников в рамках своего канала с интервью «Ещепознер» запускает рубрику «Закладка». Также несмотря на то, что литературный критик Галина Юзефович начала развитие своего канала с интервью, в ноябре 2020 г. там появилась рубрика с классическими книжными обзорами, что вызвало волну одобрительных комментариев от пользователей. Среди других обзоров в области культуры можно отметить канал об изобразительном искусстве Oh My Art телевизионной журналистки и искусствоведа Юлии Панкратовой с обзором выставок классического и современного искусства и музейных экспозиций. Таким образом можно отметить, что жанр тематического обзора обладает хорошим потенциалом для научно-популярной и просветительской журналистики.

Таким образом, активное развитие жанра обзора в сетевой среде имеет несколько причин.

1. Жанр относительно малозатратен и прост с точки зрения производства – чаще всего не требует выездных съемок и их согласования, расходов на командировки, договоренностей и встреч со спикерами. Данное обстоятельство сыграло свою роль в период пандемии коронавируса, поскольку именно обзор позволяло создавать выпуски в дистанционном формате, без внешних дополнительных съемок. Все это позволяет публиковать контент с относительно частой периодичностью (например, раз в неделю) и формировать привычку регулярного потребления.

2. Обзор реализует функцию «неврачебной психотерапии» [19, с. 17], снижает тревожность в случае противоречивости информации и ее избытка:

2.1. В ситуации информационной перегрузки у аудитории нет ресурсов, чтобы охватить вниманием все сообщения и понять значимость каждого из них. Работа авторов обзоров – журналистов и блогеров – заключается в мониторинге и переработке интенсивного потока информации, зачастую негативной, его фильтрации, упрощении, объяснении и «упаковке» в привлекательную для его целевой аудитории форму. Традиционный жанр обзора в данном случае отлично воплощает эти возможности. Причем на практике события для обзора могут отбираться как автором-ведущим самостоятельно, так и с помощью команды редакторов.

2.2. Подобная упрощенная и усеченная повестка дня тем не менее создает у аудитории иллюзию исчерпанности предложенного ей набора фактов, ощущение того, что зритель ничего важного не пропустил. Это

позволяет аудитории снизить степень тревожности, избавиться от бесконечного пролистывания новостей и погружения в них.

3. Обзорение является мощным средством публицистического воздействия.

3.1. Обзорение успешно реализует запрос современного общества на авторскую публицистику, в рамках которой лидер мнений (журналист, блогер, ученый) определяет повестку дня по собственному усмотрению и формирует у своей аудитории отношение к событиям.

Жанр обзорения дает возможность узко сегментированной аудитории найти «своего» автора, чье мировоззрение, ценности и позиция максимально соответствуют ее собственной. Именно через его подачу она готова воспринимать массив травмирующих и непонятных по своей сути новостей.

Медиаэксперт Андрей Мирошниченко отмечает, что основным предметом журналистики стали не новости, а та интерпретация новостей, которая нам близка и которой мы можем поделиться в социальных сетях: «подписчики платят за то, чтобы получить «нужное» видение и донести его до других. <...> Товаром является не сама новость, а «правильная» валидация новости и доставка «правильных» новостей другим» [14]. Одним из воплощений данной концепции (которую автор называет «постжурналистикой») как раз является активное развитие обзорений, где пользователи платят не деньгами, а просмотрами.

3.2. При этом особую значимость приобретают обзорения на YouTube. Их публицистическое воздействие усиливается за счет механики самой платформы. В отличие от традиционного телесмотрения «на расстоянии» YouTube-контент чаще всего просматривается на сетевых устройствах на физически близкой, «личной» дистанции. При этом авторы каналов чаще всего применяют разговорные, доверительные интонации. Большую роль играют и интерактивные возможности площадки, где каждый пользователь может оставить обратную связь в комментариях и имеет шанс получить ответ от автора. На каналах часто формируется атмосфера клуба единомышленников, совпадающих по ценностям и интересам. Все это привлекает аудиторию, формирует зону комфортной коммуникации.

Еще одной важной причиной публицистической силы обзорений является регулярность выхода роликов, в которых автор из выпуска в выпуск так или иначе повторяет какие-то важные для него оценки, убеждает, транслирует аудитории свою систему ценностей. Аудитория видит автора регулярно, начинает воспринимать его как близкого знакомого, в результате чего критическое восприятие сообщаемой им информации ослабевает. Похожий эффект наблюдается в социальных сетях, где информация от друзей (даже виртуальных) вызывает большую степень доверия и меньше поводов для сомнений. Таким образом, жанр обзорения на YouTube-каналах обладает чрезвычайно высоким публицистическим потенциалом, что привлекает все новых и новых авторов.

4. Обзорение может быть «упаковано» в разнообразные мультимедийные форматы (текстовые, фото, видеоформаты). Визуальные и интерактивные возможности форматов дают возможность привлекать внимание аудитории и удерживать его на многокомпонентном, часто объемном содержании обзорения. Несмотря на внешнюю непохожесть материалов, создаваемую за счет многообразия форматов, их содержание и логика структуры по-прежнему соответствуют канонам традиционного жанра обзорения. При этом богатый выбор мультимедийных форматов позволяет адаптировать обзорение для различной, зачастую узко сегментированной целевой аудитории.

Выявленные причины активного развития обзорения позволяют сделать прогноз о возможности дальнейшего развития данного жанра на других сетевых площадках – «Дзен», Telegram, «ВКонтакте», поскольку, как было установлено в результате исследования, обзорение обладает высоким потенциалом для адаптации к различным платформам и сегментам аудитории. Вопрос заключается в умении подобрать нужный формат и желании редакции экспериментировать с формами подачи традиционного жанра.

Литература

1. Ассуирова Л.В., Петрова Д.Ю. Лонгрид: жанр или формат подачи материала в журналистике? // *Nominum*. 2022. № 3. С. 106 – 117.

2. Бейненсон В.А. Традиционные жанры в новых реалиях: о специфике жанра обзорение на платформе YouTube // Региональная школа журналистики: векторы исследования (к 30-летию создания кафедры журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского). Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 120 – 125.

3. Болдина К.А. Особенности подачи новостного контента в практике российских YouTube-журналистов // Региональная школа журналистики: векторы исследования (к 30-летию создания кафедры журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского). Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 126 – 130.

4. Видонова И. Нижний Новгород двумя объективами. Корреспондент NN.ru прошла по следам Максима Дмитриева // NN.ru. URL: <https://www.nn.ru/text/gorod/2018/08/21/65289281/> (дата обращения: 02.02.2023)
5. Виноградов А. 800-летняя история Нижнего Новгорода в 8 вопросах с подвохом // NN.ru. URL: <https://www.nn.ru/text/gorod/2021/08/17/70081649/> (дата обращения: 05.02.2023)
6. Всему голова. Сенаторша с самой яркой прической покидает свой пост. Чем еще она известна // Лента. URL: <https://lenta.ru/photo/2018/12/05/petrenko/> (дата обращения: 02.02.2023)
7. Где журналисты не пропадали: сотрудники СМИ, ушедшие во власть и госкорпорации // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/galleries/2019/09/23/811827-kto-ushel-vo-vlast> (дата обращения: 02.02.2023)
8. Гузева А. Как разделились православная и католическая церкви: пять фактов // Russia Beyond. URL: <https://ru.rbth.com/read/2388-razdelenie-pravoslavnoy-katolicheskoi-cerkvi> (дата обращения: 07.02.2023)
9. Дни затмения. URL: <https://1991.lenta.ru/> (дата обращения: 07.02.2023)
10. Ефимов А. Весь XIX век в одной таблице // Арзамас. URL: <https://arzamas.academy/mag/508-history-table2> (дата обращения: 07.02.2023)
11. Иванова Л.В. Жанры и форматы мультимедийной журналистики как учебная дисциплина и методическая проблема // Челябинский гуманитарий. 2020 № 4 (53) С. 97 – 104.
12. Климова Е. Пиршества, пиры, пирушки: как изображали застолье в искусстве // Нож. URL: <https://knife.media/art-feast/> (дата обращения: 02.02.2023)
13. Мультимедийная журналистика / Под ред. А.Г. Качкаевой, С.А. Шомовой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 413 с.
14. Пуля В. Андрей Мирошниченко: «Редакционная политика, а не новости, – это и есть последний товар СМИ» // Журналист. URL: <https://jrnlst.ru/miroshnichenko-interview> (дата обращения: 02.02.2023)
15. Силантьева О.М. 92 мультимедийных формата. Б.м.: Ридеро, 2018. 60 с.
16. Силантьева О.М. Таймлайны, которые разные медиа опубликовали в день смерти королевы Елизаветы II // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=n55DEU7VIfs> (дата обращения: 07.02.2023)
17. Чепурнова Д. Фриланс: что это такое, что придется делать и сколько вам будут платить // Skillbox. URL: <https://skillbox.ru/media/design/frilans-cto-eto-takoe-cto-pridyetsya-delat-i-skolko-vam-budut-platit/> (дата обращения: 02.02.2023)
18. Чернобыль. Мифы и факты. URL: <https://tass.ru/spec/chernobyl> (дата обращения: 07.02.2023)
19. Шестерина А.М. Психология журналистики: в 2 ч. Ч. 1. Воронеж: Издательство факультета журналистики ВГУ, 2011. 190 с.

References

1. Assuirova L.V., Petrova D.Ju. Longrid: zhanr ili format podachi materiala v zhurnalistike? *Hominum*. 2022. № 3. S. 106 – 117.
2. Bejnenson V.A. Tradicionnye zhanry v novyh realijah: o specifike zhanra obozrenie na platforme YouTube. Regional'naja shkola zhurnalistiki: vektory issledovaniya (k 30-letiju sozdaniya kafedry zhurnalistiki NNGU im. N.I. Lobachevskogo). N. Novgorod: NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2022. S. 120 – 125.
3. Boldina K.A. Osobennosti podachi novostnogo kontenta v praktike rossijskih YouTube-zhurnalistov. Regional'naja shkola zhurnalistiki: vektory issledovaniya (k 30-letiju sozdaniya kafedry zhurnalistiki NNGU im. N.I. Lobachevskogo). N. Novgorod: NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2022. S. 126 – 130.
4. Vidonova I. Nizhnij Novgorod dvumja ob#ektivami. Korrespondent NN.ru proshla po sledam Maksima Dmitrieva. NN.ru. URL: <https://www.nn.ru/text/gorod/2018/08/21/65289281/> (data obrashhenija: 02.02.2023)
5. Vinogradov A. 800-letnjaja istorija Nizhnego Novgoroda v 8 voprosah s podvohom. NN.ru. URL: <https://www.nn.ru/text/gorod/2021/08/17/70081649/> (data obrashhenija: 05.02.2023)
6. Vsemu golova. Senatorsha s samoj jarkoj pricheskoj pokidaet svoj post. Chem eshhe ona izvestna. Lenta. URL: <https://lenta.ru/photo/2018/12/05/petrenko/> (data obrashhenija: 02.02.2023)
7. Gde zhurnalisty ne propadali: sotrudniki SMI, ushedshie vo vlast' i goskorporacii. Vedomosti. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/galleries/2019/09/23/811827-kto-ushel-vo-vlast> (data obrashhenija: 02.02.2023)
8. Guzeva A. Kak razdelilis' pravoslavnaja i katolicheskaja cerkvi: pjat' faktov. Russia Beyond. URL: <https://ru.rbth.com/read/2388-razdelenie-pravoslavnoy-katolicheskoi-cerkvi> (data obrashhenija: 07.02.2023)
9. Dni zatmenija. URL: <https://1991.lenta.ru/> (data obrashhenija: 07.02.2023)
10. Efimov A. Ves' XIX vek v odnoj tablice. Arzamas. URL: <https://arzamas.academy/mag/508-history-table2> (data obrashhenija: 07.02.2023)

11. Ivanova L.V. Zhanry i formaty mul'timedijnoj zhurnalistiki kak uchebnaja disciplina i metodicheskaja problema. Cheljabinskij gumanitarij. 2020 № 4 (53) S. 97 – 104.
12. Klimova E. Pirshestva, piry, pirushki: kak izobrazhali zastol'e v iskusstve. Nozh. URL: <https://knife.media/art-feast/> (data obrashhenija: 02.02.2023)
13. Mul'timedijnaja zhurnalistika. Pod red. A.G. Kachkaevoj, S.A. Shomovoj. M.: Izd. dom VShJe, 2017. 413 s.
14. Pulja V. Andrej Mirosnichenko: «Redakcionnaja politika, a ne novosti, – jeto i est' poslednij tovar SMI». Zhurnalist. URL: <https://jrnlst.ru/miroshnichenko-interview> (data obrashhenija: 02.02.2023)
15. Silant'eva O.M. 92 mul'timedijnyh formata. B.m.: Ridero, 2018. 60 s.
16. Silant'eva O.M. Tajmlajny, kotorye raznye media opublikovali v den' smerti korolevy Elizavety II. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=n55DEU7Vifs> (data obrashhenija: 07.02.2023)
17. Chepurnova D. Frilans: chto jeto takoe, chto pridjotsja delat' i skol'ko vam budut platit'. Skillbox. URL: <https://skillbox.ru/media/design/frilans-chto-eto-takoe-chto-pridyetsya-delat-i-skolko-vam-budut-platit/> (data obrashhenija: 02.02.2023)
18. Chernobyl'. Mify i fakty. URL: <https://tass.ru/spec/chernobyl> (data obrashhenija: 07.02.2023)
19. Shesterina A.M. Psihologija zhurnalistiki: v 2 ch. Ch. 1. Voronezh: Izdatel'stvo fakul'teta zhurnalistiki VGU, 2011. 190 s.

*Bejnenson V.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Libinzon D.L.,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)*

Adaptation of the review genre to the digital environment: genre stability and format diversity

Abstract: the traditional journalistic genre of review in the digital environment has received a new round of development and has gained high popularity. The reasons for this include the relative simplicity of production for the authors, as well as the implementation of the function of "non-medical psychotherapy", within which the review forms the illusion of awareness and frees from information overload. An important reason for the active use of the genre is also its powerful journalistic potential: since the audience is very segmented, every consumer finds a review author who is close to him in his views, has a high degree of trust in him and consumes his content regularly. The key advantage of the review genre is the variety of its implementation in various multimedia formats: text (multimedia article, linear and nonlinear longrid, cards, list, checklist), photographic (photo gallery, timeline, photoslider), interactive (test, interactive infographics), but the most widespread projects are in the video column format on the YouTube platform. Both general and thematic reviews are developed here.

Keywords: genre, review, multimedia format, YouTube, video blog, longrid, timeline

For citation: Bejnenson V.A., Libinzon D.L. Adaptation of the review genre to the digital environment: genre stability and format diversity. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 106 – 113.

*Большакова Н.В., кандидат филологических наук, доцент,
Муратова М.И., кандидат педагогических наук,
Псковский государственный университет*

Мужской дискурс в мифологическом нарративе

Аннотация: статья посвящена проблеме дискурсивного анализа мифологических текстов, опубликованных на псковском региональном материале (2021 г., 2022 г.). Соответственно теме рассмотрен гендерный аспект коммуникативного поведения рассказчика – носителя традиционной культуры и языка. Исследуются особенности коммуникативного поведения информантов-мужчин как в обстоятельствах контактов с мифологическими персонажами, так и в ситуации изложения событий собирателям. Целью работы является моделирование мужского образа в локальной традиции мифологических рассказов о встречах с потусторонними силами, представленными духами природы. Задачи работы: выявление лексико-семантической парадигмы, репрезентирующей мужской дискурс; категоризация признаков, определяющих гендерные стереотипы в локальном мифологическом дискурсе. Исследование показало, что образ мужчины – участника чудесного события и рассказчика – адекватен сложившемуся представлению о мужском типе в социальной практике и коммуникативном поведении. Рассмотренный корпус быличек из псковского собрания выявляет общие черты мужского дискурса, что отражается в лексико-семантических связях, характеризующих частные (локальные) «мужские» концепты. Оппозиция *пьянство – трезвость*, особенно характерная для мужского дискурса мифологического нарратива, выявляет дуализм в реальном существовании и оценочных характеристиках пьянства. Выявленные «мужские» атрибуты на материале узколокального источника встраиваются в систему норм социального и коммуникативного поведения мужчин, установленных на основе других источников.

Ключевые слова: мифологические рассказы, мужской дискурс, оппозиции *пьянство – трезвость*, *мужской – женский*

Для цитирования: Большакова Н.В., Муратова М.И. Мужской дискурс в мифологическом нарративе // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 114 – 119.

Введение

Устные рассказы мифологического содержания традиционно являются объектом изучения в фольклористике. Это тем более закономерно, что сам сбор и фиксация мифологических текстов в отечественной традиции осуществляется, как правило, в фольклорных экспедициях. Псковский фольклорно-этнографический архив, наряду с текстами других жанров, содержит значительный корпус несказочной фольклорной прозы, в том числе мифологические рассказы.

Как отмечают исследователи, на фоне затухания народных традиций архаические по своей сути рассказы о встречах с потусторонними силами и персонажами остаются одним из самых устойчивых фрагментов современного фольклора [10].

Диалектная гетерогенность и неоднородность культурных традиций, бытующих на территории современной Псковской области, обуславливают изучение традиционной народной культуры и языка с учетом внутриобластного деления на историко-культурные зоны. Так, ставшая в последние десятилетия особенно актуальной тема культурных границ определила издание мифологических рассказов, относящихся к территории псковско-белорусского пограничья [7, 8]. Издание в двух частях раскрывает традицию бытования мифологических рассказов на материале более чем 800 текстов. Особую ценность придают публикации аудиоприложения, передающие особенности устной речи носителей традиционной культуры. И сама расшифровка проведена с максимальным учетом коммуникативных особенностей устной речи (паузами, повторами, самоперебивами, автокомментариями, дискурсивными вставками).

Не ставя под сомнение фольклорный характер мифологических текстов, считаем допустимым и даже продуктивным изучение их с позиций интерпретации коммуникативного поведения участников дискурса [6, 15, 18], тем более что при длительной традиции исследования мифологической прозы в фольклористике, этнолингвистике отмечается недостаточная исследованность текстов в языковом аспекте [17, с. 76].

Подходы и методы исследования

Работа представляет собой опыт дискурсивного анализа мифологических текстов регионального характера с учетом гендерного аспекта. Рассматриваются особенности коммуникативного поведения информантов-мужчин как в обстоятельствах контактов с мифологическими персонажами, так и в ситуации изложения событий собирателям.

Под дискурсом в данной работе мы понимаем комплекс тематически организованных текстов; под мужским дискурсом (частным по отношению к общему дискурсу мифологических рассказов) понимается коммуникативное поведение информантов-мужчин и мужчин – участников событий мистического характера. Дискурсивный анализ опирается на системный анализ вербальных средств коммуникации, а также учитывает функции невербальных данных, например смех, нередко сопровождающий высказывания.

Цель и задачи исследования

Целью работы является моделирование мужского образа в локальной традиции мифологических рассказов о встречах с потусторонними силами, представленными духами природы. Задачи работы: выявление лексико-семантической парадигмы, репрезентирующей мужской дискурс; категоризация признаков, определяющих гендерные стереотипы в локальном мифологическом дискурсе.

Атрибуты «мужского» в мифологических текстах

Хорошо известно, что фиксации традиционной народной культуры характеризуются гендерной асимметрией: записи, зафиксированные от женщин-информантов, являются, как правило, преобладающими. И само значение «гендерный» нередко смещается в сторону доминирования женского начала [12]. Тем существеннее являются наблюдения над особенностями мужского дискурса в народной речевой и поведенческой культуре [1, 2, 13].

В тематическом блоке мифологических рассказов, посвященном контактам человека с духами природы (лешим, русалкой, чертом как обобщенным образом), примерно десятую часть составляют тексты, записанные от информантов-мужчин.

«Мужские» атрибуты проявляются как в рассказах информантов о себе или об известном ему случае с другим мужчиной, так и в нарративах с участием мужчин, записанных от женщин. Но в целом наши тексты традиционно делятся на мемораты (нарративы о личном опыте рассказчика) и фабулаты (услышанные от кого-либо и пересказанные истории о мистическом опыте других лиц) [16].

Доверительный характер беседы вызывает информанта на откровенные рассказы о случаях из своей жизни: *Водить меня – один раз водил [леший]. В Конище был, на лесовозе работал. <...> Через два с половиной часа только вышел на дорогу! Двести метров от своей машины! Где ходил – не знаю. Кто меня куда водил? // А это, как это, гад водил меня тут по лесу... четыре километра! // Да мне самому пришлось эту русалку... встретиться! // Я как-то раз шёл от Гурьяна <...> Я поглядел у кусты – сидит чёрт под кустом.*

В текстах от третьего лица участниками необычной встречи выступают либо родственники (*мой батя, батюшка, дед, мой дед Иван, дядюшка, дядя Петька, мой свояк – это сестры моей муж*), либо известные рассказчику (рассказчице) люди (*сосед с Бугаёвки Роман, Брусникин Ваня такой, один сват йихный*), либо обобщенно указанные лица (*один мужик, мужчина один, один, мужик, старик, малец*). Иначе говоря, встреча с нечистой силой могла произойти с любым лицом мужского пола, за исключением детей, которые обычно не уходят далеко от деревни в одиночку. Женщины (нередко вместе с детьми) также встречаются с нечистой силой, но, как правило, придя в лес для сбора грибов или ягод.

Мужчина по своей роли в семье или в крестьянской общине имел большую свободу передвижения за пределами своего населенного пункта. Этот социально обусловленный фактор в мифологическом дискурсе находит воплощение в концепте дороги. Движение, перемещение, путь/дорога являются необходимыми атрибутами героя мифологической прозы [9]. Путь героев-мужчин в быличках может лежать между своей деревней и другим населенным пунктом, откуда он возвращается домой: *Дорога-то была... тут токо стяга была раньше, а дорога была вон, вот так кругом. И с той улицы, с той дороги и на эту дорогу, и может завясти и у болото. // Подошёл к Мухиной горы. Дорога шла прямо в гору. // В деревню Мельницы пошёл, так загулял. <...> Потом домой пошёл. // Ишёл с Балашово, пьяный, домой. // Вот деревня на горке, а в низинке такой... ну мох назывался, омшарина. Ну и там один сват йихный пошёл там в гости. Ну и потом, когда уже он обратно шёл, вдруг, говорит, встречают его. // Я слышала, что в соседней деревне, говорят, вот там один мужчина шёл это... с города, с Великих Лук. Молодые мужчины (мальцы) ходили в другие деревни на гулянье: *Ходил гулять в Петраши. <...> И там вот русалка. // Я с рябятм завозилс там, коло школы, где гуляли, и приотстал. Маленько на горушку взобрался: сидит старушка сядая и чесеть волосы.* Традиционные занятия мужчины (заготовка дров, рыбная ловля) приводят его в «опасные» места – в лес, к реке, где и происходит встреча с нечистой силой: *Пошёл в лес дрова рубить. // Я пошёл рыбу удить.**

В соответствии с мотивами, свойственными быличкам [4, 11], мифологический персонаж выполняет присущие ему функции: леший *водит, машет* (зовет), *подаёт руку*; русалки *выходят, утанцовывают*. Черт как полифункциональный представитель демонического мира может вести себя как другие злые духи (*показывался; идёт по кустам <...> зовёт мяня, манит лапками; завёл в болото*). Однако с чертом/чертями

связан наиболее представленный сюжет, когда герой – обязательно мужчина – теряет ориентацию в пространстве и времени, лишается способности осознавать реальную действительность и оказывается на камне раздетым и разутым: <...> и чёрт его повёл. Пришёл на кладбище. «Иди, иди, – говорить, – у меня на печке погреешься». Пришёл, его спать положил, разулся. На крест сапоги, портянки поставил, это... на кладбище на крест эта портянки повесил <...> А потом услышал: петуны запели (ув двенадцать часов, чорт уже проваливается и всё), запели петуны. И пошёл на петушичий, на петушинский, этот, как его, крик, и всё и пришёл домой.

Проиллюстрированный стандартный сюжет, представленный в различных вариантах, считается распространённым на русском Северо-Западе и неизменно связывается с мотивом алкогольного опьянения [5]. И действительно, концепт пьянства устойчиво реализуется в мужском дискурсе мифологических рассказов: *В ночь у Усвят едут, никого не выдают. А едут назад, и обычно гли барака стояла сосна и так метра в два сучья грубое. Мужики подвыпивши едут. И вот пьяных статуёв берут под руки: «Ходи-ходи, дед, мы тебе на печку посадим!» // Ну, и пьяным часто вот этот нечистый показывался.* Состояние нетрезвого человека в текстах обозначается прямыми номинациями: *пьяный, пьяненький, выпивши, подвыпивши, навеселе*; к такому состоянию приводят действия: *выпить, выпивать, пить*. Отглагольное существительное *пьянка* употреблено в нескольких значениях: действие – ‘употребление алкоголя’ (*Ну всё это... это тоже ж после пьянки*), осуждаемое ‘неумеренное или систематическое употребление спиртных напитков’ (*Ну, это с пьянкой связано. Всё на почве пьянки, алкоголь!*), а также ‘состояние алкогольного опьянения’ (*И вот он встал, и пьянка прошла*). Слово *водка* репрезентирует не только алкогольный напиток (*Он водку очень любил*), а также номинирует состояние пьяного человека и приравнивается к одному из значений слова *пьянка* (*Потом дошло до сознания, водка-то прошла*). Не в прямом значении использовано и слово *похмелье*: *Вот он тогда вскочил, и похмелье прошло, и всё, и убежать!* Таким образом, синтагматические связи обуславливают контекстное семантическое сближение трех рассмотренных лексем: *водка, похмелье* и *пьянка*.

Имплицитно состояние опьянения героя в мифологическом тексте может быть выражено лексическими средствами, прагматический смысл которых предполагает принятие спиртного в данном дискурсе: *Шёл дед с толокé. Поймали черти. [Смеется] Завяли яго на горку. <...>* Диалектное слово *толокá* обозначает совместную, обычно тяжелую работу, к числу которых относится строительство – часто после пожара, уборка урожая и др. В толоке могут участвовать родственники, соседи, близкие знакомые. Но главное, что за работу хозяева расплачиваются угощением. Иначе говоря, посвященному понятно, что описанная в тексте встреча с нечистым произошла у героя в нетрезвом состоянии.

В дискурсе мифологических рассказов используются устойчивые выражения, передающие экспрессивный характер концепта пьянства: *с пьяных глаз, по пьяни*.

Оппозиция *пьянство – трезвость*, актуальная для мужского дискурса в силу социально обусловленного доминирования первого смыслового компонента, в мифологических рассказах приобретает и другие функции. Не случайно большой по объёму корпус русских паремий о пьянстве содержит и выражения о «бесовской» силе, властвующей над пьяным: *Вина напиться – бесу предаться. В пьяном бес волен* [3, с. 158]. «По народным представлениям пьяный находится в специфическом пограничном состоянии, что и делает возможным его контакт с нечистой силой. В то же время измененное состояние сознания героя рассказа дает возможность рассказчику рационально объяснить то, что с этим человеком приключилось» [5].

Вместе с тем, по нашим данным, альтернативный элемент оппозиции также отчетливо репрезентирован в мифологических нарративах, выполняя важнейший атрибут былички как жанра – ее достоверность, правдивость рассказа: <...> *не могла присниться, я ня пьяный был. // А он трезвый был, трезвый. // Но он вообще-то никогда не пил, ничто. И вот, видимо, он уснул. И привиделся. // А и ня пьяные блудили. Вот всё блудили, да и всё! Ну.*

Дискурсивные средства подчеркивания трезвого состояния героя (отрицание, лексический повтор, интонация) отражают также негативную социальную оценку пьянства в народном дискурсе. В контекстном выражении отрицательное отношение передается средствами, с помощью которых рассказчица стремится дистанцироваться от самой сферы пьянства: *Вот допустим, мой... не отец, а дядя был пьяница.*

Мужским атрибутом в мифологическом дискурсе выступает курение табака, на почве чего нечистые в облике друзей и завязывают разговор с идущим по дороге: *Шёл он [дед] как-то навеселе. А навстречу ему друзья его идут: «Здравствуй, Иван Васильевич! Давай покурим!» Дал он им копишук, трубку. Идут. Разговаривают. Тут они ему говорят: «Лезь на печку!» А это борона была. Лежала кверху зубьями. Дотронулся он до неё и обкололся. Тут он и говорит: «О, батюш, нечистая сила! О, Господи, помилуй!» И всё пропало. Пришёл домой: ни трубки нет, ни табаку.* Таким образом, перед нами идеальный пример гендерно отмеченного мифологического рассказа, где героем выступает нетрезвый мужчина, безобидным поводом для

контакта с ним служит совместное курение, в результате чего человек оказывается во власти нечистой силы, и только обращение к Богу спасает его от гибели, при этом трубка, кiset (*копшук*) с табаком пропадают.

Упомянутое Бога, произнесенная молитва, крестное знамение – все это выполняет магическую функцию защиты и спасения от злых сил. И наоборот, матерная брань может привлечь нечистую силу: *Вот сосед с Бугаёвки, Роман, пьяный, шёл, поматюгался. Кум и присатанился: «Кум, здорово!» – «Здорово!» И пошли. И завёл в болото. Стали переходить канаву – и досочка была – а он [Роман] спотыкнулся да Бога и вспомнил. Кум и исчез! Один он остался.*

Мужское начало отчетливо проявляется в речевых оборотах рассказчиков мужчин, включающих матерную лексику, что отмечено в диалоге между собирателем и информантом. Так, на вопрос собирателя об одежде увиденной информантом русалки звучит эмоциональный ответ: *Одеда... Какая была на х*.р одёжа – разглядывать!.. Я как дал дёру, так и ребят догнал!* Такого рода факты свидетельствуют о естественности, неконтролируемости речевого поведения человека вследствие особого эмоционального состояния, как бы заново переживая потрясение. Как показывает материал, и женщины, и мужчины испытывают сильное чувство страха от встречи с потусторонней силой. Не каждому удастся сохранить самообладание в такой ситуации: *И лапками эта животина зовёт меня к сябе. Я стал и говорю: «Нет, чёрт, я к тебе не пойду!»* Тем не менее информанты идут на контакт с собирателями, как правило, студентами, движимые, как представляется, стремлением поделиться «отеческим» опытом с молодежью, подсознательно ощущая жизненную ценность своего знания.

Заключение

Таким образом, исследование мифологического нарратива под заявленным углом зрения на локальном материале большого объема позволяет прийти к следующим выводам. Образ мужчины – участника чудесного события и рассказчика – адекватен сложившемуся представлению о мужском типе в социальной практике и коммуникативном поведении. Общественная активность мужчины в традиционном крестьянском социуме не только наполняет его опыт реальным знанием и трудовыми навыками, но и готовит ему метафизическое испытание. Будучи наделенным этим опытом, носитель традиционной культуры готов транслировать свой опыт, причем не прямо назидательно, а через пример из собственной жизни, не опасаясь шутиливой реакции, а, наоборот, сам нередко посмеиваясь в ходе рассказа.

Рассмотренный корпус быличек из псковского собрания выявляет общие черты мужского дискурса, что отражается в лексико-семантических связях, характеризующих частные (локальные) «мужские» концепты. Оппозиция *пьянство – трезвость*, особенно характерная для мужского дискурса мифологического нарратива, выявляет дуализм в реальном существовании и оценочных характеристиках пьянства вообще и находящегося в состоянии алкогольного опьянения человека. Выявленные «мужские» атрибуты на материале узколокального источника встраиваются в систему норм социального и коммуникативного поведения мужчин, установленных на основе других источников.

Литература

1. Валенцова М.М. Мужской – женский в кругу бинарных противопоставлений: связи, ситуативность, оценка // «Мужской» сборник. Вып. 2. Мужчина в традиционной культуре: Константы маскулинности. Диалектика пола. Инкарнации мужского. Мужской фольклор / сост. И.А. Морозов, отв. ред. Д.В. Громов, Н.Л. Пушкарева. М.: Лабиринт, 2004. 264 с. С. 89 – 94.
2. Власов А.В. Образ «пьяницы» в народной литературе Севера // «Мужской» сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор / сост. И.А. Морозов, отв. ред. С.П. Бушкевич. М.: Лабиринт, 2001. 224 с. С. 152 – 162.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. I. М.: Русский язык, 1978.
4. Ефимова Е.С. Основные мотивы русских быличек (Опыт классификации). URL: <https://ruthenia.ru/folklore/efimova7.htm>
5. Кормина И. Народные представления об измененных состояниях сознания: пьянство. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/cormina2.htm>
6. Левкиевская Е.Е. Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: Сб. статей в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. М.: РГГУ, 2008. С. 341 – 363.
7. Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья: монография: в 2 ч. Ч. 1: Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение / автор-составитель Г.И. Площук; под ред. Н.В. Большаковой. Псков: ЛОГОС, 2021. 382 с.

8. Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья: монография: в 2 ч. Ч. 2: Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение / автор-составитель Г.И. Площук; под ред. Н.В. Большаковой. Псков: ООО «Конкорд», 2022. 564 с.
9. Неклюдов С.Ю. Движение и дорога в фольклоре // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang LII, 2. Reiseriten – Reiserouten in der russischen Kultur. München: Verlag Otto Sagner, 2007. P. 206 – 222. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov26.htm>
10. Неклюдов С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология. От народных верований к литературе / отв. ред.: Н.И. Никулин, А.Р. Садокова; РАН, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наследие, 1998. 309 с. С. 6 – 43.
11. Разумова И.А. Сказка и быличка (Мифологический персонаж в системе жанра). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993. 112 с.
12. Толстова М.А. Вербализация гендерных представлений в женском диалектном дискурсе // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 4. С. 1144 – 1162.
13. Холодная В. Мужик // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия / авторы: Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб.: Искусство СПб, 2005. 688 с. С. 371 – 379.
14. Христофорова О.Б. Дискурс о колдовстве и локальные фольклорные традиции: семантика, прагматика, социальные функции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 46 с.
15. Черванева В.А. Мифологические рассказы как феномен коммуникации // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 1. С. 148 – 152.
16. Черванева В.А. Между быличкой и сказкой: лингвистические маркеры жанра // Вестник славянских культур. 2020. Т. 56. С. 101 – 114.
17. Черванева В.А. Мифологический нарратив: информационно-коммуникативный аспект // Традиционная культура. 2017. № 1 (65). С. 76 – 84.
18. Эмер Ю.А. Фольклорный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 2 (027). С. 50 – 60.

References

1. Valencova M.M. Muzhskoj – zhenskij v krugu binarnyh protivopostavlenij: svjazi, situativnost', ocenka. «Muzhskoj» sbornik. Vyp. 2. Muzhchina v tradicionnoj kul'ture: Konstany maskulinnosti. Dialektika pola. Inkarnacii muzhskogo. Muzhskoj fol'klor. sost. I.A. Morozov, otv. red. D.V. Gromov, N.L. Pushkareva. M.: Labirint, 2004. 264 s. S. 89 – 94.
2. Vlasov A.V. Obraz «p'janicy» v narodnoj literature Severa. «Muzhskoj» sbornik. Vyp. 1. Muzhchina v tradicionnoj kul'ture: Social'nye i professional'nye statusy i roli. Sila i vlast'. Muzhskaja atributika i formy povedenija. Muzhskoj fol'klor. sost. I.A. Morozov, otv. red. S.P. Bushkevich. M.: Labirint, 2001. 224 s. S. 152 – 162.
3. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t. T. I. M.: Russkij jazyk, 1978.
4. Efimova E.S. Osnovnye motivy russkih bylichek (Opyt klassifikacii). URL: <https://ruthenia.ru/folklore/efimova7.htm>
5. Kormina I. Narodnye predstavlenija ob izmenennyh sostojanijah soznanija: p'janstvo. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/cormina2.htm>
6. Levkieskaja E.E. Bylichka kak rechevoj zhanr. Kirpichiki: fol'kloristika i kul'turnaja antropologija segodnja: Sb. statej v chest' 65-letija S.Ju. Nekljudova i 40-letija ego nauchnoj dejatel'nosti. M.: RGGU, 2008. S. 341 – 363.
7. Mifologicheskie rasskazy pskovsko-beloruskogo pogranich'ja: monografija: v 2 ch. Ch. 1: Teksty. Kommentarii. Issledovanija. Audioprilozhenie. avtor-sostavitel' G.I. Ploshhuk; pod red. N.V. Bol'shakovoj. Pskov: LOGOS, 2021. 382 s.
8. Mifologicheskie rasskazy pskovsko-beloruskogo pogranich'ja: monografija: v 2 ch. Ch. 2: Teksty. Kommentarii. Issledovanija. Audioprilozhenie. avtor-sostavitel' G.I. Ploshhuk; pod red. N.V. Bol'shakovoj. Pskov: ООО «Конкорд», 2022. 564 с.
9. Nekljudov S.Ju. Dvizhenie i doroga v fol'klоре. Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang LII, 2. Reiseriten – Reiserouten in der russischen Kultur. München: Verlag Otto Sagner, 2007. P. 206 – 222. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov26.htm>
10. Nekljudov S.Ju. Obrazy potustoronnego mira v narodnyh verovanijah i tradicionnoj slovesnosti. Vostochnaja demonologija. Ot narodnyh verovanij k literature. otv. red.: N.I. Nikulin, A.R. Sadokova; РАН, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наследие, 1998. 309 с. С. 6 – 43.
11. Razumova I.A. Skazka i bylichka (Mifologicheskij personazh v sisteme zhanra). Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj centr RAN, 1993. 112 s.

12. Tolstova M.A. Verbalizacija gendernyh predstavlenij v zhenskom dialektnom diskurse. Kommunikativnye issledovanija. 2019. T. 6. № 4. S. 1144 – 1162.
13. Holodnaja V. Muzhik. Muzhiki i baby: Muzhckoe i zhenskoe v russkoj tradicionnoj kul'ture. Illjustriruvannaja jenciklopedija. avtory: D.A. Baranov, O.G. Baranova, T.A. Zimina i dr. SPb.: Iskusstvo SPB, 2005. 688 s. S. 371 – 379.
14. Hristoforova O.B. Diskurs o koldovstve i lokal'nye fol'klornye tradicii: semantika, pragmatika, social'nye funkcii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2010. 46 s.
15. Chervaneva V.A. Mifologicheskie rasskazy kak fenomen kommunikacii. Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2016. № 1. S. 148 – 152.
16. Chervaneva V.A. Mezhdru bylichkoj i skazkoj: lingvisticheskie markery zhanra. Vestnik slavjanskih kul'tur. 2020. T. 56. S. 101 – 114.
17. Chervaneva V.A. Mifologicheskij narrativ: informacionno-kommunikativnyj aspekt. Tradicionnaja kul'tura. 2017. № 1 (65). S. 76 – 84.
18. Jemer Ju.A. Fol'klornyj diskurs: kognitivno-diskursivnoe issledovanie. Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2011. № 2 (027). S. 50 – 60.

*Bolshakova N.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Muratova M.I., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Pskov State University*

Male discourse in the mythological narrative

Abstract: the article is devoted to the problem of discursive analysis of mythological texts published on the Pskov regional material (2021, 2022). Accordingly, the topic considers the gender aspect of the communicative behavior of the narrator – a native speaker of traditional culture and language. The peculiarities of the communicative behavior of male informants are investigated both in the circumstances of contacts with mythological characters and in the situation of presenting events to collectors. The aim of the work is to model the male image in the local tradition of mythological stories about encounters with otherworldly forces represented by the spirits of nature. Objectives of the work: identification of the lexical-semantic paradigm representing male discourse; categorization of features defining gender stereotypes in local mythological discourse. The study showed that the image of a man – a participant in a wonderful event and a narrator – is adequate to the prevailing idea of the male type in social practice and communicative behavior. The considered corpus of epics from the Pskov collection reveals the common features of male discourse, which is reflected in the lexico-semantic connections that characterize private (local) "male" concepts. The *drunkenness–sobriety* opposition, especially characteristic of the male discourse of the mythological narrative, reveals dualism in the real existence and evaluative characteristics of drunkenness. The identified "male" attributes based on the material of a narrow-local source are integrated into the system of social and communicative behavior of men established on the basis of other sources.

Keywords: mythological stories, male discourse, oppositions *drunkenness – sobriety, male – female*

For citation: Bolshakova N.V., Muratova M.I. Male discourse in the mythological narrative. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (2). P. 114 – 119.

*Волков Ю.А., старший преподаватель,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Московский международный университет,
Савельева М.Н., старший преподаватель,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при президенте Российской Федерации,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Пашковская Н.Д., кандидат педагогических наук, доцент,
Московский международный университет,
Яшина Ю.В., старший преподаватель,
Российский университет транспорта (МИИТ)*

Индоевропейские заимствования в тюркских языках на примере казахского языка

Аннотация: статья посвящена анализу влияния древних индоевропейцев на формирование казахской культуры и языка. В статье представлена попытка аргументированно показать роль древних индоевропейских племен, в том числе скифов, в культурогенезе древних тюркских племен и тем самым попытаться пролить свет на происхождение казахского этноса. Рассмотрены вопросы возможных связей индоевропейской и тюркской, казахской мифологии, а так же рассмотрен вопрос наличия в казахском языке слов индо-европейского происхождения. Данная проблема до настоящего времени фактически не получила широкой разработки и нуждается в подробном изучении в разных аспектах: в том числе в этимологическом, семантическом, словообразовательном и культурно-историческом. Материалы и методы. В данном исследовании были использованы описательно-аналитический, сравнительно-исторический, этимологический методы. Для лингвистического анализа были использованы этимологические словари древних и современных индо-европейских и тюркских языков. Результаты. Авторы приходят к выводу о том, что древние индоевропейцы оказали определенное влияние на этногенез древних тюрков, следы данного влияния можно обнаружить в национальных традициях казахов и лексике современного казахского языка.

Ключевые слова: этимологический анализ, Средняя Азия, древние индоевропейцы, пратюрки, мифология казахов, казахский язык, топонимия, этимология, индоиранский субстрат

Для цитирования: Волков Ю.А., Савельева М.Н., Пашковская Н.Д., Яшина Ю.В. Индоевропейские заимствования в тюркских языках на примере казахского языка // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 120 – 127.

С доисторических времен Средняя Азия находилась на перекрестке миграционных путей, что способствовало долгосрочному присутствию людей, богатой истории и высокому культурному разнообразию. Взаимовлияние и взаимообогащение было нормальным явлением на данной территории еще в доисторический период.

Предполагается что среднеазиатский регион от западного Китая до Урала и Волги являлся районом формирования прото-иранской ветви индоевропейцев. На диалектах этой группы предположительно впервые заговорили племена в среднеазиатском регионе приблизительно в конце 3-го – начале 2-го тысячелетия до нашей эры. Большинство специалистов склонны считать Андроновскую культуру предполагаемым прародителем общей индоиранской культуры [42].

Современные исследования ДНК показали, что индоиранская группа присутствовала на территории Средней Азии до прихода тюрко-монгольской группы, предположительно, еще во времена неолита [36, 26].

На сегодняшний момент известно, что индоевропейцы представляли собой воинственных кочевников бронзового века, под натиском которых пали предыдущие, древние культуры Старой Европы и значительной части Азии. Религиозные верования древних индоевропейцев формировались в степях северной Евразии в ходе постоянных миграций на протяжении тысячелетий, в результате этих миграций древние индоевропейцы смогли расселиться по Европе и Азии. Материалы топонимики подтверждают, что В I тыс. до н.э. регион Южной Сибири населяли скифы, одно из индоевропейских племен, при исследовании топонимики региона был обнаружен древний иранский пласт, предположительно сакского происхождения [7].

Так же об ираноязычности населения южносибирского региона начиная с рубежа III-II тыс. до н.э. говорят и антропологические материалы [4, с. 65-66].

Долгое время регион Средней Азии был главным образом населен индоевропейцами. Еще в начале исторического периода (7-6 вв. до н.э.) территория Средней Азии была заселена ираноязычными народами: это были бактрийцы, согдийцами, хорезмийцы, парфяне и сакские племена.

Принимая во внимание наличие следов присутствия индоевропейцев в Южной Сибири, прародине прототюрков, с большой уверенностью можно предположить, что древние предки тюрков жили в соседстве с индоевропейскими и последние приняли активное участие в их этногенезе.

Это проявляется в заимствовании элементов материальной культуры, мифологии, мировоззрения, религиозных верованиях, в культе солнца и в погребальном обряде с использованием коня. Известно, что погребальный обряд реже всего подвергается изменениям, это один из самых устойчивых элементов культуры любого народа [4, с. 67; 5, с. 32]. Савинов Д.Г. так же в своем исследовании приходит к выводу, что в формировании прототюркских племен немалую роль сыграли древние индоевропейцы [11].

Древнейшее индоевропейское наследие прослеживается и в декоративно-прикладном искусстве тюркских народов, испытавшем влияние «звериного стиля» древних скифов. В его основу положено изображение животных в определенной позе или в их борьбе между собой [5, с. 69].

Анализ языков современного населения региона показывает наличие древнего индоевропейского, в частности иранского пласта. Тюрки, оформившиеся как синтез протоиндоевропейцев и прототюрков и пришедшие в этот регион на смену индоевропейцам, повторно вступили с индоевропейцами в языковой и культурный контакт.

Древние тюрки успели перенять многие элементы культуры у иранцев прежде чем регион Средней Азии, был окончательно тюркизирован. В частности, тюрки позаимствовали такой элемент иранской культуры как праздник весеннего солнцеворота Наурыз «новый день».

Как уже было отмечено ранее, сохраняется определенная преемственность между мифами и обычаями древних тюрков и индоевропейских племен. В частности, ряд ученых доказывают наличие схожести ряда обычаев тюрков и древних скифов. К примеру, в описании скифов Геродот сообщает, что когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь. Такой обычай был распространен у древних тюркских племен и сохранился в вербальной форме в ряде современных тюркских языков. Например, в казахском языке существует выражение «Қаныңды ішем» «Выпью твою кровь», это выражение применяется при высшей угрозе своим врагам [12].

В казахских поэмах можно встретить древний сюжет, суть которого в том, что по причине долгого отсутствия героя-богатыря в своей стране власть в руки взяли вчерашние слуги, рабы. Этот сюжет перекликается с древним сюжетом из скифской легенды, описанной так же Геродотом, согласно этой легенде скифы, по возвращению из Верхней Азии, где правили в течение 28 лет, встретили сопротивление детей своих рабов. В легенде говорится, что жены скифов вследствие долгого отсутствия своих мужей вступили в связь со вчерашними рабами.

У древних тюрков был ритуал скрепления договор о дружбе кровью, в соответствии с обычаем в чашу наливали вино смешанное с кровью участников договора. В чашу помещается оружие, произносятся все необходимые по ритуалу заклинания, затем участники договора пьют из чаши. Точно такой обычай скрепления договора о дружбе у скифов описывает Геродот [2, 13].

Между индоевропейской и тюркской мифологии есть еще одна параллель.

Это *Симург* (/sɪ'mɜ:rg/; также пишется Симорг – мифическая птица в персидской мифологии [24, 19]. Симург изображается в иранской традиции как крылатое существо в форме птицы. Симург по своей природе доброжелательна и женского пола. Будучи наполовину млекопитающим, она кормит грудью своих детенышей. Считалось, что Симург очищает землю и воды и дарует плодородие. Так же, в одной из версий мифа говорится, что «Симург сидит под деревом, которое является "матерью всех деревьев". В соответствии с мифом дерево растет посреди моря и является источником всех растений. Его иногда называют “деревом всех исцелений” или “деревом всех семян” [21].

Этот древний миф имеет параллели и в тюркской мифологии в виде птицы *Самрук*, у казахов, или *Семруг*, *Самрау* у татар и башкир соответственно. Мифологическому дереву в тюркской версии соответствует *Байтерек*.

По распространенной гипотезе, имя древнерусского языческого бога *Симрагла* так же восходит к мифу о птице Симург [31].

Культ коня так же является общим местом в мифологии древних индоевропейцев и тюрков. Конь играл важную роль в индоевропейской мифологии, это можно объяснить его значимостью в хозяйстве индоевропейских племен. Дж.П. Мэллори комментирует огромное значение коня в индоевропейской религии, что иллюстрируется различными мифическими братьями на конях, появляющимися в индоевропейских легендах, включая Хенгиста и Хорсу:

«Некоторые утверждают, что главным животным индоевропейских жертвоприношений и ритуалов, вероятно, была лошадь. Мы уже видели, как его укоренение в протоиндоевропейском обществе заключается не только в его лексической реконструкции, но и в распространении личных имен, которые содержат "конь" как элемент среди различных индоевропейских народов. Кроме того, мы являемся свидетелями важности коня в индоевропейских ритуалах и мифологии. Одним из наиболее очевидных примеров является повторяющееся изображение близнецов, таких как индийские "всадники" Ашвинов, греческие всадники Кастор и Поллукс, легендарные англосаксонские поселенцы Хорса и Хенгист. Все это свидетельствует о существовании индоевропейских божественных близнецов, связанных с лошадьми или представленными ими» [33].

Славяне, будучи потомками древних индоевропейских племен, так же почитали коня как никакое другое животное. Древним индоевропейцам солнце представлялось в облике золотого коня, бегущего по небу. Со временем возник миф о боге солнца, едущем по небу на колеснице. Образ Солнца-коня сохранился в украшении русской избы, увенчанной коньком – изображением одной или двух конских голов на стыке скатов кровли в сочетании со знаком солнца [8]. Славяне верили, что Даждь-бог (бог Солнца) передвигается по небу на колеснице, запряжённой четвёркой белых златогривых коней с золотыми крыльями.

Образ божественного крылатого коня можно встретить в греческой и в скандинавской мифологии. Это *Пегас* и *Слейпнир* соответственно [14, 35]. По-видимому, образ летящего коня появился благодаря охотничьему образу жизни. Люди охотились на лошадях, в сопровождении помощника, хищной птицы. Эти два животных благодаря воображению слились в одно создание, крылатого коня. В тюркской мифологии, в частности в казахской, Пегасу соответствует *Тулпар*, крылатый или быстрый конь.

Кроме того, у древних индоевропейцев конь увязывался со священным деревом. В скандинавской мифологии это эволюционировало в образ мирового священного дерева *Иггдрасиль* (*Yggdrasill*), что дословно означает «конь Игга», в индуистской мифологии есть свое священное мировое дерево-*Ашваттха*, в переводе «лошадиная стоянка»). Ряд мифологических и ритуальных представлений, связанных с конем (конь у мирового дерева, жертвоприношение коня и т. п.), так же присутствует в мифах народов Средней Азии, говорящих на тюркских, языках, что, так же подтверждает наличие контактов между индоевропейскими и тюркскими племенами в древности [3].

До одомашнивания коня в мифологии индоевропейцев одно из центральных мест занимал культ оленя. Его образ в форме летящего оленя с ветвистыми рогами зафиксирован в скифо-сибирском «зверином стиле» и на «оленьих камнях» – каменных плитах-стелах. Здесь олень выступает как символ солнца. В Древнем Иране скифов называли *саками* (*saka* «олень»). При этом слово *sakh=saka* с древнеиранского переводится как «ветвь» или «ветвистый» (оберег-иносказание). На древнеиндийском передается через *shaakha(sakha)*. На хинди, кстати, слово ветвь переводится как *shakha* [34, с. 1062].

Не смотря на миграции из Восточной Азии, (середина. 6 века н.э.), приведших к распространению тюрко-монгольских популяций и частичному вытеснению индоиранских популяций, на данной территории сохраняется генетическая преемственность со времен железного века, с тех самых времен когда на этой земле обитали древние индоевропейские племена [26].

Говоря о индоевропейских заимствованиях в тюркских языках стоит начать с самих названий некоторых тюркоязычных государств. В таких названиях государств как Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, российских регионов Татарстан, Дагестан, Башкортостан присутствует индоевропейский корень *-стан*. Данный корень нашел свое отражение во многих словах в различных индоевропейских языках. В русском языке *-стан* означает «поселение», данный корень присутствует в таких словах как «станция», «становиться», в словенском языке этот корень присутствует в слове *-stanovanje* (квартира, в хорватском языке квартира будет просто *-stan*, в польском *-stan* имеет значение *-состояние, положение, состав*. Английские слова *stand, state, stay* так же происходят из этого корня [41].

В осетинском языке *-ston* – «вместилище, место, страна» (Иристон). В др.-персидском *-stana* «место», на санскрите *-stha* «стоять, находиться, располагаться», *-sthana* «местопребывание, стояние» [1, с. 153; 6, с. 753-754].

Приставка в осетинском языке «*a*» может выражать направление действия наружу, результативность действия [16]. *Астана* в современном казахском языке используется в значении «столица», буквально «местопребывание».

Название праздника *Наурыз*, отмечаемого казахами восходит к иранскому *Новруз*. Иранское название, в свою очередь, происходит от пехлеви *nōg rōz* (*nwk rwc*) восходящего через др.-персидский *navaka-raocah* «новый день» к праиндоевропейским *-newos* (русское – *новый* англ. *new*, нем. *neu*, лат. *novus*, и санскр.

náva также происходят от этого корня.) и *-lewk* (к которому также восходят к примеру, английское- *light*, латинское – *lux*) [17].

В рамках данной статьи не представляется возможным рассмотреть все индо-европейские элементы в казахском языке, поэтому остановимся только на некоторых из них.

Рассмотрим обычную общепотребительную лексику казахского языка и проанализируем их на предмет связи с индоевропейскими языками.

Первым словом рассмотрим *алма* «яблоко».

Данное слово предположительно восходит к прото-индо-европейскому корню *-h₂(é)mlōs* «яблоко» через прото-тохарский *-āmlā* → прото-тюркский *-amla*, в тюркском *-alma*, в диалектах чувашского языка сохраняется форма *-amla*. В санскрите *-amla* «кислый». Русское *-яблоко* так же ими возводится к этому же корню через балто-славянское *-ablo -abls u -aboln* [18].

Стоит отметить, что в отношении русского *яблоко* есть и другая версия. В частности Дерксен Рик, нидерландский лингвист возводит славянское *-ablo, -abls u -aboln* к прото-индо-европейскому корню *-h₂ébol u -h₂ébolni* [23, с. 25]. К корню *-h₂ébbōl*. Так же возводят прото-германское *-aplaz* и соответственно английское *-apple* [27, с. 31].

Казахское *-аспан* «небо» восходит к прото-индо-европейскому корню *-h₂ék-mō* «камень» [32] через прото-иранское *-Háctmā*, далее средне-персидское *a-s-m-n /asman/* «небо» [10, с. 239], в санскрите *-asman* «камень, небо», восходит к и.-е. *-akmen, akmon* «камень, небо, твердь» [29]. Русское *камень* так же восходит к *-h₂ék-mō* через прото-балто-славянское *-ákmō, -kǎ'mō* далее прото-славянское *-kamy* «камень» [23, с. 220] [15, Т. 2. с. 173]. Обратите внимание на латышское *-akmens*, литовское *-akmuo*, латгальское *-akmins* являются когнатами русского «камень» [22, с. 47]. Английское *-hammer* предположительно тоже восходит к *-h₂ék-mō* через прото-германское *-hamaraz* «молот», через → др.саксонское *-hamar*. Английское *-haven* через ст.-английское *-heofon, -hefaen, -heben*, через прото-зап.-германское *-hebun, -himil* и прото-германское *-himinaz* небо, облако так же восходит к *-h₂ék-mō*. Немецкое и датское *-himmel* «небо, рай» того же корня [38, 27, с. 220].

Казахское *-бай* «богатый» так же вероятно имеет индо-европейские корни и восходит через тюркское *-baj* к прото-индо-европейскому «разделять распределитель, бог» [39, с. 306], через прото-индо-иранский корень *-b^hagás* «часть, судьба, предназначение, бог» и прото-иранский корень *-bagáh* «доля, судьба, бог» [10, с.48]. В санскрите *-bhága* «повелитель, господь, собственность, удача». В авестийском *-baγa* «господин, бог», в персидском *-baγ* «бог». В старославянском *-bogъ* «много, счастье, благосостояние, бог», *-ubogъ, -nebogъ* «бедный», *-bogatyъ* «богатый», В старославянском *-Daždi-bogъ* «дарующий богатство» [39, с.107].

Элемент *-журт* в слове *Атажурт* «отчизна» предположительно происходит от прото-индо-европейского *-g^herd^h - g^hard^h* «окружать, окружать обнести ограждением; с производными, означающими «ограждение». В протоиндоиранском *-g^hrd^hás* «дом», в санскрите *-grhá(-grdhá)* «дом», в протоиранском. – *grdáh* «дом», в персидском *-kart* «обрабатываемый участок земли, поле».

Прото-славянское *-gordъ* «забор», ограда, огороженное место» (обратите внимание на русское *огород*), в церковно-славянском *-gradъ* «город, сад», *-žrđъ* «жердь», в готском *-grhas* «дом», *-garda* «скотный двор», в прото-германском *-garda* «дом, закрытая территория, двор». В древнесаксонском – *gard* «закрытая, окруженная территория», в староанглийском принимает форму *-geard*, в современном английском *-garden, -yard* [9, 27, с. 169].

-Каз «птица» так же возможно индоевропейского происхождения. Клаусон

считает данное слово вероятно заимствованием из тохарского и восходит к прото-индо-европейскому *-ghans* «гусь» [20, с. 26].

-Өгіз «бык» происходит от прото-тюркского *-ökür* через древний тюркский *-öküz, является* предположительно заимствованием из прототохарского *-wāk^hsó* «тягловый вол» [20, с. 120], которое в свою очередь восходит к прото-индо-европейскому *-úks-ō* через «бык» [27].

-Сыра (*тыво*). Есть основание предполагать, что данное слово происходит от индо-европейского *-saw*. Заимствование могло произойти еще во времена прото-индо-иранского языка, где мы можем найти корень *-súraH* «вино, алкоголь, ферментированный напиток, сок, молоко, опьяняющий напиток» [30, с.482]. В то время как уже в прото-иранском мы видим форму *húraH* «ферментированное молоко» и далее в средне-персидском *hur* «алкогольный напиток». В санскрите *sūrā*, «алкогольный напиток», в авестском *hura* «алкогольный напиток», в башкирском видим *-һыра* «пиво». Исходная форма во всех этих случаях вероятно индо-европейский корень *-su-leh₂* «прессованный (алкогольный) сок». Обратите внимание на латинское *sucus* и русское *сок*. Оба слова так же восходят к прото-индо-европейскому *-saw* «выжимать, извлекать». К этому же корню через *-sáwHmas* восходит *soma* «напиток» в санскрите [34, с. 1249], и *haoma*

«напиток» в авестском, в персидском *hom*, со значением напиток и растение из которого он изготовлялся [30, с. 464]. Авестийская *хаома* и санскритская *сома* произошли от протоиндоиранского *sauma*.

Тамуқ «ад» восходит к прото-индо-европейскому **-temH, -tamH «темный» через прото-индо-иранское -támHsram «темнота». В санскрите -tamas «быть темным» [40, 30, с. 500], в таджикском *торик* «темный», в осетинском *тар* «темный», в средне-персидском *tārīk***

«темный». Русское *тьма*, литовское *tamsus* и латышское *tumšs* так же восходят к этому корню через прото-балто-славянское **-tīmāʰ** [23, с. 504, 22, с. 553]. А немецкое *finster* «темный» и *Dämmerung* «сумерки» через прото-германское ***þimstr* и *demar* «сумерки» [37].**

Тәңірі «божество, тенгри» предположительно восходит к прото-индо-европейскому **-dʰengʰ «покрывать» через прото-тюркское -tanrī -tenri от -tanrī «небо, божество» [25]. К -dʰengʰ так же восходит прото-балто-славянское -dangāʰ, откуда мы имеем русское *дуга*, латышское *danga* «угол», литовское *dangus* «небо, рай» [23, с. 114]. В тохарском -tsengli «рай, небо» [43].**

Заключение

Представленный в статье анализ материала позволяет авторам прийти к выводу о том, что индоевропейский культурный и лингвистический компонент оказал определенное влияние на этногенез древних тюрков, в частности оказали существенную роль в формировании и сложении древней казахской общности. Это влияние мы можем увидеть в орнаментальное искусство «зверином стиле», в мифологии, религиозных представлениях, в обычаях казахов. Скифы, саки, как потомки древних индо-европейцев, оставили свой лингвистический след в казахском языке в виде различных географических наименований и части базовой лексики.

Хотя представленный материал не позволяет делать окончательные выводы, тем не менее в целом, проведенное исследование дает представление о индо-европейском вкладе в формирование казахской общности и открывает возможность для дальнейшего исследования в данном направлении.

Литература

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ленинград: Наука.1979. Т. 3.
2. Арғынбаев Х.А. Қазақ халқындағы семья мен неке. Алма-Ата., Ғылым,1973. С.184.
3. Байжанова Н.Р. Генезис архаичных пословиц с образом коня: к типологии паремиологического фонда тюркских народов Сибири. Новосибирск, Институт филологии СО РАН. 2004. С. 101.
4. Гоголев А.И. Индоевропейские связи в формировании древнетюркской культуры // Вестник СВФУ, 2015. Т. 12. № 1. С. 64 – 74.
5. Гоголев А.И. Скифо-сибирские истоки традиционной культуры якутов // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987.
6. Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. М: Русский Язык. 1987.
7. Малолетко А.М. Топонимы большереченского времени в бассейне Верхней Оби // Исторические чтения памяти Грязнова М.П. // Тезисы докл. Омск, 1987. 138 с. 15. 16. Мудрова И.А. Словарь славянской мифологии. ЛитМир. С. 1.
8. Мудрова И.А. Словарь славянской мифологии. ЛитМир. С. 1.
9. Николаев С.Л., Старостин С.А., Этимологическая база данных по индоевропейскому праязыку, 1998-2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://history-forum.ru/viewtopic.php?t=20190> (дата обращения: 18.08.2022)
10. Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков / Институт языкознания РАН. М.: Восточная литература. РАН, 2000. Т. 1.
11. Савинов Д.Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии // «Исторические исследования». Филологический факультет СПбГУ. СПб: 2005. С. 185 – 194.
12. Тоеубаев А.Т. Некоторые историко-культурные выводы и культуругенетические параллели по геродотовым рассказам о скифах.//edu.e-history.kz, 2019. № 3 (19). [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1273> дата обращения: 18.02.2022)
13. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов Алма-Ата: Ғылым, 1991. С. 6.
14. Токарев С.А. Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 791, 934.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.: пер. с нем. 2-е изд. М.: Прогресс, 1987.
16. Цомартова А.А. Приставочные способы действия в современном осетинском языке в сопоставлении с русским // Сб. Проблемы осетинского языкознания. Ордж-е, 1987. Вып. 2. С. 83, 89.
17. Boyce M., “NOWRUZ i. In the Pre-Islamic Period, Encyclopædia Iranica, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/nowruz-i> (дата обращения: 12.08.2022).

18. Cheung J., Aydemir H. Turco-Afghanica: On East Iranian *amarnā and Turkic alma, alimla, almīla 'apple'. Спб. Контраст, 2015. P. 88 – 90.
19. Cirlot J.E. A Dictionary of Symbols, Courier Dover Publications, 2002. P. 253.
20. Clauson G. An Etymological Dictionary of pre-thirteenth-century Turkish, Oxford: Clarendon Press. 1972.
21. Curtis V.S. Persian Myths. University of Texas Press. 1993. P. 47.
22. Derksen R. Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 13), Leiden, Boston: Brill. 2015.
23. Derksen, R. Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 4), Leiden, Boston, Brill: 2008.
24. Энциклопædia Iranica [Электронный ресурс]. URL: <https://iranicaonline.org/articles/simorg> (дата обращения: 12.08.2022)
25. Eröz M. Eski Türk dini (gök tanrı inancı) ve Alevîlik-Bektaşîlik. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı. 1992. P. 111.
26. Guarino-Vignon P., Marchi N., Bendezu-Sarmiento J., Heyer E., Bon C. Genetic continuity of Indo-Iranian speakers since the Iron Age in southern Central Asia // Scientific Reports / Nature. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-021-04144-4> (дата обращения: 7.08.2022)
27. Kim R. The development of labiovelars in Tocharian: A closer look // Tocharian and Indo-European Studies. Copenhagen: C.A. Reitzel, 1999. Vol. 8. P. 164.
28. Kroonen G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 11), Leiden, Boston: Brill. 2013.
29. López-Menchero F. Proto-Indo-European Etymological Dictionary (c) 2012. P. 6. [Электронный ресурс]-URL: <https://indo-european.info/indo-european-etymology.pdf> (дата обращения: 12.08.2022)
30. Lubotsky A. The Indo-Aryan Inherited Lexicon (in progress) (Indo-European Etymological Dictionary Project), Leiden University. 2011.
31. Majorov A.V. Velika Hrvatska: etnogeneza i rana povijest Slavena prikarpatškoga područja. Zagreb, Samobor. Meridijani, 2012. P. 102.
32. Mallory J.P., Adams D.Q. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford: Oxford University Press. 2006. P. 98, 122.
33. Mallory J.P. In search of the Indo-Europeans: language, archaeology, and myth Thames Hudson 1991 P. 135.
34. Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary. Oxford Clarendon Press. 1960.
35. Orchard A. Dictionary of Norse Myth and Legend. Cassell, 1997. P. 151.
36. Palstra F.P., Heyer E., Austerlitz, F. Statistical inference on genetic data reveals the complex demographic history of human populations in central Asia // Molecular Biology and Evolution. February 2015 P. 3 – 18.
37. Pfeifer W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. München. Deutscher Taschenbuch. Verlag. 1993, P. 70.
38. Ringe D., Taylor A. The Development of Old English (A Linguistic History of English; 2), Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 272.
39. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch (in German), V.I. Bern, München: Francke Verlag, 1959. P. 140 – 141.
40. Schrijver P. Studies in British Celtic Historical Phonology. Rodopi. 1995. P. 221.
41. Soniak M. Why Do So Many Countries End in "-stan"? // Mental Floss. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mentalfloss.com/article/12447/why-do-so-many-countries-end-stan> (дата обращения: 12.08.2022)
42. Vahid Rashidvash. The Iranian and Azari languages // Research on Humanities and Social Sciences. 2012. Vol. 2. № 5. P. 30.
43. Židek J. Tocharian Loanwords in Chinese. Praha: Univerzita Karlova. 2017. P. 59.

References

1. Abaev V.I. Istoriko-jetimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka. Leningrad: Nauka. 1979. T. 3.
2. Ағғынбаев Н.А. Қазақ халқындағы сем'я мен неке. Alma-Ata., Fylym, 1973. S. 184.
3. Bajzhanova N.R. Genesis arhaichnyh poslovic s obrazom konja: k tipologii paremiologičeskogo fonda tjurckikh narodov Sibiri. Novosibirsk, Institut filologii SO RAN. 2004. S. 101.
4. Gogolev A.I. Indoevropskie svjazi v formirovanii drevnetjurkskoj kul'tury. Vestnik SVFU, 2015. T. 12. № 1. S. 64 – 74.
5. Gogolev A.I. Skifo-sibirskie istoki tradicionnoj kul'tury jakutov. Skifo-sibirskij mir. Iskusstvo i ideologija. Novosibirsk, 1987.

6. Kochergina V.A. Sanskritsko-russkij slovar'. M: Russkij Jazyk. 1987.
7. Maloletko A.M. Toponimy bol'sherechenskogo vremeni v bassejne Verhnej Obi. Istoricheskie chtenija pamjati Grjaznova M.P. Tezisy dokl. Omsk, 1987. 138 s. 15. 16. Mudrova I.A. Slovar' slavjanskoj mifologii. LitMir. S. 1.
8. Mudrova I.A. Slovar' slavjanskoj mifologii. LitMir. S. 1.
9. Nikolaev S.L., Starostin S. A., Jetimologičeskaja baza dannyh po indoevropejskomu prajazyku, 1998-2005 [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://history-forum.ru/viewtopic.php?t=20190> (data obrashhenija: 18.08.2022)
10. Rastorgueva V.S., Jedel'man D.I. Jetimologičeskij slovar' iranskih jazykov. Institut jazykoznanija RAN. M.: Vostochnaja literatura. RAN, 2000. T. 1.
11. Savinov D.G. Drevnetjurkskie plemena v zerkale arheologii. «Istoricheskie issledovanija». Filologičeskij fakul'tet SPbGU. SPb: 2005. S. 185 – 194.
12. Toebaev A.T. Nekotorye istoriko-kul'turnye vyvody i kul'turogenetičeskie paralleli po gerodotovym ras-skazam o skifah.//edu.e-history.kz, 2019. № 3 (19). [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1273> data obrashhenija: 18.02.2022)
13. Toleubaev A.T. Relikty doislamskih verovanij v semejnoj obrjadnosti kazahov Alma-Ata: Gylym, 1991. S. 6.
14. Tokarev S.A. Mify narodov mira. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1982. S. 791, 934.
15. Fasmer M. Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t.: per. s nem. 2-e izd. M.: Progress, 1987.
16. Comartova A.A. Pristavochnye sposoby dejstvija v sovremennom osetinskom jazyke v sopostavlenii s russkim. Sb. Problemy osetinskogo jazykoznanija. Ordzh-e, 1987. Vyp. 2. S. 83, 89.
17. Boyce M., “NOWRUZ i. In the Pre-Islamic Period, Encyclopædia Iranica, 2009. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/nowruz-i> (data obrashhenija: 12.08.2022).
18. Cheung J., Aydemir H. Turco-Afghanica: On East Iranian *amarnā and Turkic alma, alimla, almila ‘apple’. Spb. Kontrast, 2015. P. 88 – 90.
19. Cirlot J.E. A Dictionary of Symbols, Courier Dover Publications, 2002. P. 253.
20. Clauson G. An Etymological Dictionary of pre-thirteenth-century Turkish, Oxford: Clarendon Press. 1972.
21. Curtis V.S. Persian Myths. University of Texas Press. 1993. P. 47.
22. Derksen R. Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 13), Leiden, Boston: Brill. 2015.
23. Derksen, R. Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 4), Leiden, Boston, Brill: 2008.
24. Encyclopædia Iranica [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://iranicaonline.org/articles/simorg> (data obrashhenija: 12.08.2022)
25. Eröz M. Eski Türk dini (gök tanrı inancı) ve Alevîlik-Bektaşîlik. Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı. 1992. P. 111.
26. Guarino-Vignon P., Marchi N., Bendezu-Sarmiento J., Heyer E., Bon C. Genetic continuity of Indo-Iranian speakers since the Iron Age in southern Central Asia. Scientific Reports. Nature. 2022. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-021-04144-4> data obrashhenija: 7.08.2022)
27. Kim R. The development of labiovelars in Tocharian: A closer look. Tocharian and Indo-European Studies. Copenhagen: C.A. Reitzel, 1999. Vol. P. 164.
28. Kroonen G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series; 11), Leiden, Boston: Brill. 2013.
29. López-Mencherero F. Proto-Indo-European Etymological Dictionary (c) 2012. P. 6. [Jelektronnyj resurs]-URL: <https://indo-european.info/indo-european-etymology.pdf> (data obrashhenija: 12.08.2022)
30. Lubotsky A. The Indo-Aryan Inherited Lexicon (in progress) (Indo-European Etymological Dictionary Project), Leiden University. 2011.
31. Majorov A.V. Velika Hrvatska: etnogeneza i rana povijest Slavena prikarpatškoga područja. Zagreb, Samobor. Meridijani, 2012. P. 102.
32. Mallory J.P., Adams D.Q. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford: Oxford University Press. 2006. P. 98, 122.
33. Mallory J.P. In search of the Indo-Europeans: language, archaeology, and myth Thames Hudson 1991 P. 135.
34. Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary. Oxford Clarendon Press. 1960.
35. Orchard A. Dictionary of Norse Myth and Legend. Cassell, 1997. P. 151.
36. Palstra F.P., Heyer E., Austerlitz, F. Statistical inference on genetic data reveals the complex demographic history of human populations in central Asia. Molecular Biology and Evolution. February 2015 P. 3 – 18.

37. Pfeifer W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. München. Deutscher Taschenbuch. Verlag. 1993, P. 70.
38. Ringe D., Taylor A. The Development of Old English (A Linguistic History of English; 2), Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 272.
39. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch (in German), V.I. Bern, München: Francke Verlag, 1959. P. 140 – 141.
40. Schrijver P. Studies in British Celtic Historical Phonology. Rodopi. 1995. P. 221.
41. Soniak M. Why Do So Many Countries End in "-stan"? Mental Floss. 2012 [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.mentalfloss.com/article/12447/why-do-so-many-countries-end-stan> (data obrashhenija: 12.08.2022)
42. Vahid Rashidvash. The Iranian and Azari languages. Research on Humanities and Social Sciences. 2012. Vol. 2. № 5. P. 30.
43. Židek J. Tocharian Loanwords in Chinese. Praha: Univerzita Karlova. 2017. P. 59.

*Volkov Yu.A., Senior Lecturer,
Russian University of Transport (MIIT),
Moscow International University,
Savel'eva M.N., Senior Lecturer,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
Russian University of Transport (MIIT),
Pashkovskaia N.D., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Moscow International University,
Yashina Yu.V., Senior Lecturer,
Russian University of Transport (MIIT)*

Indo-European borrowings in Turkic languages on the example of the Kazakh language

Abstract: the article is devoted to the analysis of the influence of ancient Indo-Europeans on the formation of Kazakh culture and language. In the article an attempt is presented to show the role of ancient Indo-European tribes, including the Scythians, in the cultural genesis of ancient Turkic tribes in a more reasoned way and thereby try to shed light on the origin of the Kazakh ethnic group. The issues of possible connections of Indo-European and Turkic, Kazakh mythology are considered as well as the question of the presence of words of Indo-European origin in the Kazakh language is considered. This problem has not actually been widely developed to date and needs to be studied in detail in various aspects, including etymological, semantic, word-formation and cultural-historical. Materials and methods. Descriptive-analytical, comparative-historical, etymological methods were used in this study. Etymological dictionaries of ancient and modern Indo-European and Turkic languages were used for linguistic analysis. Results. The authors conclude that the ancient Indo-Europeans had a certain influence on the ethnogenesis of the ancient Turks, traces of this influence can be found in the national traditions of the Kazakhs and the vocabulary of the modern Kazakh language.

Keywords: etymological analysis, Central Asia, ancient Indo-Europeans, proto-Turks, Kazakh mythology, The Kazakh language, toponymy, etymology, Indo-Iranian substrate

For citation: Volkov Yu.A., Savel'eva M.N., Pashkovskaia N.D., Yashina Yu.V. Indo-European borrowings in Turkic languages on the example of the Kazakh language. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (2). P. 120 – 127.

*Ергазина А.А., кандидат педагогических наук, доцент,
Баишев университет, Республика Казахстан*

Культурный код нации и языковое моделирование

Аннотация: в данной статье рассматривается понятие «культурный код» в области лингвокультурологии и психолингвистики. В статье описаны основные способы прочтения и интерпретации понятия «культурный код» в языкознании, а также дан краткий обзор наиболее важных дефиниций. Показано, что на первый план выходят основные черты этого многогранного понятия. Культурные коды являются ядром, формирующим структуру культурного смысла. На основе вышеизложенного теоретического материала в статье определяются культурные коды как матрицы значений, содержащие культурные константы как средства привязки информации к конкретным символам (функциям). Делается вывод, что иерархия кодов и субкодов открыта, но в то же время они постоянно изменяются без жестких границ, моделируя картину мира.

Ключевые слова: культурный код, культура, ментальность, картина мира, архетипические представления, язык, лингвистика, культурная коннотация

Для цитирования: Ергазина А.А. Культурный код нации и языковое моделирование // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 128 – 131.

Необходимо отметить тот факт, что современная культура утратила единый принцип, конституирующий культуру, и стала поликультурным миром. Сегодня целью международного образования является повышение глобальной и культурной толерантности. Умение передавать информацию показывает не только способность человека к общению, но и его готовность быть открытым для других взглядов и культур. Культурную осведомленность следует рассматривать как языковой навык.

Культурные коды являются ключом к определению культурной идентичности, которая передается из поколения в поколение. Изучение культурных кодов является одним из важнейших ключей к пониманию индивидуальных мыслей, ценностей и «психологии» этносов [4].

Код - неотъемлемая часть культуры. По мнению Н.И. Толстого и С.М. Толстого, «культура представляет собой иерархически организованную систему различных кодов. Единое содержание различных форм и материальных форм стало «образом мира» в мировоззрении общества. Перевод этих различных кодов с языка на язык позволяет связать их между собой посредством общего содержательного плана, выступающего в роли языка-посредника» [10, с. 7].

Н.А. Симбирцева в своем труде отмечает культурный код как «таксономическую основу своего текста». Этот фундамент представляет собой совокупность изоциренных представлений об образе социального мира [11, с. 20]. По мнению ученого, культурные нормы обычно реализуются в священных текстах, пословицах и фразеологизмах.

По мнению В.В. Красных, культурные коды – это «сети», которые «забрасывают» культуры в окружающий мир, разделяя, классифицируя, структурируя и оценивая культуры [9, с. 232]. Культурный код «устанавливает и предопределяет круг метрик, участвующих в организации и оценке материального мира» [8, с. 19].

Н.И. Жинкин называет коды вторичных знаковых систем (тело, форма животного, природный ландшафт и др.). «Те или иные объекты (природные и рукотворные) в окружающем нас мире выполняют непосредственную функцию, приобретают символическую функцию, становятся способными передавать некоторый дополнительный смысл» [5, с. 39].

М.Л. Ковшова также определяет систему культурных кодов и «знаков различных субстанций» [7, с. 173]. В то же время фразеологические единицы, сформированные на стыке языка и культуры, играют важную роль в культурно-языковом коде для описания и оценки происходящего в мире устойчивым, метафоричным и ценностно-ориентированным образом: «...выбор действительности для создания образа фразеологизма не случаен. Составляющими лексической единицы являются не названия действительности (в самом широком смысле), а культурные признаки, т.е. оправдывается культурной значимостью отдельных предметных кодов, обозначающих их культурную значимость» [3].

Е.Л. Березович определяет культурный код как «представление культурно-языковой парадигмы» и выражается в виде «не только отдельных групп лексики, но и связанных с ними фольклора, верований и т. п.» [2, с. 15]. Код можно разделить на физический и концептуальный. Он определяется с учетом общности плана изложения, то есть важности и значимости знаков, составляющих код. Концепты выделяются на

основе семантической общности элементов, которые могут быть связаны с реализацией различных материальных значений [6, с. 16].

Н.А. Симбирцева определяет культурный код как «вербальный и/или невербальный код в культурных текстах, представляющий собой знак историко-культурных эпох и их сочетаний, обладающий интерпретируемой устойчивостью в пространственно-временном континууме. Личностное восприятие, социальное восприятие поддерживает возможность общения на уровне культурной практики» [11, с. 157].

Г.В. Зубко определял код как «ядро», «своего рода матрицу, содержащую в непредставленном виде все составляющие основных семиотических структур и культурных парадигм людей» [6].

Относительно роли культурных кодов в культурной практике некоторые исследователи (Аванесова, Купцова) утверждают, что культурные коды представляют собой «упорядоченный набор директив, норм, ограничений и установок, которые могут быть применены к разным видам деятельности (коммуникации, трансформационным техникам, семантике, ценностям, эпистемологии, эстетике и т.), их основными звеньями являются знаки (символы), значения и их сочетания» [1, с. 35]. Культурные коды универсальны и действуют во все периоды истории. При этом создаются новые вторичные культурные коды, которые открыты для изменений. Культурные коды формируются долго: основные культурные коды трудно идентифицировать и понять, на их разработку уходит более века, и они меняются очень медленными темпами.

Культурные коды связаны с древнейшими типичными выражениями. Кодификация культурных пространств всегда национальна и специфична для каждого этноса, так как они универсальны, но определяются субъективными (традиционно-этническими) факторами [9, с. 232].

В соответствии с культурным использованием языка выделяют более 10 кодов – природа, люди, тела, окаменелости, формы животных, растения, пространство, время, предметы, пища, религия и т.д.

В.М. Савицкий правильно отмечал многообразие регулятивно-семиотических и культурно-познавательных аспектов этого явления, рассматривая природу, построение и поведение культурных кодов в процессе коммуникации. Описывая понятие «код образа», ученые описывают его как нормативную систему образов, закрепленных в коммуникативных практиках, составляющих часть этнической культуры, и служащих фрагментарными проявлениями действительности, чувства могут действовать как культурный код. «В контексте духовной жизни культурные коды могут быть выражены в любой области чувственно воспринимаемой действительности, где физические объекты становятся метафорическими и идеализированными формами существования» [10, с. 72].

Хотя существуют различные способы объяснения онтологического статуса и функции культурного кода, ученые считают, что культурный код является частью культурного процесса и является культурным явлением, а не главным по своему смыслу.

На основании нашего исследования мы рекомендуем определять код культуры как матрицу ценностей. К ним относятся культурные константы, средства привязки информации к тем или иным символам, средства перехода от значения к значению, средства объективации. Символическая информационная система, культурный код, содержится в структуре культурной мысли каждого этноса и способствует сохранению и передаче ценностей.

Рассматривая культурный код как совокупность символов и значений, закодированных человеческой материальной и мыслительной деятельностью, природными объектами, продолжением культуры, духовным, коммуникативным, природным ландшафтом, гастрономическим кодом, кодом повседневности, мажорным, подчеркивается антропологический код как вещь. Иерархия кодов и субкодов открытая, но в то же время постоянно меняющаяся система без жестких границ, моделирующая мировую сцену. Каждый из них отражает особенности национальной культуры.

Изучение языка с семиотической точки зрения является одним из важнейших направлений языкознания. В рамках семиотики язык является семиотической системой и считается важнейшим фактором культурной жизни. С помощью символов (важных и самостоятельных элементов языковой системы), с помощью их сочетаний язык «показывает и творит мир».

Как известно, язык представляет собой символическую структуру, интегрирующую и сохраняющую все достижения общества. Язык представляет собой систему информации и отражает определенное отношение [1].

Цель культурного языка - передать культурный смысл, содержание, которое не может быть выражено прямо и однозначно. Глубочайший смысловой уровень – невыраженное содержание, связывающее человека с миром ценностей, законов и практик культуры. Между этими крайностями лежит горизонтальный аспект смысла, потребность в коде. Если все явления культуры рассматривать как

коммуникативные факты и сообщения, то они не имеют прямого отношения к реальности, отраженной в сигнальной системе, поэтому могут быть связаны только с некоторыми посредниками [6].

Если все явления культуры рассматривать как коммуникативные факты и сообщения, то они не имеют прямого отношения к реальности, отраженной в знаковой системе, поэтому могут быть поняты только в отношении кодов. Код возникает, когда различные явления сравниваются друг с другом и сводятся к единой системе. Таким образом, код строится как система семантических признаков.

Иными словами, потребность в культурном коде возникает при переходе от мира знаков к миру значений. Сигналы – это мир самостоятельных единиц, которые исчисляются битами информации, а значения – это содержательные формы, организующие связь с миром человеческих взглядов, образов и культурных ценностей. Таким образом, в культурном языке код позволяет нам понять правила создания серии конкретных сообщений и их значение.

Литература

1. Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // Сборник статей по материалам XLVII Международной научно-практической конференции «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии». Новосибирск, 2015. С. 28 – 37.

2. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.

3. Бувевич А.А. Язык сквозь призму культурных кодов. Режим доступа: <http://sibac.info/index> (дата обращения: 17.02.2013)

4. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995. 480 с.

5. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. М., 1964. № 6. С. 26 – 38 (дата обращения 17.02.2013).

6. Зубко Г.В. Проблемы реконструкции культурного кода фульбе: Западная Африка: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2004. 54 с.

7. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 456 с. 7.; Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.

8. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация. 2001. № 19. С. 5 – 21.

9. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

10. Савицкий В.М. Культурные коды: сущность, состав и функционирование в процессе общения // Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. № 1-4. С. 68 – 77.

11. Симбирцева Н.А. Код культуры как культурологическая категория // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 157 – 167.

References

1. Avanesova G.A., Kupcova I.A. Kody kul'tury: ponimanie sushhnosti, funkcional'naja rol' v kul'turnoj praktike. Sbornik statej po materialam XLVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedenija i kul'turologii». Novosibirsk, 2015. S. 28 – 37.

2. Berezovich E.L. Jazyk i tradionnaja kul'tura: jetnolingvisticheskie issledovanija. M.: Indrik, 2007. 600 s.

3. Buevich A.A. Jazyk skvoz' prizmu kul'turnyh kodov. Rezhim dostupa: <http://sibac.info/index> (data obrashhenija: 17.02.2013)

4. Gachev G.D. Nacional'nye obrazy mira. Kosmo-Psiho-Logos. M.: Progress-Kul'tura, 1995. 480 s.

5. Zhinkin N.I. O kodovyh perehodah vo vnutrennej rechi. Voprosy jazykoznanija. M., 1964. № 6. S. 26 – 38 (data obrashhenija 17.02.2013).

6. Zubko G.V. Problemy rekonstrukcii kul'turnogo koda ful'be: Zapadnaja Afrika: avtoref. dis. ... d-ra kul'turologii. M., 2004. 54 s.

7. Kovshova M.L. Lingvokul'turologicheskiĭ metod vo frazeologii: kody kul'tury. M.: LIBROKOM, 2013. 456 s. 7.; Krasnyh V.V. «Svoi» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? M.: Gnozis, 2003. 375 s.

8. Krasnyh V.V. Kody i jetalony kul'tury (priglasenie k razgovoru). Jazyk, soznanie, kommunikacija. 2001. № 19. S. 5 – 21.

9. Krasnyh V.V. Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija. M.: Gnozis, 2002. 284 s.

10. Savickij V.M. Kul'turnye kody: sushhnost', sostav i funkcionirovanie v processe obshhenija. Diskurs professional'noj kommunikacii. 2019. № 1-4. S. 68 – 77.

11. Simbirceva N.A. Kod kul'tury kak kul'turologicheskaja kategorija. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2016. № 1. S. 157 – 167.

*Ergazina A.A., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Baishev University, Republic of Kazakhstan*

Cultural code of the nation and language modeling

Abstract: this article discusses the concept of "cultural code" in the field of linguoculturology. The article describes the main ways of reading and interpreting the concept of "cultural code" in linguistics, as well as a brief overview of the most important definitions. It is shown that the main features of this multifaceted concept come to the fore. Cultural codes are the core that forms the structure of cultural meaning. Based on the above theoretical material, the article defines cultural codes as matrices of meanings containing cultural constants as a means of linking information to specific symbols (functions). It is concluded that the hierarchy of codes and subcodes is open, but at the same time they are constantly changing without rigid boundaries, modeling the picture of the world.

Keywords: cultural code, culture, mentality, picture of the world, archetypal representations, language, linguistics, cultural connotation

For citation: Ergazina A.A. Cultural code of the nation and language modeling. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 128 – 131.

*Коджебаш Д.О.,
Груздев Д.Ю., кандидат филологических наук, доцент,
Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны РФ*

Типология видов аннотирования корпусов текстов в контексте лингвистических исследований

Аннотация: в данной статье обзревается типология видов разметки корпусов текстов, используемых отечественными и зарубежными исследователями при решении задач лингвистического характера. Современная корпусная лингвистика предоставляет переводчикам и лингвистам мощный инструмент изучения и обработки языка в виде корпусов текстов, который, в то же время является сложным продуктом, использующим новейшие достижения компьютерной отрасли. По мнению авторов, эффективное использование корпуса текстов может достигаться путем реализации на его базе лингвистической разметки, которая имеет свои особенности в реализации и использовании в зависимости от поставленных исследователем или переводчиком задач. В работе проводится разбор общепринятой классификации видов разметок корпусов, позволяющих производить обработку текстов для поиска конкретных языковых явлений в массиве живого языкового материала. Авторы предпринимают попытку выявления тенденций, определяющих целесообразность выбора разметки для решения переводческих и исследовательских задач на различных лингвистических уровнях. В результате исследования авторы делают вывод о возможностях использования частеречной, синтаксической и семантической разметки в корпусах текстов для решения переводческих задач. Приведенные в рамках статьи примеры реализации разметок позволят переводчику сформировать представление о возможностях размеченного корпуса.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, аннотирование корпуса, разметка корпуса, виды разметки, тэги, парсинг, лингвистические уровни разметки

Для цитирования: Коджебаш Д.О., Груздев Д.Ю. Типология видов аннотирования корпусов текстов в контексте лингвистических исследований // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 132 – 139.

Введение

21 век считается веком высоких технологий и интернета, что характеризуется расширением и развитием глобальной информационной среды. В 2022 году статистические источники фиксируют двадцатикратное увеличение объемов информации в мире по сравнению с 2010 годом [1]. Для лингвистов это означает открытие новых горизонтов исследования языка – аудио и видеохостинги предоставляют возможность сбора языковых материалов, социальные сети открывают доступ к изучению особенностей письменной разговорной речи, а узконаправленные тематические веб-сайты и новостные порталы позволяют рассматривать язык в контексте определенных дискурсов. Однако для оптимизации работы со всем многообразием материала требуется способ его структурировать, для чего и нужны так называемые электронные корпуса текстов, массив репрезентативных языковых данных, хранящихся в виде электронных текстовых документов для решения конкретных лингвистических задач [2]. На основе таких ресурсов исследователи получают возможность производить сбор статистической информации о языковых явлениях в представленной тематической и видовой языковой среде.

На начальных этапах составления корпус представляет собой совокупность необработанного языкового материала, отобранного по определенным принципам и критериям, но не дополненного лингвистическими комментариями. В таком виде поиск осуществляется вслепую, т.к. в корпус-менеджерах [3], предназначенных для извлечения лингвистической информации, не предусмотрены вспомогательные функции, такие как алгоритм нечеткого поиска [4].

Для повышения эффективности корпус необходимо подвергнуть предварительной подготовке посредством разметки и аннотации. После интеграции информации о частях речи, грамматических, лексических, морфологических, фонетических категориях, а также данных о тексте, корпус становится размеченным или аннотированным.

Цель разметки заключается в том, чтобы «интерпретировать» для ЭВМ представленную в виде последовательности символов информацию для автоматизации последующей работы с корпусом. В практическом плане «подсветить» можно любой аспект, от ошибок до особенностей речи в определенных регионах [5]. В деятельности переводчика первостепенное значение имеет эффективность извлечения лингвистической информации, в связи с чем ставим цель рассмотреть основные виды дополнительной обработки корпуса текстов в виде аннотации и разметки для удовлетворения потребностей переводчика при решении профессиональных задач.

Понятие и сущность лингвистической разметки

В английском языке принято различать понятия аннотация и разметка. Так, аннотирование (англ. annotation) корпуса есть добавление пояснительной лингвистической информации в электронный корпус письменных и/или устных данных языка [6], в то время как разметка (англ. markup) является системой стандартизированных кодов, предоставляющих информацию о самом тексте, его форматировании и других видах метаданных [7].

Такая распространенная терминология в рамках одной задачи в английском языке объясняется параллельными процессами разработки систем дополнительной обработки электронных корпусов текстов в западной лингвистике. Отсутствие унификации английской терминологии пронизывает практически все направление вплоть до наименований инструментов. Например, для проведения синтаксической аннотации используют парсеры. К моменту перехода в русский язык уже имелось общее представление о данном классе лингвистики, поэтому произошло упрощение и упорядочивание терминологии. К тому же при сохранении такого разнообразия возникают предпосылки к неправильной трактовке и неправильному пониманию. Так под аннотацией большинство неосведомленных людей поймут краткий текст в начале статьи с указанием на цели, задачи и достигнутые результаты.

Поскольку в отечественной прикладной лингвистике данные термины не разводятся, видится релевантным использование термина «разметка» в широком смысле как «приписывание текстам и их компонентам специальных меток: внешних, экстралингвистических, структурных и собственно лингвистических» на всех уровнях обработки текстовой информации [2, с.6].

Типология уровней разметки

Экстралингвистическая разметка или *метаразметка* является самым простым с технической точки зрения уровнем разметки. Условно на данном уровне можно выделить внешнюю разметку, содержащую сведения о самом тексте (название, год издания, жанр) и об авторе, техническую разметку, содержащую кодировку, дату обработки. Так, благодаря наличию экстралингвистической разметки в Национальном корпусе русского языка, одном из крупнейших и самых проработанных корпусов в мире, есть возможность устанавливать фильтр для отбора материалов на основе их металингвистических атрибутов, что значительно упрощает навигацию и структурирование материала для последующего анализа (рис. 1) [8].

Е. И. Габрилович. Наступление 1944 года (01.01.1945) // «Советское искусство», 1945	
Автор	Е. И. Габрилович
Пол	муж
Год рождения	1899
Название	Наступление 1944 года
Год создания	01.01.1945
Сфера функционирования	публицистика
Тематика текста	армия и вооруженные конфликты
Тип текста	эссе
Стиль	нейтральный
Предложений	41
Словоформ	708
Возраст аудитории	н-возраст
Уровень образования аудитории	н-уровень
Размер аудитории	большая
Носитель	газета
Источник	«Советское искусство», № 23 (429)
Дата публикации	1945
Издание	«Советское искусство»
Подкорпуса	ПК письменных текстов

Рис. 1. Результат поиска в НКРЯ по параметрам: название подкорпуса «наступление», год создания «1941-1945», тематика текста «армия и вооруженные конфликты»

Уровни собственно лингвистической разметки определяются аспектом языка, который необходимо «подсветить» для компьютерного анализа информации. В связи с этим основные виды лингвистической разметки соответствуют уровням языка, а именно: фонетическому, лексическому и синтаксическому, на которых проводятся фонетическая, морфологическая, синтаксическая, семантическая, дискурсивная и анафорическая разметки. Каждая из них предоставляет различный инструментарий для лингвистических исследований, соответственно их значимость в работе переводчика варьируется от уровня к уровню.

В рамках составления корпуса устной речи характерно использование *фонологической* разметки, которая включает в себя разметку на фонетические и просодические сегменты. В соответствии со своим названием, фонетическая (фонемная) разметка применяется для разграничения слогов, а просодическая разметка для интонационной маркировки синтагм. [7 с. 27]. В практическом плане данные виды разметок необходимы для создания систем синтеза и распознавания звучащей речи. Так, в указанной области дополнительной обработки больших массивов устной речи следует отметить работу Б.М. Лобанова и Л.И. Цирюльника над пословной и посинтагменной разметки слоговых комплексов в рамках создания речевого корпуса для изучения возможностей компьютерного клонирования речи [9].

Для решения задач с помощью корпусов письменных текстов как правило осуществляется разметка на морфологическом, синтаксическом и дискурсивном уровнях.

Морфологическая разметка используется для обработки текста на морфемном и лексическом подуровнях, что позволяет рассматривать текст в рамках словообразовательного аспекта языка [10]. Ее задача заключается в выделении и обработке аффиксов, что необходимо в рамках исследования сочетаемости морфем с корнями и другими аффиксами [11].

Согласно Тону McEnergy на лексическом подуровне производится *частеречная разметка* (POS, Part-of-Speech tagging), позволяющая определять роль лексем в предложении, *лемматизация*, цель которой в выделении начальной формы лексемы и её основы, а также *семантическая разметка*, группирующая лексемы в определенные семантические категории [7]. Стоит отметить, что в некоторых классификациях семантическая разметка может выделяться как отдельный уровень аннотации [2].

Частеречной разметке предшествует процесс автоматического разделения предложения на слова-компоненты, который называется лексической сегментацией или токенизацией. В ходе этого этапа происходит определение границ слов и сложных выражений, например, составных союзов *в связи с, разве что* и т.д. Текст с проставленными токенами разбивается на блоки, пригодные для дальнейшей обработки текста программными анализаторами и моделями, поскольку приобретает вид списка отдельных словоформ и пунктуационных знаков, а не сплошной цепочки символов. Такая подготовка корпуса способствует повышению эффективности извлечения лингвистической информации с помощью корпус-менеджеров, которые относятся к базовым поисковым программам, различающим только символы в неподготовленном тексте.

Частеречная или *морфосинтаксическая разметка* является наиболее распространённым видом морфологической разметки, с помощью которой элементы предложения классифицируются по их принадлежности к определенной части речи (рис. 2). Для данного способа разметки применяются специализированные программные алгоритмы – частеречные теггеры (POS Taggers), позволяющие производить автоматизированную обработку массивов текстов. Эта разметка также выступает в качестве необходимой составляющей для исследований массивов текстов на более сложных языковых уровнях. Например, для работы с синтаксисом и семантикой текста корпус должен содержать однозначно интерпретированную информацию о частеречном составе.

```

■ <s>Я{я=S, ед, од=им} сидел{сидеть=V,
несов=изъяв, прош, ед, муж} на{на=PR}
■ барском{барский=A=ед, сред, пр} сиденье
{сиденье=S, сред, неод=ед, пр}, дышал
{дышать=V, несов=изъяв, прош, ед, муж} горячим
{горячий=A=ед, муж, твор} ветром{ветер=S, муж,
неод=ед, твор}, бившим{бить=V, несов=прич,
прош, ед, муж, твор} в{в=PR} лицо{лицо=S, сред,
неод=ед, вин}, ощущая{ощущать=V=несов, деепр,
непрш} в{в=PR} то{тот=A=ед, сред, вин} же
{же=PART} время{время=S, сред, неод=ед, вин}
не{не=PART}

```

Рис. 2. Пример морфологической разметки НКРЯ

Благодаря своим возможностям частеречная разметка корпусов имеет большой потенциал в решении переводческих задач. С помощью таких ресурсов значительно сокращается время поиска лексем и выражений. Так, для определения вариантов употребления в языке лексемы «наступление» совместно с предшествующим глаголом в двуязычном параллельном подкорпусе на базе НКРЯ, в поисковом меню пользователю необходимо задать параметр «часть речи: глагол» и «лексема: наступление». Полученный конкорданс содержит случаи использования заданной конструкции на обоих языках (рис. 3).

Результаты поиска в параллельном (английском) корпусе

Объем всего корпуса: 1 186 документов, 43 803 740 слов.

Слово 1: V
Слово 2: наступление на расстоянии 1 от Слова 1

Найдено: 52 документа, 104 вхождения.

Посмотреть в других корпусах: [основном](#), [параллельном \(все языковые пары\)](#), [многоязычном](#).

Страницы: 1 2 3 4 5 6 [следующая страница](#)

1. Raf Casert, Mark Carlson. WWII Allies and Ex-Enemy Germany Together Mark Battle of the Bulge 75th Anniversary [Time] (16.12.2019) | Союзники по Второй мировой войне и их бывший враг Германии совместно отмечают 75-ю годовщину Арденнского сражения (inosmi.ru, 2019) [омонимия не снята] [Все примеры \(1\)](#)

eng Yet somehow, the Americans blunted the advance and started turning back the enemy for good, setting Allied troops on a roll that would end the war in Europe less than five months later. [Raf Casert, Mark Carlson. WWII Allies and Ex-Enemy Germany Together Mark Battle of the Bulge 75th Anniversary [Time] (16.12.2019) | Союзники по Второй мировой войне и их бывший враг Германии совместно отмечают 75-ю годовщину Арденнского сражения (inosmi.ru, 2019) [омонимия не снята] <--->

rus Однако американцам каким-то образом удалось **сорвать наступление** и развернуть противника вспять. После этого войска союзников наступали уже непрерывно, и менее чем через пять месяцев война в Европе закончилась. [Raf Casert, Mark Carlson. WWII Allies and Ex-Enemy Germany Together Mark Battle of the Bulge 75th Anniversary [Time] (16.12.2019) | Союзники по Второй мировой войне и их бывший враг Германии совместно отмечают 75-ю годовщину Арденнского сражения (inosmi.ru, 2019) [омонимия не снята] <--->

2. Hal Brands. Trump Can't Split Russia From China — Yet [Bloomberg] (01.08.2018) | Трамп не может разобщить Россию и Китай — пока (inosmi.ru, 2018) [омонимия не снята] [Все примеры \(1\)](#)

eng It would thus take a truckload of concessions for the U. S. to persuade Putin to stop pushing against an enfeebled West and strike up a new hostility with his erstwhile Chinese partner in the east. [Hal Brands. Trump Can't Split Russia From China — Yet [Bloomberg] (01.08.2018) | Трамп не может разобщить Россию и Китай — пока (inosmi.ru, 2018) [омонимия не снята] <--->

rus Поэтому США придется согласиться на множество уступок, дабы убедить Путина **остановить наступление** на ослабленный Запад и начать проявлять враждебность по отношению к своему китайскому партнеру на востоке. [Hal Brands. Trump Can't Split Russia From China — Yet [Bloomberg] (01.08.2018) | Трамп не может разобщить Россию и Китай — пока (inosmi.ru, 2018) [омонимия не снята] <--->

Рис. 3. Использование параллельного двуязычного подкорпуса на базе НКРЯ для определения вариантов перевода по запросу «глагол + лексема «наступление»

Еще один подуровень морфологической разметки составляет лемматизация, суть которой заключается в приведении словоформ к одной лексеме. Алгоритм учитывает частности всех вариантов одного слова, что позволяет производить в корпусе поиск разных его форм. С точки зрения работы со специализированными корпусами текстов данная разметка не представляет большой интерес для переводчика. Благодаря наличию в современных корпус-менеджерах поддержки символов-операторов, с помощью которых можно заменить неизвестную часть слова, даже в неразмеченном корпусе есть возможность построить конкорданс по корневой морфеме [4]. Например, при замене окончания *-e* в слове *increase* символом *** программа будет искать все словоформы из последовательности *increas**, завершающиеся на любое количество произвольных символов. Таким образом в конкорданс войдут глаголы в форме настоящего, будущего и прошедшего времени, форма герундия и существительное (рис. 4).

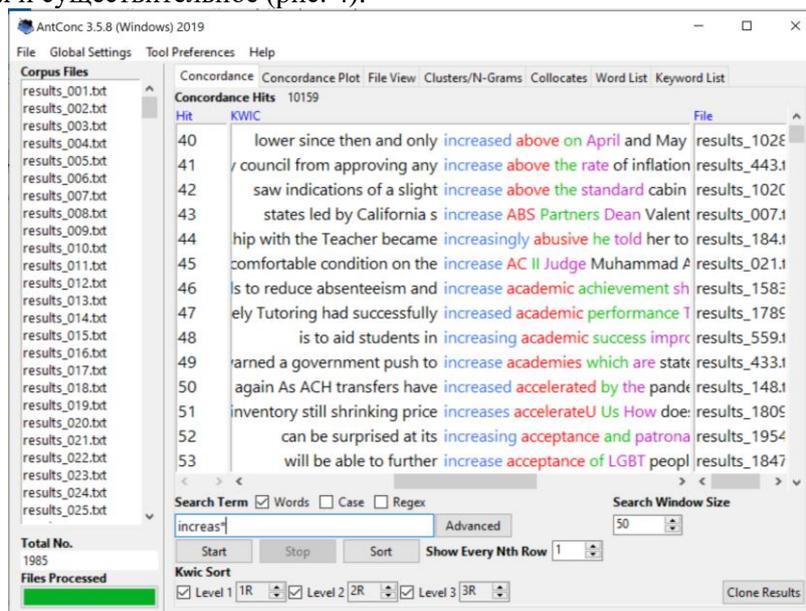

Рис. 4. Конкорданс, составленный по запросу *increas** с помощью корпус-менеджера AntConc [12]

На основе морфологической разметки корпуса проводится обработка синтаксических связей членов предложения и установление отношений между ними с помощью программ-парсеров (англ. parsers). Парсинг реализуется на уровне *синтаксической разметки*, и позволяет формировать категории словосочетаний и придаточных предложений. Результатом обработки является информация о синтаксических связях (NP – именная группа, VP – глагольная группа), выражаемая в виде деревьев зависимостей элементов предложения либо его составляющих (рис. 5). Форма отображения схем определяется типом грамматики, то есть математическим набором правил функционирования конкретного языка, используемых при анализе. Как правило, языки со свободным порядком слов оформляются в виде деревьев зависимости, в то время как языки с устойчивой структурой предложения лучше отображать через схемы составляющих. Так, в случае разметки текстов на русском языке, предпочтение отдается отображению структуры в виде зависимостей между словами, поскольку данный подход обеспечивает гибкость интерпретации отношений между словами по их возможному или реальному семантическому содержанию. И, напротив, в английском языке целесообразно отображение через дерево составляющих, поскольку данный принцип рассматривает роли элементов предложения по отношению к тому месту, которое они занимают в предложении. Такая подготовка корпуса также может значительно упростить поиск лингвистической информации особенно на уровне грамматических конструкций. Однако ввиду слабой автоматизации парсеров и большого процента неоднозначности время на разметку корпуса увеличится значительно. При работе со специализированными корпусами, используемыми для решения скоротечных и сиюминутных задач в переводе, этого допустить невозможно.

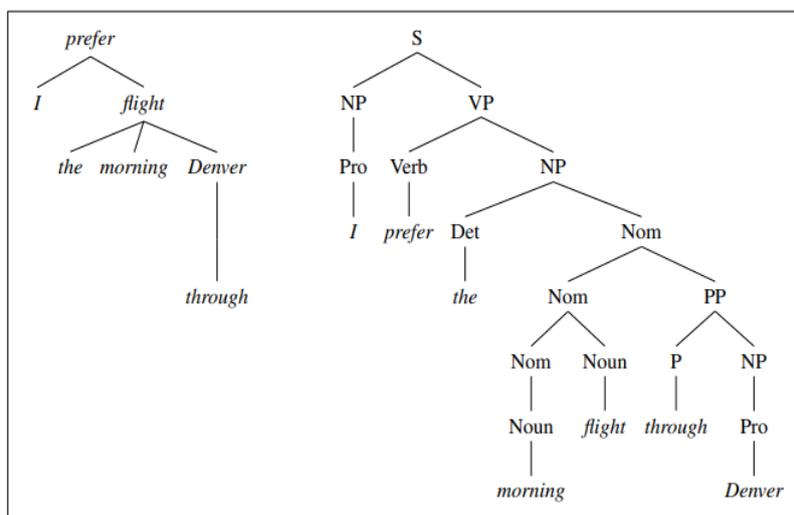

Рис. 5. Отображение предложения *I prefer the morning flight through Denver* в форме дерева зависимостей (слева) и дерева составляющих (справа) [13]

Семантическая разметка корпуса требуется для обработки лексического состава с точки зрения смысловой близости. С ее помощью лексемам присваиваются теги, относящие их к определенной тематической группе, семе: «из дома» – сема направления, «раздраженный» – сема негатива и т.д. Создание подобной разметки представляет собой трудоемкий процесс присваивания лексическим единицам корпуса категорий предметной области. Проведению разметки предшествует работа экспертов в рамках области тематики текстов корпуса, в результате чего согласуются категории, которые требуют отражения в корпусе [14]. Помимо этого, такая разметка должна основываться на онтологиях, специализированных словарях или тезаурусах [15]. Так, например, семантическая разметка НКРЯ, выполненная для исследования проблем сочетаемости, моделей управления и диатетических сдвигов, основана на базе данных «Лексикограф-эксперт» [16]. Большая важность семантической разметки проявляется в возможности снятия семантической омонимии при извлечении информации из корпуса. С помощью нее можно, например, разграничить слова *замок* и *замо́к* категориями «сооружение» и «механизм» соответственно или найти синонимы несмотря на полное графическое различие слов, чего невозможно добиться с помощью символов-операторов при поиске в неразмеченном корпусе. Тем не менее трудоемкость подготовки массива текстов скажется контрпродуктивно на работе переводчика в целом, ввиду чего считаем нецелесообразным подвергать семантической разметке специализированные корпуса.

Использование *дискурсивной разметки* позволяет исследовать случаи коммуникативных актов посредством сравнения отношений между элементарными предложениями, репликами и элементами текста с точки зрения контекста и подтекста. Так, дискурсивная разметка позволяет вычленять элементы, служащие

показателями вербальной иронии [17]. Наиболее популярным подходом при осуществлении дискурсивной разметки является использование модели Теории риторической структуры (TRC, Rhetorical Structure Theory) [18], согласно которой элементы текста представляются соединенными риторическими отношениями на разных уровнях. Такой подход позволяет создавать древовидную структуру текстов, связывая и соотнося смысловые отношения этих элементов. Данная модель была реализована при исследовании когерентности и когезии в диалогическом общении в корпусе англо-испанских разговоров о назначении встречи [19]. В отечественном исследовании устного русского дискурса «Рассказы о свиданиях» А.А. Кибрика и В.И. Подлесской дискурсивная разметка позволила изучить семантико-синтаксическое и просодическое членение речевого потока, паузацию, тональные акценты, речевые сбои и затруднения и др. [20]. При большом исследовательском потенциале данная разметка, как и фонетическая и просодическая аннотации, имеет ограниченное применение в работе переводчика, так как не имеют прямого отношения к извлечению лингвистической информации.

В зависимости от целей и технических возможностей создателей корпусов возможны варианты создания принципиально новых типов разметки. Так, разработчики русскоязычного корпуса СинТагРус произвели *анафорическую разметку* текстов, соотносящую местоимения с их антецедентами – кореферентными словами, к которым эти местоимения отсылают, *микросинтаксическую разметку*, позволяющую обрабатывать нестандартные синтаксические конструкции русского языка по типу «мальчишки есть мальчишки; машина как машина» [21]. Однако слабая проработка разметки, выражаемая в отсутствии стандартизации и проверенных средств автоматизации, также станет причиной отказа от нее переводчиков.

Выводы

В ходе проведенного исследования были изучены стандартные виды разметки корпусов тестов, на основе чего мы сделали ряд важных выводов. Во-первых, в терминологическом плане английский язык богаче русского ввиду особенностей развития данных областей лингвистики за рубежом и в России. Интерес для переводчика представляет разметка, обеспечивающая интерпретацию лингвистической информации, а не ее описание. Данные виды разметки в английской литературе принято относить к аннотации. Данные различия следует учитывать при поиске информации в соответствующих источниках. Во-вторых, большим потенциалом по повышению эффективности извлечения информации из корпуса текстов обладает частеречная, семантическая и синтаксическая аннотации. Из отобранных видов первая наиболее готова для практической реализации в деятельности переводчика по причине простоты, уровню проработки и готовности к автоматизированному проведению. В-третьих, для интеграции аннотированного корпуса в инструментарий переводчика необходимо (1) изучить ПО для подготовки корпуса и его использования, (2) пересмотреть стратегию поиска путей преодоления переводческих трудностей с учетом возможностей частеречной разметки. Данные вопросы является логическим продолжением проведенного исследования.

Литература

1. Reinsel D., Gantz J., Rydning J. Data Age 2025: The Digitization of the World- From Edge to Core // International Data Corporation (IDC), 2018. P. 6. URL: <https://www.seagate.com/files/www-content/our-story/trends/files/idc-seagate-data-age-whitepaper.pdf> (дата обращения: 22.11.2022)
2. Захаров В.П., Корпусная лингвистика: учебно-метод. пособие. СПб., 2005. С. 3.
3. Шевчук В.Н. Информационные технологии в переводе. Электронные ресурсы переводчика 2. М.: Зебра Е, 2013. 376 с.
4. Груздев Д.Ю., Коджебаш Д.О., Макаренко А.С. Стратегии поиска лингвистической информации в электронном корпусе текстов // Военно-филологический журнал. 2022. № 3. С. 79 – 80.
5. Laviosa, S. Corpus-based Translation Studies: Where does it come from? Where is it going? // Language Matters. 2004. № 10. P. 29 – 31.
6. Leech G, Grammatical tagging, in Garside R., Leech G., McEnery A. (eds.) Corpus Annotation: Linguistic Information from Computer Text Corpora. Longman, London, 1997. P. 2, 6.
7. McEnery T., Xiao R., Tono, Routledge Y., Corpus-Based Language Studies: An Advanced Resource Book. 2006. P. 23, 27.
8. Национальный корпус русского языка. 2003-2022. URL: <https://ruscorpora.ru/new/corpora-parameter.html> (дата обращения: 23.11.2022)
9. Лобанов Б.М., Цирульник Л.И. Компьютерный синтез и клонирование речи. Минск: Белорусская Наука, 2008, 316 с.
10. Большакова Е.И., Воронцов К.В., Ефремова Н.Э., Клышинский Э.С., Лукашевич Н.В., Сапин А.С. Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных: учеб. пособие. ВШЭ. 2017. С. 269.

11. Ляшевская О.Н., Гришина Е.А., Иткин И.Б., Тагабилева М.Г. О задачах и методах словообразовательной разметки в корпусе текстов (Word-formation annotation of the Russian National Corpus – aims and methods) // Полярный Вестник. 2009. № 12. С. 7.
12. Anthony L. AntConc (3.5.9) [программное обеспечение]. Токио: Waseda University, 2020. URL : <https://www.laurenceanthony.net/software> (дата обращения: 23.11.2022)
13. Speech and Language Processing (3rd ed. draft) Dan Jurafsky and James H. Martin, 2022, P. 319. URL: https://web.stanford.edu/~jurafsky/slp3/ed3book_jan122022.pdf. (дата обращения: 07.12.2022)
14. Загорюлько М.Ю., Кононенко И.С., Сидорова Е.А. Система семантической разметки корпуса текстов в ограниченной предметной области // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии // Труды XVIII Международной конференции «Диалог 2012»: в 2-х т. 2012. Т. 1 № 11 (18). С. 674 – 683.
15. Kim J.D., Ohta T., Tsujii J. Corpus annotation for mining biomedical events from literature. BMC Bioinformatics. 2008. P. 9 – 10.
16. Кустова Г.И., Ляшевская О.Н., Падучева Е.В., Рахилина Е.В. Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы, [в:] Национальный корпус русского языка: 2003-2005. Результаты и перспективы, 2005. С. 155 – 174.
17. Шилихина К.М. Использование корпусов в исследованиях дискурса // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 22 – 23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-korpusov-v-issledovaniyah-diskursa> (дата обращения: 07.12.2022)
18. Mann W. C., Thompson S.A. Rhetorical structure theory: Toward a functional theory of text organization // Text-Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. 1988. Т. 8. № 3. P. 243 – 281.
19. Taboada M. Building Coherence and Cohesion: Task-oriented Dialogue in English and Spanish. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 261.
20. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика и В.И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.
21. Иншакова Е.С. и др. СинТагРус сегодня // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2019. Вып. 21. С. 14 – 40.

References

1. Reinsel D., Gantz J., Rydning J. Data Age 2025: The Digitization of the World- From Edge to Core. International Data Corporation (IDC), 2018. P. 6. URL: <https://www.seagate.com/files/www-content/our-story/trends/files/idc-seagate-dataage-whitepaper.pdf> (дата обращения: 22.11.2022)
2. Zaharov V.P., Korpusnaja lingvistika: uchebno-metod. posobie. SPb., 2005. S. 3.
3. Shevchuk V.N. Informacionnye tehnologii v perevode. Jelektronnye resursy perevodchika 2. M.: Zebra E, 2013. 376 s.
4. Gruzdev D.Ju., Kodzhebash D.O., Makarenko A.S. Strategii poiska lingvisticheskoj informacii v jelektronnom korpuse teksto. Voenno-filologicheskij zhurnal. 2022. № 3. S. 79 – 80.
5. Laviosa, S. Corpus-based Translation Studies: Where does it come from? Where is it going? Language Matters. 2004. № 10. P. 29 – 31.
6. Leech G, Grammatical tagging, in Garside R., Leech G., McEnery A. (eds.) Corpus Annotation: Linguistic Information from Computer Text Corpora. Longman, London, 1997. P. 2, 6.
7. McEnery T., Xiao R., Tono, Routledge Y., Corpus-Based Language Studies: An Advanced Resource Book. 2006. P. 23, 27.
8. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka. 2003-2022. URL: <https://ruscorpora.ru/new/corpora-parameter.html> (дата обращения: 23.11.2022)
9. Lobanov B.M., Cirul'nik L.I. Komp'juternyj sintez i klonirovanie rechi. Minsk: Belorusskaja Nauka, 2008, 316 s.
10. Bol'shakova E.I., Voroncov K.V., Efremova N.Je., Klyshinskij Je.S., Lukashevich N.V., Sapin A.S. Avtomaticheskaja obrabotka tekstov na estestvennom jazyke i analiz dannyh: ucheb. posobie. VShJe. 2017. S. 269.
11. Ljashevskaja O.N., Grishina E.A., Itkin I.B., Tagabileva M.G. O zadachah i metodah slovoobrazovatel'noj razmetki v korpuse tekstov (Word-formation annotation of the Russian National Corpus – aims and methods). Poljarnyj Vestnik. 2009. № 12. S. 7.
12. Anthony L. AntConc (3.5.9) [programmnoe obespechenie]. Tokyo: Waseda University, 2020. URL : <https://www.laurenceanthony.net/software> (дата обращения: 23.11.2022)
13. Speech and Language Processing (3rd ed. draft) Dan Jurafsky and James H. Martin, 2022, P. 319. URL: https://web.stanford.edu/~jurafsky/slp3/ed3book_jan122022.pdf. (дата обращения: 07.12.2022)

14. Zagorul'ko M.Ju., Kononenko I.S., Sidorova E.A. Sistema semanticheskoy razmetki korpusa tekstov v ogranichennoj predmetnoj oblasti. Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Trudy XVIII Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2012»: v 2-h t. 2012. T. 1 № 11 (18). S. 674 – 683.
15. Kim J.D., Ohta T., Tsujii J. Corpus annotation for mining biomedical events from literature. BMC Bioinformatics. 2008. P. 9 – 10.
16. Kustova G.I., Ljashevskaja O.N., Paducheva E.V., Rahilina E.V. Semanticheskaja razmetka leksiki v Nacional'nom korpusе russkogo jazyka: principy, problemy, perspektivy, [v:] Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: 2003-2005. Rezul'taty i perspektivy, 2005. S. 155 – 174.
17. Shilihina K.M. Ispol'zovanie korpusov v issledovaniyah diskursa. Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2014. № 3. S. 22 – 23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-korpusov-v-issledovaniyah-diskursa> (data obrashhenija: 07.12.2022)
18. Mann W. C., Thompson S.A. Rhetorical structure theory: Toward a functional theory of text organization. Text-Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. 1988. T. 8. № 3. P. 243 – 281.
19. Taboada M. Building Coherence and Cohesion: Task-oriented Dialogue in English and Spanish. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 261.
20. Rasskazy o snovidenijah: korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa.pod red. A.A. Kibrika i V.I. Podlesskoj. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2009. 736 s.
21. Inshakova E.S. i dr. SinTagRus segodnja. Trudy Instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova. M., 2019. Vyp. 21. S. 14 – 40.

*Kodzhebash D.O.,
Gruzdev D.Yu., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation*

Typology of the text corpora annotations in the scope of linguistic studies

Abstract: the article reviews the typology of text corpora annotations used by Russian and foreign researchers in addressing linguistic problems. Modern corpus linguistics provides translators and linguists with such a powerful tool for learning and processing language as text corpus, which, at the same time, is a complex product that uses the latest achievements in the computer industry. According to the authors, the effective use of a text corpus can be achieved by means of linguistic annotation, which has its own features in implementation and use, depending on the tasks set by the researcher or translator. The paper analyzes the generally accepted classification of types of corpora annotations, allowing texts processing to search for specific linguistic phenomena in an array of living linguistic material. The authors make an attempt to identify trends that determine the points of choosing annotation for solving translation and research problems at various linguistic levels. As a result of the study, the authors draw the conclusion that it is possible to use part-of-speech, syntactic and semantic annotation in text corpora to solve translation issues. The examples of annotation implementations given within the framework of the article will allow the translator to shape out the understanding of the capabilities of the marked corpus.

Keywords: corpus linguistics, corpus annotation, corpus markup, types of annotation, tags, parsing, linguistic annotation levels

For citation: Kodzhebash D.O., Gruzdev D.Yu. Typology of the text corpora annotations in the scope of linguistic studies. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (2). P. 132 – 139.

Моргун Н.Ю.,
Южный федеральный университет

О концепте “love” в коммуникативном сознании читателей газеты “The guardian”

Аннотация: данная статья является началом исследования концепта “love” в рамках понятия коммуникативное сознание на материале газеты “The guardian” 2018 и 2020 гг. Научная новизна исследования заключается в характеристике данного концепта в рамках теории, предложенной И.А. Стерниним, который позволил увидеть в структуре концепта такие макрокомпоненты, как образный компонент (когнитивный и перцептивный образы), энциклопедическое поле (категориальная, дифференциальная, описательная и идентификационная зоны) и интерпретационное поле (оценочная, утилитарная, регулятивная и символическая зоны). В нашем исследовании продемонстрированы структурно-компонентные особенности концепта “love” и приведены четыре способа определения индекса яркости признака концепта. В нашей статье индекс яркости признака концепта “love” выражен в числовом значении по результатам четвертого способа определения подобного индекса: рекуррентности признака, т.е. его частоты употребления в тексте. В статье также описана полевая организация концепта на основе индекса яркости признака, в которую входят ядро (наиболее яркие признаки) и периферия (менее яркие признаки). В ядро концепта “love” в 2018 входят: to marry (to get married) (11), a kiss/to kiss (9), to fall in love (6), romantic (6), a feeling (6). Сделан вывод о том, что в этом году концепт наиболее проявлен в когнитивных образах: любовь – счастливые отношения или брак и любовь – близость. При этом, в ядро концепта “love” в 2020 году входят: a drug (26), a feeling (9), to like (7), an ecstasy (6). Ссылаясь на это, выдвинута гипотеза о том, что СМИ в попытке отразить современные реалии и проблемы мира, связанные с началом эпидемии коронавируса, сознательно (или бессознательно) говорят о любви как о болезни.

Ключевые слова: концепт “love”, коммуникативное сознание, языковое сознание, газета “The guardian”, когнитивный образ

Для цитирования: Моргун Н.Ю. О концепте “love” в коммуникативном сознании читателей газеты “The guardian” // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 140 – 145.

Национальное мышление в любой культуре обуславливает специфику языка, в связи с этим ученых-лингвистов с древних времен интересует взаимосвязь языка и культуры. А. Потебня, Л. Вейсгербер, В. Вундт, В. Гумбольдт и др. были одними из первых, кто начал заниматься вопросом связи языка с национальным сознанием [1]. В современном мире подобные исследования имеют важную роль, так как с одной стороны прослеживается тенденция к глобализации и заимствованию, с другой стороны – каждый народ стремится сохранить свою самобытность, что обуславливает актуальность нашей работы

Изучая национальное сознание, следует упомянуть понятие коммуникативное сознание, которое используют культурологи, лингвисты и психологи. На сегодняшний день исследователи сходятся во мнении, что коммуникативное сознание и языковое сознание не тождественны друг другу. Языковое сознание является лишь частью коммуникативного и исследуется в психологии, психолингвистике и нейролингвистике. Коммуникативное сознание на данный момент не является предметом изучения какой-то определенной науки [1]. Описание языкового сознания происходит через исследование той части сознания, которая находит свое отражение в языковых единицах.

Важно исследование как языкового сознания, так и норм, и правил коммуникации, когда мы говорим об изучении коммуникативного сознания.

В данной статье мы будем исследовать наш эмпирический материал в рамках понятия коммуникативное сознание, которое И.А. Стернин определил, как «совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека» [1].

Коммуникативное сознание индивидуума включает в себя понятие концепт.

А.П. Бабушкин в своей монографии «Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка» понимает концепт «как любую дискретную содержательную единицу коллективного сознания, отражающую предмет реального или идеального мира, хранимого в национальной памяти носителей языка в виде познанного субстрата... Концепт вербализуется, обозначается словом, иначе его существование невозможно» [2].

С.А. Аскольдов в статье «Концепт и слово» писал: «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [3].

И.А. Стернин и З.Д. Попова описывают концепт, как основную мыслительную единицу человека, которая является результатом когнитивной деятельности человека и общества, и несет информацию о явлении или предмете, а также об отношении общества к этому предмету или явлению [4].

В данной работе мы будем говорить о концепте, как о ментальном образовании, придерживаясь определения И.А. Стернина и З.Д. Попова, которые охарактеризовали данное понятие наиболее широко. Несмотря на то, что пик изучения концепта приходился на конец XX начало XXI веков, его актуальность не угасает.

При описании концепта следует учитывать индекс яркости признака, который определяется следующими способами: 1. С помощью психолингвистического эксперимента: доля опрошенных, объективировавших признак в ходе эксперимента, от всех опрошенных [5]; 2. Также с помощью психолингвистического эксперимента: «доля объективации когнитивного признака от общего совокупного числа объективаций когнитивных признаков концепта всеми участниками эксперимента» [6]; 3. С помощью количественного анализа: количество средств, которые объективизируют определенный признак соотносится к общему числу [7]. 4. С помощью рекуррентности признака: частота употребления в тексте. Индекс яркости выражается дробью, в процентах или цифрой [8, с. 12-13].

В данной работе нам хотелось бы рассмотреть, как проявляется концепт “love” в коммуникативном сознании англичанина через средства массовой информации, целью которых является удовлетворение потребностей потребителей (читателей) в информации и соответствие современным запросам и трендам. «На сегодняшний день существует много факторов, влияющих на содержание изданий. Все они формируют повестку дня СМИ» [9].

В исследовании мы учитываем индекс яркости признака, который определен четвертым способом (с помощью рекуррентности признака). Следует упомянуть, что один и тот же признак может быть включен в различные компоненты концепта.

Мы разберем концепт “love” в коммуникативном сознании англичан на основе шести статей газеты “The guardian” 2018 и 2020 годов, в названии которых содержится данное слово. Взяты одни из последних статей за 2018 год и первые три статьи за 2020 год. Материал подобран так, чтобы количество слов в трех статьях было приблизительно одинаковым: 4637 за 2018 год и 4543 за 2020.

Статьи за 2018 год:

1. This is what being in love looks like – in pictures [10];
2. What is love? You asked Google – here’s the answer [11];
3. Is love best expressed with poetry? [12].

Статьи за 2020 год:

1. Relight the fire: how to fall back in love with your partner [13];
2. Love as a drug: can romance be medically prescribed? [14];
3. 'Intimate expressions': 500 years of notable love letters to go on display [15].

Статьи имеют разные темы: Lifestyle, News, Opinion и Culture.

Данные два года были выбраны преднамеренно для сравнения и проверки нашей гипотезы. Начало 2020 года ознаменовалось вспышкой COVID-19 и локдауном. Так как СМИ отражает текущие проблемы общества, мы предполагаем, что в некоторых статьях 2020 года журналисты косвенно (возможно, бессознательно) затрагивали тему болезни, в связи с ситуацией в мире, не говоря о коронавирусе напрямую, и писали о любви как о заболевании, от которого нет лекарства.

Мы будем описывать структуру концепта “love” полностью основываясь на работу Стернина И.А. о компонентах концепта [8, с. 5-23].

Для начала следует дифференцировать понятия коммуникативное и языковое сознание:

1. Говоря о концепте “love”, в английском языковом сознании возникают следующие языковые единицы: to like, an affair и др.

2. То, каким образом необходимо выражать любовь – с какой интонацией, на какой дистанции и т.д., – относят к коммуникативному сознанию, в которое входят коммуникативные концепты и категории. Знания человека о нормах и правилах общения являются коммуникативной категорией.

В концепт входят микрокомпоненты (отдельные когнитивные признаки), которые объединяются в макрокомпоненты [8, с. 5].

Кроме макрокомпонентов, которые мы перечислим ниже, в структуре концепта вычленяют также когнитивные слои, которые пронизывают все макрокомпоненты. Устаревшие признаки концепта составляют исторический когнитивный слой. Напротив, признаки, которыми обладает концепт на данный момент, называют современным когнитивным слоем.

Кроме этого, к когнитивным слоям также относят положительную, отрицательную оценочную зону, а также диспозиционный слой, который включает в себя вероятные признаки.

Мы начнем описание структуры концепта “love” со статей 2018 года.

Образный компонент концепта состоит из перцептивного и когнитивного образа. Первый образ отражает восприятия человеком концепта с помощью органов чувств, второй – связь с другими концептами.

Перцептивный образ: 1. “A heart” – орган, испытывающий чувства (4); 2. Другие физические характеристики, описывающие объект.

Когнитивный образ: 1. Любовь – конец отношений: a heart is broken (1), to leave somebody (2), to separate (1), to divorce (1), relationships to fail (1); 2. Любовь – счастливые отношения или брак: to marry (to get married) (11), a marriage proposal (1), a couple (3), to keep relationship (1), love is worth living for (1), a romance (1), a perfect match (1), a romantic partner (1), an ideal partner (1); 3. Любовь – отношение, над которым необходимо работать: to find joy once more (1); 4. Любовь – близость: a sex (3), to/a kiss (9), to give a hug (2), to give warmth (1), lust (4).

Энциклопедическое поле – осмысление признаков, которые отличают концепт от сходных с ним. В данное поле включают следующие зоны:

1. Категориальная. В силу того, что слово “love” в английском языке может быть и существительным, и глаголом, у данного концепта будет два энциклопедических признака: 1. a feeling (6), an attraction (1); 2. to like (5) or enjoy very much.

2. Дифференциальная. Сюда входят такие признаки, как размер, широта, высота, составные элементы, качество, функция, цвет, место распространения и др. Данные признаки обычно субъективны. Butterfly feeling in your stomach, that beating heart, that feeling of going to pieces or of being so strong (1).

3. Описательная – характеристика концепта с разных сторон: тип, вид, исторические сведения, разновидности и т.д.; а также признаки, связывающие данный концепт с предметами искусства, художественными произведениями, традициями, историей и обычаями, т.е. с культурой народа.

4. Идентификационная – материальное, физическое воплощение концепта; дейктические признаки, такие как “my” (1).

Интерпретационное поле – практическое осмысление концепта человеком. В данное поле входят следующие зоны:

1. Оценочная – общая или яркая оценка. “Love” – life-changing (2), romantic (6), parental (1), warped (1).

2. Утилитарная – прагматическое отношение к концепту, возможности использования явления или предмета, последствия применения, условия функционирования: worth living for (1), the most important thing (1), helps a species to cooperate (1), the basis of animal attachment (1).

3. Регулятивная – то, что необходимо или нельзя делать с понятием. “To love” (v) – to love each other (1); “love” (n) – to be in love (4), to fall in love (6), to believe in love (1), to declare my love (1), the love of my life (1), love at first sight (1), to seek love (1), to find love (1); “love” (adj) – love story (2), first love (1).

4. Символическая. A heart (4).

Описывая концепт, следует также упомянуть его полевую организацию, в которую входят ядро (наиболее яркие признаки) и периферия (менее яркие признаки).

Согласно количественным значениям, полученным в ходе нашего исследования, ядро концепта “love” в трех выбранных статьях составляет: to marry (to get married) (11), to/a kiss (9), to fall in love (6), romantic (6), a feeling (6). Данные признаки имеют наивысшую степень яркости в нашей работе.

Продолжая наше исследование, обратимся к материалу 2020 года.

Перцептивный образ: 1. “A heart” – орган, испытывающий чувства (1); 2. Другие физические характеристики, описывающие объект.

Когнитивный образ: 1. Любовь – конец отношений: to break down (1), to leave (1), to drift apart (2), to fade (1), a disappointment (1), to fall out of love (3), pain (2), to suffer (4), to fail a romance (1); 2. Любовь – счастливые отношения или брак: to marry (4), a feeling of complete togetherness (1), an euphoria (1), to/a dream (1), a mutual agreement (1), to meet someone (1), to meet a soulmate (1); 3. Любовь – отношение, над которым необходимо работать: to build bridges (2), to reconnect with your partner (1), to restore a feeling of connection and closeness (1), to keep couples together (1), to go through a crisis (2), to know each other better (2); 4. Любовь – близость: intimacy (4), a sex (4), a sexual relationship (2), a deeper sense of each other (1), an ecstasy (6), to want to be closer (1), a romance (4), libido (2), an intimate expression (2); 5. Любовь – болезнь: a psychological illness (1), a drug (26), ‘instant marriage syndrome’ (1), a condition for which there is no cure (1).

Энциклопедическое поле:

1. Категориальная. В силу того, что слово “love” в английском языке может быть и существительным, и глаголом, у данного концепта будет два энциклопедических признака: 1. a feeling (9); 2. to like (7) or enjoy very much.

2. Дифференциальная. A long-term relationship (2).

3. Описательная – празднование дня влюбленных – Valentine’s Day (1).

4. Идентификационная – “his” (1).

Интерпретационное поле:

1. Оценочная – emotional (3), natural (2), healthy (1), romantic (2), real (1), aristocratic (2).

2. Утилитарная – all you need (1).

3. Регулятивная – “To love” (v) – to love each other (1), to love the same person (1), to love you (1), to love your other half (1); “love” (n) – to fall (back) in love (3), to be in love (5), to fall out of love (3), to make love together (1), an expression of love (1); “love” (adj) – a love letter (4), love affairs (1).

4. Символическая. A heart (1), Valentine’s Day (1).

Полевая организация: ядро концепта “love” в трех выбранных статьях составляет: a drug (26), a feeling (9), to like (7), an ecstasy (6). Данные признаки имеют наивысшую степень яркости в нашей работе.

Следует отметить, что все примеры в описании структуры концепта были взяты нами из статей. При описании когнитивного образа концепта “love” в статьях 2018 года, нами было выделено 4 образа: 1. Любовь – конец отношений; 2. Любовь – счастливые отношения или брак; 3. Любовь – отношение, над которым необходимо работать и 4. Любовь – близость. При этом, описывая данный концепт в статьях 2020 года, кроме вышеперечисленных когнитивных образов, мы также добавили 5. Любовь – болезнь.

Таким образом, основываясь на ядре концепта “love” в 2018 и 2020 году, можно сделать вывод, что данный концепт в коммуникативном сознании англичан, которое формируется посредством СМИ (в нашем случае, одной из самых влиятельных газет нашего времени – “The guardian”) в 2018 году наиболее проявлен в когнитивных образах: любовь – счастливые отношения или брак и любовь – близость, воспринимая любовь, как крепкий семейный союз двух людей.

Тем временем, в 2020 году концепт “love” больше всего выражен в когнитивном образе любовь – болезнь, что создает представление о любви, как о зависимости, о «наркотике», от которого нет лекарства. Статьи из данной газеты были опубликованы в начале 2020 года, когда произошла вспышка заболеваемости COVID-19, что также могло иметь некое влияние на то, в какой форме и с помощью каких когнитивных признаков информация будет донесена до читателей газеты. Однако следует отметить, что признак “love” – “drug” больше всего встречается и раскрывается во второй статье под названием “Love as a drug: can romance be medically prescribed?”.

Литература

1. Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку: сб. науч. тр., посвященных Е.С. Кубряковой. Москва; Воронеж, 2002. С. 44 – 51.
2. Бабушкин А.П. Указ. соч. С. 29.
3. Аскольдов С.А. Концепт и слово / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. проф. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 269.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2006. С. 24.
5. Тавдгиридзе Л.А. Концепт «Русский язык» в русском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 18 с.
6. Адонина Л.В. Концепт «Женщина» в русском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007. 23 с.
7. Катуков С.С. Лексико-фразеологическая объективация концепта «брань» в русском языке: автореф. дисс... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 23 с.
8. Язык и национальное сознание. Вып. 10 / Научный ред. И.А. Стернин. Воронеж: «Истоки», 2008. 203 с.
9. Клемёнова Е.Н., Коляго И.Л. Особенности повестки дня в региональных сми на примере изданий ростовской области // Лингвистика будущего: новые тенденции и перспективы. материалы Международной научной конференции. 2019. С. 323 – 327.
10. This is what being in love looks like – in pictures. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2018/aug/09/stefania-rousselle-photographer-love> (дата обращения: 10.08.2022)
11. What is love? You asked Google – here’s the answer. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jul/11/what-love-google-autocomplete-questions> (дата обращения: 10.08.2022)
12. Is love best expressed with poetry? Режим доступа: <https://www.theguardian.com/books/commentisfree/2018/oct/22/is-love-best-expressed-with-poetry> (дата обращения: 10.08.2022)

13. Relight the fire: how to fall back in love with your partner Режим доступа: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/feb/04/relight-the-fire-how-to-fall-back-in-love-with-your-partner> (дата обращения: 10.08.2022)

14. Love as a drug: can romance be medically prescribed? Режим доступа: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/feb/09/love-as-a-drug-can-romance-be-medically-prescribed> (дата обращения: 10.08.2022)

15. 'Intimate expressions': 500 years of notable love letters to go on display Режим доступа: <https://www.theguardian.com/uk-news/2020/feb/14/intimate-expressions-500-years-of-notable-love-letters-to-go-on-display> (дата обращения: 10.08.2022)

References

1. Sternin I.A. Kommunikativnoe i kognitivnoe soznanie. S ljubov'ju k jazyku: sb. nauch. tr., posvjashhennyh E.S. Kubrjakovoj. Moskva; Voronezh, 2002. S. 44 – 51.

2. Babushkin A.P. Ukaz. soch. S. 29.

3. Askol'dov S.A. Koncept i slovo. Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologija. Pod red. prof. V.P. Neroznaka. M., 1997. S. 269.

4. Popova Z.D., Sternin I.A. Semantiko-kognitivnyj analiz jazyka. Voronezh, 2006. S. 24.

5. Tavdgiridze L.A. Koncept «Russkij jazyk» v russkom jazykovom soznanii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2005. 18 s.

6. Adonina L.V. Koncept «Zhenshhina» v russkom jazykovom soznanii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2007. 23 s.

7. Katukov S.S. Leksiko-frazeologicheskaja ob#ektivacija koncepta «bran'» v russkom jazyke: avtoref. diss... kand. filol. nauk. Voronezh, 2006. 23 s.

8. Jazyk i nacional'noe soznanie. Vyp. 10 / Nauchnyj red. I.A. Sternin. Voronezh: «Istoki», 2008. 203 s.

9. Klemjonova E.N., Koljago I.L. Osobennosti povestki dnja v regional'nyh smi na primere izdaniy rostovskoj oblasti. Lingvistika budushhego: novye tendencii i perspektivy. materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 2019. S. 323 – 327.

10. This is what being in love looks like – in pictures. Rezhim dostupa: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2018/aug/09/stefania-rousselle-photographer-love> (data obrashhenija: 10.08.2022)

11. What is love? You asked Google – here's the answer. Rezhim dostupa: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jul/11/what-love-google-autocomplete-questions> (data obrashhenija: 10.08.2022)

12. Is love best expressed with poetry? Rezhim dostupa: <https://www.theguardian.com/books/commentisfree/2018/oct/22/is-love-best-expressed-with-poetry> (data obrashhenija: 10.08.2022)

13. Relight the fire: how to fall back in love with your partner Rezhim dostupa: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/feb/04/relight-the-fire-how-to-fall-back-in-love-with-your-partner> (data obrashhenija: 10.08.2022)

14. Love as a drug: can romance be medically prescribed? Rezhim dostupa: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/feb/09/love-as-a-drug-can-romance-be-medically-prescribed> (data obrashhenija: 10.08.2022)

15. 'Intimate expressions': 500 years of notable love letters to go on display Rezhim dostupa: <https://www.theguardian.com/uk-news/2020/feb/14/intimate-expressions-500-years-of-notable-love-letters-to-go-on-display> (data obrashhenija: 10.08.2022)

*Morgun N.Yu.,
Southern Federal University*

The concept “love” in the communicative consciousness of readers of “The Guardian” newspaper

Abstract: the main objective of this article is to consider the concept “love” within the communicative consciousness based on articles of “The Guardian” newspaper in 2018 and 2020. The scientific novelty of the research lies in the characterization of this concept within the work of the theory proposed by I.A. Sternin. The scientist identifies the following macro components in the structure of the concept: the figurative component (cognitive and perceptual images), the encyclopedic field (categorical, differential, descriptive and identification zones), the interpretative field (evaluative, utilitarian, regulatory and symbolic zones). As a result, the structural and component features of the concept “love” in the articles of 2018 and 2020 are demonstrated. Four ways of determining the brightness index of a concept feature are given. In our article, the brightness index of the concept “love” is expressed in numerical value according to the results of the fourth method: the recurrence of the feacher, i.e. its frequency of usage in the text. The article also describes the field organization of the concept based on the feature brightness index, which includes the core (the brightest features) and the periphery (less bright features). The core of the concept “love” in 2018 includes: to marry (to get married) (11), a kiss/to kiss (9), to fall in love (6), romantic (6), a feeling (6). It is concluded that the concept is the most manifested in such cognitive images as: love – a happy relationship or marriage and love – intimacy. At the same time, the core of the concept “love” in 2020 includes: a drug (26), a feeling (9), to like (7), an ecstasy (6). Referring to this, the hypothesis is put forward that the media, in an attempt to reflect the modern realities and problems of the world, may, with the onset of the coronavirus epidemic, consciously (or unconsciously) talk about love as a disease.

Keywords: the concept “love”, communicative consciousness, linguistic consciousness, “The Guardian” newspaper, a cognitive image

For citation: Morgun N.Yu. The concept “love” in the communicative consciousness of readers of “The Guardian” newspaper. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 140 – 145.

*Цянь Синь,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

СМИ в современном обществе: их роль, функции и проблемы

Аннотация: одной из отличительных черт демократического общества является налаженная, свободно действующая медиа-экосистема. В прошлом эта медиа-экосистема включала в себя различные средства массовой информации: от газет до сетей кабельного телевидения. Сегодня Интернет и платформы социальных сетей значительно расширили масштабы и возможности коммуникации и передачи информации в обществе. Безусловно, журналистика играет ключевую роль в этой экосистеме. Высококачественная журналистика и прозрачность средств массовой информации, социальных сетей держат властные структуры под контролем, и иногда эти силы могут привести к подлинным изменениям в обществе. Репортеры сообщают новости с передовой конфликта и раскрывают правду с помощью журналистских расследований. Тем не менее, эти положительные последствия иногда затмеваются сомнительными практиками и негативными внешними эффектами, возникающими в медиа-экосистеме. В данной связи актуализируется обращение к вопросам, касающимся роли, функций и проблем СМИ в современном обществе.

Целью статьи является исследование современных представлений о роли, функциях и проблемах СМИ в современном обществе.

Методами исследования явились сравнение, анализ научных публикаций, системно-логический анализ.

По **результатам исследования** сделан вывод о двуединой природе проблематики СМИ в современном обществе. С одной стороны, они способствуют расширению горизонтов развития человеческого сознания, независимости в суждениях; с другой стороны, многие СМИ манипулируют массовым сознанием тиражируемыми стандартами поведения. Средства массовой информации формируют культуру общества, оказывая поведенческое и интеллектуальное влияние на образ жизни людей.

Ключевые слова: журналистика, масс-медиа, общество, проблема, роль, средство массовой информации, функция

Для цитирования: Цянь Синь. СМИ в современном обществе: их роль, функции и проблемы // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 146 – 152.

В условиях современности нельзя недооценивать влияние средств массовой информации в обществе, а потребность в самой информации, особенно в XXI столетии, придала СМИ новые стимулы к развитию. Основными задачами СМИ являются сбор, обработка и раскрытие в открытом доступе различной информации для всеобщего сведения с использованием технических средств. В последние десятилетия в медиаиндустрии произошли изменения, сопряжённые с повышением роли электронных СМИ и, как следствие, с перераспределением внимания и интересов аудитории.

Журналистику часто называют «гласом народа», поскольку благодаря ей предоставляется возможность услышать мнение многих. Это может быть отличным способом преодолеть разрыв между властями и народом и выступить с конструктивной критикой на благо общества. Журналистика означает свободу слова, с помощью неё реализуются права людей на мнения и платформу для их распространения.

В нынешних условиях журналистика стремится предоставлять массам актуальную и свежую информацию. Мы живем в условиях глобальной экономики, где наши действия могут прямо или косвенно влиять на жизнь других людей. В идеальном представлении журналист помогает оценить эти воздействия и представляет их в перспективе для людей во всем мире, создавая аудиторию для своего особого стиля подачи. Журналистику и средства массовой информации часто называют источником правды, поскольку они предоставляют новости, лишённые предвзятости, и помогают людям понять проблему. Обязанность журналиста состоит в том, чтобы представлять факты, а не упрощать, делать сенсации и фрагментировать темы, чтобы навязать публике свое мнение. Л. Ванг справедливо называет журналистику «публичным форумом для критики и комментариев» [10, с. 1109].

Средства массовой информации вездесущи в современном обществе: люди каждый день смотрят телевизор, потоковое видео, читают новости и пользуются социальными сетями. Само собой разумеется, что использование средств массовой информации имеет как положительные, так и отрицательные последствия.

Потребность людей в получении информации и доступе к ней является жизненно важной, и поэтому средства массовой информации играют огромную роль в ее удовлетворении.

Е.В. Шукушева, Н.Н. Сапаров, с одной стороны, утверждают, что средства массовой информации играют ключевую роль в жизни человека и, следовательно, информация из этих средств влияет на поведение и решения, принимаемые обществом [8, с. 151]. С другой стороны, А.В. Апанина утверждает, что общество влияет на СМИ в той мере, в какой они воспринимаются как «голос» социума [1, с. 94].

Учитывая все это, становится ясно, что средства массовой информации в большей степени отражают общество и играют важную роль в осуществлении культурных изменений, социально-экономического и политического развития.

М. Сарагих утверждает, что средства массовой информации являются важным действующим актором, определяющим то, как функционирует общество. Средства массовой информации делают это, формулируя идеи и влияя на восприятие и отношение. В демократических обществах средства массовой информации и журналистика выступают в качестве инструментов, отражающих общественное мнение, подчеркивая общественные проблемы и информируя людей о государственной политике и важных межкультурных событиях и точках зрения [9, с. 60].

При характеристике роли СМИ важно обратить внимание на моральные аспекты. Коррумпированная журналистика, которую иногда называют «фейковыми новостями», за последние несколько десятилетий резко усилилась, особенно во время и после пандемии COVID-19. Подраздел этики, известный как этика СМИ, занимается моральными проблемами, возникающими в связи со сбором, подготовкой, хранением, представлением, распространением и потреблением информации через СМИ. Этика СМИ относится к протоколам, которым следуют журналисты и репортеры при подготовке материалов для прессы или телевидения. Тем не менее, по замечанию Т.Ю. Барташевича, Е.А. Овчинниковой, средства массовой информации систематически нарушают либо законодательные акты, либо этический кодекс. Это звено этики способствует точности, независимости и беспристрастности [2, с. 145].

Также весьма значимо рассмотрение роли СМИ в контексте медиакультуры. Значение медиакультуры в современном обществе чрезвычайно велико, поскольку она формирует жизнь современного человека, политические установки и социальное поведение личности. Продукты медиакультуры, картины, звуки и перформансы все больше организуют свободное время современного человека, формируют его мышление и личность. На основе содержания радио, телевидения, кино и новых медиатехнологий человек создает образ самого себя, своих возможностей, ценностей, успеха, а также своей принадлежности, определенного класса, расы, национальности. культура

Как отмечает О.Н. Савинова, медиакультура в увязке со СМИ формирует представления людей о мире, системе ценностей, морали, добре и зле. Содержание медиакультуры сегодня рассматривается как основа для новых форм глобальной культуры. Сложный спектр действий, которые предпринимают масс-медиа, прежде всего, радио, телевидение, обуславливает необходимость более точного определения термина «медиакультура» с учетом его широты и сложности. Медиакультура указывает на следующие важные детерминанты: широкий спектр медиаресурсов, составляющих неотъемлемую часть медиакультуры; перформансы, созданные сочетанием изображения и звука; создание черт и символов современной общественной жизни; медиакультура как культура высоких технологий (технокультура); связь между медиакulturой и обществом; теория медиа и культур [7, с. 6].

Средства массовой информации могут способствовать общественным изменениям, формируя общественное мнение. Это достигается за счет того, что сложная информация становится доступной для широких масс в ясной и понятной форме. Это помогает различным слоям общества понять проблему в целом и сформировать мнение в соответствии со своим восприятием проблемы.

СМИ помогли общественности получить доступ к информации, не выходя из дома. Тем не менее то, как граждане обрабатывают информацию, оказывает огромное влияние на культуру. Общество выработало новое восприятие информации, так как доступ к ней вырос.

Средства массовой информации также помогли повысить уровень грамотности среди населения, поскольку они используются в качестве основного источника информации. Интернет-контент был разработан за счет увеличения количества веб-текстов, которые используются для получения информации. Многие люди внесли свой вклад в Интернет-культуру через форум, блоги и личные веб-сайты.

Далее необходимо перейти к рассмотрению функциональных аспектов. Средства массовой информации не существуют для какой-либо одной цели. С их развитием появилось все больше сфер применения, и роль, которую они играют в общественной жизни, значительно возрастает, что отражается на расширении количества и разнообразия функций.

Так, первую функцию средств массовой информации можно охарактеризовать как мониторинговую (функция наблюдения) – служить «глазами» и «ушами» для тех, кто ищет информацию. Интернет, телевидение и газеты являются основными источниками информации о том, что происходит вокруг нас. Об-

щество полагается на средства массовой информации для получения новостей и сведений о повседневной жизни, СМИ сообщают о погоде, текущих событиях, последних слухах о знаменитостях и даже о времени начала игр.

Ко второй функции относится корреляция. Корреляция касается того, как средства массовой информации представляют факты. Информация, полученная посредством массовой коммуникации, не является объективной и непредвзятой. Люди заявляют, что «это должно быть правдой, если это в Интернете». Однако мы не думаем, что в прошлые поколения люди без сомнения заявляли, что «это должно быть правдой, потому что это было по радио». Подобные заявления вызывают вопрос, насколько заслуживают доверия СМИ? Можем ли мы потреблять «продукты» СМИ, не задаваясь вопросом о мотивах и повестке дня?

Третья функция связана с такой категорией, как «сенсация». Речь идёт о ситуациях, когда средства массовой информации выдвигают самые сенсационные сообщения, чтобы инициировать интерес у потребителей.

Четвёртая функция касается развлекательных аспектов. Например, средства массовой информации информируют о ежедневных приходах и уходах любимых знаменитостей. Большинство массовых коммуникаций одновременно развлекают и информируют. Люди часто обращаются к средствам массовой информации в свободное время, чтобы избавиться от скуки и предсказуемости повседневной жизни. Они полагаются на средства массовой информации, чтобы узнать о местах, которые не могут позволить себе посетить или представить; СМИ знакомят людей с особенностями культур и влияют на эмоции, заставляя людей смеяться, думать или плакать. Развлечение может иметь вторичный эффект, обеспечивая товарищеские отношения и/или катарсис через средства массовой информации, которые люди потребляют.

Пятая функция сопряжена с трансляцией (передачей) информации. Средства массовой информации являются инструментом передачи культурных норм, ценностей, правил и привычек. СМИ играют определяющую роль в процессе социализации. Люди ищут образцы для подражания, демонстрирующие соответствующие культурные нормы.

Шестая функция носит название мобилизационной. Средства массовой информации служат для мобилизации людей во время кризиса. Имея мгновенный доступ к средствам массовой информации, люди могут коллективно наблюдать за одними и теми же событиями, происходящими в реальном времени где-то ещё, тем самым мобилизуя большое количество людей вокруг определенного события.

Седьмую функцию можно обозначить как проверочную. Функции средств массовой информации подтверждают статус и нормы конкретных людей, движений, организаций. Утверждение конкретных людей или групп служит для обеспечения соблюдения социальных норм. Средства массовой информации подтверждают определенные культурные нормы, уменьшая при этом различия и отклонения от этих норм. Большая часть критики сосредоточена на том, как одни группы продвигаются, а другие маргинализируются из-за того, как они изображаются в средствах массовой информации.

Некоторые исследователи, в том числе, М.О. Бессонова, полагают, что контрольная роль СМИ сегодня особенно активно расширяется. Средства массовой информации участвуют в политике, избирательных кампаниях и формировании социальных настроений и мнений [3, с. 119].

Итак, средства массовой информации в письменной, устной или вещательной форме оказывают значительное влияние на массы благодаря широкому разнообразию и содержанию выполняемых ими функций. Они информируют, просвещают и развлекают людей самыми разными способами. Средства массовой информации сообщают о проблемах, которые затрагивают детей, взрослых и подростков, но воздействуют на каждую возрастную группу по-разному. СМИ в процессе реализации базовых функций выполняют свою важнейшую задачу – добиваются того, чтобы информация вызвала реакцию, соответствующую запросам общества.

С учётом отмеченного выше возникает вопрос на предмет того, какие функции должны выполнять СМИ в условиях демократии в первую очередь. Как нам представляется, среди этих функций – информирование и контроль. В этом заключается принципиальная роль средств массовой информации, которая связана с этикой журналистской профессии, надёжностью и открытостью к диалогу. Функционирование в демократическом мире неразрывно связано со свободными, плюралистическими СМИ.

Сложившаяся ситуация порождает неоднозначную оценку. С одной стороны, развитие массовых коммуникаций положительно влияет на осознание людьми окружающего мира. Но в то же время, за их прогрессом стоит фактор, манипулирующий сознанием масс. Средства массовой информации и массовые коммуникации стандартизируют взгляды и поведение людей, вырабатывают единообразие их реакций. В данной связи актуализируется рассмотрение проблем функционирования СМИ в современном обществе.

Весьма значимо систематизировать проблемы в медиа-экосистеме в качестве основы для обсуждения. Многие из проблем функционирования СМИ в современном обществе легко понять после их выявления. Однако в некоторых случаях между этими проблемами существует взаимосвязь, которую необходимо более детально анализировать.

Так, одна из ключевых проблем сопряжена с предвзятостью. Предвзятость в СМИ дифференцируется на два типа: явную и неявную.

Издатели с явными предубеждениями будут открыто диктовать типы историй, которые освещаются в их публикациях, и контролировать оформление этих историй. Как правило, они имеют политическую или идеологическую направленность, и эти СМИ будут использовать нарративные ошибки или ложный баланс, пытаясь продвигать свою собственную повестку дня.

Непреднамеренная фильтрация или искажение информации называется неявной предвзятостью, и это может проявляться по-разному. Например, издание может закрывать глаза на тему или проблему, потому что это выставит рекламодателя в дурном свете.

Следующая проблема связана с дезинформацией, которая может быть преднамеренной и непреднамеренной. В любом случае речь идёт о том, что передаваемая информация не является достоверной. Так, по справедливому замечанию П.Ф. Потапова, поддельные новости и такие понятия, как дипфейки, попадают в категорию преднамеренной дезинформации [6, с. 76].

Ряд проблем связаны с такой категорией, как «упрощение». Через социальные сети истории широко распространяются многими участниками, и обычно в выигрыше остаётся наиболее убедительная формулировка. Чаще всего содержательные, провокационные посты распространяются дальше всего. Этот процесс отделяет контекст от идеи, потенциально искажая ее значение. Видеоклипы, размещенные на социальных платформах, являются ярким примером удаления контекста в действии. Происходит (часто шокирующее) событие, которое вызывает массу дискуссий, несмотря на полное отсутствие контекста. Это непреднамеренно побуждает зрителей создавать стереотипы о лицах в видео и предлагать свои собственные предвзятые идеи, чтобы помочь заполнить пробелы. Представители средств массовой информации также ищут яркие сюжетные ракурсы, чтобы привлечь внимание и доказать свою точку зрения в материале. Упрощенные модели мира создают убедительные повествования, такие, как «добро против зла», но ситуации часто намного сложнее, чем кажется на первый взгляд.

В нынешних условиях журналистика переживает достаточно тяжелые времена. Редакции новостей работают с гораздо меньшими командами и бюджетами, и одним из результатов является «чернализм». Как отмечают Л.В. Мрочко, А.И. Пирогов, этот термин относится к практике публикации статей непосредственно из информационных агентств и сообщений по связям с общественностью [5, с. 172].

«Чернализм» не только заменяет более строгие формы репортажей, но и служит средством рекламы и пропаганды, которые труднее отличить от новостей.

Взросшее чувство безотлагательности для увеличения доходов вызывает и другие проблемы. Высококачественный контент все чаще «прячется» за платным доступом.

Конечным результатом является двухуровневая система, в которой подписчики получают продуманные, высококачественные новости, а все остальные получают доступ к поверхностному или сенсационному контенту. «Все остальные» – это не только люди с более низкими доходами, но и, в основном, молодые люди. Средний возраст сегодняшнего платного подписчика на новости составляет 50 лет, что вызывает вопросы о будущем бизнес-модели подписки [4, с. 55].

Для СМИ, которые полагаются на рекламу, трудные времена потребовали отчаянных мер. Пользовательский опыт отошел на второй план по сравнению с рекламными показами, а рекламные помехи (например, автоматически воспроизводимые видео, всплывающие окна и подсказки) прерывают контент на каждом шагу. Между тем, в фоновом режиме сторонние трекеры по-прежнему следят за каждым «цифровым» движением, несмотря на все подсказки о конфиденциальности.

Технологии способствовали значительным изменениям в том, как практикуется журналистика, а также расширили свободу выражения мнений и доступ к информации, способствовали продвижению подотчетности и прозрачности. Однако негативные аспекты, такие, как цифровая слежка, ставят под угрозу практику журналистики. Использование правительствами сложных технологий подпитывает нарушения прав, поскольку теперь легче отслеживать, арестовывать, задерживать, преследовать в судебном порядке представителей СМИ, чей контент считается неприемлемым для властей.

В то время, как в доинтернетовском мире считалось, что свобода слова и неприкосновенность частной жизни взаимодействуют только тогда, когда журналисты сообщали об общественных деятелях во имя права на информацию, эти права становились все более взаимозависимыми. Эта связь отражает цифровые бизнес-модели и разработку новых технологий наблюдения, а также крупномасштабный сбор и хра-

нение данных. Изменения создают риски с точки зрения репрессий против работников СМИ и их источников, тем самым затрагивая свободное занятие журналистикой.

Несмотря на то, что цифровое пространство предлагает широкие возможности для практики журналистской профессии, различные страны предпринимают систематические шаги, чтобы ограничить пользование свободой в цифровом пространстве. Многие государства расширили свои возможности наблюдения, в том числе, путем принятия соответствующего законодательства, которое часто используется против критиков государства и журналистов.

Средства массовой информации меняются очень динамично, особенно в последние десятилетия. Интернет-журналистика значительно развилась, но, к сожалению, ей во многом не хватает хорошей технической базы, особенно в отношении точности сообщения. Если не удастся восстановить этику журналистской профессии, возникнет большая проблема с сохранением свобод. В этом контексте важна роль журналистов, СМИ, их владельцев и политическая культура.

Плюрализм СМИ является основой демократии, но он не защитит общество от пропаганды и манипуляций. Медиаобразование также важно. Особенно в отношении средств массовой информации (а в настоящее время особенно в отношении социальных сетей), и понимания механизмов коммуникации. В течение многих лет медиаэксперты призывают ввести медиаобразование уже в начальной школе, но это до сих пор не увенчалось успехом. Элементы медиаобразования есть на разных занятиях, но нет отдельного предмета, который систематизировал бы знания о современных медиа и явлениях, связанных с массовой коммуникацией.

Плюралистические СМИ проводят границу между диктатурой и демократической системой. Без плюрализма СМИ нет ни свободы, ни демократии. Однако есть проблема и в том, чтобы подходить к СМИ и их функционированию, в основном, с меркантильной точки зрения, как если бы они были просто еще одной сферой капиталистического мира, которая должна приносить прибыль своим владельцам. Такая упрощенная бизнес-модель уничтожает фундаментальную информативную роль СМИ, превращая их исключительно в развлечение. В данной связи актуализируется проблематика устремления к качественным СМИ и этичной журналистике.

Ещё одна проблема, связанная со СМИ, касается отделения комментариев от информации. Распространенным инструментом манипуляции является смешивание информации с мнением, попытка уравнивать ценность информации, поступающей из различных СМИ. Профессионалы СМИ умеют это различать, но значительная часть аудитории не занимается такой интеллектуальной работой – часто из-за нехватки времени, знаний или соответствующей подготовки.

Кроме того, актуализируется проблема отождествления фактов с эмоциями, то есть, проблема пост-правды в СМИ. Апелляция к эмоциям – своего рода «супернападение» в современной коммуникации. Эмоции могут быть вызваны вескими причинами, например, чтобы вызвать эмпатию, вызвать желание помочь. Однако эмоциями также можно манипулировать для создания разногласий в интересах власти. Тогда исчезает общее пространство, в котором можно найти объединяющие общество ценности.

Подводя итоги, необходимо отметить, что сегодня средства массовой информации трансформировались из достаточно простого инструмента поиска, обработки и трансляции информации в средства управления и преобразования внутреннего психического мира человека. Вместо того, чтобы расширить горизонты развития человеческого сознания, придать ему независимость в суждениях, многие современные СМИ все больше манипулируют массовым сознанием тиражируемыми стандартами поведения. Средства массовой информации формируют культуру общества, оказывая поведенческое и интеллектуальное влияние на образ жизни людей.

Литература

1. Апанова А.В. Анализ влияния СМИ на мировоззрение современного общества // В поисках социальной истины: Материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 93 – 95.
2. Барташевич Т.Ю., Овчинникова Е.А. Этическая экспертиза на пути предупреждения и разрешения конфликтов в сфере СМИ // Конфликтология. 2020. Т. 15– № 1. С. 144 – 156.
3. Бессонова М.О. Социологический анализ особенностей доверия к СМИ в современном обществе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 1 (846). С. 115 – 122.
4. Карпова С.Г. К вопросу о национальной безопасности страны: информационное воздействие СМИ на современное общество // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4. С. 51 – 57.

5. Мрочко Л.В., Пирогов А.И. СМИ в современном обществе: «четвертая власть» или слуга власти? // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2020. № 2 (26). С. 165 – 174.
6. Потапов П.Ф. Социальная ответственность журналистов и СМИ в современном обществе // Коммуникативные стратегии СМИ: теоретические подходы и новые реалии. Сборник материалов научно-практической конференции кафедры журналистики. Нижний Новгород: 2020. С. 73 – 79.
7. Савинова О.Н. СМИ и культура: вызовы времени // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. 2020. № 1. С. 4 – 9.
8. Шукушева Е.В., Сапаров Н.Н. СМИ как институт гражданского общества и важнейший фактор осуществления массовой коммуникации // Уфимский гуманитарный научный форум. 2022. № 1 (9). С. 150 – 155.
9. Saragih M. Journalistic Mass Media Management // SIASAT. 2020. № 5. P. 59 – 64. https://www.researchgate.net/publication/351907626_Journalistic_Mass_Media_Management (дата обращения: 17.02.2023)
10. Wang L. Factors Influencing Public Opinion in Mass Media News Coverage // BCP Business & Management. 2022. № 34. P. 1109 – 1114. https://www.researchgate.net/publication/366295566_Factors_Influencing_Public_Opinion_in_Mass_Media_News_Coverage (дата обращения: 17.02.2023)

References

1. Apanina A.V. Analiz vlijanija SMI na mirovozzrenie sovremennogo obshhestva. V poiskah social'noj istiny: Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Irkutsk, 2021. S. 93 – 95.
2. Bartashevich T.Ju., Ovchinnikova E.A. Jeticheskaja jekspertiza na puti preduprezhdenija i razreshenija konfliktov v sfere SMI. Konfliktologija. 2020. T. 15– № 1. S. 144 – 156.
3. Bessonova M.O. Sociologicheskij analiz osobennostej doverija k SMI v sovremennom obshhestve. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki. 2022. № 1 (846). S. 115 – 122.
4. Karepova S.G. K voprosu o nacional'noj bezopasnosti strany: informacionnoe vozdejstvie SMI na sovremennoe obshhestvo. Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki. 2020. № 4. S. 51 – 57.
5. Mrochko L.V., Pirogov A.I. SMI v sovremennom obshhestve: «chetvertaja vlast'» ili sluga vlasti? Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. 2020. № 2 (26). S. 165 – 174.
6. Potapov P.F. Social'naja otvetstvennost' zhurnalistov i SMI v sovremennom obshhestve. Kommunikativnye strategii SMI: teoreticheskie podhody i novye realii. Sbornik materialov nauchno-prakticheskoj konferencii kafedry zhurnalistiki. Nizhnij Novgorod: 2020. S. 73 – 79.
7. Savinova O.N. SMI i kul'tura: vyzovy vremeni. Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Zhurnalistika. Pedagogika. 2020. № 1. S. 4 – 9.
8. Shukusheva E.V., Saparov N.N. SMI kak institut grazhdanskogo obshhestva i vazhnejshij faktor osushhestvlenija massovoj kommunikacii. Ufimskij gumanitarnyj nauchnyj forum. 2022. № 1 (9). S. 150 – 155.
9. Saragih M. Journalistic Mass Media Management. SIASAT. 2020. № 5. R. 59 – 64. https://www.researchgate.net/publication/351907626_Journalistic_Mass_Media_Management (data obrashhenija: 17.02.2023)
10. Wang L. Factors Influencing Public Opinion in Mass Media News Coverage. BCP Business & Management. 2022. № 34. P. 1109 – 1114. https://www.researchgate.net/publication/366295566_Factors_Influencing_Public_Opinion_in_Mass_Media_News_Coverage (data obrashhenija: 17.02.2023)

*Qian Xin,
Lomonosov Moscow State University*

Mass media in modern society: their role, functions and problems

Abstract: one of the hallmarks of a democratic society is a well-established, freely operating media ecosystem. In the past, this media ecosystem has included a variety of media, from newspapers to cable TV networks. Today, the Internet and social media platforms have greatly expanded the scope and possibilities of communication and information transfer in society. Of course, journalism plays a key role in this ecosystem. High-quality journalism and transparency in the media and social media keep power structures in check, and sometimes these forces can lead to genuine change in society. Reporters report from the front lines of the conflict and uncover the truth through investigative journalism. However, these positive effects are sometimes overshadowed by questionable practices and negative externalities that emerge in the media ecosystem. In this regard, the appeal to issues related to the role, functions and problems of the media in modern society is being updated.

The purpose of the article is to study modern ideas about the role, functions and problems of the media in modern society.

The research methods were comparison, analysis of scientific publications, system-logical analysis.

Based on the results of the study, a conclusion was made about the dual nature of the media issues in modern society. On the one hand, they contribute to the expansion of the horizons of the development of human consciousness, independence in judgments; on the other hand, many mass media manipulate the mass consciousness with replicated standards of behavior. Mass media shape the culture of the society, exerting a behavioral and intellectual influence on the way people live.

Keywords: journalism, mass media, society, problem, role, mass media, function

For citation: Qian Xin Mass media in modern society: their role, functions and problems. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 146 – 152.

*Богданова А.Р., ассистент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Анализ понятий «жизнь» и «смерть» в китайской лингвокультуре

Аннотация: в данной статье поднимается вопрос о необходимости глубокого изучения китайской лингвокультуры, исследования менталитета, представлений о мире в китайской лингвокультуре, изучении таких универсальных понятий экзистенциальности как «жизнь» и «смерть» и их отражения в китайской лингвокультуре. В связи с чем рассматриваются такие понятия как лингвокультура, концепт, лингвокультурный концепт, языковая картина мира, также раскрываются содержания концептов «жизнь», «смерть». В современном языкознании наличествуют три парадигмы: сравнительно-историческая, являющаяся первым методом исследованием языка, системно-структурная, ставящей в центр слово, и антропоцентрическая, исследующая человека в языке и язык в человеке. В процессе развития сравнительного языкознания формировалась лингвокультурология. В статье приводится краткий список слов, идиом, описывающий «жизнь» и «смерть» в китайском языке. По мнению автора, в китайском языке и культуре важным является выделение древних философских учений, как образцов культуры. Понятия жизни и смерти тесно связаны с другими понятиями такими как бытие, небытие, смысл жизни, призвание, долг служение, существование. В китайской языковой картине мира смерть подобна смене четырех времен года, естественной части приливов и отливов преобразований, которые составляют движение Дао. Скорбеть о смерти или бояться собственной смерти – значит произвольно оценивать то, что неизбежно. Бесплезно, произвольно и глупо противопоставлять себя тому, что естественно. Также автор приводит общую таблицу концептов жизни и смерти в конфуцианстве и даосизме, исходя из понятий концептов о жизни и смерти.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурный концепт, жизнь, смерть, языковая картина мира

Для цитирования: Богданова А.Р. Анализ понятий «жизнь» и «смерть» в китайской лингвокультуре // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 153 – 159.

Ввиду политической и экономической ситуации на мировой арене, резкого изменения в обществе и отношениях между странами и народами, предшествующей пандемии и изоляции, осуществлении военной операции, привычный образ жизни большинства людей в корне изменился. Все вышеперечисленные события переоценки жизни, ее качества происходят в обществе, стираются границы между виртуальными и реальными ощущениями жизни в целом. По причине социальных изменений, привычная картина мира меняется, что находит отражение в языке. Нынешний век условно принято называть веком Азии, следовательно, возрастает интерес к влиятельной нации и стране, языку и культуре. Тем самым, наиболее вероятно, что китайская языковая картина мира, привычный взгляд на устройство мира должны вызывать особый интерес среди изучающих китайский язык, а также специалистов. Необходимы такие универсальные понятия, как отношение к жизни и смерти, смысл жизни, в связи с чем возрастает важность исследования аксиологического аспекта.

Ввиду значительной экономической активности, распространения влияния Китая, китайского языка и культуры, применения полилингвального обучения и т.п., происходит столкновение менталитетов, выявление зависимостей укладов жизни от влияния традиционной культуры. Необходимо быстро приспособиться под текущие изменения, наблюдаемые в языке и мышлении, культуре для поддержания межкультурной коммуникации. Изучение лингвокультуры, лингвострановедения находят особую актуальность в исследованиях Китая.

Как известно, язык, мышление и культура находятся в тесной связи. Вопросы изучения языка и лингвокультурологии носят междисциплинарный характер, в связи с чем особенно важным является изучение не только китайского языка и культуры, но и языковой картины мира.

В современном языкознании наличествуют три парадигмы: сравнительно-историческая, являющаяся первым методом исследованием языка, системно-структурная, ставящей в центр слово, и антропоцентрическая, исследующая человека в языке и язык в человеке. В процессе развития сравнительного языкознания формировалась лингвокультурология. Лингвокультурология носит синтетический характер, ведь она, как наука, находится на стыке лингвистики и культурологии. Лингвокультурология (от лат.: *lingua* – язык, *cultura* – культура, *logos* – наука, учение) изучает лингвокультуремы, включающие сегменты культуры и языка. Лео Вайсберг ввел в науку термин «языковая картина мира», утверждал, что «язык есть не продукт деятельности (*Ergon*), а деятельность (*Energeia*)» [1, с. 70]. Становление и развитие лингвокультурологии в Германии связано с Вильгельмом Фон Гумбольдтом, разработавшим базовые понятия лингвокультурологии

гии. Язык, по его словам, является отражением культуры, мирозерцание народа заложено в его языке. Человек живёт с предметами так, как их преподносит ему язык изнутри себя».

Во Франции формирование лингвокультурологии связано с именем Эмиля Бенвениста, отмечавшим связь языка и культуры, В «Общей лингвистике» Бенвениста совмещено изучение лексики с анализом культуры и истории. Национальная культура, ее отличие от других культур, отраженная в языке и языковых единицах является предметом изучения лингвокультурологии. Тем самым, необходимым продуктом и частью культуры является язык.

Поскольку язык и культура находятся в неразрывной связи, как и язык и мышление, необходимо выделить понятие языковой картины мира. В процессе изучения мировоззрения любого народа крайне важно учитывать национальную специфику. «В исследованиях по когнитивной лингвистике принято различать «языковую картину мира» и «концептуальную картину мира», и общепринятым является положение о несовпадении этих картин, при этом подчеркивается глобальность, объемность последней; лингвокультурология заявляет о необходимости выделения ценностной картины мира, наряду с языковой, в рамках общей картины мира» [2, с. 105].

Маслова описывает Лингвокультурологию как науку, исследующую и исторические, и современные языковые факты сквозь призму духовной культуры» [3, с. 11]. К основным функциям языковой картины мира относят соотнесение языковых единиц с категориями, отражающих знания человека о мире, языковых единиц, а также осмысление усвоенной информации и образования концептов, концептуальных структур в психике [4, с. 92].

Картина мира формируется необходимостью описать окружающий мир человека, переработкой информации человека об окружающей среде, образованием соответствующих категорий – концептов. Термин «языковая картина мира» имеет целью «материализовать культурно-философскую ипостась языка и представить его не как знаковую систему и орудие общения и познания, но как «дом духа» народа, в котором запечатлены и национальный характер, и национальное мировоззрение в широком понимании этого слова, и конкретные факты истории и культуры народа».

Лингвокультурология ставит задачу описать языковую картину мира. Для объективного представления языковой картины мира важно сохранить непричастный взгляд – анализировать привычную «языковую организацию мира» как один из возможных видов представлений о мире. В результате концептуализации происходит образование единицы – концепта.

Содержание концептов «жизнь» и «смерть»

Основной единицей языковой картины мира является концепт. Среди множества определений концепта, предложенных зарубежными и отечественными исследователями, приведем для примера концепт Ю.С. Степанова. Он выделяет структуру концепта, включающую все, что превращает его в факт культуры: этимологию, историю в виде основных признаков содержания, представления, оценки и др. Предложенное им «слоистое» строение концепта, где «слои» отражают результат культурной жизни разных времен. Концепт имеет когнитивный статус, будучи носителем и передатчиком смысла, сохраняет способность хранить совокупность знаний о мире, формируя из выработанного и накопленного обществом категории и классы. «Концепт» – это «достаточно широкий набор ментальных образований, кодирующих в самых разнообразных конфигурациях культурно значимые смыслы» [5, с. 225]. Концепт понимается как объемная мыслительная единица. Концепт имеет три слоя по мнению Г.В. Токарева: 1) общечеловеческий (универсальный), содержащий научные и обыденные понятия; 2) культурный (национальный), содержащий культурные установки, стереотипы на уровне общности; субкультурный, содержащий культурные установки и стереотипы на уровне социума.

Позднее в лингвокультурологии возник термин *лингвокультурный концепт*, отражающий аксиологический аспект. Лингвокультурный концепт акцентирует ценностный элемент, соответственно ядром концепта выступает ценность.

Для исследования концептов выделяются концептуальный, когнитивный, лингвокультурологический анализы. Концептуальный анализ заключается в выделении наиболее широко употребляемых контекстов слова, обобщение контекстов по тематике и направлениям, анализ значений слов, разбор прямых и переносных значений, идиоматических выражений и словосочетаний, так называемый семантический анализ. Концептуальный анализ берет за основу лингвистические данные, сочетаемость слов. Когнитивный анализ использует методики из смежных наук, таких как, нейролингвистики, психолингвистики и др. Концептуальный анализ позволяет проследить как в национальном сознании исторически образуется концепт. Динамику развития соответствующего концепта в обществе позволяют представить себе анализ изменения значений соответствующих лексем, возникновение новых и исчезновение старых значений, различие в дефинициях одного и того же слова в разные периоды развития языка.

Лингвокультурологический анализ описывает структуру лингвокультурного концепта, определяет лингвокультурную специфику, выделяет значимое для описания языковой картины мира конкретного общества. Осознание и представление о жизни заложено в менталите народа, сложившимся из его исторического опыта, в тесной связи с культурой, мировоззрением, традициями, религией, учениями и т.п. Абстрактная идея жизни не может быть объяснена такими простыми идеями, как перемещение, движение или речь. Обычные машины в этом столетии могут выполнять все эти основные функции. Затруднение с определением смерти не столь абстрактно и неуловимо, как проблема жизни. Проблема определения жизни и смерти мучила философов и религиозные организации на протяжении тысячелетий по одной причине; каждая философия или религия пыталась определить смысл жизни и смерти только со своей точки зрения. Казалось бы, подходящим подходом к этой проблеме было бы понять идеи, представленные в различных философиях и религиях, и с помощью этих знаний создать новое определение для каждой идеи жизни.

По существу, в любой языковой картине мира концепт «жизнь», безусловно, выступает фундаментальным концептом; это многогранное явление, концепт-константа, макроконцепт, относящийся к универсальным, категориальным концептам; в его структуре, содержании и доминантных признаках отражается отношение к феномену жизни, ценностные ориентиры нации. Воркачев выделяет в лингвокультурном концепте три важных измерения – образное, понятийное и значимостное [6, с. 3] и выражается лексически. Концепт представляет ценность для носителя языка, актуальное для него и потому выражаемое значительным количеством синонимов (в том числе – с метафорической внутренней формой), обладающих богатой лексической сочетаемостью; понятие, являющееся темой значительного количества пословиц, поговорок, фольклорных сюжетов, литературных текстов, произведений изобразительного искусства, скульптуры, музыки; понятие, глубоко укоренившееся в языке и культуре народа и потому являющееся диахронической константой и языка, и культуры.

Отражение концептов «жизнь» и «смерть» в китайской лингвокультуре

В китайском языке и культуре важным является выделение древних философских учений, как образцов культуры. Понятия жизни и смерти тесно связаны с другими понятиями такими как бытие, небытие, смысл жизни, призвание, долг служение, существование.

Рассмотрим основные значения понятия жизнь, представленные в китайских словарях. Первое слово, которое мы можем выделить – 生活:1) относится к различным видам деятельности людей или животных: культурная жизнь, политическая жизнь, жизнь сверчка и т.д. (生活经历 жизненный путь (опыт), 性生活 половая жизнь 生活资源 источники (средства) существования, 生活条件 – бытовые условия, 幸福生活 счастливая жизнь, 日常生活 повседневная жизнь, 政治生活 политическая жизнь, 生活费 расходы на жизнь; стоимость жизни); 2) осуществление различных мероприятий: Мы живем в славную эпоху, которая открывает новую историю человечества; 3) жить, спасти жизнь; 4) средства к существованию (одежда, еда, жилье, транспорт и другие аспекты уровня жизни).

Следующим словом, обозначающим жизнь является 生命. Выделяется несколько значений: 1) жизнь (способность живых организмов существовать и двигаться); 2) жизнеспособность (относится к природе вещей, которые могут существовать); 3) условие (относится к квалификации и способности участвовать в определенной деятельности); 4) судьба.

С 生命 мы можем встретить много словосочетаний: 生命力强 жизнеспособный, 生命视野 жизненный кругозор, 生命价值 жизненные ценности, 付出生命 отдать жизнь, 延长生命 продлить жизнь, 牺牲生命 жертвовать жизнью, 顾惜生命 беречь свою жизнь, 珍惜生命 дорожить жизнью, 保住生命 сохранять жизнь, 断送生命 загубить жизнь, 短暂的生命 короткая жизнь, 不惜生命地 не щадя живота своего, 生命的气息 дыхание жизни, 冒生命危险 рисковать жизнью, пренебрегать опасностью.

Следующее слово: 生存: 1) относится к вещам, которые постоянно занимают время и пространство; на самом деле они существуют; 2) относится к различным вещам или явлениям в целом; 3) в философии это относится к объективному миру, не измененному человеческим сознанием, 4) относится к поведению.

Также приведем несколько идиом, описывающих жизнь:

财连于命 Богатство тесно связано с жизнью. Означает, что люди не могут жить без денег

乐天知命 Быть довольным своей судьбой

牛马生活 Подневольное, скотское существование

朝露溘至 Как утренняя роса описывает краткость жизни

Таким образом, мы наблюдаем большое количество прилагательных, описывающих образ жизни: роскошь, простота, легкость, тепло, комфорт, радость, спокойствие, удовлетворение, занятость, самобытность и т.п.

Перейдем к исследованию концепта «смерть». В русской лингвокультуре боязнь смерти привела к тому, что само слово смерть стало эвфемизмом, превратилось в табу. Слово смерть обладает магической силой, и вместо слова смерть стали употреблять жизнь: «приказать долго жить», «уходить из жизни» [7; с. 164]. Русскому сознанию свойственно представление о том, что между жизнью и смертью есть некое пространство, но оно очень маленькое.

В китайской языковой картине мира смерть подобна смене четырех времен года, естественной части приливов и отливов преобразований, которые составляют движение Дао. Скорбеть о смерти или бояться собственной смерти – значит произвольно оценивать то, что неизбежно. Бесплезно, произвольно и глупо противопоставлять себя тому, что естественно.

Рассмотрим лексику, описывающую смерть, начнем с иероглифа 死: 1) умереть, подохнуть, пасть кончиться, исчезнуть, мёртвый, умерший, погибший смерть; 2) до смерти, насмерть (модификатор глаголов); 3) убить, умертвить, казнить; 4) не щадя жизни; рисковать жизнью; 5) непримиримый, смертельный; 6) в высшей степени, до смерти, ужасно, очень (модификатор глаголов и прилагательных); 7) неизменный, твёрдый, жёсткий, негибкий, шаблонный (также модификатор глаголов); 8) глухой (без выхода), тупиковый; наглухо, крепко-накрепко; невозможно пройти (также модификатор глаголов).

死亡: 1) потеря жизни; 2) относиться к мертвым; 3) умереть, исчезнуть.

死神 Мифологическая фигура, Бог смерти

灭亡 1) погибнуть, быть уничтоженным; гибель; 2) погубить; уничтожить;

3) вымирание

毁灭 1) стереть с лица земли, погубить, уничтожить, разрушить до основания; истребить, опустошить; опустошение, разрушение, уничтожение;

2) известись от горя (во время траура), свести себя в могилу от горя

圆寂 1) погрузиться в паринирвану; 2) преставиться, скончаться (о монахе)

至死 до самой смерти, до гроба, до гробовой доски, навечно

至死不变 не измениться до гробовой доски, оставаться преданным до самой смерти

丧 терять, утрачивать (что-л.); лишаться (чего-л.),

受禄无丧 приняв щедроты [неба], не утратить [их]

丧了命 лишиться жизни, умереть

3) губить, уничтожать; диал. доводить до смерти; хоронить

天丧予 небо губит меня

1) умереть, погибнуть, исчезнуть, пропасть

殄 отбросить, отказаться, умереть; смерть

故去 умереть, скончаться, упокоиться, почить

死命 гибель, судьба

离世 1) умереть, скончаться; 2) удалиться от мира

无禄 1) без оклада (жалованья), без содержания; 2) несчастный; к несчастью; 3) скончаться; кончина

Так, важным является анализ господствующих идеологий для определения содержания концептов, что отражает вышеприведенная лексика. Для этого необходимо проанализировать идеологию, этику и мышление. Конфуцианская этика – это система этики добродетели, оказавшая значительное влияние на формирование мышления, национального самосознания, ее влияние до сих пор отражается в современной китайской культуре.

Согласно конфуцианству, способностью любить обладают не многие. Любовь есть начало и конец жизни. Следование традициям, исполнения долга составляет жизнь. О благополучии и достатке мы можем узнать, что они второстепенны: «Не достоин быть учёным тот, кто думает о сытой и спокойной жизни». Человеческую сущность составляет возможность жить. У человека есть жизнь, знания и, кроме того, чувство праведности, таким образом он благороднейший на земле. У людей мы наблюдаем моральный потенциал, который позволяет им вести нравственную жизнь, который считается неотъемлемым атрибутом человека, который заключается в способности жить нравственной жизнью. В конфуцианстве достижение идеальной нравственной личности является конечной целью жизни, а также смысл жизни, поэтому ценность личного достоинства обоснованно считается выше чем ценность всеобщего достоинства в определенных контекстах. При определенных обстоятельствах, человек должен пожертвовать своей жизнью с целью сохранения достоинства.

Исходя из понятий концептов о жизни и смерти, приведем общую таблицу концептов жизни и смерти в конфуцианстве и даосизме [7].

Таблица 1

Концепты жизни и смерти в конфуцианстве	Концепты жизни и смерти в даосизме
Учение о входе в мир (социум)	Учение о выходе из мира
«Гуманность» и «вежливость» – определяющие качества жизни и поведения человека	Дао – пространство пересечения индивидуального и общемирового в человеке и его жизни
Сыновняя почитательность, т.е. преданность родителям	Дэ – «высокая нравственность», отражение Дао во внутреннем мире человека
«Не зная, что такое жизнь, можно ли знать смерть?»	«Тело и имя (слава), что из них ближе (дороже)? Что больше тело или материальные блага?»
Пожертвовать жизнью ради справедливости	Постоянное состояние жизни человека – «жизнь, смерть, болезнь и старость»

Таким образом, страх смерти не имеет значительного «противовеса», достаточной психологической компенсации, выраженной в учениях о потустороннем мире, рае и т.д., то есть даже религиозные и философские учения Китая не имеют эффективного средства заметной нейтрализации страха смерти. Человек ценит свою жизнь, он держится за неё как за почти некомпенсируемую ценность, хотя в идеологических учениях высшим остается пожертвовать собственной жизнью ради справедливости.

Заключение

Поиск смысла жизни, ограниченность земного существования бесконечно обсуждается и исследуется множеством исследователей в различных науках, по-разному находят отражение в культурах и языках. Смерть, знание о смерти и представление о ней всегда занимают мышление человека и тем более, чем более образованным и самостоятельно мышление человека. Таким образом, жизнь и смерть одни из существенных вопросов человеческого мышления, но не по отдельности, а жизнь и смерть в совокупности, ибо смерть ограничивает жизнь, и без жизни не было бы смерти – как не было бы жизни без смерти.

Таким образом, страх смерти не имеет значительного «противовеса», достаточной психологической компенсации, выраженной в учениях о потустороннем мире, рае и т.д., то есть даже религиозные и философские учения Китая не имеют эффективного средства заметной нейтрализации страха смерти. Человек ценит свою жизнь, он держится за неё как за почти некомпенсируемую ценность, хотя в идеологических учениях высшим остается пожертвовать собственной жизнью ради справедливости.

Поскольку концепт – это культурный отпечаток в сознании человека, который неразрывен с образом мышления и представлениями о мире, изученные концепты жизни и смерти, словосочетания, связанные с ними, идиоматические выражения представляют собой огромный материал для исследований. В данной статье приведен краткий список лексик и идиом, описывающих жизнь и смерть, требующих дальнейшего глубокого анализа и изучения.

Литература

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер с нем. яз. / под ред. и с предисл. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
2. Базылев В.Н. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Академия, 2002 // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2005. № 7. С. 208 – 211. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/alefirenko-nf-poeticheskaya-energiya-slova-sinergetika-yazyka-soznaniya-i-kultury-m-academia-2002> (дата обращения: 23.01.2023)
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 3-е изд., испр. М.: Академия, 2007. 202 с.
4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
5. Ангелова М.М. "Концепт" в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: Сборник научных трудов. Вып. 3. М., 2004. С. 3 – 10.
6. Филатов В.В. Проблема жизни в философии Конфуция смысла // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2008. № 2. С. 67 – 71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-smysla-zhizni-v-filosofii-konfutsiya> (дата обращения: 09.02.2023)
7. Тао М. Трактровка концептов жизни и смерти в китайском философско-культурном факультете. Тао // Вестник культуры и искусств. 2020. № 1 (61). С. 89 – 96.

8. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: Изд-во РУДН, 2008. 340 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. 2009. № 2. С. 22 – 31. RL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2009-02-004-vorobiev-vv-lingvokulturologiya-m-izd-vo-rudn-2008-340-s> (дата обращения: 05.09.2021)
9. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации / Воронежский гос. ун-т. Воронеж, 2004. 369 с.
10. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2001. С. 3 – 16.
11. .文学网汉语词典 <https://cd.hwxnet.com/search.do?wd=死&x=0&y=0> (дата обращения: 05.09.2021)
12. 汉语大典 <http://www.hydc.com/zidian/hz/15410.htm> (дата обращения: 05.02.2023)
13. Самситова Л.Х., Байназарова Г.М. Понятие концепции в лингвокультурологии: история развития, структура, классификация // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 4. С. 1373 – 1378.
14. Светоносова Т.А. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: особенности и различия // Филологические науки в МГИМО: сборник науч. трудов. № 27 (42) / МГИМО(У) МИД России; отв. ред. Г.И. Гладков. М.: МГИМОУниверситет, 2007. 203 с. ISBN 978-5-9228-0272-7. С. 39 – 46.
15. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. СПб.: Специальная Литература, 1996. 192 с.

References

1. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju: per s nem. jaz. pod red. i s predisl. G.V. Ramishvili. М.: Progress, 1984. 397 s.
2. Bazylev V.N. Alefirenko N.F. Pojeticheskaja jenergiya slova. Sinergetika jazyka, soznaniya i kul'tury. М.: Akademija, 2002. Vestnik RUDN. Serija: Lingvistika. 2005. № 7. S. 208 – 211. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/alefirenko-nf-poeticheskaya-energiya-slova-sinergetika-yazyka-soznaniya-i-kul'tury-m-academia-2002> (data obrashhenija: 23.01.2023)
3. Maslova V.A. Lingvokul'turologija: uchebnoe posobie dlja studentov vysshih uchebnyh zavede-nij. 3-e izd., ispr. М.: Akademija, 2007. 202 s.
4. Kubrjakova E.S., Dem'jankov V.Z., Pankrac Ju.G., Luzina L.G. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. М.: Filol. f-t MGU im. M.V. Lomonosova, 1997. 245 s.
5. Angelova M.M. "Koncept" v sovremennoj lingvokul'turologii. Aktual'nye problemy anglijskoj lingvistiki i lingvodidaktiki: Sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 3. М., 2004. S. 3 – 10.
6. Filatov V.V. Problema zhizni v filosofii Konfucija smysla. Izv. Sarat. un-ta Nov. ser.: Filosofija. Psihologija. Pedagogika. 2008. № 2. S. 67 – 71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-smysla-zhizni-v-filosofii-konfutsiya> (data obrashhenija: 09.02.2023)
7. Tao M. Traktovka konceptov zhizni i smerti v kitajskom filosofsko-kul'turnom fakul'tete. Tao. Vestnik kul'tury i iskusstv. 2020. № 1 (61). S. 89 – 96.
8. Vorob'ev V.V. Lingvokul'turologija. М.: Izd-vo RUDN, 2008. 340 s. Social'nye i gumanitar-nye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 6, Jazykoznanie: Referativnyj zhurnal. 2009. № 2. S. 22 – 31. RL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2009-02-004-vorobiev-vv-lingvokulturologiya-m-izd-vo-rudn-2008-340-s> (data obrashhenija: 05.09.2021)
9. Grishaeva L.I., Curikova L.V. Vvedenie v teoriju mezhkul'turnoj kommunikacii. Voronezhskij gos. un-t. Voronezh, 2004. 369 s.
10. Karasik V.I. O kategorijah lingvokul'turologii. Jazykovaja lichnost': problemy kommunika-tivnoi dejatel'nosti: sb. nauch. tr. Volgograd: Peremena, 2001. S. 3 – 16.
11. .文学网汉语词典 <https://cd.hwxnet.com/search.do?wd=死&x=0&y=0> (data obrashhenija: 05.09.2021)
12. 汉语大典 <http://www.hydc.com/zidian/hz/15410.htm> (data obrashhenija: 05.02.2023)
13. Samsitova L.H., Bajnazarova G.M. Ponjatie koncepcii v lingvokul'turologii: istorija razvi-tija, struktura, klassifikacija. Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2014. Т. 19. № 4. S. 1373 – 1378.
14. Svetonosova T.A. Kognitivnaja lingvistika i lingvokul'turologija: osobennosti i razlichija. Filologicheskie nauki v MGIMO: sbornik nauch. trudov. № 27 (42) / MGIMO(U) MID Rossii; отв. ред. G.I. Gladkov. М.: MGIMOUниверситет, 2007. 203 s. ISBN 978-5-9228-0272-7. S. 39 – 46.
15. Shanskij N.M. Frazeologija sovremennogo russkogo jazyka. SPb.: Special'naja Literatura, 1996. 192 s.

*Bogdanova A.R., Assistant Professor,
Kazan (Volga Region) Federal University*

Analysis of the concepts of "life" and "death" in Chinese linguistic culture

Abstract: this article raises the question of the need for a deep study of Chinese linguoculture, the study of mentality, ideas about the world in Chinese linguistic culture, the study of such universal concepts of existentiality as "life" and "death" and their reflection in Chinese linguistic culture. In this connection, such concepts as linguistic culture, concept, linguocultural concept, linguistic picture of the world are considered, the contents of the concepts "life" and "death" are also revealed. There are three paradigms in modern linguistics: comparative-historical, which is the first method of language research, systemic-structural, which puts the word at the center, and anthropocentric, which examines the person in the language and the language in the person. In the process of the development of comparative linguistics, linguoculturology was formed. The article provides a short list of words, idioms describing "life" and "death" in Chinese. According to the author, in the Chinese language and culture, it is important to highlight ancient philosophical teachings as samples of culture. The concepts of life and death are closely related to other concepts such as being, non-being, meaning of life, vocation, duty, service, existence. In the Chinese language picture of the world, death is like the change of the four seasons, a natural part of the ebb and flow of transformations that make up the Tao movement. To grieve for death or to be afraid of one's own death is to arbitrarily evaluate what is inevitable. It is useless, arbitrary and stupid to oppose yourself to what is natural. The author also gives a general table of the concepts of life and death in Confucianism and Taoism, based on the concepts of concepts about life and death.

Keywords: concept, linguocultural concept, life, death, linguistic picture of the world

For citation: Bogdanova A.R. Analysis of the concepts of "life" and "death" in Chinese linguistic culture. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 153 – 159.

*Малюта Е.Г., аспирант, младший научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук*

Стилистический способ аргументации в «Молении зело умильнем...» князя Симеона Шаховского

Аннотация: князь Симеон Шаховской известен исследователям, прежде всего, по сочинениям исторического характера и автобиографическим «Домашним запискам». Литературный талант не однажды бывшего в опале Шаховского был, однако же, признан современниками и первыми лицами государства: так, князю было поручено составление имени патриарха Филарета известное послание шаху Аббасу. Опала князя, постигшая его в 1622 году и связанная как с политическими винами, так и с конфликтом с патриархом по поводу обстоятельств семейной жизни князя, была очень скоро снята. Причина прекращения ссылки неизвестна, но, очевидно, связана с необходимостью в князе Шаховском при дворе.

В настоящей статье, после обзора ситуации с делом о четвертом браке, разбираются основные моменты аргументации послания князя Симеона Шаховского патриарху Филарету из тобольской ссылки 1622 года. Для сравнительного изучения привлечены сведения из иных источников цикла литературных произведений князя, связанных с проблемой каноничности четвертого брака: широкий перечень аргументов в них сводится к одной мысли о возможности решения патриархом ситуации с четвертым браком в пользу Шаховского. В послании к самому патриарху возможность оправдания своих поступков отсутствует, что заставляет изучать данное послание как содержащее аргументацию иного рода – аргументацию способности князя быть необходимым как писателя. Таким образом, на основании изучения характера цитации в данном послании (включая гимнографическую цитацию), делается вывод о возможности рассматривать стиль послания как способ аргументации автора. Также в статье публикуется заключительная часть указанного послания патриарху, на основе которой сделаны данные наблюдения.

Ключевые слова: князь Симеон Шаховской, патриарх Филарет, четвертый брак, XVII век, гимнография

Для цитирования: Малюта Е.Г. Стилистический способ аргументации в «Молении зело умильнем...» князя Симеона Шаховского // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 160 – 166.

Ситуация с четвертым браком князя – страница насыщенной биографии Шаховского, достаточно известная исследователям (основной перечень исследований приведен в Д.А. Ляпиным [8]). Еще в «Исторической христоматии» Ф. Бушлаева был опубликован фрагмент из «умильного послания» Шаховского патриарху Филарету [3, стб. 1047-1048]. После опубликования виршевой молитвы князя, известной под заглавием «о неразлучении брака» эта история сложной личной жизни Семена Ивановича стала предметом более пристального изучения, в частности, с точки зрения вероятия неприменения патриархом Филаретом канонов Стоглава, прямо запрещающих четвертый брак [6, с. 228-229]. Новооткрытые и изученные документы посольских приказов подтверждают сложную обстановку, в которой оказались сыновья Шаховского от четвертого брака, претендовавшие на его вотчины [8, с. 22]. Неопределенность положения Шаховского, опала которого была достаточно быстро снята, и которому даже было поручено писать «Послание шаху Аббасу» в благодарность за присылку ризы Христовой в Москву в 1625 году, очевидно, тяготила последнего и вызывала недоумение его корреспондентов.

«В 1620 г. несколько князей Шаховских были уличены в "великих винах" политического характера и приговорены к смерти, но помилованы и разосланы из Москвы по тюрьмам в понизовые города» [9, с. 228]. «Великие вины» лично Шаховского заключались в данном случае в том, что он приходился родственником князьям Шаховским (другой линии), обвинявшимся в измене. Результатом расследования стала опала и ссылка князя Семена в Тобольск. Его разлучают с женой и детьми и отправляют в Тобольск, конфисковывают недавно пожалованные имения [6, с. 101-102] и держат под строгим надзором. Биографы Шаховского отмечают, что гнев царя и подозрение в возможной измене князя (имевшее основание в частности, в переходе Шаховского в стан к Лжедмитрию II в 1610 г. [5, с. 587]) усугублялись конфликтом Шаховского с патриархом по поводу четверобрачия князя. «Филарет стал требовать развода, ссылаясь на то, что по православным канонам допускается только три брака. Однако С.И. Шаховской отказался подчиниться воле патриарха. В качестве оправдания он написал стихотворение «Моление против разлучения супружества», где указывал, что брак был совершен по любви, а значит, является «Божьим даром» [7, с. 233]. Некоторую силу позиции князя придавал живой пример условной допустимости четвертого брака – еще была жива четвертая жена Иоанна Грозного, Анна Колтовская (Она скончалась в 1626 году недалеко от вологодских волостей князя Шаховского, в Устюженском монастыре, получая по царской грамоте Михаила Федоровича

1613 года «царское жалование годовое - деньги и запасы... из устюженских ис таможенных и ис кабацких доходов, что останетца от пищалей и от стрельцов» [1, с. 345]). Конечно, нужно заметить, что исключение из церковных канонов сделано было лишь для царя Иоанна Грозного, лишь с отсылкой на исторической прецедент четырежды венчанного византийского императора Льва VI Философа. В «Домашних записках» князя можно прочесть упоминания о трех женах Шаховского (он умалчивает о кратковременном третьем браке, говоря о четвертом: «женился я на нынешней своей княгине»). Молитва «о неразлучении брака» [4, с. 93] писанная, по оценкам исследователей, в тобольской ссылке, соседствует в сборнике молитв Шаховского с заупокойной молитвой, в которой находим имена первых трех жен Шаховского. Князь сообщает о себе патриарху в «умильном прощении», что живет с новой женой совсем недолго, однако уже «Бог, великий государь, дарова ми детки с нею» и просит прекратить «разлучение».

Как известно, опала князя была очень скоро снята, и он «...того же году пожалован, взят к Москве» [14, с. 61]. Шаховскому было поручено составление послания к шаху Аббасу за принесение в Москву части ризы Христовой. Свидетелем этого принесения был, очевидно, и сам князь, написавший также «Повесть преславу о принесении ризы Христовой» и неопубликованную службу на праздник положения ризы в Успенском соборе Кремля [12, л. 429 – 442 об.], установленный в том же году. Срочность вызова князя в Москву и последующее поручение ему «послания шаху Аббасу» склоняют увязать эти два события между собой и пристальнее изучить стиль умильного прошения патриарху, счешшему возможным прекратить прещение и оставить ситуацию с четверобрачием «якоже есть» ради необходимости иметь при дворе человека, слывшего «немало разумеющим божественного писания, и приемшим по дару Божию много здравого учения» [11, с. 586].

Фрагмент послания патриарху, опубликованный Ф. Буслаевым, проясняет от первого лица ситуацию с четверобрачием и до настоящего времени исследовался в источниковедческом ключе для уточнения обстоятельств этого периода биографии князя. Однако его стиль, «зело умильный», привлекает внимание обилием интерполяций, скрытых цитат гимнографического характера и святоотеческих отсылок. Выбор князя писать «моление» данным стилем, как думается, показывает его расчет на заинтересованность адресата в Шаховском как в человеке, обладающем литературным талантом «плести» повествование - сам князь позже употребит это выражение в каноне на положение ризы Христовой [12, л. 439]. Стиль этого послания, (равно как и послания по тому же вопросу тобольскому архиерею), заслуживает отдельного изучения в рамках исследования деятельности Шаховского как гимнографа.

Обозначим основные его особенности. Так, в тексте присутствуют многочисленные отсылки к Священному Писанию: сила покаяния князя выражена в сравнении его поступка с грешными поступками библейских персон: Рувима, Соломона, Ахава и иных [13, л. 29 об. – 30] (эти примеры имеют отсылки писца на полях рукописи, напр.: «к Евреям (послание ап. Павла), зач. 316» [13, л. 29] либо «3 книга Царств» [13, л. 30]. Об одном пассаже князя «...но ты, прехитрый врачу» есть помета писца: «Феодора Студита или иного кого» [13, л. 29].

Основным аргументом в защиту допустимости пересмотра своего дела Шаховской выдвигает мнение о возможности в его случае применить принцип икономии по причине бедственного положения князя, как выражается Шаховской, «нужды» иплицитно советуя патриарху пересмотреть вынесенное решение (формат обращения, «моление»), и несопоставимость положения не позволяют сделать это открыто). Автор основывается в этом на непреложном в глазах христианина аргументе – новозаветных цитатах. В частности, такова по причине бедственного положения князя, как выражается Шаховской, «нужды»: «понеже, государь, нужда ради и закону пременение бывает» (ср.: Рим. 7. 12), а также отсылку на заповедь Христа прощать «крат до семидесятих седмицею» (ср.: Мф. 18:22).

Фактическая аргументация князя незамысловата должна быть признана несостоятельной и как таковая отсутствует, так как все послание – большая исповедь «немощи» Шаховского и «краткого жития» в трех браках, о которой тот повествует подробно, акцентируя внимание патриарху на краткосрочности каждого из браков по причине скоропостижной смерти жен. «Не дай ми пасти во множество любодееяние и от сего во уныние бесовское и в ров погибельный отчаяния. Понеже, Государь великий, исповедаются, егда ко греху блудных обычаев прихожу, тога во отчаяние впадаю и уму помрачение ми бывает, а воздержания, великий государь, подъяти онаго немогу, теплоты ради зелныя во мне» [13, л. 31 об.], – просит князь, и эта исповедь небезынтересна своей откровенностью и может быть трактована с точки зрения «новых рамок дозволенности высшему обществу» и иного отношения к проблеме личного характера, как о том замечает Д.А. Ляпин: «В рамках традиционных представлений о человеческой судьбе смерть трех жен С.И. Шаховского могла быть истолкована как проявление божественной воли, неизбежное страдание, которое нужно принять как вызов с целью самосовершенствования, как шанс жить в миру монахом, приняв «ангельский образ» [8, с. 22]. Шаховской, напротив, оправдывает свое прошение тем обстоятельством, что состоит в

мирянском чине и оттого не может «братися» (воевать) с теми искушениями, которые едва преодолевали «многими труды и поты» монахи-отшельники.

Таким образом, если учитывать, что позиция Шаховского все же имела некоторые основания в бывших прецедентах, хотя и царских особ, а его литературные способности были широко известны, можно сделать вывод, что изучение самого документа представляется важным не только как источник биографического характера, но и с точки зрения «стилистического автопортрета» в нем князя как человека, «сведущего в Писаниях» и умело их цитирующего, а также сочетающего живость чувства и возвышенный слог покаянного обращения. Позже князь напишет «Послание к некоему другу о четвертом браце» [15, л. 88], где подробно изложит канонические аргументы в пользу своей шаткой позиции, причем сделает это, выразив прот. Горского «несколько не худо» [Шаховской, 213, I]: свт. Василий Великий, напишет князь, в своих правилах предполагает только отлучение троюженца и четвероженца от церковного общения, однако «о разлучении де брака неречение его же» [15, л. 98 об]. А если применять строгость канонов к нему, имеющему некоторое извинение, то что же делать с теми, кто «обрящется постригающе жены своя и вторья поемлюща», первобрачные восхищюще жены себе или тайно смесившиеся и послежде браком закона совокупляются» и даже всякий закон преступили – «бороды бреют и тафьи носят» (этот предмет будет особо разобран князем в соответствующем послании [15, л. 104]. В настоящем же покаянном «Послании зело умильнем» обоснование мнения князя о возможности икономии неуместно (ведь само послание представляет просьбу о такой икономии. А потому князь использует иной довод: гимнографические интерполяции, каковые, будучи легко считаны адресатом в соответствии с интенцией автора посланий, могли склонить того к желаемому для автора результату. Так, само послание начинается со слов: «Услыши, государь великий, мое многогрешное моление и призри милостивным си оком и приими мое теплое исповедание» [13, л. 27], заимствованных дословно князем из Великого покаянного канона Андрея Критского (в понедельник первой недели Великого поста, песнь 2) и адресованных патриарху, а библейские отсылки соответствующим образом созвучны ряду тропарей данного канона. Цитацию князем канона Андрея Критского порой отмечает и сам переписчик [13, л. 30]. Обращение к патриарху «О преблагий наш пастырь и учитель» [13, л. 30] схоже с обращением Шаховского в виршевой молитве преподобному Димитрию Вологодскому [15, л. 315]. Стоит заметить, что силлабические строки можно обнаружить и здесь:

*Яви на мне, грешнем, свое благоутробное милосердие
яже весть твое благочестие наше нищее неможение [13, л. 30 об].*

О стихах князя Симеона Шаховского в контексте начала русского виршевого стихосложения, в частности, писал А. М. Панченко, относивший того к т.н. приказной школе [10].

Таким образом, можно предполагать, что не последним доводом для возвращения князя Шаховского ко двору и скорого поручения ему составить послание, требующее немалых святоотеческих познаний и умелого изложения догматики, было именно это небольшое «моление» патриарху Филарету – пример стиля князя Шаховского. Само послание, таким образом, следует рассматривать кроме прочего, как гимнографический интертекст, а скрупулезное изучение его в этом контексте и в стилистическом отношении в целом позволит уточнить оценку литературного творчества Шаховского, в частности, его гимнографических сочинений. Четвертому же браку князя, как то доказывают современные исследования, патриархом был дан некий статус, не зафиксированный, однако ж в документах, что и послужило после смерти Шаховского причиной распри его сыновей с дядьями.

Ниже публикуем заключительную часть «Моления» князя Шаховского по списку РГБ. Ф. 173.1 № 214. Л. 27-32. Орфография и пунктуация сохранены; в начале предложения ставится прописная буква; юсы, яти, еры опускаются и (или) заменяются на соответствующие буквы современного алфавита; титла раскрываются, их содержание вносится в строку, но не заключается в скобки.

Л. 29

15. ...аще ли, великий государь
16. наш и учитель и непотребно учиних
17. аз нищий, но за немошь и за возраст
18. юности моя остави сие прегрешение
19. понеже государь нужда ради и закону
20. пременение бывает. Сам вся веси
21. учителю наш благий елико оного
22. диявола на нас навет и елико наше

Л. 29 об.

1. страстование и плоти неможение
2. и слабость не якоже мы насилуемы

3 от него, но и отшельницы и постницы едва
 4 плоти своя волнение многими труды
 5 и поты преодолевати возмогут, аще не бы
 6 благодать Божия спасала их.
 7 И аз грешный бо аз како могу братися нищ есмь
 8 и всякого блага лишен, рассеен умом
 9 и расслаблен помыслом и кому уподоблюся аз
 10 грешный, несть бо кто согрешити в человецех,
 11 егже не превзыдох согрешеньми, рубли-
 12 му ли уподоблюся первенцу израилеву
 13 егда ему взыти на ложе отца своего
 14 но еше аз превзыдох е соломоновым
 15 ли сладострастием влекомь ныне тако
 16 манасиему ли согрешению прилепихся
 Л. 30

1 И Ахаву ли скверному подражах. Но всех
 2 сих превзыдох прегрешеньми и ни еди-
 3 ному равен ся творю, никто же бо от сущих
 4 от Адама, якоже аз согреших
 5 к Богу моему и Владыце беззаконновах,
 6 якоже ин никтоже на земли поне отло-
 7 живше своей вещи много неподобное
 8 дело и не стужаю твоей святыни о многом
 9 но о едином преступлении молю токмо
 10 и припадаю ти, отцу благому, и приношаю
 11 глаголы моя, якоже слезы: о преблагий
 12 пастырю наш и учитель, о великий в патре-
 13 архех, прости мя Господа моего ради
 14 и ослаби ми. Тобе бо
 15 (дана бысть благодать даяти) и решати. Яви на
 16 мне, грешнем, свое благоутробное
 17 милосердие, яже весть твое благочестие,
 Л. 30 об.

1 об наше нищее неможение.
 2 Помяни в час сего моего моления глагол милостивый Господень.
 3 якоже сам живиночными своими усты рек Петрови.
 4 Аще кто согрешит крат до семидесятих
 5 седмерицею, отпустить ему повеле
 6 согрешения. И паки Писание мало-
 7 душе утешати повелевает и прочая
 8 милостивыя глаголы словес же их воспомя-
 9 ни, государь и учителю наш честный, ихже тво-
 10 е благочестие превыше прочих человек
 11 довольно разумевае. Нам о том
 12 грубым и несмысленным нелепо
 13 твоей святыни возвецати еше еси сам
 14 благодатию Христовою вся веси,
 15 поне же ты Бог благородна яви и чиста
 Л. 31
 1 душою и поручи пасти стадо словес-
 2 ных овец Своих и спасати е от волка
 3 грядущаго. Аще ли грешный аз и не-
 4 потребно учиних, но молюсь ти, вели-
 5 кому государю, пречистыя ради Божия
 6 Матере, еяже блажат вси роди
 7 и тридневнаго ради воскресения Христова

- 8 имже ликует весь мир и всехвальных
 9 ради христовых ученик и апостол, ихже
 10 от всего мира избрал есть и преподобных
 11 и богоносных отец наших ихже от века Богу
 12 благоугодивших тех ради всех
 13 и едиnorodного сына своего, государя нашего
 14 Богом избранного скифетродержавного
 15 царя великого князя Михаила Федоровича
 16 всея России здравия его и благого пребывания
 Л. 31 об.
- 1 и своего ради святительского здравия и пресвитер-
 2 наго пребывания. Прости мя, богоизбра-
 3 нный великий пастырь наш и учитель
 4 и отпусти моя согрешения по благодати
 5 от Бога данная. Тебе да обрящу и аз грешный
 6 от Христа Бога милостив день судный. Не дай
 7 ми пасти во множество любодееяние
 8 и от сего во уныние бесовское и в ров погибель-
 9 ный отчаяния. Понеже, Государь великий
 10 исповедаются егда ко греху блудных
 11 обычаев прихожу, тогда во отчаяние
 12 впадаю и уму помрачение ми бывает,
 13 а воздержания, великий государь, поднати
 14 онаго немогу, теплоты ради зельныя
 15 во мне. Молю ти ся, великоименный свя-
 16 тител, пощади мя, немощнаго, не отлу-
 Л. 32
- 1 чи мя от супружества моего
 2 щедрот ради Христовых рассуди о мне вели-
 3 кий государь, прежде даже до конца
 4 не погибну и спаси мя буди ми благ и ми-
 5 лосерд рабу своему, яко Господь наш Исус
 6 Христос милосерд есть.

Литература

1. Бередников Я.И. Письма 4-й супруги царя Ивана Васильевича Грозного к боярину Салтыкову // Сын Отечества. 1829. № 32. С. 333-346; ВОИДР. 1851 / цит. по: Сидорова С.В. Дария (Колтовская Анна Алексеевна) // Православная энциклопедия. Т. XIV. М., Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. С. 199 – 201.
2. Буланин Д.М. Симеон Иванович Шаховской-Харя // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Ч. 4. Т-Я. СПб., Дмитрий Буланин, 2004. С. 275 – 286.
3. Буслаев Ф.И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древне-русского языков. М., 1861, 1632 стб.
4. Былинин В.К., Илюшин И.И. Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М.: Совр. Россия, 1989. 480 с.
5. Корсаков Д. Шаховской, князь Семен Иванович, по прозванию Харя // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 22. С. 586 – 589.
6. Лунин С.В. Вопрос о количестве разрешенных браков в Стоглаве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011, С. 228 – 229.
7. Ляпин Д.А. Послание князя С.И. Шаховского к некоему другу «Зело полезно» и обстановка при московском дворе в первые годы патриаршества Филарета (1619-1622) // Novogardia. 2019. № 2. С. 226 – 230.
8. Ляпин Д.А. Четвертый брак: о семейной жизни князя с. И. Шаховского // История. Факты и символы. 2022. № 3 (44). С 20 – 25. DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-20-24
9. Макарий (Булгаков), митр. «История русской церкви». СПб., 1882. Т. XI.
10. Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., Наука, 1973. 280 с.

11. Русский биографический словарь Т. XXII. Чаадаев-Швитков. М., 1905. 644 с.
12. Шаховской С.И. «Служба положение ризы еже есть хитон великого Господа Бога и спаса Нашего Иисуса Христа» // Сочинения князя Семена Шаховского (рукопись) // Отдел рукописей РГБ. Ф. 173.1 № 214. Л. 429 – 442 об.
13. Шаховской С.И. Моление к великому во отцех отцу святейшему Филарету Никитичу патриарху Московскому и всея Руси о разлучении супружества, zelo умильно / Сочинения князя Семена Шаховского (рукопись) // Отдел рукописей РГБ. Ф. 173.1 № 214. Л. 27 – 32.
14. Шаховской С.И. Домашние записки // Московский вестник. 1830. № 5. С. 61 – 73.
15. Шаховской С.И. Послание вопросившему и четвертом браце Сочинения князя Семена Шаховского (рукопись) / Отдел рукописей РГБ. Ф. 173.1 № 213. Л. 88 – 103 об.

References

1. Berednikov Ja.I. Pis'ma 4-j suprugy carja Ivana Vasil'evicha Groznogo k bojarinu Saltykovu. Syn Otechestva. 1829. № 32. S. 333-346; VOIDR. 1851. cit. po: Sidorova S.V. Darija (Koltovskaja Anna Alekseevna). Pravoslavnaia jenciklopedija. T. XIV. M., Cerkovno-nauchnyj centr «Pravoslavnaia jenciklopedija», 2002. S. 199 – 201.
2. Bulanin D.M. Simeon Ivanovich Shahovskoj-Harja. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. XVII v. Ch. 4. T-Ja. SPb., Dmitrij Bulanin, 2004. S. 275 – 286.
3. Buslaev F.I. Istoricheskaja hristomatija cerkovno-slavjanskogo i drevne-russkogo jazykov. M., 1861, 1632 stb.
4. Bylinin V.K., Iljushin I.I. Virshevaja poezija (pervaja polovina XVII veka). M.: Sovr. Rossija, 1989. 480 с.
5. Korsakov D. Shahovskoj, knjaz' Semen Ivanovich, po prozvaniju Harja. Russkij biograficheskij slovar'. SPb., 1905. T. 22. S. 586 – 589.
6. Lunin S.V. Vopros o kolichestve razreshennyh brakov v Stoglave. Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2011, S. 228 – 229.
7. Ljapin D.A. Poslanie knjazja S.I. Shahovskogo k nekoemu drugu «Zelo polezno» i obstanovka pri moskovskom dvore v pervye gody patriarshestva Filareta (1619-1622). Novogardia. 2019. № 2. S. 226 – 230.
8. Ljapin D.A. Chetvertyj brak: o semejnoj zhizni knjazja s. I. Shahovskogo. Istorija. Fakty i simvoly. 2022. № 3 (44). S. 20 – 25. DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-20-24
9. Makarij (Bulgakov), mitr. «Istorija russkoj cerkvi». SPb., 1882. T. XI.
10. Panchenko A.M. Russkaja stihotvornaja kul'tura XVII veka. L., Nauka, 1973. 280 с.
11. Russkij biograficheskij slovar' T. XXII. Chaadaev-Shvitkov. M., 1905. 644 с.
12. Shahovskoj S.I. «Sluzhba polozhenie rizy ezhe est' hiton velikogo Gospoda Boga i spasa Nashego Iisusa Hrista». Sochinenija knjazja Semena Shahovskogo (rukopis'). Otdel rukopisej RGB. F. 173.1 № 214. L. 429 – 442 об.
13. Shahovskoj S.I. Molenie k velikomu vo otceh otcu svjatejšemu Filaretu Nikitichu patriarhu Moskovskomu i vseja Rusi o razluchenii supruzhestva, zelo umil'no. Sochinenija knjazja Semena Shahovskogo (rukopis'). Otdel rukopisej RGB. F. 173.1 № 214. L. 27 – 32.
14. Shahovskoj S.I. Domashnie zapiski. Moskovskij vestnik. 1830. № 5. S. 61 – 73.
15. Shahovskoj S.I. Poslanie voprosivshemu i chetvertom brace Sochinenija knjazja Semena Shahovskogo (rukopis'). Otdel rukopisej RGB. F. 173.1 № 213. L. 88 – 103 об.

*Malyuta E.G., Postgraduate, Research Assistant,
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences*

The stylistic mode of argumentation in the “Epistle “Zelo umil’no...” of prince Simeon Shakhovskoy

Abstract: Prince Simeon Shakhovskoy is known to researchers primarily for his works of a historical nature and his autobiographical "Home Memoirs". The literary talent of Shakhovskoy, who had not once been in disgrace, was, however, recognized by his contemporaries and the leaders of the state: for example, the prince was assigned to compose the famous letter to Shah Abbas on behalf of Patriarch Philaret. The disgrace of the prince, which befell him in 1622 and was connected both to his political faults and his conflict with the patriarch over the circumstances of his family life, was very soon removed. The reason for the termination of the exile is unknown, but it is obviously connected with the need for Prince Shakhovskoy at court.

This article, after reviewing the situation with the case of the fourth marriage, deals with the main points of argumentation of Prince Simeon Shakhovskoy's letter to Patriarch Philaret from the Tobolsk exile in 1622. For comparative study, information from other sources of the prince's cycle of literary works related to the problem of the canonicity of the fourth marriage is drawn: a broad list of arguments in them is reduced to one idea about the possibility of the patriarch to resolve the situation with the fourth marriage in favor of Shakhovskoy. In the message to the patriarch himself, the possibility of justification of his actions is absent, which makes it necessary to study this message as containing an argument of a different kind - arguments of the prince's ability to be necessary as a writer. Thus, on the basis of a study of the nature of the quotation in this epistle (including the hymnographic quotation), it is possible to see the style of the epistle as a mode of argumentation of the author. The article also publishes the final part of the said epistle to the patriarch, on the basis of which these observations're made.

Keywords: Prince Simeon Shakhovskaya, Patriarch Filaret, fourth marriage, 17th century, hymnography

For citation: Malyuta E.G. The stylistic mode of argumentation in the “Epistle “Zelo umil’no...” of prince Simeon Shakhovskoy. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 160 – 166.

**Панков В.В., кандидат педагогических наук, доцент,
Салахутдинов С.Р.,
Кыргызско-Российский славянский университет, Кыргызская Республика**

Роль СМИ в негативной популяризации и возрастающей тенденции скулшутинга

Аннотация: актуальность статьи обусловлена проблемой террористических актов в школьной практике, известной в настоящее время как скулшутинг. Научная новизна исследования предопределена отказом от традиционной оценки субъектов рассматриваемого типа террористической активности в качестве людей, предрасположенных к психическим отклонениям с перенесением акцента на зависимость активизации скулшутинга от социально-политических процессов в периоды кризисных явлений, и сопутствующих им нарушениям социально признаваемых механизмов массовой коммуникации. *Основной целью* статьи является доказательство утверждения роли СМИ в формировании отношения к скулшутингу, необходимость усиления социально-политической подготовки корреспондентского звена до уровня формирования аналитических навыков, необходимость формирования гибкой системы редактирования материалов, не позволяющей реализовывать на практике популяризацию негативных социальных явлений. Основными *задачами* видится привлечение внимания к зависимости негативной популяризации указанной проблемы под воздействием, с одной стороны, социального давления на индивида в условиях политических катаклизмов, а с другой – поднимается проблема необходимости освещения террористической активности в средствах массовой информации, что в условиях субъективной погони за рейтингами ведет к многократной повторяемости материалов, что в условиях реальности формирует у подростков, не имеющих устоявшихся социальных приоритетов некоторую сценарность и, фактически, способствует пропаганде терроризма.

В статье приводится некоторая аналитика, предполагающая зависимость активизации скулшутинга в периоды политических проблем на примере США. Анализ позволил сделать выводы о возможной панельности рассматриваемой конфликтности с заданной синусоидой повторяемости, в силу аналогичной траектории развития политического процесса в стране.

В качестве первичных результатов исследования предполагается подборка эмпирического материала, позволяющего утвердить мысль о возможности зависимости тиражирования данной темы в СМИ от характера политического состояния общества и методологической грамотности субъектов коммуникативного акта.

Ключевые слова: СМИ, скулшутинг, социальное давление, социальное пространство, девиация, социально-политическая подготовка журналистов

Для цитирования: Панков В.В., Салахутдинов С.Р. Роль СМИ в негативной популяризации и возрастающей тенденции скулшутинга // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 167 – 173.

Комплекс социальных проблем современного цивилизационного поля во многом связан с взаимодополняющими друг друга тенденциями гипернасыщенности социального пространства с явным перегрузом всех возможных параметров антропоморфности среды, и, как следствие, расширения типов внутривидовой агрессии человеческого сообщества, так и количественного параметра последнего. Так, например, основатель этологической теории агрессии К. Лоренц рассматривал ее как врожденный инстинкт человека, как некий механизм естественного отбора, полагая, однако, что *«Если у животных существует так называемый порог агрессивности и выражение агрессии непосредственно связано с уровнем опасности, то в социуме, где агрессия может зависеть не только от уровня опасности, данный порог может отсутствовать. Развитие цивилизации с её нормами социального поведения не дает разрядки инстинктам, агрессивным побуждениям, от чего и страдает человек. Отсутствие выхода агрессии приводит к нервным или психическим расстройствам»* [1, с. 61].

Немаловажную роль играет тот фактор, что влекущие за собой опасности и риски события, особенно те, которые обыватель легко переносит в сферу собственных, частных рисков, а, следовательно, легко вызывающие эмоциональную рефлексию, активно используются, с очевидным стремлением актуализации рейтингов средствами массовой информации. Так, например, анализируя освещение эпидемии лихорадки Эбола, Юдин А.С. полагает, что *«На сегодняшний день СМИ, благодаря появлению сети Интернет, являются постоянными спутниками рядового гражданина. Это значительно ускоряет процесс мифологизации: если раньше мифы формировались на протяжении многих лет, то в настоящее время мифотворчество может возникнуть в течение одного дня в любой локации. Из этого следует, что информационное общество, совершаясь и развиваясь, идёт не в направлении снижения угроз, а, напротив, к их возрастанию, т. к. в*

условиях непрерывного потока информации актуализируется проблема её достоверности» [2, с. 176-177]. Похожего мнения придерживаются и другие исследователи проблематики «информационного повода» [3, 4].

Особо стоит подчеркнуть, что желание конкретных информационных агентов сохранить пребывание в тренде ведет к многочисленному тиражированию информационного повода, что в силу эпатажности создает у обывателя, неискушенного в критической аналитике ощущение избыточности, а, следовательно, обыденности, явлений, собственно, этот повод и дающих.

Одним из негативных примеров вышесказанного может считаться явление, вошедшее в социальную риторику под термином «скулшутинга» (Как правило, скулшутингом называют нападение на учебное заведение с применением огнестрельного оружия. Преступление называемые этим термином, чаще всего классифицируют как массовый расстрел (повлекший за собой как минимум, 4 смертельных исхода). Было бы ошибкой ассоциировать рассматриваемое явление исключительно как событие, свойственное некоей западной цивилизации. Начало детерминации явления из ряда ему подобных связано с событиями 20 апреля 1999 г., в школе Колумбайн, США, когда Эрик Харрис и Дилан Клефорд совершили первый подобный теракт, в ходе которого пострадало 37 человек, из которых 13 были убиты.

В ходе нашего рассуждения, вызвавшего написание настоящей работы, мы обращаем внимание, что широкое освещение в прессе указанного прецедента (по количеству материалов и развернувшихся вокруг их публикаций дискуссий информация о событии оказалось более популярной, чем проходящий в то же время конфликт в Косово), привело не только к появлению феномена «эффекта Колумбайна», связанного с подражательными моделями поведения, но и разносторонней дискуссионной оценки происходящего, что сформировало в широких социальных массах субъективное ощущение обыденности ситуации. Безусловно, СМИ США, сфокусировав внимание аудитории на личности преступников, старательно подвели к идее о психологической патологии, активно формируя стереотип о психологических расстройствах людей, сегодня называемых «скулшутерами», что, конечно не лишено основания, но, с одной стороны, отводило внимание от породивших явление причин, а с другой, формировало некий шаблон имиджа психически неполноценного преступника, чье душевное состояние юридически избавляет от несения полномасштабной уголовной ответственности. Неудивительно, что к сегодняшнему дню мы имеем как минимум, 12 полномасштабных акций и неподдающееся статистике количество нападений меньшего масштаба на территории США, но с явной тенденцией имитации «более удачных» с точки зрения подростковой субкультурной девиации, в ходе которых жертвами оказались порядка 278 тыс. людей, в том числе убитых и раненых, а также оказавшихся под воздействием происходящего события.

Так, по данным Карпова В.О. «Наибольшее количество подобных преступлений регистрируется в США: по статистике в 1900-1960 гг. в среднем в год в стране совершалось около 20 преступлений с применением преступниками огнестрельного орудия, с 1970 года происходит увеличение таких преступлений (1970 – не более 30 преступлений; 1980 – 40, 1990 – 65; 2000 – 65; с 2010 по настоящее время – 143)» [5, с. 443]. Поскольку мы далеки от мнения, что подобная девиация является случайной, корни состоявшихся актов следует искать в процессах социальной аномии, и в этой связи, на кажется заслуживающей внимания закономерность динамики наиболее ярких событий в США с достаточно легко просматриваемой периодичностью примерно в 5 лет, происходящей на фоне эскалации социального напряжения, а именно:

1. Нападение на Технологический институт Вирджинии, Блэксбург, Вирджиния - В 2007 году 16 апреля жертвами расстрела стали 32 убитых и 17 раненных, а инцидент в Virginia Tech до сих пор является самым смертоносным актом скулшутинга в истории США. Катализатором данного события мы можем назвать катастрофически низкий уровень легитимности власти ставший ничем иным, как следствием так называемого ипотечного кризиса. В промежутке 2006-2007 гг. крах предприятий и рост безработицы повлекли за собой сокращение занятости и соответственно снижения уровня дохода населения. Попытки разрешения неутешительного положения путем снижения налогов, учетных ставок и предоставлением льготных кредитов дали почву для увеличения дефицита бюджетных средств и государственного долга, по итогу описанные выше трудности стали причиной закономерного спада уровня легитимности власти в обществе потребления.

2. 14 декабря 2012 года в городе Ньютаун штата Коннектикут в начальной школе Сэнди Хук произошел расстрел, в ходе которого погибли 26 человек, по количеству жертв в США данный случай уступает только приведенному выше инциденту в институте Вирджинии. В результате анализа социально-политической обстановки, мы выявили что “камнем преткновения” в достижении приемлемого уровня легитимности стали спорные законопроекты партии демократов во главе с Бараком Обамой. Смягчение государственной политики по отношению к нелегальным мигрантам и представителям ЛГБТ (такие как: официальное разрешение на службу в армии и однополые браки) населением придерживающихся консервативных

взглядом было принято “в штыхы”. Соответственно, процесс размежевания общества на негласно две противоборствующие стороны обрел явный характер. Кульминацией этой конфронтации, несомненно, стали президентские выборы 6 ноября 2012 года. Представитель партии демократов Барак Обама одержал победу с небольшим отрывом, набрав – 65 915 796 голосов, что эквивалентно – 51,1%. Митт Ромни – представляющий Республиканскую партию – 60 933 500, т.е. – 47,2%.

Также будет ошибкой не отметить хронологический порядок событий – выборы состоялись 6 ноября 2012 г., – стрельба в школе Сэнди Хук – 14 декабря 2012 г., промежуток составил немногим больше месяца, что еще раз акцентирует внимание на причинно-следственную связь событий.

Напрашивается вывод, что легальная власть в условиях населения поделенного двумя политическими идеологиями в таком равном соотношении априори не может обрести приемлемый уровень легитимности.

Аксиоматичным принято считать взаимодействие в рамках двухпартийной политической системы как маркер развзтого и устоявшегося демократического политического режима и наши промежуточные выводы могут восприниматься некая альтернативная точка зрения, что безусловно, интересно с точки зрения анализа политологической составляющей, но выходит за рамки принятого к рассмотрению вопроса.

3. Массовое убийство совершенное 14 февраля 2018 г. в школе Марджори Стоунман Дуглас в городе Паркленд во Флориде унесло 17 жизней, что ставит его в один ряд с упомянутыми выше.

Для того, чтобы полноценно осветить причины и предпосылки, оказавшие возможное влияние мы должны опираться на результаты президентских выборов 2016 года и их последствия. В качестве кандидата от Республиканской партии выступал Дональд Трамп, от Демократической партии – Хиллари Клинтон. Вопреки предварительным прогнозам Дональд Трамп одержавший победу, стал свидетелем бури протестов. Под руководством Роберта Мюллера, было проведено расследование, установившее факт вмешательства России в процесс выборов. Фигура Трампа на политической арене приобрела неоднозначный характер. Высказывания подвергались жесткой критике. Законопроекты, такие как: заморозка грантов и контрактов для Агенства по охране окружающей среды и исполнительный указ, запрещающий въезд беженцев гражданской войны в Сирии встречали негативный отклик общественности. Разумеется, описанные факторы крайне отрицательно сказывались на имидже, репутации и легитимности президентской власти как таковой.

Приведенное выше дает нам основания предположить, что целью преступлений подобного рода в контексте данного временного отрезка, могла быть демонстрация публичного протеста, выраженного в крайне категоричной форме, что хаактерно для подростковой среды, и, очевидно, является рефлексией на социальное давление со стороны проходящего политический конфликт общества.

4. 24 мая 2022 в начальной школе в городе Ювалде (штат Техас) произошла стрельба, погибли 15 человек. Нельзя не отметить, что лишь один случай, в течение 2022 года насчитывается еще 6 подобных инцидентов с меньшим количеством жертв. Пережитая пандемия 2021 года пагубно сказалась как на экономике, так и на легитимности власти Республиканской партии в США. Высокая инфляция и рост цен на сырье, материальный ущерб нанесенный санкциями, утраченный рынок сбыта – факторы дискредитирующие Джо Байдена, которые ставят под сомнения компетентность представителя партии Республиканцев на международной арене. Выше указанное наглядно демонстрирует подобные акты в качестве индикатора негативных тенденций в экономическом и социальном поле государства.

Выявленная закономерность позволяет констатировать некоторую убежденность в видении скулшутинга как механизма фактической подростковой реакции на социальную аномию, причины которой для каждой культурной матрицы (соответственно, социально-политической обстановке в конкретно взятом государстве) достаточно индивидуальны. Решающий фактор реализации молодежного протеста через рассматриваемые сегодня механизмы скулшутинга следует соотносить с доступными и привлекательными для подростковой возрастной группы способами (как протестная реакция на шаблонное культурное взаимодействие взрослого человека, уже пережившего особенности подросткового кризиса). Таким образом, надо понимать, что, растиражированные в СМИ случаи скулшутинга адресованы именно взрослой возрастной категории, тогда как подростки воспринимают это как своеобразную рекламу собственной контркультурной среды. Еремина А.Г. полагает, что *«человеку вообще, а молодым в особенности свойственны дух противоречия, стремление игнорировать многие запреты старших. Стремление перебороть традиционные формы поведения ведёт к созданию собственных норм, часто противоречащих общепринятым»* [7, с. 12]. Более того, в этой же работе, Еремина А.Г. указывает и на влияние СМИ в формировании субкультур [7, с. 11]. Таким образом, с одной стороны, СМИ складывают в сознании подростков определенное шаблонное видение «идеального мировосприятия» через тиражировании популярных передач, героических образов и т.д, с другой – вызывают реакции неприятия подростков на «взрослые» культурные запреты через новостные и аналитические программы. Накладываемая на общую социальную неудовлетворенность, всегда вы-

зывающую повышение уровня внутривидовой агрессии, сам врожденный инстинкт агрессии становится ведущим в человеческой деятельности, стирая рамки социального табуирования в этой сфере.

При этом, если взрослый человек, в силу устоявшихся привычек и моделей поведения коррелирует повышение агрессии с устоявшимися культурными нормами, подросток остро нуждается в сценарных подсказках в реализации собственных социальных амбиций. И в этой связи, информационный поток в СМИ (обращаем внимание, изначально предназначенный для взрослой аудитории, но доступный для подростка) является безальтернативным моделированием ситуации, то есть, фактическим прямым руководством к действию. Российский исследователь медиапроблем Нафталиева В.О. находит, что одной из причин негативного влияния СМИ на психику молодежи заключается именно в современном снижении актуальности журналистской работы и в желании повышения рейтинговости: *«Значительное число СМИ, особенно региональных, существует исключительно как средство реализации интересов власти, коммерческих корпораций. Прочная практика спонсоров или прямых вливаний от власти, бизнеса в обмен на лояльность не позволяют в полной мере заработать механизмам конкуренции, рекламы, спроса и предложения. Распространенная система копирайтинга и имиджмейкерства приводит к тому, что, во-первых, из СМИ вымываются журналистские материалы и, во-вторых, редакции практически прекращают изучать и учитывать истинные читателя-зрителя-слушателя»* [6].

Конечно, есть еще традиционная форма ухода от «непривлекательной взрослой» реальности, а именно, подростковый суицид. Обращаем внимание, что потенциальная летальность обоих сценарных вариантов возводит ситуацию в крайнюю форму понятной подростку экзальтации, конечности совершаемого шага, а, следовательно, снятия налагаемых последствиями ограничений, что позволяет рассчитывать на предельную экспрессию предлагаемой демонстрации.

Сказывается и отсутствие полноценного контроля над «чистотой» и «объективностью» контента в СМИ США. Отправной точкой мы можем назвать факт того, для открытия частного СМИ гражданину не требуется документально фиксировать или уведомлять какой-либо орган власти. Так или иначе, абсолютная свобода слова – осуществлению не поддается, и Федеральная комиссия по связи (Federal Communication Commission) приозводит меры по регулировке теле- и радио эфира правительственных масс-медиа, однако подобным мероприятиям не подвергается само содержание программ, включая в себя лишь цензурирование ненормативной лексики и запрет на вещание материалов явного сексуального характера. В свою очередь, печатные издания сохраняют за собой полную независимость в составлении и реализации своей редакционной политики, соответственно, как и представители СМИ в сети интернет.

Как пример мы можем привести телеканал Al-Jazeera освещавший в американском инфополе ракетные удары войск коалиции по Афганистану и прямые трансляции заявлений Усамы бен Ладена, без каких-либо санкций и ограничений.

Журналисты, чья деятельность направлена исключительно на американский рынок медиа не рискуют понести ответственность за распространение любой информации, не считая клеветы и прямых угроз, по отношению к лицам причастным к обществу, коими являются служащие в государственных учреждениях. Любые попытки пресечения свободы слова СМИ переходящие за рамки описанных выше возможных запретов расцениваются как противоречащие Конституции.

Впоследствии мы имеем информационное поле перенасыщенное различными частными источниками и фактически отсутствие ограничений и контроля со стороны властей. Ввиду того, что правительство не занимается финансированием, единственная возможность обеспечить жизнеспособность – продажа рекламы и спонсорские средства, но фоне описанного выше конкуренция обретает устрашающий масштаб. Дабы сохранять нахождение в трендах работники СМИ вынуждены использовать различные методы и приемы манипуляции аудиторией, многие из которых как с точки зрения «журналистской этики», так и для негласных устоев среди взрослого населения неприемлимы.

Поскольку ранее мы уже настаивали на необходимости понимания социальной аномии как основного источника, порождающего внутрисоциальную агрессию, в том числе, и скулуштинг, стоит понимать, что каждое общество проходит через этапы социальной дезинтеграции. Так, социолог Э. Дюркгейм полагал, что: *«социальное отчуждение может быть результатом не только экономических преобразований, но и несовпадения насаждаемой или господствующей системы нравственных ценностей и мировоззрения отдельно взятого индивида. Происходит дезориентация личности, а выходом из ситуации неопределенности может стать и нередко становится либо социальное отчуждение, либо уход в себя как результат дезинтеграции – внешней и внутренней»* [8]. Оба вышеуказанных варианта могут приводить к разнообразным проявлениям агрессии в обществе – как по отношению к себе, так и по отношению к другим представителям социума.

То есть, не надо воспринимать рассматриваемое сегодня явление исключительно как психологические отклонения отдельных подростков на легальную продажу оружия в либеральных западных культурах, или разово проявляющуюся неправильную форму воспитания в конкретных семьях, и тем более, только как следствие социальной изоляции. Обращаем внимание, что любое здоровое общество базируется на монополюсности единой нормативно-правовой базы, и неважно, это система традиций и родовых норм в племенном сообществе, или единое конституционная платформа правового государства.

Общая вседозволенность, разрозненность и отдаленность от правительственных интересов в условиях жесткой конкуренции повлекла за собой рост значимости культуры насилия в восприятии умов подросткового поколения. СМИ вынуждены из раза в раз создавать более и более шокирующие сюжеты пренебрегая ответственностью за возможные последствия для поддержания собственной актуальности. Как итог мы имеем новую систему ценностей принятую подростковым поколением за истину и руководство для решения жизненных трудностей, в которой залог популярности лежит в эпатаже, тяжести преступления, количестве и масштабе жертв.

На примере политики США по отношению к СМИ и ее последствиях наглядно прослеживается необходимость контроля. Необходима именно монополюсность некоей легитимной структуры, на установление рамок дозволенного в системе межличностных и внутрисоциальных коммуникаций. Важно также понимание, что для каждого типа этапности, режимности и историзме формирования конкретной социальной общности, характерна своя система легитимизации той самой нормативно-правовой основы. Распространение информации, тем более достаточно широкомасштабной, складывается у не до конца сформированного в качестве социальной единицы индивида логичность и потребность поиска альтернативных нормативных основ, позволяющих ему утверждение собственной амбициозности в обход основополагающего принципа моноцентричности норм.

Все вышесказанное дает основание к введению повышенных требований в социально-политической подготовке к работникам информационного поля. При этом, надо понимать, что речь идет не о пресловутой цензуре и ограничении свободы слова, а о осознанном выборе ответственности, приоритете методологической грамотности в общественно-исторических науках, в отказе под благовидным предлогом сохранения рейтинга от низкопробной эпатажной новостной информации, даже в случае ее качественной филологической обработке. При составлении редакционной политики и работе над материалами СМИ приоритеты должны быть обращены в сторону искоренения и порицания девиантных черт, пагубно влияющих на общество потребления.

Литература

1. Безрукова Л.И. Природа агрессии и ее проявления // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2014. № 3. С. 59 – 63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priroda-agressii-i-eyo-proyavleniya> (дата обращения: 17.01.2023)
2. Юдин А.С. Эпидемии как основа для мифологизации в СМИ (на примере вспышки лихорадки Эбола 2014-2016 гг.) // Медиасреда. 2019. № 1. С. 175 – 181. RL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epidemii-kak-osnova-dlya-mifologizatsii-v-smi-na-primere-vspyshki-lihoradki-ebola-2014-2016-gg> (дата обращения: 17.01.2023)
3. Ухова Л.В. Журналистика в XXI веке: «Информационный повод» к размышлению // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2015. № 4. С. 89 – 95. RL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistika-v-xxi-veke-informatsionnyy-povod-k-razmyshleniyu> (дата обращения: 17.01.2023)
4. Душакова И.С. От newslore к news, от news к newslore: история одного мема // Шаги/Steps. 2017. № 2. С. 63 – 76. RL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-newslore-k-news-ot-news-k-newslore-istoriya-odnogo-mema> (дата обращения: 17.01.2023)
5. Карпов В.О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9. № 4. С. 442 – 446. DOI: 10.24420/KUI.2018.49.27.001
6. Нафталиева В.О. Влияние современных сми на молодежь // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2011. № 2. С. 182 – 195. RL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sovremennyh-smi-na-molodezh> (дата обращения: 17.01.2023)

7. Еремина А.Г. Молодежная субкультура и сложности социализации // Эксперимент и инновации в школе. 2011. № 6. С. 9 – 13. RL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnaya-subkultura-i-slozhnosti-sotsializatsii> (дата обращения: 17.01.2023)

8. Напсо М.Д. Аномия как социальный феномен // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 3 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anomiya-kak-sotsialnyy-fenomen> (дата обращения: 17.01.2023)

References

1. Bezrukova L.I. Priroda agressii i ee projavleniya. Intellekt. Innovacii. Investicii. 2014. № 3. S. 59 – 63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priroda-agressii-i-eyo-proyavleniya> (data obrashheniya: 17.01.2023)

2. Judin A.S. Jependemii kak osnova dlja mifologizacii v SMI (na primere vspyshki lihoradki Jebola 2014-2016 gg.). Mediasreda. 2019. № 1. S. 175 – 181. RL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epidemii-kak-osnova-dlya-mifologizatsii-v-smi-na-primere-vspyshki-lihoradki-ebola-2014-2016-gg> (data obrashheniya: 17.01.2023)

3. Uhova L.V. Zhurnalistika v XXI veke: «Informacionnyj povod» k razmyshleniju. Crede Experto: transport, obshhestvo, obrazovanie, jazyk. 2015. № 4. S. 89 – 95. RL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistika-v-xxi-veke-informatsionnyy-povod-k-razmyshleniyu> (data obrashheniya: 17.01.2023)

4. Dushakova I.S. Ot newstore k news, ot news k newstore: istorija odnogo mema. Shagi/Steps. 2017. № 2. S. 63 – 76. RL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-newstore-k-news-ot-news-k-newstore-istoriya-odnogo-mema> (data obrashheniya: 17.01.2023)

5. Karpov V.O. Kul't Kolumbajna: osnovnye determinanty massovyh ubijstv v shkolah. Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. T. 9. № 4. S. 442 – 446. DOI: 10.24420/KUI.2018.49.27.001

6. Naftaliev V.O. Vliyanie sovremennyh smi na molodezh'. Filosofskie problemy informacionnyh tehnologij i kiberprostranstva. 2011. № 2. S. 182 – 195. RL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sovremennyh-smi-na-molodezh> (data obrashheniya: 17.01.2023)

7. Eremina A.G. Molodezhnaja subkul'tura i slozhnosti socializacii. Jeksperiment i innovacii v shkole. 2011. № 6. S. 9 – 13. RL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnaya-subkultura-i-slozhnosti-sotsializatsii> (data obrashheniya: 17.01.2023)

8. Napso M.D. Anomija kak social'nyj fenomen. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki. 2017. № 3 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anomiya-kak-sotsialnyy-fenomen> (data obrashheniya: 17.01.2023)

*Pankov V.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Salakhutdinov S.R.,
Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyz Republic*

The role of the media in the negative popularization and the increasing trend of schoolshooting

Abstract: the relevance of the article is due to the problem of terrorist acts in school practice, currently known as schoolshooting. The scientific novelty of the study is predetermined by the rejection of the traditional assessment of the subjects of the considered type of terrorist activity as people predisposed to mental disorders, with a shift in emphasis on the dependence of the activation of schoolshooting on socio-political processes during periods of crisis, and the accompanying violations of socially recognized mechanisms of mass communication. The main purpose of the article is to prove the assertion of the role of the media in the formation of attitudes to schoolshooting, the need to strengthen the socio-political training of the correspondent link to the level of formation of analytical skills, the need to form a flexible system of editing materials that does not allow the popularization of negative social phenomena in practice. The main tasks are to draw attention to the dependence of the negative popularization of this problem under the influence, on the one hand, of social pressure on an individual in the conditions of political cataclysms, and on the other hand, the problem of the need to cover terrorist activity in the media is raised, which in the conditions of subjective pursuit of ratings leads to multiple repetitiveness of materials, which in reality forms teenagers who do not have well-established social priorities have some scenarity and, in fact, contributes to the propaganda of terrorism.

The article provides some analytics suggesting the dependence of the activation of schoolshooting during periods of political problems on the example of the United States. The analysis allowed us to draw conclusions about the possible panel nature of the conflict under consideration with a given sine wave of repeatability, due to the similar trajectory of the political process in the country.

As the primary results of the study, a selection of empirical material is supposed to confirm the idea of the possibility of dependence of the replication of this topic in the media on the nature of the political state of society and the methodological literacy of the subjects of the communicative act.

Keywords: mass media, schoolshooting, social pressure, social space, deviation, socio-political training of journalists

For citation: Pankov V.V., Salakhutdinov S.R. The role of the media in the negative popularization and the increasing trend of schoolshooting. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 167 – 173.

**Червякова О.А.,
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации**

Лексические средства выражения отрицательной оценки санкционной политики в отношении России (на материале корпуса испанских текстов)

Аннотация: в статье анализируются лексические средства выражения отрицательной оценки в испанском медийном дискурсе в контексте антироссийской санкционной политики. Лексема «sanciones» исследуется как ключевое слово антироссийского санкционного дискурса, которое в результате семантической деривации сегодня используется в качестве инструмента оказания давления и средства оценки действий.

На основе отобранных в результате корпусного анализа лексем с отрицательной коннотацией, а также посредством изучения сочетаемости и дистрибутивного окружения лексической единицы «sanciones» нами были выявлены три семантические группы лексических средств, используемых для выражения негативной оценки в контексте антироссийской санкционной политики: отрицательно коннотированные существительные, отрицательно коннотированные прилагательные, отрицательно коннотированные глаголы.

На основании проведенного исследования конкордансов можно заключить, что языковые единицы с отрицательной семой оценки создают своеобразный аксиологический фрейм испанского медийного дискурса. Выявленная высокая частотность данных лексических единиц в корпусе испанских текстов свидетельствует об их концептуальной значимости. Посредством использования лексических средств выражения отрицательной оценки в испанском медийном дискурсе оказывается серьезное воздействие на сознание реципиента.

Основным инструментом анализа в настоящей работе является исследование ключевых слов в контексте с помощью корпусной поисковой системы «Sketch Engine». Применение методов и инструментов корпусной лингвистики в сочетании с лингво-дискурсивным анализом позволяет увеличить объективность результатов исследования в отборе и анализе языковых единиц за счет статистической оценки анализируемых данных.

Материалом исследования послужил корпус статей, опубликованных в испанской еженедельной газете «El País» в период с 24 февраля 2022 года по 24 мая 2022 года.

Ключевые слова: медийный дискурс, антироссийские санкции, средства выражения отрицательной оценки, корпусный анализ, дискурс-анализ

Для цитирования: Червякова О.А. Лексические средства выражения отрицательной оценки санкционной политики в отношении России (на материале корпуса испанских текстов) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 174 – 179.

Реалии текущих глобальных политических процессов обуславливают лингвистическую интерпретацию информационной повестки медийного дискурса. Медiateксты играют ведущую роль в порождении, распространении и закреплении сначала в медийном пространстве, а затем и на языковом уровне новых ключевых слов для обозначения соответствующих общественно-политических событий. Для успешной узуализации лексемы в качестве языкового маркера медиадискурса необходимо, чтобы новая лексика начала оказывать воздействие на сознание индивида, формировать общественное мнение в нужном направлении с целью получения определенного перлокутивного результата, а затем при помощи обновленных лексем конструировать новую языковую реальность.

Сегодня одной из ключевых категорий современного политического испанского медиадискурса является лексема «sanciones» (санкции), лингвистическая интерпретация которой в условиях текущей экстралингвистической ситуации, характеризующейся открытыми и скрытыми экономико-политическими конфликтами, расширяет объем терминологического значения данной лексической единицы.

Новое значение лексемы «sanciones» свойственно исключительно форме множественного числа, которое в результате семантической деривации вышло за рамки лексики международного права и используется сегодня в испанском медийном дискурсе для обозначения ограничительных мер, которые принимает государство или союз государств в одностороннем порядке в рамках проведения политики внешней безопасности.

Односторонние ограничительные меры ошибочно отождествляются с понятием «санкции», поскольку данный термин должен использоваться исключительно в контексте решений Совета Безопасности ООН, единственного органа, наделенного необходимыми инструментами воздействия и обладающего исключительной прерогативой определять «существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта

агрессии» [1]. Согласно современному словарю международного права, «международные санкции – принудительные меры, осуществляемые международными организациями, прежде всего ООН» [2].

Подавляющее большинство юристов и политологов сегодня сходятся во мнении, что «санкции» нового формата утратили правовой статус в сфере международного права и перешли в политическую категорию, используемую в современном медиадискурсе в качестве инструмента оказания давления, формирования общественного мнения в нужном направлении, а также в качестве средства оценки действий правительств, организаций, отдельных юридических и физических лиц [3].

Актуальность настоящего исследования заключается в изучении особенностей лексических средств выражения отрицательной оценки в испанском медийном дискурсе с применением методов корпусной лингвистики для статистического анализа семантики слов в контексте санкционной политики в отношении России. Кроме того, испанская лексема «sanciones» впервые будет проанализирована с использованием методологии дискурсивного анализа.

Объектом исследования являются языковые средства выражения отрицательной оценки, **предметом** – лингвистическая репрезентация негативной оценки внешней политики России в испанском медийном дискурсе.

Цель работы состоит в выявлении лексических средств, используемых для выражения негативной оценки в контексте санкционной политики в отношении России и их дальнейшей статистической обработки в рамках испанского медиадискурса.

В теоретическую базу настоящего исследования входят труды в области лингвистической теории оценки Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, В.Н. Телии; а также в области политической лингвистики: А.Н. Баранова, Э.В. Будаева, Н.А. Герасименко, Н.Н. Мироновой, П.Б. Паршина, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал, Т. Ван Дейка.

На сегодняшний день развернутая со стороны коллективного запада антироссийская санкционная война является одной из актуальных информационных повесток. Не вызывает удивления, что большое внимание лингвистического сообщества сосредоточено на изучении ее языковых репрезентаций в СМИ. В частности, проведен анализ метафорических репрезентаций антироссийской санкционной политики на её начальном этапе на материале текстов российских СМИ [4]; выявлены основные отрицательно коннотированные единицы при описании антироссийской санкционной политики западных стран в британском медиадискурсе [5]; проведена первичная лингвистическая интерпретация значений немецкой лексемы «die Sanktionen», а также анализ примеров её употребления в немецком рестриктивном дискурсе [6].

Методологическую основу исследования составляют методы корпусной лингвистики, позволяющие уменьшить субъективность результатов исследования в отборе и анализе языковых единиц за счет статистической оценки анализируемых данных. Основным инструментом анализа семантики лексических средств выражения отрицательной оценки в настоящей работе является исследование ключевых слов в контексте или исследование конкордансов с помощью корпусной поисковой системы «Sketch Engine». Данная система с помощью функции «Thesaurus» (Тезаурус) позволяет производить глубокий анализ языковых данных, посредством изучения семантической сочетаемости единиц корпуса, а также их частотности.

Материалом исследования послужил корпус статей, включающий свыше 2000 текстов, опубликованных в электронной версии печатного издания испанской еженедельной газеты «El País» в период с 24 февраля 2022 года по 24 мая 2022 года. Объем корпуса испаноязычных текстов составил 988 270 слов.

Сегодня оценочная дихотомия является одной из ключевых категорий современного медиадискурса: используя языковые средства выражения категориальных значений, средства массовой информации являются проводником ценностных установок и ориентиров. В виду своей прагматической направленности медийный дискурс чаще всего тяготеет к выражению отрицательной оценки, поскольку одной из его основных целей является освещение кризисных моментов общественно-политических событий [7].

Настоящая работа основывается на анализе ключевого слова корпуса исследования – «sanciones». Так, при помощи инструмента «Thesaurus» корпусной поисковой системы «Sketch Engine» на базе корпуса отобранных испанских текстов нами был сформирован дистрибутивный тезаурус, в который вошли лексические единицы, имеющие общие коллокации.

В результате обработки корпусных текстов была получена сводная таблица лексем (рис. 1) с указанием их частотности, а также «облако тезауруса» («thesaurus word cloud»).

Путина в Украину и мощной реакцией со стороны ЕС с целью помочь Киеву не только **жесточайшими** антироссийскими экономическими **санкциями**, но и также «**смертоносным оружием**» (рус.) [11].

Не вызывает сомнения тот факт, что употребление подобных эмоционально-оценочных эпитетов порождает у реципиента ощущение напряженности и остроты антироссийской политики со стороны западного сообщества и порождает отрицательное восприятие относительно внешней политики России.

Употребление лексемы «sanciones» с глагольными компонентами позволяет проследить динамику расширения кодифицированного терминологического значения данной лексической единицы. Группа отрицательно коннотированных глаголов представлена такими частотными дистрибутивными элементами, как *ожесточить* (**endurecer**), *усилить* (**recrudecer**), *укрепить* (**reforzar**), *удвоить* (**redoblar**), *увеличить* (**ampliar**), *швырять* (**lanzar**), *умножить* (**multiplicar**), *бояться* (**temer**), *сражаться* (**luchar**). Приведем некоторые примеры использования данных лексических единиц в исследуемом нами корпусе:

En la conversación, la Unión Europea se ha comprometido a "endurecer las sanciones contra Rusia" y a "aumentar su ayuda económica a Ucrania" (исп.) - В разговоре Европейский союз пообещал «ужесточить санкции против России» и «увеличить свою экономическую помощь Украине» (рус.) [12].

На основании анализа приведенных выше примеров можно заключить, что подобные глагольные формы обладают эксплицитно-отрицательной семой оценки и являются одним из языковых инструментов, конструирующих социальную реальность и оказывающих мощный перлокутивный эффект на сознание реципиента.

Интересно отметить, что в контексте антироссийской политики глагол **temer** используется в испанском медийном дискурсе для ассоциирования эмоции страха с введением санкций со стороны Запада и усиления эмоционально-отрицательной нагрузки дискурса:

Rusia puede pedir ayuda a China, donde están depositadas un 14% de sus reservas en divisas extranjeras, pero es posible que las entidades chinas actúen con mucho cuidado temiendo sanciones secundarias occidentales que le compliquen el acceso a esos mercados (исп.) - Россия может обратиться за помощью к Китаю, где хранится 14% ее валютных резервов, но не исключено, что китайские структуры будут действовать очень осторожно, опасаясь вторичных западных санкций, которые осложнят доступ на эти рынки. (рус.) [13].

Особый интерес для нашего исследования представляют частотные глаголы, как, например, *сбрасывать* (**lanzar**), *атаковать* (**atacar**), *парализовать* (**paralizar**), *бороться* (**luchar**), *отдавать приказ* (**ordenar**), *теснить* (**presionar**), в контексте с которыми лексема «sanciones» приобретает метафорическое значение оружия войны:

La batería de sanciones lanzada desde Occidente, centrada en atacar el sistema financiero, ha tumbado el rublo, paralizado la Bolsa moscovita y alterado la vida cotidiana de los rusos (исп.) – Батарея санкций, вынужденных с Запада и нацеленных на атаку финансовой системы, обрушила рубль, парализовав Московскую биржу и изменив повседневную жизнь россиян (рус.) [14].

Putin "sin duda, no lucha contra Ucrania, lucha contra Occidente y debe comprender que Occidente va a luchar con él con el uso de todo tipo de armas (como son las sanciones económicas) y, entre ellas, aquellas que son letales para nuestro país" (исп.) - Путин «конечно не воюет с Украиной, он воюет с Западом и он должен понимать, что Запад собирается воевать с ним с применением всех видов оружия (таких как экономические санкции) и в том числе тех, которые смертельны для нашей страны» (рус.) [15].

Данные примеры наглядно демонстрируют, что в испанском медиадискурсе антироссийская санкционная политика метафорически представлена как военная конфронтация, в которой санкции являются оружием войны коллективного Запада против России.

Таким образом, благодаря современным методам корпусного анализа представляется возможным заявить, что лексема «sanciones» является концептуально значимой лексической единицей в испанском медийном дискурсе, которая расширила свое значение в результате семантической деривации и вышла за рамки своего кодифицированного терминологического значения, употребляемого в сфере международного права. Данная языковая единица характеризуется отрицательно оценочным модусом и маркирует современный испанский политический медиадискурс в статусе ключевого слова.

На основании проведенного исследования конкордансов можно заключить, что языковые единицы с отрицательной семой оценки создают своеобразный аксиологический фрейм испанского медийного дискурса. Выявленная высокая частотность данных лексических единиц в корпусе испанских текстов свидетельствует об их концептуальной значимости.

Подводя итог, следует отметить, что применение методов и инструментов корпусной лингвистики в сочетании с лингво-дискурсивным анализом позволило увеличить объективность результатов исследования, посвященному такому субъективно воспринимаемому объекту, как выражение отрицательной оценки в медийном дискурсе за счет проведения глубокого анализа языковых данных, посредством изучения семантической сочетаемости единиц корпуса, а также их частотности.

Литература

1. Устав ООН [сайт]. Сан-Франциско, 1945. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-7> (дата обращения: 14.09.2022)
2. Егоров С.А. Словарь международного права / Дипломатическая академия МИД России. Москва: Статус, 2014. 495 с.
3. Критский К.В. Термины «международные санкции» и «односторонние ограничительные меры» // Московский журнал международного права. 2016. № 2. С. 204 – 213.
4. Пинелли Э. Санкции против России: представление первой фазы санкционного процесса в российских СМИ // Rhema. Рема. 2019. № 4. С. 70 – 85.
5. Ковязина М.А., Ильющенко Т.А., Хабибуллина С.Б. Средства выражения отрицательной оценки при описании санкционной политики западных стран в отношении России и российских ответных санкций в текстах британских сетевых СМИ: корпусное исследование // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68). – С. 61 – 67.
6. Манёрова К.В. О развитии лексемы *sanktionen* как ключевого слова политически-правового рестриктивного дискурса в немецком языке // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 81 – 89.
7. Зайцева Е.Л. Выражение отрицательной оценки в политическом дискурсе: опыт сравнительно-сопоставительного исследования российских и французских печатных средств массовой информации: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: автореф. дис. ... на соиск. ученой степ. канд. филолог. наук / Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2006. 26 с. Библиогр.: С. 23 – 24.
8. El País [сайт]. Мадрид, 1976. URL: <https://elpais.com/internacional/2022-04-19/estados-unidos-enviaramas-ayuda-militar-a-ucrania-ante-la-ofensiva-rusa-en-donbas.html> (дата обращения: 23.08.2022)
9. El País [сайт]. Мадрид, 1976. URL: <https://elpais.com/internacional/2022-03-16/china-abronca-a-taiwan-por-enviar-ayuda-humanitaria-a-ucrania-y-sumarse-a-las-sanciones-contra-rusia.html> (дата обращения: 23.08.2022)
10. El País [сайт]. Мадрид, 1976. URL: <https://elpais.com/espana/2022-03-09/espana-eleva-su-nivel-de-alerta-ante-posibles-ciberataques-rusos.html> (дата обращения: 31.10.2022)
11. El País [сайт]. Мадрид, 1976. URL: <https://elpais.com/opinion/2022-03-18/el-gasto-en-defensa.html> (дата обращения : 31.10.2022)
12. El País [сайт]. Мадрид, 1976. URL: <https://elpais.com/internacional/2022-04-19/estados-unidos-enviaramas-ayuda-militar-a-ucrania-ante-la-ofensiva-rusa-en-donbas.html> (дата обращения: 31.10.2022)
13. El País [сайт]. Мадрид, 1976. URL: <https://www.pressreader.com/spain/el-pais-galicia/20220301/281560884247028> (дата обращения: 31.10.2022)
14. El País [сайт]. Мадрид, 1976. URL: <https://elpais.com/economia/2022-03-05/la-escalada-en-el-frente-economico-paralisis-en-rusia-subida-de-cereales-y-energia-y-desbandada-en-las-bolsas.html> (дата обращения: 31.10.2022)
15. El País [сайт]. Мадрид, 1976. URL: https://elpais.com/diario/2007/09/01/radiotv/1188597604_850215.html (дата обращения: 31.10.2022)

References

1. Ustav OON [sajt]. San-Francisko, 1945. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-7> (data obrashhenija: 14.09.2022)
2. Egorov S.A. Slovar' mezhdunarodnogo prava. Diplomaticheskaja akademija MID Rossii. Moskva: Status, 2014. 495 s.
3. Kritskij K.V. Terminy «mezhdunarodnye sankcii» i «odnostoronnie ogranicitel'nye mery». Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2016. № 2. S. 204 – 213.
4. Pinelli Je. Sankcii protiv Rossii: predstavlenie pervoj fazy sankcionnogo processa v rossijskih SMI. Rhema. Rema. 2019. № 4. S. 70 – 85.
5. Kovjazina M.A., Il'jushhenja T.A., Habibullina S.B. Sredstva vyrazhenija otricatel'noĭ ocenki pri opisanii sankcionnoĭ politiki zapadnyh stran v otnoshenii Rossii i rossiĭskih otvetnyh sankcii v tekstah britanskih setevyh SMI: korpusnoe issledovanie. Politicheskaja lingvistika. 2018. № 2 (68). – S. 61 – 67.
6. Manjorova K.V. O razvitii leksemy *sanktionen* kak ključevogo slova politicheski-pravovogo restriktivnogo diskursa v nemeckom jazyke. Politicheskaja lingvistika. 2018. № 5 (71). S. 81 – 89.

7. Zajceva E.L. Vyrazhenie otricatel'noj ocenki v politicheskom diskurse: opyt sravnitel'no-sopostavitel'nogo issledovanija rossijskih i francuzskih pechatnyh sredstv massovoj informacii: special'nost' 10.02.20 «Sravnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i sopostavitel'noe jazykoznanie»: avtoref. dis. ... na soisk. uchenoj step. kand. filolog. nauk. Chuvashskij gosudarstvennyj universitet im. I.N. Ul'janova. Cheboksary, 2006. 26 s. Bibliogr.: S. 23 – 24.
8. El País [sajt]. Madrid, 1976. URL: <https://elpais.com/internacional/2022-04-19/estados-unidos-enviara-mas-ayuda-militar-a-ucrania-ante-la-ofensiva-rusa-en-donbas.html> (data obrashhenija: 23.08.2022)
9. El País [sajt]. Madrid, 1976. URL: <https://elpais.com/internacional/2022-03-16/china-abronca-a-taiwan-por-enviar-ayuda-humanitaria-a-ucrania-y-sumarse-a-las-sanciones-contra-rusia.html> (data obrashhenija: 23.08.2022)
10. El País [sajt]. Madrid, 1976. URL: <https://elpais.com/espana/2022-03-09/espana-eleva-su-nivel-de-alerta-ante-posibles-ciberataques-rusos.html> (data obrashhenija: 31.10.2022)
11. El País [sajt]. Madrid, 1976. URL: <https://elpais.com/opinion/2022-03-18/el-gasto-en-defensa.html> (data obrashhenija : 31.10.2022)
12. El País [sajt]. Madrid, 1976. URL: <https://elpais.com/internacional/2022-04-19/estados-unidos-enviara-mas-ayuda-militar-a-ucrania-ante-la-ofensiva-rusa-en-donbas.html> (data obrashhenija: 31.10.2022)
13. El País [sajt]. Madrid, 1976. URL: <https://www.pressreader.com/spain/el-pais-galicia/20220301/281560884247028> (data obrashhenija: 31.10.2022)
14. El País [sajt]. Madrid, 1976. URL: <https://elpais.com/economia/2022-03-05/la-escalada-en-el-frente-economico-paralisis-en-rusia-subida-de-cereales-y-energia-y-desbandada-en-las-bolsas.html> (data obrashhenija: 31.10.2022)
15. El País [sajt]. Madrid, 1976. URL: https://elpais.com/diario/2007/09/01/radiotv/1188597604_850215.html (data obrashhenija: 31.10.2022)

*Chervyakova O.A.,
Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation*

Lexical means of expressing a negative assessment of the sanction policy towards Russia (by the material of the corpus of Spanish texts)

Abstract: the article analyzes the lexical means of expressing a negative assessment in the Spanish media discourse in the context of the anti-Russian sanctions policy. The lexeme "sanciones" is being studied as a key word in the anti-Russian sanctions discourse, which, as a result of semantic derivation, is now used as a tool for exerting pressure and a means of evaluating actions.

Based on the lexemes with negative connotations selected as a result of corpus analysis, as well as by studying the compatibility and distributive environment of the lexical unit "sanciones", we have identified three semantic groups of lexical means used to express a negative assessment in the context of the anti-Russian sanctions policy: negatively connoted nouns, negatively connoted adjectives, negatively connoted verbs.

Based on the study of concordances, it can be concluded that language units with a negative seme of evaluation create a kind of axiological frame of the Spanish media discourse. The revealed high frequency of these lexical units in the corpus of Spanish texts testifies to their conceptual significance. Through the use of lexical means of expressing a negative assessment in the Spanish media discourse, there is a serious impact on the consciousness of the recipient.

The main analysis tool in this work is the study of keywords in context using the Sketch Engine corpus search engine. The use of methods and tools of corpus linguistics in combination with linguo-discursive analysis makes it possible to increase the objectivity of the research results in the selection and analysis of linguistic units due to the statistical evaluation of the analyzed data.

The material of the study was a corpus of articles published in the Spanish weekly newspaper El País from 24February 2022 to 24 May 2022.

Keywords: media discourse, anti-Russian sanctions, means of expressing a negative assessment, corpus analysis, discourse analysis

For citation: Chervyakova O.A. Lexical means of expressing a negative assessment of the sanction policy towards Russia (by the material of the corpus of Spanish texts). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 174 – 179.

**Выборнова Л.В.,
Корнилова Л.Н., кандидат филологических наук, доцент,
Тезина Е.В.,
Южно-Уральский государственный университет**

Новая лексика периода коронавируса: семантика и функционирование

Аннотация: в настоящей статье авторы рассматривают актуальную проблему обусловленности подвижности лексического состава русского языка (как и любого другого национального языка) экстралингвистическими факторами. В современном языкознании принят тезис о том, что изменения в социальной жизни, особенно кардинальные изменения, находят отражение в языковой сфере. Одним из путей пополнения лексики правомерно считается образование новых слов. В статье были исследованы словообразовательные особенности неологизмов, которые относятся к семантической группе «пандемия», появление которых обусловлено таким экстралингвистическим фактором, как изменения в социальной жизни общества, связанные с пандемией COVID-19. В процессе исследования были использованы такие методы, как описательный метод, метод структурного анализа и количественного подсчета, метод компонентного анализа. Авторы статьи проводят анализ содержательных характеристик значений данной лексики, её стилистической маркированности, дают представление о деривационном и функциональном потенциале лексем указанной семантики. Кроме того, авторы статьи отмечают примеры отступления от традиционных для русского словообразования способов создания новых слов. Данный факт даёт возможность говорить о новом векторе развития современной неологии.

Ключевые слова: экстралингвистический, неология, неологизм, деривация, способы словообразования, дериватология

Для цитирования: Выборнова Л.В., Корнилова Л.Н., Тезина Е.В. Новая лексика периода коронавируса: семантика и функционирование // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 180 – 186.

В современном языкознании как бесспорный факт принимается тезис о влиянии экстралингвистических факторов на изменение словарного состава. Социолингвистические, психолингвистические исследования, изучения в области когнитивной лингвистики подтверждают это [6, 8, 1, 2].

В период социальных потрясений активизируются процессы языковых преобразований. Так произошло и в декабре 2019 года, когда человечество столкнулось с беспрецедентной биологической угрозой XXI века, которая за несколько месяцев превратилась в мировую пандемию, – COVID-19.

В статье рассматриваются лексические новации русского языка, появление которых обусловлено таким экстралингвистическим фактором, как пандемия коронавируса.

Для анализа особенностей образования новых слов в статье используется описательный метод. Отмечается изменение такого способа русского образования, как сложение. Анализ неологизмов показал деривационную активность способа сложения без соединительного гласного.

Методы структурного анализа и количественного подсчёта позволили классифицировать лексический материал по способам словообразования, выделить более и менее продуктивные модели и аффиксы.

Метод компонентного анализа дал возможность представить семантическую структуру группы слов, которые называют явления, связанные с пандемией коронавируса. Были выявлены ядерные и периферийные семы лексических значений неологизмов. Отмечено наличие коннотативной семы в исследованных словообразованиях.

Современные лингвистические исследования посвящены всестороннему анализу неологизмов, что определило формирование такого направления, как неология. Новые слова изучаются с точки зрения особенностей образования (Л.П. Катлинская, М.Н. Золотарёва); а также в стилистическом, ономаσιологическом, нормативном аспекте (Ю.А. Мурзабулатова).

Средства массовой информации особенно чутко реагируют на изменения в общественной жизни, поэтому быстрее других источников фиксируют результаты словотворческой деятельности носителей языка, новые слова, претендующие войти в речевую практику широких слоев населения. Язык СМИ «стал средоточием тех процессов, которые происходят в разных сферах русского языка, от областей высоких и нейтральных до сниженных, даже грубых, пронизанных элементами жаргона и просторечия» [4, с. 91].

Неологизм – «слово или оборот речи, созданные для обозначения нового предмета или выражения нового понятия» [9, с. 143].

«Языковые неологизмы не имеют авторства, образуются чаще продуктивными способами, регистрируются словарями и находятся в пассивном запасе до широкой актуализации обозначаемого явления» [3, с. 15].

Лексемы, возникновение которых обусловила ситуация пандемии, являются подтверждением данного определения.

Основными терминами, которые знакомы сейчас носителям языка, далёким от медицины, стали «COVID» и «коронавирус».

Термин «COVID-19» – сокращение от английского COrona Virus Disease (коронавирусная болезнь).

Русскому языку несвойственна транслитерация английских аббревиатур. Обычно сначала аббревиатура расшифровывается, переводится на русский язык, в результате чего получается новая аббревиатура. Но в связи с актуальностью данного термина, частотой и неограниченностью сферы его употребления в русском языке транслитерированный вариант используется наравне с английским вариантом.

Существовало несколько способов графического оформления данного слова: *COVID-19*, *Covid-19*, *КОВИД*, *ковид*.

Благодаря вспышке COVID-19 так называемых ковидиотов становится всё больше (<https://medialeaks.ru/2303tam-coronavirus-covidiot/>. Дата обращения 17.08.2020).

Прощай, «корона»: почему не стоит ждать второй волны Covid-19 (<https://sneg.tv/47276-virus-pik-kak-segodnja-lozhatsja-karty-v-igre-s-covid-19>. Дата обращения 05.08.2020).

Дорогие мои, свалившись с легкой формой covid-19, хочу поделиться с вами советами врачей, полученными в процессе моего ношения «короны» (<https://www.facebook.com/katya.zemtsova/posts/10159830863642501> Дата обращения 17.11.2020).

На несколько месяцев вы перед этим КОВИДом, как говорят врачи, неуязвимы (<https://www.facebook.com/danilin.pavel.50/posts/10222053819161783> Дата обращения 07.09.2020).

Спектр заходов ковида неустойчим: тошнит, болит, ноет, ломает, спазмирует, бросает то в жар, то в холод (<https://www.facebook.com/mariaarbatova/posts/4220722737952724> Дата обращения 12.08.2020).

В графическом оформлении термина «коронавирус» также не было единообразия.

Наряду с каноническим употреблением «коронавирус», используемым в медицинской литературе, в текстах СМИ появились случаи написания данного термина с *О*, а также случаи дефисного написания как с *О*, так и с *А*.

Коронавирус как следствие глобального потепления, и кто такие климатические беженцы? (Новая газета. 09.02.2020).

Мое знакомство с короно-вирусом произошло 12 марта (Эхо Москвы. 14.04.2020).

При первых симптомах корона-вируса прячьте Конституцию (Коммерсантъ. 16.02.2020).

В Таиланде зафиксирован первый случай заражения коронавирусом ближневосточного респираторного синдрома (Ведомости. 18.06.2015).

Однако в настоящее время кодифицированным вариантом является слитное написание.

Орфографическая неустойчивость представленных единиц подтверждала новизну этих слов для русской лексикологии.

Термины «ковид» и «коронавирус» стали частью дискурса русскоговорящего населения и послужили импульсом к образованию новых слов. Причем новые слова употребляются не только в публицистике, в живой разговорной речи (блоги, комментарии и др.), но и в официальных источниках. Авторы используют разные приёмы для демонстрации «новизны» слова:

1. Закавычивание слова.

Работает и мультимпликатор: из-за «коронапаники» надсадно кашляют все мировые биржи (Российская газета. 09.03.2020)

Вот так – начнешь описывать «коронаситуацию», не заметишь, как голова кругом (Российская газета. 09.03.2020).

2. Использование прописной буквы для выделения второго корня сложного слова.

КоронаПаника. Главная тайна (Человек и закон. 20.03.2020).

КоронаИстория – экономический тест-драйв (учения) перед Величайшей Депрессией 2021? (Аргументы и факты. 24.04.2020).

3. Использование дефисного написания.

В Иране умер первый корона-диссидент (Российская газета. 23.03.2020).

Новая корона-реальность стала мощным стимулом для развития некоторых моделей потребления (Российская газета. 23.04.2020).

В более поздних публикациях представленные неологизмы приобретают слитное написание и теряют кавычки:

И тогда, уверены медики, коронапаника уступит место разумной заботе о здоровье (ВестиРУ. 23.03.2020).

Да, я нахожусь внутри коронаситуации и не могу от нее уйти (Комсомольская правда. 26.07.2020).

Однако истинный масштаб поразившей премьер-лигу коронафобии по-прежнему остается неизвестным» (SportB. 12.05.2020).

Неологизмы в подавляющем большинстве образуются по существующим в современном русском языке словообразовательным моделям, что говорит о национальной специфике процесса словообразования.

1. Суффиксация.

Суффиксальным способом образуются основные знаменательные части речи: существительные, прилагательные, глаголы.

Существительные: *ковидик, ковидоз, ковидарий, ковидла(-о), ковидник, ковидальница, ковидиада, ковидец.*

Мне кажется, что врач обязан настоять чтобы больной с подозрением на ковидоз сидел дома, а не шлялся распространяя вирус (<https://www.yaplakal.com/forum7/st/75/topic2133639.html>. Дата обращения: 03.09.2020).

Слово *ковидоз*, являющееся синонимом к слову *ковид*, образовано при помощи суффикса *-оз* по аналогии с названиями других болезней (склероз, туберкулез и т. д.).

Ряд медицинских учреждений Новокузнецка перепрофилирован в ковидарии – госпитали для приёма пациентов с COVID-19 (<https://kuzpress.ru/city/16-05-2020/74909.html>. Дата обращения: 17.09.2020).

Лексема *ковидарий*, которая обозначает больницу, предназначенную для лечения больных коронавирусом, образована при помощи суффикса *-арий* по аналогии со словами *виварий* ('здание или отдельное помещение при медико-биологическом учреждении, предназначенное для содержания лабораторных животных'), *колумбарий* ('хранилище урн с прахом после кремации').

Прилагательные: *ковидный, ковидозный, ковидальный и др.*

Если отмотать плёнку назад и перечитать всё, что было сказано официальными лицами и медэкспертами с начала ковидального нашествия, складывается впечатление, что огромный метеорит упал-таки втихаря на Землю и занёс какую-то невероятную заразу инопланетного происхождения, вызвав капитальный сбой мировой системы и экзистенциальную панику (<https://bolivar-s.livejournal.com/10166849.html>. Дата обращения 03.08.2020).

Глаголы: *ковидить.*

Не ковидил – не мужик! (<https://www.e1.ru/text/health/2020/05/12/69254587/comments/>. Дата обращения 03.08.2020).

2. Префиксация.

Этим способом образуются, в основном, прилагательные. По правилам русского словообразования префикс присоединяется к слову целиком: *постковидный, антиковидный, антиковидчик, постковидный, постковидник, антиковидусный.*

Так, чаще всего «постковидники» сталкиваются с легочным фиброзом, выражающимся в уплотнении структуры легких (<https://www.msn.com/ru-ru/health/featured/>. Дата обращения 04.08.2020).

3. Сложение. Лингвистами давно замечено, что в беспокойную, перестроенную эпоху общества язык активно образует сложные слова. Современная действительность является подтверждением этого тезиса. К тому же продуктивность этого способа словообразования связана с усилением влияния английского языка (американского его варианта) в силу экономического и политического положения Америки на мировой арене.

Слова, образованные сложением, имеют разное написание:

– дефисное: *ковид-хаос, ковид-пациентка, ковид-инфекция, ковид-паникер, ковид-позитивный;*

– слитное: *ковидиссидент, ковидоистерия, ковидоотрицатель, коронадиссидент, коронаистерия, коронафобия.*

Причины будут, конечно, названы другие и вполне благозвучные – мол, несправедливо, что «Крылья» вылетают из-за технической победы «Тамбова» над «Сочи», и ввиду такого вот ковид-хаоса мы решили, что никто вылетать не должен (<https://www.facebook.com/irabiner/posts/3275833985809687>. Дата обращения 07.09.2020).

Может это кому-то поможет или отрезвит ковидоскептиков (https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1503462039845181&id=100005441971803. Дата обращения 07.09.2020).

4. Используется и неморфологический способ деривации, в частности лексико-семантический, т. е. уже существующие слова приобретают новые значения: *коронованный, прокоронованный*.

И, что самое интересное – после 48 дней всех карантинных пертурбаций в родной Монголии количество прокоронованных выросло в 2,5 раза (<https://partizan69-balt.livejournal.com/255601.html>. Дата обращения 04.08.2020).

Прокорованный – это не тот, кто имеет корону как символ власти, а тот, кто переболел коронавирусной инфекцией.

Очевидно, что процесс деривации в основном использует узуальные способы образования. Среди лексики «ковидной» семантики была обнаружена одна единица, образование которой не соответствует традиционным способам. Это лексема – *ковидиот*. Образована единица путем контаминации.

Контаминация – «...способ словообразования, при котором происходит слияние, скрещивание слов или частей слов в одно неразложимое целое – формальное и семантическое, предполагающее обязательное взаимопроникновение объединяемых компонентов на основе их звукового сходства» [5].

В слове *ковидиот* очевидно явное наложение конца основы одного слова (ковид) на начало второго слова (идиот).

Вполне возможно, что слово *ковидиот* было заимствовано из английского языка (оно уже вошло в словарь иностранного сленга Urban Dictionary), т.к. русскому языку несвойственен подобный способ образования новых слов.

Особняком среди ковидиотов стоят знаменитости, ведь неумные высказывания популярных личностей разлетаются по миру подобно вирусу (<https://muz-tv.ru/news/diagnoz-kovidiot-zvezdy-kotorym-dolzno-byt-stydno-v-period-pandemii/>. Дата обращения 05.08.2020).

Существительное *ковидиот* оказалось продуктивным в деривационном отношении, от него образовались такие лексемы, как *ковидиотизм, ковидиотство*.

Да и среди простых людей ковидиотизм, как мы видим на улицах, в магазинах и транспорте, более чем распространён (<https://zen.yandex.ru/media/id/5e7ce1e7baf04c76714b71f1/kto-takie-kovidioty-i-mojno-li-ih-ispravit-5f23f9abcf16e825d3c82f2b>. Дата обращения 05.08.2020).

Обращение носителей языка к незуальным способам словопроизводства реализует потребность человека в использовании экспрессивных единиц для более точного выражения своих эмоций. Необычность, отступление от общепринятых канонов всегда способствует выделению, акцентировке внимания на любом явлении, в том числе и на языковом.

Появившись в нашем языке, неологизмы развивают не только деривационный, но и семантический потенциал.

Так, например, слово *ковидник* стало многозначным:

Ковидник / ковидница – ‘больница’.

Если им записали, что они не работают больше в «ковиднице» – так пусть и не работают (https://pikabu.ru/story/yetoy_stranoj_pravit_kumovstvo_7565348. Дата обращения 13.08.2020).

Ковидник / ковидница – ‘человек, зараженный коронавирусной инфекцией’.

На тот момент, когда к Ане приехала упакованная в скафандры бригада врачей, мы с ней, ковидницей, общались достаточно тесно и достаточно продолжительно. Разумеется, без каких-либо средств защиты (<https://aponibolinaen.livejournal.com/376285.html>. Дата обращения 17.11.2020).

Ковидник / ковидница – ‘врач (медсестра)’.

Зав. отделением, узнав, что 21 июня, в День медика, Президент подпишет Указ о поощрении медработников за особые заслуги в борьбе с новой коронавирусной инфекцией, переводит нас, девочек «ковидниц», на должности медсестёр, и, внимание! – назначает своих знакомых людей на награждаемые должности, в предпоследний день перед указом! (https://pikabu.ru/story/yetoy_stranoj_pravit_kumovstvo_7565348. Дата обращения 17.11.2020).

Встречаются случаи субстантивации прилагательного *ковидный*.

В Италии при всей сложности обстановки студентов не допустили к ковидным ни в каком качестве. (<https://www.woman.ru/health/medley7/article/239017/>. Дата обращения 05.08.2020).

Большинство новых слов имеет отрицательную коннотацию, так как негативными для человека является то, что они обозначают. Причём отрицательная оценка часто сопровождается оттенком иронии.

Ирония, как отмечалось ранее, помогает переживать критические ситуации.

В этой связи ковидиада выглядит как спланированная многоэтапная операция, с использованием биологических и информационных технологий (<https://bolivar-s.livejournal.com/10166849.html>. Дата обращения 07.09.2020).

В данном примере, кроме негативно-ироничной окраски, есть указания на длительность, глобальность оцениваемого явления (возможно, это аллюзия на знаменитую эпическую поэму Гомера «Илиада», в которой описываются злоключения древнегреческого героя Одиссея).

Неологизмы с корнями *ковид-*, *корон-*, *карантин-*, появившиеся в русском языке в связи с пандемией и лидирующие по активности употребления в средствах массовой информации, в зависимости от семантики и категориального значения можно объединить в лексико-семантические группы.

Среди неологизмов-существительных с учетом количественного состава самой представительной является группа со значением ‘социальные явления’, поскольку ситуация пандемии ярче всего отразилась именно на способе существования людей в социуме. Среди единиц этой группы такие, как *коронаситуация*, *коронареальность*, *коронакризис*, *коронабесие*, *ковидарность* и др.

Да, я нахожусь внутри коронаситуации и не могу от нее уйти (Комсомольская правда. 26.08.2020).

Коронакризис – это кризис недостатка капитала, а не кризис нехватки кредитов и займов (Эконс. 21.05.2020).

Многочисленной является группа, которая содержит лексемы с семой ‘болезненные состояния человека, связанные с пандемией’. В этой группе представлены различные эмоциональные реакции: от *коронаистерии* и *ковидофобии* до *коронафрени* и *коронной*.

Психиатры и клинические психологи сейчас спорят о том, можно ли говорить об особом виде фобий – ковидофобии (Российская газета. 01.05.2020).

Вслед за ними началась короннойя (ВестиФМ. 07.05.2020).

Третьей по количественному составу является группа, объединяющая единицы с семой ‘лицо в сопряжении с его характеристикой по отношению к пандемии’. Это многочисленная группа включает следующие слова: *коронадиссидент*, *коронапессимист*, *коронаскептик*, *коронафреник*, *коронаэнтузиаст*, *ковидот* и др.

С помощью психолога мы разобрались, откуда взялись так называемые коронадиссиденты и что они скрывают под своей бравадой (Московский комсомолец. 22.04.2020).

Коронаэнтузиасты, или, может быть, лучше назвать их коронапессимистами, – люди совсем другого сорта (Ведомости, 12.05.2020).

Отдельную группу составляют слова, обозначающие возраст детей, чье взросление совпало с периодом пандемии.

Карантинейджеры: почему COVID-19 крайне редко заражает детей (Известия. 04.03.2020).

Корониалы – дети, зачатые в период коронавируса (ТАСС. 05.06.2020).

Изменение традиционных видов занятости в период самоизоляции потребовало обозначения новых видов деятельности, поэтому в составе русского языка появились следующие единицы: *коронарт*, *карантинник*, *корнаоке*, *карантиндер*, *ковидиада*, *ковифэин* и др., которые объединяются в лексико-семантическую группу ‘вид времяпрепровождения’

Коронники ругаются с ковид-диссидентами, карантинейджеры творят коронарт, а ковидоты жалуются на локдаун (Спутник. 14.06.2020).

Посмотреть карантинник можно на МТС ТВ – онлайн или в записи (МТС. 29.04.2020).

В ряду неологизмов-прилагательных с корнями *ковид-*, *корон-*, *карантин-* можно выделить группу с семой ‘временной отрезок по отношению к ситуации пандемии’: *докоронный*, *доковидный*, *постковидный*, *посткарантинный* и др.

Эксперт назвала самые высокооплачиваемые профессии в «постковидный» период (Вечерняя Москва. 03.06.2020).

Авиаперевозки внутри России вышли на «доковидный» уровень (Ведомости. 30.07.2020).

Неологизмы-глаголы с корнями *корон-*, *карантин-* образуют лексико-семантическую группу со значением ‘процесс, связанный с пандемией’. Так, слово *карантинить* используется в значении ‘находиться на карантине’:

Молодежь Ямала предлагает «карантинить» с пользой (Вести Ямал. 23.03.2020).

Карантинить – так с музыкой! (Озёрск74. 18.04.2020).

А слово *короновать* употребляется в двух значениях:

1. ‘Использовать термин *коронавирус* в заголовке статьи’.

В профессиональной среде журналистов коронавать статью означает вынести слово «коронавирус» и любые его производные в заголовок (МВ-онлайн, 09.04.2020).

2. ‘Объявить заражённым коронавирусом’.

Когда уже закончат коронавать, снова за сутки коронавали 98 человек (ВК, 02.06.2020).

Системность неологизмов «языка пандемии» подтверждается также существованием различного типа отношений между единицами в составе лексико-семантических групп: синонимических (*коронапаника – коронаистерия*), антонимических (*коронаскептики – коронаэнтузиасты*), словообразовательных (*коронавирус – коронавирусный – коронавирусник; ковид – ковидный – ковидность*) связей.

Рассмотренный материал ещё раз убедил нас в том, что лексическая и словообразовательная система языка подвижны, откликаются на любые изменения вне языка. Социальными факторами обусловлены и возникновение неологизмов, и появление в русском языке неузальных способов словообразования, и развитие у существующих слов новых значений. Следовательно, дериватологию можно рассматривать как одно из ключевых направлений языкознания, устанавливающих связь между реалиями и сознанием человека, закрепляющих осознанные понятия в материальном выражении, формирующих языковую картину мира индивида посредством производства неологизмов.

Новые слова, в свою очередь, являются отражением современного состояния языка, тех процессов, которые в нём происходят.

Литература

1. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика: учеб. для вузов. М.: РГГУ, 2001. 315 с.
2. Белянин В.П. Психоллингвистика: учебник. М.: Московский психолого-социальный институт, 2003. 232 с.
3. Диброва Е.И. Современный русский язык. М.: Академия, 2006. 480 с.
4. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996. С. 91.
5. Изотов В.П., Панюшкин В.В. Неузальные способы словообразования: Конспекты лекций к спецкурсу. Орёл: Изд-во ОГУ. 40 с.
6. Леонтьев А.А. Основы психоллингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
7. Мартин Р. Психология юмора. СПб.: Питер, 2009. 480 с.
8. Норман Б.Ю. Основы психоллингвистики: курс лекций. Минск: БГУ, 2011. 131 с.
9. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
10. Хазова С.А. Юмор как ресурс совладающего поведения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yumor-kak-resurs-sovladayushchego-povedeniya/viewer>
11. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972. 368 с.

References

1. Belikov V.I., Krysin L.P. Sociolingvistika: ucheb. dlja vuzov. M.: RGGU, 2001. 315 s.
2. Beljanin V.P. Psiholingvistika: uchebnik. M.: Moskovskij psihologo-social'nyj institut, 2003. 232 s.
3. Dibrova E.I. Sovremennyy russkij jazyk. M.: Akademiya, 2006. 480 s.
4. Zemskaja E.A. Aktivnye processy sovremennogo slovoпроизводства. Russkij jazyk konca XX stoletija (1985-1995). M., 1996. S. 91.
5. Izotov V.P., Panjushkin V.V. Neuzual'nye sposoby slovoobrazovaniya: Konspekty lekcij k speckursu. Orjol: Izd-vo OGU. 40 s.
6. Leont'ev A.A. Osnovy psiholingvistiki. M.: Smysl, 1997. 287 s.
7. Martin R. Psihologija jumora. SPb.: Piter, 2009. 480 s.
8. Norman B.Ju. Osnovy psiholingvistiki: kurs lekcij. Minsk: BGU, 2011. 131 s.
9. Rozental' D.Je., Telenkova M.A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov: posobie dlja uchitelja. M.: Prosveshhenie, 1985. 399 s.
10. Hazova S.A. Jumor kak resurs sovladajushhego povedeniya. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yumor-kak-resurs-sovladayushchego-povedeniya/viewer>
11. Shanskij N.M. Leksikologija sovremennogo russkogo jazyka. M.: Prosveshhenie, 1972. 368 s.

*Vybornova L.V.,
Kornilova L.N., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Tezina E.V.,
South Ural State University*

New vocabulary of the coronavirus period: semantics and functioning

Abstract: in this article, the authors consider the actual problem of the conditionality of the mobility of the lexical composition of the Russian language (like any other national language) by extralinguistic factors. In modern linguistics, the thesis is accepted that changes in social life, especially drastic changes, are reflected in the language sphere. One of the ways to replenish the vocabulary is rightfully considered the formation of new words. The article investigated the derivational features of neologisms that belong to the semantic group «pandemic», the appearance of which is due to such an extralinguistic factor as changes in the social life of society associated with the COVID-19 pandemic. In the course of the research, methods such as the descriptive method, the method of structural analysis and quantitative calculation, and the method of component analysis were used. The authors of the article analyze the meaningful characteristics of the meanings of this vocabulary, its stylistic marking, give an idea of the derivational and functional potential of the lexemes of the specified semantics. Besides, the authors of the article note examples of deviations from the methods of creating new words, which are traditional for Russian word formation. This fact makes it possible to talk about a new vector for the development of modern neology.

Keywords: extralinguistic, neology, neologism, derivation, methods of word formation, derivatology

For citation: Vybornova L.V., Kornilova L.N. Tezina E.V. New vocabulary of the coronavirus period: semantics and functioning. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 180 – 186.

*Новикова Л.В., кандидат филологических наук, доцент,
Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых*

Неологизмы в российских СМИ и политической лингвистике

Аннотация: целью настоящего исследования является определение значимости политической лингвистики на мировой арене XXI века. Перед автором стояла задача раскрыть сущность новообразований и их роль в средствах массовой информации в период глобальных событий не только в России, но и за рубежом. Объектом нашего изучения является исследование функционирования неологизмов в политической, экономической и духовной сферах жизни общества. Актуальность данной статьи детерминирована тем фактом, что априори средствам массовой информации всегда принадлежало особое место в многоконфессиональной среде. Использование новообразований открывает большие возможности межъязыкового общения. В статье рассматриваются исторические факторы, способствующие быстрому распространению неологизмов в политической лингвистике в русском и английском языках. Представлен анализ наиболее частотных словосочетаний и фразеологических единиц, а также приводятся примеры их употребления в российских СМИ. Проанализированы теоретические основы возникновения политической лингвистики на мировой арене. Основным методом нашего лингвистического исследования является метод сравнительного анализа русских и английских неологизмов и фразеологических единиц.

В качестве материала для работы послужили статьи, выступления и речи видных политиков в российских СМИ таких как: «Аргументы и факты», «Аргументы недели», выступление Сергея Лаврова на пресс-конференции с главой МИД Эсватини.

Ключевые слова: неологизмы, политическая лингвистика, средства массовой информации, пропаганда, мировое сообщество

Для цитирования: Новикова Л.В. Неологизмы в российских СМИ и политической лингвистике // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 187 – 191.

Из научных источников нам известно, что политическая лингвистика появилась на стыке двух дисциплин, таких как «политология» и «лингвистика». Таким образом, одним из определений этого направления является следующее: «Это дисциплина, изучающая взаимное влияние политических процессов и языка» [2, с 67].

Ученые утверждают, что политическая лингвистика (далее ПЛ) появилась в 80-х годах XX века, однако нам известны и те факты, что во времена Первой мировой войны (1914-1918 гг.) политики стали обращать внимание специалистов на так называемые «механизмы» пропаганды на мировой сообщество.

Кардинальные, на наш взгляд, политические и социальные изменения на мировой арене XX-XXI вв. привели к тому, что наиболее активно стали изучать влияние языка, власти, общества на такие процессы как политическая пропаганда, толерантность, политкорректность, терроризм и т.д.

Исследуя исторические этапы функционирования языка, автор приходит к выводам о том, что политическая лингвистика не возникла сразу и на пустом месте. Это можно объяснить стремительным развитием исторических явлений – во-первых, и самой важной сущностью языка как всеобъемлющего ресурса коммуникации человечества – во-вторых.

Н.Д. Арутюнова в своем выдающемся, по нашему мнению, труде «Язык и мир человека» [1] представляет нам лексическое значение слова в совершенно новой концепции, а именно с точки зрения логико-коммуникативной функции слова, а такие тропы как метафора, сравнение, метонимия, фразеологический пласт языка будут играть важную роль в межкультурной коммуникации. Все это отражается на новых формах бытия языка, приводит к осознанию и принятию новых ценностей, входящих в круг социального интереса, заставляют людей принимать или не принимать новое состояние языка, а также стремительно развивающиеся политические, исторические и социальные изменения мирового пространства.

1990 год открыл научному сообществу «Лингвистический энциклопедический словарь» над которым работали такие выдающиеся ученые как Н.Д. Арутюнова, В.А. Виноградов, Г.А. Климов, Ю.С. Степанов, В.Н. Ярцева и многие другие ученые. Этот словарь включал 1400 статей, терминологический указатель языков мира, в нем впервые была собрана, четко описана и систематизирована русская терминология общего языкознания. Тем не менее, автор статьи анализирует словосочетания и фразеологические единицы, которые не рассматриваются в данном словаре с точки зрения новообразований, появившихся и часто употребляющихся на современной политической арене на рубеже XX-XXI веков.

Несомненно, выход в свет такого труда явился большим прорывом не только в научном мире, но и в межкультурном пространстве. Однако, трудно себе представить, что не так много пройдет времени и неологизмы XX-XXI века войдут в повседневный обиход людей, а такие слова как политическая лингвистика, Интернет –лингвистика, ноолингвистика, суггестивная, рефлексивная и т.д., вызывающие интерес общества и оценивая те или иные аспекты, явления, действия, состояние окружающего нас мира будем активно использовать в повседневной жизни.

Педагогическая энциклопедия дает нам следующее определение политической лингвистики: это лингвистическая дисциплина, которая использует средства языка и речи в политических процессах и в частности в борьбе за власть, однако сегодняшнее состояние межкультурного пространства дает нам основания рассматривать политическую лингвистику в более широком значении. Нам более импонирует видение политической лингвистики А.П. Чудиновым, он пишет: «К числу важнейших направлений политической лингвистики относятся также рассмотрение отдельных политических концептов в рамках соответствующего языка и национальной культуры, обращение к проблемам понимания политических реалий того или иного государства гражданами других государств, сопоставительное исследование политической коммуникации в различных странах и на разных этапах развития общества» [4, с. 6]. Таким образом, речь по сути идет о всеобщем понимании политической лингвистики как области познания всего окружающего нас мира, который мы анализируем, принимаем/не принимаем, оцениваем, осознаем в процессе общения в межкультурном пространстве.

В данной статье автор исследует исторические факторы, способствующие быстрому развитию неологизма «политическая лингвистика», так как он вызывает большой интерес в самых важных областях человеческого бытия: человек и язык, дипломатия и политика, экономика, межкультурное пространство, научный мир и многие другие. Исследованию подвергается корпус свободных словосочетания и фразеологических единиц русского и английского языков, важное место отводится их дифференциальному семантическому признаку, что позволяет трактовать явления, факты, события в любой этнокультурной среде по своему и в данный исторический период времени.

Появление новых и не всегда понятных слов и словосочетаний для людей, является, конечно же, последствиями того или иного этапа в исторический период человечества, например, геном корона вируса, геномная информация, информационная карта, в английском языке такие словосочетания могут войти в состав так называемых интернациональных словосочетаний, например, *coronavirus genome*, *genomic information*, *human genome*, *information map*. Российские СМИ не остаются в стороне и пестрят заголовками: «Государственная дума приняла во втором чтении законопроект об обязательном сборе геномной информации у осужденных и подозреваемых». Военные действия на Украине способствовали появлению новых аббревиатур, которые мы активно используем в повседневной речи такие сокращения как, «ДНР», «ЛНР», «натовский» калибр, «украинский пропагандистский сегмент», «ВСУ» не задумываясь о происхождении этих словосочетаний. В процессе мыслительной деятельности аналогия с появлением новых слов и словосочетаний, а также терминов и сокращений играет немаловажную роль в жизни общества, например, словосочетания «ДНР» и «ЛНР» для нас это республики, которые провозгласили свою независимость от Украины в 2014 году и были признаны официально тремя государствами членами ООН – Россией, Сирией, Корейской Народно-Демократической Республикой 21 февраля 2022 года. В данном случае, эти сокращения вызывают положительный коннотации и наоборот, «ВСУ» – отрицательную коннотацию, когда читаем в СМИ: «В представительстве ДНР в Совместном центре контроля и координации вопросов, связанных с военными преступлениями Украины, сообщило, что ВСУ обстреляли Донецк снарядами "натовского" калибра». Слово брифинг, произошло от английского “*brief*” – «краткий» и мы его все чаще слышим и употребляем в своей повседневной речи, например, газета АиФ пишет: «В четверг официальный представитель Министерства иностранных дел России Мария Захарова провела брифинг по текущим вопросам внешней политики» [6]. Во многих словарях, дается несколько пояснений этого слова и как мы видим не всегда оно применимо к политике. Например, в Большом энциклопедическом словаре – это «встреча официальных лиц с представителями средств массовой информации, на которой вкратце излагается официальная позиция» [7]; в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона – это «краткая пресс-конференция с информацией по актуальным вопросам текущей политики» [8]; в Новом словаре иностранных слов – краткое совещание представителей печати, телевидения, радио, на котором излагается позиция правительства по определенному вопросу, дается информация ...» [3] и т.д. Как видно из приведенных примеров, везде так или иначе присутствует дифференциальный семантический признак английского слова “*brief*”, в приведенных выше примерах – это «вкратце», «краткая», «краткое» и т.п.

Словосочетание *Internet-брифинг*, прочно вошло в нашу повседневную жизнь в последнее десятилетие, однако первое упоминание мы находим в «Что, где, когда? Страницы истории в рубрике «События»» от

12.23.1998 года: «Впервые в России проходит Internet-брифинг с использованием IP/TV-вещания. Internet-конференция с академиком А. АГАНБЕГЯНОМ по экономической теме проводилась в Пресс-клубе РИА Новости при техническом и технологическом содействии компаний Телеком-Центр, ИнфоАрт, Plus Communications и Cisco Systems» [9].

Считаем необходимым подчеркнуть, что и фразеологический пласт языка, также стремительно развивается, использование фразеологизмов в наши дни только набирает обороты и становится все актуальнее. Например, «Сергей Лавров в рамках пресс-конференции с главой МИД Эсватини, где он в настоящий момент находится в рамках турне по странам Африки, – пишет российская газета «Аргументы недели» от 24.01. 2023 года, – подчеркнул, что вынужден так подробно реагировать на данный вопрос, поскольку в этом случае важны детали, в которых "кроется дьявол" и о которых многие не знают» [10]. В английском языке: “The devil is in the details” как мы знаем, означает тоже самое. Например, “I asked my son to make sure he reads the contract carefully before putting his stamp on it. I always believed that “the devil is always in details.” Еще один пример, “To the world, our economy is flourishing, but “the devil is in the details”. No one sees that, hence “it all looks rosy” on the outside.” Во втором примере, также очень активно в наши дни используется выражение “ looks rosy” – «все выглядит радужно», и «радуга» не имеет к этому никакого отношения. Дифференциальный семантический признак также имеет место быть в фразеологизме «кроется дьявол» т.е. всегда есть пара мелочей, на которые необходимо обратить внимание; любое дело должно быть спланировано и выполнено тщательно; любая деталь имеет значение дабы в конечном итоге это не привело к краху.

Фразеологизм “looks rosy” трактуется в словаре Collins COBUILD Advanced Learner’s Dictionary как “ If you say that a situation looks rosy or that the picture looks rosy, you mean that the situation seems likely to be good or successful”. Пример из этого же словаря, “The job prospects for engineering graduates are less rosy now than they used to be” [11], однако перевод примера, противоречит объяснению вышеприведенного выражения и, по мнению автора, не дает нам «радужных» перспектив, а именно: «Перспективы трудоустройства выпускников инженерных специальностей сейчас менее радужны, чем раньше», по существу читать «нет никаких перспектив», что и в наши дни печально осознавать данный факт.

В Российском издании Газета.ru в разделе «Политика» автор находит еще одно фразеологическое сочетание, по частотности употребления которому, в настоящий период времени, практически нет равных. Приведем пример, «В интервью агентству Рязков рассказал и о переговорах с МАГАТЭ по поводу защиты Запорожской АЭС. По его словам, они идут непросто. Дипломат считает, что «Киев, судя по всему, просто тратит время» [12]. Значение фразеологизма «тянуть время» понятно всем «сознательно медлить, не совершать активных действий, обычно в ожидании благоприятного момента», однако если нам не знакомо значение английского фразеологизма «kick something into the long grass», навряд ли мы поймем смысл его, если будем переводить как обычное словосочетание. The Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus дает нам следующие примеры: 1. It is disgraceful that the Treasury had kicked the task force's report into the long grass. 2. We are not prepared to see this issue kicked into the long grass [13]. Если же проанализировать дифференциальный семантический признак, то английское “to delay dealing with something, especially because you want people to forget about it” явно указывает на понятийный аппарат «сознательно медлить, не совершать активных действий».

Таким образом, мы видим, как новые словосочетания и фразеологические выражения, становятся неотъемлемой частью нашего общества в данный исторический период времени: статьи и заголовки российских СМИ, политические деятели, в интервью и на брифингах, люди в привычных разговорах смело употребляют новые словосочетания и фразеологические выражения. Автор разделяет точку зрения М.Н. Володиной о том, что «Язык – это не только средство для передачи и хранения информации, но и инструмент с помощью которого формируются новые понятия, во многом определяющие сам способ человеческого мышления. Выбор конкретных языковых средств оказывает влияние на структуру мышления и тем самым на процесс восприятия и воспроизведения действительности» [2, с. 45].

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Володина М.Н. Язык средств массовой информации: учеб. пособие. М.: Академический проект, 2020. 760 с.
3. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 2008. 1040 с.
4. Мазур О.Г. Политическая лингвистика // Образовательный портал «Справочник». URL: https://spravochnick.ru/politologiya/politicheskaya_lingvistika/ (дата обращения: 03.02.2023)
5. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта, 2006. 256 с.

6. «Если вы не сторона конфликта, то кто?» Захарова обратилась к главе НАТО // Аргументы и факты. 2023. 27 янв. URL: https://aif.ru/https://aif.ru/politics/world/esli_vy_ne_storona_konflikta_to_kto_zaharova_obratilas_k_glave_nato (дата обращения: 03.02.2023)
7. Большой Энциклопедический словарь. URL: <https://rus-big-encdict.slovaronline.com/8729-БРИФИНГ> (дата обращения: 03.02.2023)
8. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <https://runivers.ru/lib/book3182/> (дата обращения: 03.02.2023)
9. Что, Где, Когда? Страницы истории в рубрике «События». URL: <http://www.sci.aha.ru/ALL/HIST/index.htm> (дата обращения: 03.02.2023)
10. Аргументы недели. 2023. 24 янв. URL: <https://argumenti.ru/tag/2023> (дата обращения: 03.02.2023)
11. Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 03.02.2023)
12. Газета.ru. 2023. 30. янв. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2023/01/30/16166161.shtml> (дата обращения: 03.02.2023)
13. The Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. Cambridge University Press. URL: <https://www.scirp.org/reference/referencespapers.aspx?referenceid=2905427> (дата обращения: 03.02.2023)

References

1. Arutjunova N.D. Jazyk i mir cheloveka. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1999. 896 s.
2. Volodina M.N. Jazyk sredstv massovoj informacii: ucheb. posobie. M.: Akademicheskij proekt, 2020. 760 s.
3. Zaharenko E.N., Komarova L.N., Nechaeva I.V. Novyj slovar' inostrannyh slov. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Azbukovnik, 2008. 1040 s.
4. Mazur O.G. Politicheskaja lingvistika. Obrazovatel'nyj portal «Spravochnik». URL: https://spravochnick.ru/politologiya/politicheskaya_lingvistika/ (дата обращения: 03.02.2023)
5. Chudinov A.P. Politicheskaja lingvistika. M.: Flinta, 2006. 256 s.
6. «Esli vy ne storona konflikta, to kto?» Zaharova obratilas' k glave NATO. Argumenty i fakty. 2023. 27 janv. URL: https://aif.ru/https://aif.ru/politics/world/esli_vy_ne_storona_konflikta_to_kto_zaharova_obratilas_k_glave_nato (дата обращения: 03.02.2023)
7. Bol'shoj Jenciklopedicheskij slovar'. URL: <https://rus-big-encdict.slovaronline.com/8729-BRIFING> (дата обращения: 03.02.2023)
8. Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. URL: <https://runivers.ru/lib/book3182/> (дата обращения: 03.02.2023)
9. Chto, Gde, Kogda? Stranicy istorii v rubrike «Sobytaja». URL: <http://www.sci.aha.ru/ALL/HIST/index.htm> (дата обращения: 03.02.2023)
10. Argumenty nedeli. 2023. 24 janv. URL: <https://argumenti.ru/tag/2023> (дата обращения: 03.02.2023)
11. Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 03.02.2023)
12. Gazeta.ru. 2023. 30. janv. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2023/01/30/16166161.shtml> (дата обращения: 03.02.2023)
13. The Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. Cambridge University Press. URL: <https://www.scirp.org/reference/referencespapers.aspx?referenceid=2905427> (дата обращения: 03.02.2023)

*Novikova L.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs*

Neologisms in the Russian mass media and political linguistics

Abstract: the purpose of this study is to determine the importance of political linguistics on the world stage of the XXI century. The author was faced with the task of revealing the essence of neologisms and their role in the media during global events not only in Russia, but also abroad. The object of our study is the study of the functioning of neologisms in the political, economic and spiritual spheres of society. The relevance of this article is determined by the fact that a priori the media has always had a special place in a multi-confessional environment. The use of neologisms opens up great opportunities for interlanguage communication. The article examines the historical factors contributing to the rapid spread of neologisms in political linguistics in Russian and English. The analysis of the most frequent phrases and phraseological units is presented, as well as examples of their use in the Russian media. The analysis of the most frequent phrases and phraseological units is presented, as well as examples of their use in the Russian media. The theoretical foundations of the emergence of political linguistics on the world stage are analyzed. The main method of our linguistic research is the method of comparative analysis of Russian and English neologisms and phraseological units. Articles, speeches and speeches of prominent politicians in the Russian media such as "Arguments and Facts", "Arguments of the Week", Sergey Lavrov's speech at a press conference with Foreign Minister Esvatini served as material for the research.

Keywords: neologisms, political linguistics, mass media, propaganda, world community

For citation: Novikova L.V. Neologisms in the Russian mass media and political linguistics. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 187 – 191.

*Афони́на М.М., преподаватель,
Московский государственный лингвистический университет*

Роль концептуальной метафоры в характеристике языковой картины мира: анализ ассоциативных связей (на материале фразеологизмов французского языка Канады)

Аннотация: данная работа посвящена исследованию роли концептуальной метафоры в изучении языковой картины мира (ЯКМ). Актуальность темы исследования обусловлена тем, что проблема ЯКМ представляет значительный интерес для современной когнитивной лингвистики, поскольку ЯКМ, сочетая в себе признаки ментального и языкового образования, содержит информацию об особенностях мышления и мировосприятия определенной этнической группы, что позволяет выявить свойственные данной этнической группе способы структурирования знаний при помощи языка. Важную роль в изучении особенностей ЯКМ того или иного этноса играет исследование механизмов метафоризации в языке данного этноса – описание одних реалий через характеристики других.

В данной работе проводится семантический анализ фразеологизмов французского языка Канады в сопоставлении с их аналогами с центральным, стандартным вариантом французского языка (языком Франции). В ходе анализа были выявлены ассоциативные связи в рамках канадского французского языка между различными реалиями, в рамках которых были вычленены особенности восприятия данных реалий франкоканадцами и их отличие от особенностей восприятия тех же реалий французами. Анализ проводился на базе данных, представленных во Французском ассоциативном словаре М. Дебрэнн, а также онлайн-словаря сочетаемости слов французского языка. Полученные результаты могут быть использованы в ходе дальнейших исследований в области когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: языковая картина мира, концептуальная метафора, ассоциативные связи, канадский французский язык, фразеологизмы, когнитивные структуры

Для цитирования: Афони́на М.М. Роль концептуальной метафоры в характеристике языковой картины мира: анализ ассоциативных связей (на материале фразеологизмов французского языка Канады) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 192 – 198.

Одной из основных проблем когнитивной лингвистики является установление принципов организации системы человеческих знаний, отражённых в языковых знаках, а также интерпретация знаний на основе данных, передаваемых языковыми единицами [3, с. 24]. Вследствие этого лингвисты-когнитологи занимаются исследованием когнитивных структур – ментальных репрезентаций, содержащих определённый фрагмент сведений об окружающей реальности, а также языковых средств, формирующих данные репрезентации. В частности, существенное внимание уделяется рассмотрению таких когнитивных структур, как фрейм, скрипт, сценарий, слот и др.

В основе образования когнитивных структур лежат определённые механизмы. Одним из таких механизмов, представляющим значительный интерес для лингвистики как для когнитивной науки, является концептуальная метафора.

Концептуальная метафора характеризуется осмыслением одного сегмента реальности через призму понятийной системы, описывающей другой сегмент реальности, т.е. «переживание явлений одного рода в терминах явлений другого рода» [2, с. 27]. Таким образом, возникновение концептуальной метафоры предполагает взаимодействие между собой двух различных областей, одна из которых представляет собой область-цель (характеризуемый объект) и область-источник (объект, понятийная сфера описания которого используется для характеристики области-цели, т.е. объект, с которым осуществляется сравнение). В результате область-источник играет роль знака, используемого для обозначения области-цели. Таким образом, область-цель – сущность ментальная, находящаяся на уровне сознания человека, а область-источник – сущность, объективированная при помощи лингвистического уровня.

Исследование концептуальных метафор вносит вклад в разработку проблемы языковой картины мира (ЯКМ), сущность которой также характеризуется двуплановостью: выделением ментального и собственно лингвистического уровня, первый из которых характеризует определённый фрагмент реальности, а второй – вербализацию особенностей данного фрагмента реальности при помощи языковых средств. В частности, особый интерес с точки зрения выявления и анализа концептуальных метафор представляет исследование фразеологизмов вследствие ослабленной мотивированности большей части данных лексических единиц. Строго говоря, фразеологизмы формируются преимущественно в результате возникновения концептуальных метафор: один объект (или явление) сравнивается с другим, поскольку они имеют общий признак. От-

метим, что в основе номинации фразеологизма лежит только один признак (или только одна группа признаков) области-источника, который переносится впоследствии на область-источник (т.е. нельзя охарактеризовать область-цель с помощью тех признаков области-источника, которые не являются переносимыми). Так, например, французский фразеологизм *se ressembler comme deux gouttes d'eau* (быть похожими как две капли воды) имеет область-цель (похожие внешне люди) и область-источник (две капли воды – *deux gouttes d'eau*), при этом охарактеризовать похожих друг на друга людей можно только при помощи одного признака двух капель воды – внешнего сходства. Все остальные признаки, характеризующие область-источник (две капли воды), связи с областью-целью (внешне схожими людьми) не имеют.

На наш взгляд, ценность изучения концептуальных метафор для работы над проблемой ЯКМ заключается в следующем:

1) возможность выявления характеристик области-источника, положенных в основу номинации различных фразеологизмов, а значит, являющихся наиболее существенными для носителей языка;

2) выявление различий в восприятии объектов/явлений/реалий, выступающих в качестве области-цели, носителями различных языков (в случае, если в различных языках фразеологизмы, имеющие одно и то же значение, имеют отличия в особенностях номинации, т.е. объекты или явления, являющиеся областью-целью, различаются для метафор, сформировавших данные фразеологизмы).

При этом результаты такого исследования могут быть информативны как при сопоставлении языков, так и при сопоставлении других идиомов, функционирующих в рамках распространения того или иного языка (диалектов, региолектов, социолектов, национальных вариантов языка). Изучение и дифференциация территориальных вариантов одного языка является актуальной задачей современной лингвистики, поскольку, имея общую базу с центральным вариантом (языком метрополии), они отличаются наличием на различных языковых уровнях системно организованной совокупности лингвистических единиц, имеющих черты, специфические для проживающей на данной территории этнической группы. Исследование данного комплекса языковых единиц на предмет выявления особенностей языковой картины мира способно внести вклад в современную когнитивистику, поскольку нацелено на:

1) определение когнитивных структур, отражающих национально-культурную специфику, характерную для рассматриваемой этнической группы;

2) выявление новых методов описания ЯКМ и дифференциации между собой фрагментов ЯКМ, принадлежащих разным этносам.

Наибольший интерес для лингвистики представляют широко распространённые варианты крупных с точки зрения числа носителей языков: английского, французского, немецкого и др.

Настоящее исследование посвящено изучению концептуальных метафор, лежащих в основе формирования фразеологизмов французского языка Канады, являющегося одним из наиболее известных вариантов французского языка и содержащим большое количество фразеологических единиц. Целью работы является выявление различий в иллюстрируемых данными фразеологизмами фрагментах ЯКМ носителей центрального и канадского вариантов языка.

В ходе исследования был проведён семантический анализ фразеологизмов франкоязычной Канады. Были выделены положенные в их основу концептуальные метафоры. В рамках данных метафор были выделены область-цель и область-источник. Для выяснения особенностей восприятия носителями языка объекта или явления, обозначенного фразеологизмом (области-цели), было выполнено исследование ассоциативных связей, а также особенностей сочетаемости с другими лексическими единицами лексемы, обозначающей область-источник, т.е. объект или явление, характеризующие область-цель. В результате анализа, осуществлённого при помощи данных, предоставляемых ассоциативным словарём и словарём сочетаемости слов, были выявлены характеристики области-цели, находящиеся в фокусе внимания носителей языка (в качестве данных характеристик выступают признаки, выделенные словарям как ассоциации, возникающие у носителей языка с объектом, выступающим в роли области-источника).

Ниже мы приведем несколько примеров, иллюстрирующих результаты исследования.

1. *Air de bœuf* (*être antipathique, renfrogné* – быть негативно, неодобрительно настроенным) [6]. Внутренняя форма словосочетания – «бычий вид».

Словосочетание возникло в результате метафорического переноса значения: негативно настроенный по отношению к чему-либо человек сравнивается с быком. Таким образом, в структуре данной метафоры область-источник – «бык/разъярённый бык», а область-цель – «человек, выражающий недовольство», переносимый признак – «сходство во внешности при выражении негативных эмоций».

Поскольку область-цель характеризуется в терминах области-источника, для понимания того, как именно воспринимается носителями языка объект, представляющий собой область-цель, необходимо 1) вычленив характеристики объекта, представляющего собой область-источник 2) выделить из них те характери-

стики, которые семантически применимы к объекту, который обозначен как область-цель. Таким образом, нам необходимо найти признаки, свойственные одновременно разъярённому быку и рассерженному/недовольному человеку. В результате получаем следующие характеристики:

fort (сильный), sauvage (дикий), résistant (сопротивляющийся), monstrueux (чудовищный, жуткий), terrible (страшный, ужасный) [4].

Таким образом, данные признаки иллюстрируют восприятие канадцами недовольного, рассерженного и агрессивно настроенного человека.

В центральном варианте французского языка аналогичное выражение звучит как «la peau de vache».

la peau de vache (une personne méchante, hostile – злобный, враждебно настроенный человек) [5]. Внутренняя форма словосочетания – «коровья кожа».

Словосочетание возникло в результате метафорического переноса значения: враждебно настроенный человек сравнивается с коровой/кожей коровы. Таким образом, область-источник – «корова/коровья кожа», область-цель – «злобный, враждебный человек».

Выделим основные характеристики области-источника для того, чтобы узнать, как воспринимается носителями область-цель. Отметим, что нас интересуют только те характеристики, которые применимы для описания объекта, представляющего собой область-цель:

méchant (злобный), fou/folle (безумный, сумасшедший), maligne (хитрый), dur (твёрдый, жёсткий) [1, с. 258], [4].

Таким образом, можно предположить, что, вероятно, различия в восприятии агрессивно настроенного человека носителями канадского и центрального варианта французского языка, минимальны. Основное различие заключается в приписывании носителями центрального французского такому человеку признака «хитрость», отсутствующего в языковой картине мира канадцев.

2. Avoir la chienne (avoir très peur, être terrifié – сильно бояться, быть напуганным) [6]. Внутренняя форма словосочетания – «иметь собаку».

Данное выражение построено по принципу метафорического переноса: что-либо, внушающее страх, сравнивается с собакой. Таким образом, область-цель – «объект, внушающий страх», область-источник – «собака».

Выделим основные характеристики области-источника, при помощи которых можно охарактеризовать также и область-цель:

monstrueux (чудовищный) [4].

Таким образом, в сознании носителей канадского французского языка ощущение страха ассоциируется с собакой и воспринимается как нечто чудовищное.

Эквивалентным выражением центрального варианта французского языка является словосочетание avoir les jetons. Внутренняя форма словосочетания – «иметь жетоны».

Образование словосочетания связано с тем, что человек, играющий в азартные игры, должен иметь большое количество денег, испытывая в то же время страх всё потерять [5]. Таким образом, в рамках данного выражения область-цель – чувство страха, область-источник – сфера азартных игр. Первоначально данное выражение было связано с игрой в казино, поэтому при выявлении характеристик объекта, представляющего собой область-источник, мы будем ориентироваться на характеристики данной игры, а также на характеристики игры в целом, совместимые с характеристиками, применимыми к чувству страха:

dangereux (опасный), risqué (рискованный) [1, с. 142; 4].

Таким образом, можно говорить о различиях в восприятии страха франкоканадцами и французами, которые можно сформулировать следующим образом:

Канадский вариант словосочетания предполагает акцент на эмоциях, которые источник страха вызывает у человека (характеристика «чудовищный»).

Французский вариант словосочетания подразумевает акцент на рациональной оценке последствий, которые ожидаются в результате взаимодействия с источником страха (характеристики «опасный», «рискованный»).

3. Avoir du chien (avoir de l'énergie, de la détermination – быть энергичным, обладать решимостью). Отметим, что внешняя форма словосочетания отличается от внешней формы словосочетания avoir la chienne: частичный артикль du обозначает неопределённое количество обозначаемого вещества или качества. Таким образом, внутренняя форма словосочетания – «иметь что-то от собаки (что-либо общее с собакой)».

Область-цель в данном случае – «энергичный, решительный человек». Область-источник – «собака».

Выделим основные характеристики области-источника, которые также можно применить к области-цели:

vigoureux (энергичный) [4].

Синонимичным выражением в центральном варианте французского языка является словосочетание *à tous crins*. Словосочетание имеет два перевода: а) быть лохматым, иметь распущенные волосы, буйную шевелюру б) быть энергичным, динамичным человеком [5]. Внутренняя форма словосочетания – «иметь сплошь конские волосы».

Область-цель в данном случае К «энергичный человек», область-источник – «конский волос». Выделим характеристики области-источника, применимые к описанию области-цели. Среди прилагательных, ассоциирующихся с конским волосом, при этом совместимых с характеристикой энергичного человека, можно выделить следующее:

infatigable (неутомимый).

Можно предположить, что данная ассоциация возникла в результате переноса соответствующей характеристики такого животного, как лошадь, на принадлежащую данному животному часть тела (волос). По этой причине целесообразно также проанализировать слово *cheval* (лошадь) на предмет наличия описательных характеристик, применимых к области-цели (энергичному человеку). Получаем следующие характеристики:

infatigable (неутомимый), *vigoreux* (энергичный), *vif* (живой), *ardent* (пылкий, страстный) [4].

В качестве основной характеристики выделим признак «*infatigable* (неутомимый)», поскольку он был указан и в качестве характеристики лошади, и в качестве ассоциации к словосочетанию «конский волос», являющемуся областью-целью.

Таким образом, в восприятии энергичного человека франкоканадцами и французами существуют некоторые различия. Ориентируясь на данные, полученные в результате интерпретации приведённых словосочетаний, можно сделать предположение о том, что в основе понятия «энергичный человек» для канадцев лежит признак «полный жизненной энергии», а для французов – «не чувствующий усталости после высоких нагрузок».

4. *Coup de chien/coup de cochon* (*un coup de salaud, un coup fourré* – грязный трюк, удар исподтишка) [6]. Внутренняя форма словосочетания *coup de chien* – «удар собаки», словосочетания *coup de cochon* – «удар свиньи».

Таким образом, область-цель – «удар исподтишка», область-источник – «удар собаки», «удар свиньи».

Выделим характеристики области-источника, применимые также к области-цели (для выявления данных характеристик также проанализируем признаки, относящиеся к словам *chien* (собака), *cochon* (свинья)):

Chien (собака):

méchant (злой) [4].

Cochon (свинья):

sale (грязный, нечистоплотный, подлый) [4].

К синонимичным выражениям в центральном варианте французского языка можно отнести словосочетание *coup de salaud* (грязный трюк) [5]. Внутренняя форма словосочетания – «удар мерзавца».

Данное словосочетание характеризуется меньшей степенью образности по сравнению со всеми рассмотренными выше выражениями, однако механизм его формирования сходен с механизмом метафоризации: грязный трюк (означаемое) сравнивается с ударом, нанесённым мерзавцем, негодяем. Поэтому в структуре данного словосочетания как языковой единицы также можно выделить область-цель и область-источник.

Область-цель – «удар исподтишка», «грязный трюк», область-источник – «удар мерзавца».

Выделим характеристики области-источника, совместимые с описанием области-цели (для этого будем принимать во внимание также характеристики слова *salaud* (мерзавец):

méchant (злой), *dégueulasse* (омерзительный, отвратительный) [4].

Таким образом, интерпретация понятия «удар исподтишка», «подлый, грязный трюк» в рамках канадского и центрального вариантов французского языка практически не отличается. Тем не менее следует отметить, что в интерпретации французского выражения присутствует компонент, выражающий оценку, личное отношение говорящего к происходящему («омерзительный, отвратительный»), в то время как в канадском варианте акцент сделан в большей степени на констатации наличия тех или иных отрицательных признаков («грязный, подлый»).

5. *Ton chien est mort* (*tu n'as plus aucune chance, plus d'espoir* – у тебя больше нет шансов/нет надежды) [6]. Внутренняя форма словосочетания – «твоя собака умерла».

Область-цель в данном случае – «шанс, надежда на будущее», область-источник – «собака». Также область-цель можно обозначить как «потеря шанса/надежды», а область-источник – как «смерть домашнего животного (собаки)».

Выделим характеристики области-источника, применимые к области-цели:

excellent (великолепный, отличный), adoré (обожаемый), joie (радость), meilleur ami de l'homme (лучший друг человека) [1, с. 59; 4].

Также для получения дополнительной информации определим характеристики второго слова, описывающего область источник (mort – смерть), применимые также ко второму слову, относящемуся к области-цели (потеря):

fin (конец), souffrance (страдание), affreux (ужасный), épouvantable (жуткий, ужасный), triste (печальный), catastrophe (катастрофа), regret (сожаление), chagrin (огорчение) [1, с. 166; 4].

В центральном варианте французского языка существует выражение, синонимичное данному: les carottes sont cuites.

Les carottes sont cuites (il n'y a plus aucun espoir – надежды больше нет). Внутренняя форма словосочетания – «морковь сварена». История возникновения данного выражения восходит к XVII в. В тот период употреблялось такое словосочетание, как ne vivre que des carottes, что означало «жить бедно» (внутренняя форма – «жить только за счёт моркови»). Впоследствии выражение приобрело форму avoir ses carottes cuites и значение «умирать». Предположительно появление данного значения объясняется тем, что в бедных семьях зачастую мясные блюда (т.е. блюда из мяса мёртвого животного) подавали вместе с морковью (из чего следует связь между морковью и смертью) [5].

Область-цель в данном случае – «потеря надежды, безнадёжная ситуация», область-источник – «сваренная (приготовленная) морковь».

Проанализировав происхождение данного выражения, отметим, что в процессе его становления также имело место сравнение потери и смерти, равно как и в случае образования синонимичного канадского словосочетания. Т.е. формирование области-цели прошло через промежуточную стадию, в рамках которой область-цель можно сформулировать как «смерть».

В случае данного словосочетания выделить характеристики области-источника, применимые также к области-цели, не представляется возможным вследствие отсутствия непосредственных связей между объектами/явлениями, представляющими собой область-цель (потеря надежды) и область-источник (сваренная морковь). Связь между областью-целью и областью-источником восходит к вышеупомянутой промежуточной стадии развития выражения les carottes sont cuites, в рамках которой оно имело форму avoir ses carottes cuites и значение "умирать". Анализируя словосочетание на данном этапе, можно отметить, что взаимосвязь между формой и значением была сформирована не только по метафорическому, но и по метонимическому механизму. Ниже проиллюстрируем когнитивные механизмы, лежащие в основе возникновения словосочетания на данном этапе его существования.

1) Перенос признака «мёртвый» с животного, мясо которого употребляется в пищу, на умирающего/умершего человека – механизм метафоризации.

2) Перенос свойств употребляемого в пищу мяса животного на морковь по признаку смежности (перенос признаков с одного блюда на другое, подаваемое вместе с первым) – механизм метонимизации.

Обозначим также область-цель и область-источник для словосочетания avoir ses carottes cuites. Область-цель – «умирающий/умерший человек», область-источник – «приготовленная морковь». Однако поскольку объект «морковь» имеет не метафорическую, а метонимическую связь с объектом «умирающий человек», целесообразно будет обозначить в качестве области-источника не "морковь", а тот объект, свойства которого были перенесены на объект «морковь» при помощи метонимической связи, т.е. объект «мясо животного». Таким образом, область-цель для выражения avoir ses carottes cuites – «умирающий человек», а область-источник – «мясо животного».

Выделим характеристики области-источника, применимые также к области-цели, чтобы узнать, как воспринимали носители французского языка умирающего человека в период существования рассматриваемого словосочетания:

fin (конец), victime (жертва) [4].

Впоследствии произошла трансформация внешней формы словосочетания (современная форма: les carottes sont cuites), а также значения (безнадёжная ситуация). Таким образом, механизм изменения значения выражения основан на сравнении смерти человека с безнадёжной ситуацией. Таким образом, вышеуказанные признаки, характеризующие такое явление, как «смерть человека», переносятся на такое явление, как «безнадёжная ситуация».

Итак, сравнивая канадское и французское выражение, можно сделать выводы о некоторых различиях в восприятии безнадёжной ситуации: в канадском варианте акцент сделан на эмоциях, которые человек испытывает, находясь в такой ситуации, в то время как во французском варианте акцент делается на фактическом положении, в котором человек оказался и на степени безвыходности этого положения (характеристика «жертва»). Также для канадского варианта характерно сравнение безнадёжной ситуации с потерей близ-

кого существа, в то время как во французском варианте такая ситуация сравнивается со смертью самого человека.

Итак, рассмотрев семантические характеристики приведенных канадских фразеологизмов, можно сделать следующие выводы:

1) особенности номинации канадских фразеологизмов отражают особенности восприятия обозначенных при их помощи объектов/явлений;

2) различия в номинации канадских и французских фразеологизмов свидетельствуют о наличии разницы в комплексе признаков, положенных в основу номинации, а значит, и в разном восприятии французами и франкоканадцами одной и той же реалии;

3) анализ ассоциативных связей позволяет выявить различия в признаках, положенных в основу номинации фразеологизмов в рамках французской и франкоканадской культуры;

4) в рассмотренных случаях для франкоканадцев было характерно более эмоциональное восприятие различных явлений, в то время как французам было свойственно более рациональное, рассудочное восприятие тех же явлений;

5) большое количество как позитивных, так и негативных ассоциаций у франкоканадцев вызывает слово *chien* (собака), что говорит о высокой значимости данного животного во франкоканадской культуре;

Таким образом, исследование концептуальных метафор с применением анализа ассоциативных связей и анализа сочетаемости слов вносит вклад в исследования ЯКМ, поскольку выявляет набор признаков, ассоциирующихся у носителей языка с тем или иным предметом/явлением, а значит, раскрывает особенности мышления носителей языка, что позволяет выявить разницу в мышлении представителей различных этнических групп.

Литература

1. Дебрени М. Французский ассоциативный словарь (Dictionnaire des associations verbales du français): в 2 т. Т. 1: От стимула к реакции (Т. 1: Du stimulus à la réaction) / М-во образования и науки, Новосибирский гос. ун-т. Новосибирск, 2010. 363 с.

2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / Под ред. и с предисл.: А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

3. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. Мн.: ТетраСистемс, 2004. 256 с.

4. Dictionnaire des cooccurrences en ligne [Электронный ресурс]. URL: <https://inspirassion.com/fr/> (дата обращения: 18.12.2022)

5. Expressio.fr [Электронный ресурс]. URL: <https://www.expressio.fr/> (дата обращения: 18.12.2022)

6. Traduction du français au français: un guide linguistique franco-québécois [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dufrancaisaufrancais.com/lexique/> (дата обращения: 02.05.2022)

References

1. Debrenn M. Francuzskij asociativnyj slovar' (Dictionnaire des associations verbales du français): v 2 t. T. 1: Ot stimula k reakcii (T.1: Du stimulus à la réaction). M-vo obrazovanija i nauki, Novosibirskij gos. un-t. Novosibirsk, 2010. 363 s.

2. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metaforj, kotorymi my zhivjom. Pod red. i s predisl.: A.N. Baranova. M.: Editorial URSS, 2004. 256 s.

3. Maslova V. A. Kognitivnaja lingvistika: uchebnoe posobie. Mn.: TetraSistems, 2004. 256 s.

4. Dictionnaire des cooccurrences en ligne [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://inspirassion.com/fr/> (data obrashhenija: 18.12.2022)

5. Expressio.fr [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.expressio.fr/> (data obrashhenija: 18.12.2022)

6. Traduction du français au français: un guide linguistique franco-québécois [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.dufrancaisaufrancais.com/lexique/> (data obrashhenija: 02.05.2022)

*Afonina M.M., Lecturer,
Moscow State Linguistic University*

The role of conceptual metaphore in the characteristics of linguistic worldview: analysis of associative links (on the material of phraseological units of the French language of Canada)

Abstract: the article focuses on the research of the role of the conceptual metaphore in the study of linguistic worldview (LW). The relevance of the given topic is due to the fact that the problem of LW is of considerable interest for modern cognitive linguistics because LW, combining the characteristics of mental and linguistic formation, contains information on peculiarities of thinking and world perception, characteristic of a certain ethnic group, which allows to reveal ways of structuring knowledge by means of language used by this ethnic group. The role of mechanisms of metaphORIZATION (the description of some facts in terms of other facts) in the language of a certain ethnos is very important with regard to the study of peculiarities of LW.

In this article we provide semantic analysis of phraseological units of the French language of Canada comparing them to their analogues in the central variety of French (the language of France). The analysis revealed associative links between different realias within the framework of Canadian French and through these associative links we singled out peculiarities of perception of these realias by French Canadians and the differences of their way of perception from peculiarities of perception of the same realias by French people. The analysis was based on the data given by the French Dictionary of World Associations by M. Debrenne and on the online collocation dictionary of French. The results of the study can be used in further researches in the domain of cognitive linguistics.

Keywords: language worldview, conceptual metaphore, associative links, Canadian French, phraseological units, cognitive structures

For citation: Afonina M.M. The role of conceptual metaphore in the characteristics of linguistic worldview: analysis of associative links (on the material of phraseological units of the French language of Canada). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 192 – 198.

*Коньшева Н.Ю., аспирант,
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет*

Периферийные концепты раннего творчества Р. Музиля

Аннотация: исследуется ранний период творчества Р. Музиля, который на сегодняшний день изучен в литературоведении недостаточно. Незавершенность понятия «концепт» применительно к малой прозе Р. Музиля и раннему этапу творчества в целом определяет новизну исследования. Анализ ранних текстов писателя дан через призму концептного метода. Соответственно, ядро методологии составляет семиотический подход. Именно такая методология позволяет выделить в раннем творчестве Р. Музиля концепты, объединяющие не только художественные произведения периода 1898-1918 годов, но и эссеистику.

Границы раннего творчества определены автором статьи как 1898-1918 и включают дневники указанного периода, эссе «Математический человек», цикл новелл «Соединения» и роман «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса».

Ключевой типологией концептов для нас является типология по роли и значимости единицы в системе: круг концептов, регулярно функционирующих во всех значимых произведениях раннего этапа («познание», «инаковость», «мораль»); те, которые представлены во всех произведениях, но являются периферийными и функционируют с меньшей частотностью («страх», «любовь», «власть»); и наконец, концепты, встречающиеся в отдельных произведениях («вина», «верность»). Однако внутри описанной типологии в рамках данной статьи мы выделяем концепты, «страх» «вина», «любовь», которые вписаны в круг гносеологических вопросов, последовательно поднимаемых автором в его текстах. В связи с этим целью исследования мы ставим определение семантического наполнения периферийных концептов ранних произведений Р. Музиля. Взаимодействуя между собой, концепты образуют уникальное смысловое поле: знание не всегда рационально, – путь познания у Роберта Музиля – это путь опыта, соединяющего в себе действенное, чувственное, логическое, фиксирующегося через переживание и проживание ситуации. Таким образом, каждый концепт заключает в себе духовный опыт, принципиальный для Музиля наряду с рациональным освоением мира.

Ключевые слова: типология, система концептов, периферийные концепты, раннее творчество Р. Музиля

Для цитирования: Коньшева Н.Ю. Периферийные концепты раннего творчества Р. Музиля // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 199 – 205.

Работ, посвященных концептам национальных литератур, достаточно много (Соколова Г.А. Временная и пространственная концептуализация в немецкой романтической сказке, Васильева Т.И. Художественная концептосфера: национальное и индивидуальное, Хабекирова З.С. Концептосфера русской культуры. Группы концептов, Манукян Г.В. Роль концепта в выражении национальной картины мира и др.), они широко изучены на данный момент, поэтому сегодня внимание исследователей (Н.Г. Горбунова, Н.А. Красавский, В.В. Литвинова, Н.Г. Клебанова) чаще сосредоточено на индивидуально-авторской системе концептов. Литературоведческий интерес составляет раннее творчество австрийского писателя XX века Р. Музиля, привлекающего широкое внимание исследователей в качестве автора романа «Человек без свойств»: А.В. Белобратова «Проблема литературного характера в австрийском романе 1930-х годов (Р. Музиль, Г. Брех, Э. Канетти)», Д.С. Давлианидзе «Роберт Музиль и метаморфоза романа», Дж. Алера «Воспитанник Метерлинка и Маха: литературно-философское начало Роберта Музиля», В. Баузингера «Исследования по историко-критической проблеме романа Роберта Музиля «Человек без свойств», К. Корино «Эдип или Орест? Роберт Музиль и психоанализ» и др., но малоизученного как эссеиста и новеллиста. Нас интересует раннее творчество писателя (1898-1918): «Листки из ночной тетради мсье вивисектора» (1898), «К теме „Век стилизаций“» и др., эссе «О книгах Роберта Музиля» (1913), «Математический человек» (1913), роман «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» (1906) и новеллы «Созревание любви» (1909) и «Искушение кроткой Вероники» (1910). Семиотический подход позволяет выделить в раннем творчестве автора концепты, которые схожим образом функционируют в художественных произведениях и в эссеистике периода 1898=1918 годов, проследить динамику смыслов, отражённых в этих концептах.

Концепты раннего Музиля мы делим на основные и периферийные (по типологии Н.Ю. Шведовой). Важны два принципа построения типологии. Первым, самым понятным и простым является индекс частотности концепта в тексте. Периферийные концепты вина (34), «стыд» (61), «страх» (195), «любовь» (118) имеют низкий индекс частотности. Концепты представляют эмоциональные категории, сопряженные в

раннем творчестве автора с этико-гносеологическими задачами духа: самопознание, обретение утраченной гармонии и чувства реальности, гибкости этических вопросов. Каждый концепт – это путь познания героем двойственности мира, заключающий в себе духовный опыт. Так, индекс употребления и семантика позволяет определить концепты в статус периферийных, при этом непосредственно соотносимых с центральными концептами «познание», «инаковость» и «мораль». Вторым и определяющим становится принцип, основанный на этико-гносеологических вопросах, интересующих Музиля на протяжении всего творчества. Музиль, утверждающий в качестве основного пути познания опыт и отрицающий негибкую мораль, навязывающую свои правила и законы, ищет новые ориентиры.

Любовь как путь преодоления дисгармонии

Крах австрийской империи приводит к идее распадающегося мира. Пути преодоления амбивалентности мира литература рубежа веков находит в культивировании любви как утопической альтернативы и идеологической опоры в «смутные времена». «Любовь» становится важнейшим концептом австрийской литературы, обретающим самые разнообразные (даже взаимоисключающие смыслы). К примеру, в новеллистике А. Шницлера любовь соседствует с антитезой «жизнь – смерть» («Слепой Джеронимо и его брат», 1900; «Греческая танцовщица», 1902; «Дневник Ренегонды», 1909 и др.). Новелла С. Цвейга «В сумерках» (1911) из цикла «Первые переживания: четыре новеллы из страны детства» посвящена описанию пробуждения чувства любви у подростка и превращению его в мужчину, включает семантику становления, мужания, взросления, созревания.

В раннем творчестве Музиля концепт «любовь» связан с центральной идеей писателя – обретение абстрактной цельности души и чувства. Всякий раз любовь заключает в себе некое противоречие. Она призвана примирить части антагонистического противостояния духовного и телесного (новелла «Соединения»), соединить оппонентов Райтинга и Тёрлеса (роман «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса»), примирить любовь к жизни со смирением перед неизбежностью смерти возлюбленного в новелле «Искушение кроткой Вероники».

Концепт «любовь» схожим образом функционирует в новеллах цикла «Соединения» («Созревание любви», 1911 г., «Искушение кроткой Вероники», 1911 г.) и в романе «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса», 1906 г.

Во-первых, в раннем творчестве Музиля устойчиво противопоставляются стихийные порывы и упорядоченное духом чувство. Каждое имеет характерный набор физиологических, внешних признаков. К примеру, в «Созревании любви» описаны воспоминания Клодины: «забытое ощущение распущенных волос, теплые, размягченные губы» [13, с. 35]. Тёрлес («Душевные смуты воспитанника Тёрлеса») впервые испытывает состояние возбуждения, которому сопутствует «желание прижаться к полу» [11, с. 73]. Разочарование приходит, когда герой видит несоответствие между романтической влюблённостью (вызванной чтением новелл, а не личным переживанием чувства) и пошлой атмосферой города и интерната. «Природа Тёрлеса хорошо организована, обладает большой сексуальной возбудимостью, но столь же большой нравственной чистотой, он воспринимает всё сексуальное как несовместимое с его моральным содержанием, как загрязнение и осквернение» [23, р. 91], – пишет Р. Крёмер Духовному чувству противопоставлен сексуальный аспект отношений, его транслируют Райтинг и Байнеберг («Душевные смуты воспитанника Тёрлеса»), высмеивая при этом любое положительное проявление чувства. К примеру, подростки подшучивают над Базини и его любовными историями, объектом насмешки становятся детско-родительские отношения воспитанников, воплощением похоти и соблазна – местная проститутка, к которой подростки сбегают из интерната ночами. Для подростков связь с такой женщиной создаёт иллюзию взрослости, независимости от родителей. Духовное начало олицетворяет мать Тёрлеса («Существо, которое проходило через мою жизнь в безоблачной дали, ясно и без снижений, как небесное тело, по ту сторону всякого вождения...» [11, с. 39]).

Таким образом, строгое разделение телесного и духовного, страсти и любви закреплено в противоположных женских образах, отношении героев к любви и поведенческих стратегиях, выстроенных по принципу контраста. Возникает целый набор смыслов, связанных с антитезами своё/чужое, инфантильное/взрослое, упорядоченное/стихийное. Осознание, что такое «любовь», сопряженная с милосердием, придает взрослому Тёрлесу чувство осмысленности и упорядоченности мира, а вместе с ним обеспечивает ему ощущение спокойной отстраненности и независимости осознанно выбирающего свой путь взрослому на фоне одноклассников-подростков, воплощающих хаос, бунт и еще не сделавших свой выбор.

Во-вторых, любовь-страсть вызывает боль, порождает запретные мысли. Тему «неправильности», болезненности и греховности любви развивают в австрийской литературе XX века Г. Тракль, Т. Манн, Ф. Верфель. Примером могут служить влечение монаха к оперной певице Лейле (Верфель «Чёрная месса», 1919), которая является «воплощением телесной мистической любви, привлекательной, но опасной» [1, с.

93], оказывающейся для послушника воплощением греха, похоти и желания, Зигмунд и Зиглинда – близнецы, имена которых многозначительно напоминают героев оперы Р. Вагнера в новелле Т. Манна «Кровь Вэльсунгов» (1921) и др.

Герои Музиля оказываются в сомнительных любовных ситуациях измены, инцеста, сексуального унижения. В раннем творчестве телесная любовь выражается в физическом влечении к запретному объекту.

В новелле «Созревание любви» запретно влечение Клодины, замужней женщины, к незнакомцу в поезде, по поводу которого героиня рефлексировала на протяжении всей поездки.

Возлюбленный Вероники намерен покончить с собой, поэтому любовь для неё сопряжена с трагедией, утратой, переживанием горестных и болезненных состояний (*«человек, который в своих страданиях еще что-то продолжает любить и улыбается в горе»* [13, с. 105]). Чувственность, которая направлена на родственный объект (мать), на объект того же пола (Базини) или другой запретный и болезненный объект (к примеру, влечение Клодины к незнакомцу) переосмысливаются героями как действующая сила, направленная на познание самого себя. Желание и страсть являются не более чем потребностью взрослого человека. Ключевую роль играет приобретённый опыт. Каждый из героев ранних произведений Р. Музиля сознательно вступает в унижительную и болезненную для себя связь по разным причинам. Базини – от страха разоблачения, Тёрлес, Клодина и Вероника – в стремлении к самопознанию. Они проходят путь искушения и познают темные стороны собственной души и пути преодоления иррационализма.

В-третьих, любовь в ранних текстах Роберта Музиля воплощает надежду на будущее, становится путем к грядущему царствию Божьему, утопическому, иллюзорному. Новеллы «Созревание любви» и «Искушение кроткой Вероники» включены в цикл с многозначительным названием «Соединения», где любовь – чувство особой близости героини с возлюбленным в ситуации расставания. Близость утраты ввергает персонажей в состояние, которое автор описывает как пограничные переживания, рождающие сексуальную ярость или приводящие к невыразимому союзу.

Духовная любовь «является утопическим проектом в её идеальном, надрациональном смысле» [17, с. 209]. Уже герои раннего творчества ищут «всеобъемлющей» любви ко всем людям: *«Ощущение, что она – для всех и все же только для одного-единственного»*, – размышляет Клодина. Вероника: *«Любить одну только себя – все равно что готовность все сделать для другого»*. Уже на раннем этапе творчества видно, что утопия любви, мечта о чувстве как расширении собственного «я» и в то же время некоем самоотрешении, замыкается, не находит выхода.

Страх – одна из мировоззренческих основ

Другой концепт, который связан с пониманием границ собственной личности героев, – это страх. Неуверенность в будущем, неопределенность, крушение устоявшихся ценностей – проблемы, которые поднимались в австрийской литературе с античности. В начале XX века понятие соотносится с общественной атмосферой в стране («комплекс неполноценности, воспоминания об уже пережитых катастрофах и панический ужас перед возможными катастрофами» [4, с. 87]), – и питает австрийскую литературу. К примеру, в письме М. Броду Ф. Кафка описывает состояние человека в ситуации кризиса системы и распада ценностей – *«страх перед полным одиночеством. В сущности, одиночество – моя единственная цель, мой самый большой соблазн. И несмотря на это – страх перед тем, что я так люблю. Эти два вида страха перемалывают меня, как жернова»* [9]. Грегор Замза, превратившись в насекомое, продолжает испытывать прежние страхи, обусловленные чувством немотивированной вины, беспомощности, жизненного беспорядка и беззакония: потеря работы, опоздание на поезд, просроченные долги («Превращение», 1916). Новелла С. Цвейга об измене мужу и переживании героиней страха разоблачения, который «порождает психологию надломленности сознания и отчаяния» вплоть до мыслей о самоубийстве и «невозможности выхода из душевного кризиса» [2, с. 15] имеет одноимённое название – «Страх» (1925).

Концепт и его схожие смыслы в австрийском и немецком романе межвоенного периода на примере произведений Й. Рота, Ф. Верфеля, Т. Манна описан в монографии Н.Э. Сейбель. Особый статус концепта «страх» в культуре Германии и Австрии связан с социальными, историческими, политическими вопросами: стремление максимально упорядочить все сферы жизни обусловлено повышенным страхом перед хаосом. В раннем творчестве Музиля концепт «страх» соотносится с видами страха, выделенными С. Кьеркегором.

Отсутствие явного источника страха, боязнь «возможности» чего-либо указывают на метафизический страх. Метафизическому страху соответствует в немецком языке существительное «Angst» (*undeutliches Gefühl des Bedroht seins – неясное предчувствие угрозы бытия* [20]) – лексема, с помощью которой концепт вербализуется в раннем творчестве наиболее часто, наряду с «испугом (Schreck)» и его производными. Чувство не связано с определённым действием, лицом, событием или состоянием. К примеру, Иоганнес («Искушение кроткой Вероники») испытывает «что-то вроде страха перед чем-то, что еще никогда не

видел и что не приобрело ещё какой-то определённый облик» [13, с. 68]. Неопределённое негативное чувство герои едва ли могут назвать страхом. Скорее, страх становится тем, что исключается из возможных определений. К примеру, через отрицание в речи и мысли Йоганнес приходит к наименованию своего состояния не как чувства, а как ощущения, как некоторого неопределённого состояния, но только не страха: *«То, что было в нём, на самом деле не было ни страхом, ни слабостью»* [13, с. 68].

Для подростка Тёрлеса страх сопрягается с новым, непознанным, неизвестным, например, с собственными эротическими фантазиями: *«Он не был порочен. При осуществлении всегда перевешивали отвращение к своей затее и страх перед возможными последствиями»* [11, с. 32]. Боязнь возможности греха, о котором пишет С. Кьеркегор в «Понятии страха» (1844), желаний, определяемых как греховные, испытывают все герои-протагонисты Музиля. Мысли о возможной измене, которая представляется Клодине неизбежной, разрастаются в целый поток субъективных чувств, ощущений и ассоциаций (*«Её на мгновение коснулся леденящий, невольный желанный ужас, словно перед безмянным пока грехом»* [13, с. 29]). В итоге боязнь чего-либо – результат мыслей героев, он надуман, герои сами ввергают себя в состояние страха. В раннем творчестве Музиля этот вид страха наиболее продуктивный, его испытывают все герои.

Проблема страха получила наиболее подробную разработку в философии экзистенциализма. Экзистенциальный страх – *«это не страх перед событиями обыденного мира, а потрясающее человека прозрение, когда перед ним разверзается бездна бытия»* [20, с. 14]. Страх раскрывает бытийную структуру экзистенции, ее конечность. К примеру, обучение в интернате вызывает скуку у Тёрлеса, указывает на безысходность и одиночество: *«Уже сейчас стоял у него в ушах звук звонка. Ничего он так не боялся, как этого звонка, который непреложно определял конец дня, – как жестокий удар ножом. Он ничего-то и не извед, и жизнь его была сплошным прозябанием, но этот звонок прибавлял ко всему еще и глумление, повергая его в дрожь от бессильной злости на самого себя, на свою судьбу, на загубленный день»* [11, с. 13]. Семантика концепта приобретает трагический пафос. Конец дня равносителен для героя концу жизни, бессмысленное существование в интернате – страху смерти. Так, с концептом сопряжены онтологические смыслы умирания, брэнности и бессмысленности существования. Страх обнаруживает конечность бытия.

Концепт «вина» в романе «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса»

Сравнение текстов показывает, что вина функционирует наиболее часто в романе «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса». Для понимания природы концепта важны библейская, литературная, философская традиции, обнаруживающие сложные вопросы вины. В библейской традиции вина – это испытание благочестия и праведности человека. Впервые понятие вины и первородного греха встречается в библейской традиции, подразумевая изначальную греховность бытия человека. В философской мысли вина – это: 1) неисполнение долга (И. Кант); 2) «действие самосознания» (Г. Гегель) [3, с. 238]; 3) повод, стимул, побуждение (М. Хайдеггер) [18, с. 224]; 4) моральная категория, имеющая материальные корни (Ф. Ницше) [14].

Вопросы виновности человека начинают остро звучать в немецкоязычной литературе XX века в связи с обострением чувства коллективной ответственности за преступления нацизма. Так, на почве нравственного осмысления «немецкой вины» в Западной Германии стали появляться группы немецких писателей и деятелей культуры, не желавших возрождения милитаризма и национализма – «Группа 1925», к которой позже присоединился Музиль. Литературная традиция, обнаруживающая сложные взаимосвязи концепта с действительностью, неоднозначную природу самой вины, ставит его в статус национального концепта. По-разному осмысляемый писателями, он не теряет своей значимости, обрастает новыми смысловыми аспектами. *«Вина всегда бесспорна. <...> Осужденному бороной на тело пишется та заповедь, через которую он переступил»,* – пишет Ф. Кафка (*«В исправительной колонии»*, 1919). Парадоксальная истина жизни у Кафки в том, что люди уже рождаются (просыпаются – *«Превращение»*, 1912) виновными.

Таким образом, вина – предмет изучения философии, мифологии, литературы, один из релевантных сформированных культурой концептов, мотивирующих к соблюдению нравственных моделей поведения. Концепт апеллирует к самооценке героев, осознанию ошибочности поступков и ответственности за них. Немецкому слову «Schuld» принадлежат два толкования – вина и долг (обязательство). В романе, тесно связанные, реализуются оба значения. Аккумулирующая в себе основополагающие мифологические, литературные, философские смыслы, музилевская «вина» – это, во-первых, ответственность, долг и наказание, не имеющие тесной связи с проступком, чувство «врождённой» вины. Ужас мира в том, что в нем нет взаимообусловленных причин и следствий. Между проступком и наказанием, виной и искуплением нет прямой связи. Базини твёрдо осознает неминуемость наказания и искупления вины. Но унижительные, бесчеловечные пытки, которые терпит герой, несоразмерны мелкой краже денег.

Во-вторых, в романе создаётся видимость невинности. Невинность – нечто показное, необедительное. Музиль неоднократно показывает, что внешнее и внутреннее не всегда совпадают, часто противоречат друг другу. Так, на следующий день после издевательств над Базини Тёрлес замечает ласковый тон Райтинга, нехарактерный для него: «Ему [Тёрлесу] бросилось в глаза, какая невинность и любезность лежала в прямом, гибком шаге Райтинга – прямо как в его словах. И напротив он пытался представлять себе его, каким он должен был быть тем вечером» [24, р. 71]. Чем в большей степени невинность не характерна для Райтинга, тем очевиднее становится это несоответствие.

В-третьих, встречное обвинение – способ защиты. Райтинг: «...Наконец он обрел дар речи. Это был целый ливень обвинений против меня: как мог я утверждать что-то в этом роде; я только ищущ ссоры с ним, потому что он слабее; он призовет класс... директора; что Бог мог бы свидетельствовать о его невинности, и так далее до бесконечности» [24, р. 46-47].

Наконец, вина формирует иерархию социальных ролей в обществе, это попытка сильных самоутвердиться за счёт слабых, прикрываясь дидактическими целями. Говоря о том, что вора-Базини нужно проучить и наказать, подростки выстраивают на манипуляции и угрозах неравные отношения.

Вина, невинность и невинность перестали соответствовать сути нравственных категорий. Понятия в романе всячески подвергаются сомнению. Виновные и обвинители часто меняются ролями, пытаясь скрыть истинное лицо.

Ставя перед собой цель определить соотношение концептов раннего творчества Р. Музиля, мы выделяем среди них «страх», «любовь», «вину» и причисляем их к периферийным. Во-первых, некоторые из них представлены только в отдельных произведениях. Во-вторых, данные концепты функционируют с меньшей частотой в соотношении с основными концептами «познание», «инаковость», «мораль». В-третьих, их периферийный статус связан с этапами вербализации и концептуализации. Вина вербально полностью оформилась в раннем творчестве. У любви и страха можно определить общую логику становления: в некоторых смысловых аспектах остаётся проблема поиска слова. Они, по нашему мнению, относятся к единицам одного уровня.

Противоречивость историко-культурной ситуации рубежа веков отражается в концептуализации понятий, с течением времени вышедших на первый план – концепты «страх», «вина», «любовь». Концепты «страх» и «вина» отражают, во-первых, национальное чувство беспокойства, тревоги, связанные с прошлым или будущим. Во-вторых, они соотносятся с дискурсом главных героев раннего творчества, поэтому оценочная метафоризация, посредством которой концепты реализуются в текстах, передаёт сложный комплекс чувств героев и их мироощущение. В XX веке эти концепты приобретают актуальность в кризисные периоды истории страны – рубеж веков, межвоенный период. Любовь – преодоления дисгармонии, объединения разделённого: мужского и женского, телесного и духовного. Эмоциональные концепты помещаются в систему связей с категориями нравственными и познавательными. Опыт, запечатлённый в «страхе», «любви» и «виновности», уравнивает физическое (логику) и психическое (дух).

Литература

1. Волокитина Н.И. Фаустианские мотивы в творчестве Франца Верфеля: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург [б. и.], 2019. 165 с.
2. Гасимова С.Д. Специфика «рассказа-открытия» в творчестве С. Цвейга // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2010. № 1. С. 10 – 21. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-avstriya/gasymova-specifika-rasskaza-otkrytiya.htm> (дата обращения: 16.04.2022)
3. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа: пер. с нем. Г.Г. Шпета. М.: Наука, 2000. 495 с.
4. Зарубежная литература XX века: учебник / Под ред. Л.Г. Андреева. М.: Высшая школа, 1996. URL: <http://www.infliolib.info/philol/andreev/12.html> (дата обращения: 2.06.2022)
5. Затонский Д.В. Австрийская литература в XX столетии. М.: Худож. лит., 1985. 444 с.
6. Зусман В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. 2003 № 2. С. 3 – 29.
7. История немецкой литературы: Новое и новейшее время / Под ред. Е.Е. Дмитриевой, А.В. Маркина, Н.С. Павловой. М.: РГГУ, 2014. 808 с.
8. Карельский А.В. Утопии Роберта Музиля // А.В. Карельский. Метаморфозы Орфея: беседы по истории западных литератур. М.: РГГУ, 1999. Вып. 2. С. 157 – 188.
9. Кафка Ф. Письма к Макс Броду. Письмо отцу пер. Харитонов М.С., Кацева Е.А. Изд-во: «РИПОЛ классик». Режим доступа: https://bookscafe.net/read/kafka_franc-pisma_k_maksu_brodu-181075.html#p2 (27.07.2021)

10. Красавский Н.Д. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
11. Музиль Р. Душевные смуты воспитанника Тёрлеса: пер. с нем. С. Апта. СПб.: Азбука-классика, 2000. 200 с.
12. Музиль Р. Малая проза. Избранные произведения в двух томах. Роман. Повести. Драмы. Эссе: пер. с нем. / пред. А. Карельского, сост. Е. Кацевой. М.: «Канонпресс-Ц», «Кучково поле», 1999. Т. 1. URL: http://krotov.info/library/13_m/us/il01.html (дата обращения: 17.08.2017)
13. Музиль Р. Португалка: Новеллы: пер. с нем. А. Карельского, И. Алексеевой. СПб.: Азбука-классика, 2004. 224 с.
14. Ницше Ф. Генеалогия морали: пер. с нем. В.А. Вейнштока. СПб.: Азбука, 2013. 216 с.
15. Павлова Н.С. Природа реальности в австрийской литературе. М.: Яз. славян. культуры, 2005. 311 с.
16. Павлова Н.С. Уроки Музиля. Поэтика романа «Человек без свойств» // Вопросы литературы. 2000. № 5. С. 181 – 207. RL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2000/5/pavlova.html> (дата обращения: 15.11.2017)
17. Сейбель Н.Э. Австрийский роман Zwischenkriegszeit: Монография. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2006. 414 с.
18. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: пер. с нем. В.В. Бибикина. М.: Республика, 1993. 447 с.
19. Хильшер Э. Поэтические картины мира: пер. с нем. Е. Грин. М.: Художественная литература, 1979. с. 195.
20. Чеснокова Л.В. Метафизический страх и тоска в немецкой и русской культурах: дис. ... канд. филос. наук. Омск [б. и.], 2015. 153 с.
21. Duden K. Das Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Angst> (дата обращения: 12.02.2017)
22. Kaiser E., Wilkins E. Robert Musil: Eine Einführung in das Werk. Stuttgart, Klett, 1962. 367 p.
23. Kroemer R. Ein endloser Knoten? Robert Musils Verwirrungen des Zöglings Törles im Spiegel soziologischer, psychoanalytischer und philosophischer Diskurse. München: Wilhelm Fink Verlag, 2004. 353 с.
24. Musil R. Die Verwirrungen des Zöglings Törless. Hamburg: Rowohlt, 1992. 159 p.
25. Musil R. Die Vollendung der Liebe, 2019. URL: <https://www.litres.ru/robert-musil/die-vollendung-der-liebe/> (дата обращения: 26.06.2022)
26. Schneider R. Die problematisierte Wirklichkeit: Leben und Werk Robert Musils. Versuch einer Interpretation. Berlin: V. Volk und Welt, 1975. 176 p.

References

1. Volokitina N.I. Faustianskie motivy v tvorchestve Franca Verfelja: dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg [b. i.], 2019. 165 s.
2. Gasymova S.D. Specifika «rasskaza-otkrytija» v tvorchestve S. Cvejga. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholohova. Filologicheskie nauki. 2010. № 1. S. 10 – 21. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-avstriya/gasymova-specifika-rasskaza-otkrytiya.htm> (дата обращения: 16.04.2022)
3. Gegel' G.V.F. Fenomenologija duha: per. s nem. G.G. Shpeta. M.: Nauka, 2000. 495 s.
4. Zarubezhnaja literatura XX veka: uchebnik. Pod red. L.G. Andreeva. M.: Vysshaja shkola, 1996. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/andreev/12.html> (дата обращения: 2.06.2022)
5. Zatonskij D.V. Avstrijskaja literatura v XX stoletii. M.: Hudozh. lit., 1985. 444 s.
6. Zusman V.G. Koncept v sisteme gumanitarnogo znaniya. Voprosy literatury. 2003 № 2. С. 3 – 29.
7. Istorija nemeckoj literatury: Novoe i novejshee vremya. Pod red. E.E. Dmitrievoj, A.V. Markina, N.S. Pavlovoj. M.: RGGU, 2014. 808 s.
8. Karel'skij A.V. Utopii Roberta Muzilja. A.V. Karel'skij. Metamorfozy Orfeja: besedy po istorii zapadnyh literatur. M.: RGGU, 1999. Vyp. 2. S. 157 – 188.
9. Kafka F. Pis'ma k Maksu Brodu. Pis'mo otcu per. Haritonov M.S., Kaceva E.A. Izd-vo: «RIPOL klassik». Rezhim dostupa: https://booksafe.net/read/kafka_franc-pisma_k_maksu_brodu-181075.html#p2 (27.07.2021)
10. Krasavskij N.D. Jemocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah: Monografija. Volgograd: Peremena, 2001. 495 s.
11. Muzil' R. Dushevnye smuty vospitannika Tjorlesa: per. s nem. S. Apта. SPb.: Azbuka-klassika, 2000. 200 s.
12. Muzil' R. Malaja proza. Izbrannye proizvedenija v dvuh tomah. Roman. Povesti. Dramy. Jesse: per. s nem. pred. A. Karel'skogo, sost. E. Kacevoj. M.: «Kanonpress-C», «Kuchkovo pole», 1999. Т. 1. URL: http://krotov.info/library/13_m/us/il01.html (дата обращения: 17.08.2017)

13. Muzil' R. Portugalka: Novelly: per. s nem. A. Karel'skogo, I. Alekseevoj. Spb.: Azbuka-klassika, 2004. 224 s.
14. Nicshe F. Genealogija morali: per. s nem. V.A. Vejnshoka. SPb: Azbuka, 2013. 216 s.
15. Pavlova N.S. Priroda real'nosti v avstrijskoj literature. M.: Jaz. slavjan. kul'tury, 2005. 311 s.
16. Pavlova N.S. Uroki Muzilja. Pojetika romana «Chelovek bez svojstv». Voprosy literatury. 2000. № 5. S. 181 – 207. RL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2000/5/pavlova.html> (data obrashhenija: 15.11.2017)
17. Sejbil' N.Je. Avstrijskij roman Zwischenkriegszeit: Monografija. Cheljabinsk: Izd-vo ChGPU, 2006. 414 s.
18. Hajdegger M. Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija: per. s nem. V.V. Bibihina. M.: Respublika, 1993. 447 s.
19. Hil'sher Je. Pojeticheskie kartiny mira: per. s nem. E. Grin. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1979. s. 195.
20. Chesnokova L.V. Metafizicheskij strah i toska v nemeckoj i russkoj kul'turah: dis. ... kand. filos. nauk. Omsk [b. i.], 2015. 153 s.
21. Duden K. Das Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Angst> (data obrashhenija: 12.02.2017)
22. Kaiser E., Wilkins E. Robert Musil: Eine Einführung in das Werk. Stuttgart, Klett, 1962. 367 p.
23. Kroemer R. Ein endloser Knoten? Robert Musils Verwirrungen des Zöglings Törless im Spiegel soziologischer, psychoanalytischer und philosophischer Diskurse. München: Wilhelm Fink Verlag, 2004. 353 s.
24. Musil R. Die Verwirrungen des Zöglings Törless. Hamburg: Rowohlt, 1992. 159 p.
25. Musil R. Die Vollendung der Liebe, 2019. URL: <https://www.litres.ru/robert-musil/die-vollendung-der-liebe/> (data obrashhenija: 26.06.2022)
26. Schneider R. Die problematisierte Wirklichkeit: Leben und Werk Robert Musils. Versuch einer Interpretation. Berlin: V. Volk und Welt, 1975. 176 p.

*Konysheva N.Yu., Postgraduate,
South Ural State Humanitarian Pedagogical University*

Peripheral concepts of R. Musil's early work

Abstract: in this article we examine the early period of R. Musil's oeuvre, which is insufficiently examined for today. The incompleteness of the term of "concept" in relation to the short prose of R. Musil and the early stage of creativity as a whole determines the novelty of the study. The analysis of the writer's early texts is given through the prism of the conceptual method. Accordingly, the core of the methodology is the semiotic approach. It is this methodology that helps to identify concepts in R. Musil's early work that combine not only fiction of the period 1898-1918, but also essayistic.

The boundaries are defined by the author of the article as 1898-1918 and include diaries of this period, the essay "Mathematical Man", the cycle of short stories "Unions" and the novel "The Confusions of Young Törless". The key typology of concepts for us is the typology of the role and significance of the unit in the system: the range of concepts that regularly function in all significant works of the early stage ("cognition", "otherness", "morality"); those that are represented in all works, but are peripheral and function with less frequency ("fear", "love", "power") and finally, the concepts found in some works ("guilt", "fidelity"). However, within the described typology within the framework of this article we distinguish concepts "fear", "guilt", "love", which are inscribed in the circle of epistemological issues consistently raised by the author in his texts. Consequently, the aim of the research is to determine the semantic connection of concepts with the key concepts that make up the concept of cognition, with which Musil speaks in his early essays. Interacting with each other, concepts form a unique semantic field: knowledge is not always rational, – Robert Musil's way of knowing is a way of experience that combines the effective, sensual, logical, mending through experiencing and living a situation. Thus, each concept contains a spiritual experience that is fundamental for Musil along with a rational comprehension of the world.

Keywords: typology, system of concepts, peripheral concepts, R. Musil's early work

For citation: Konysheva N.Yu. Peripheral concepts of R. Musil's early work. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 199 – 205.

*Левина В.А.,
Московский международный университет*

Анализ современных представлений о значении концептологии и ее прикладном применении

Аннотация: в статье проанализированы наиболее существенные направления исследований в концептологии как в её теоретической части, так и в существующих прикладных направлениях. Отмечена важная роль лингвистики в моделировании процессов смыслообразования, построении логико – понятийных связей, определении смысловой направленности высказываний. Рассмотрены отличия свойств термина и концепта и возможные способы анализа концептов с учётом особенностей ментальных свойств личности, направленности интерпретации субъектом входящей информации. Произведена оценка факторов формирования языковой картины мира у людей в различных социальных, политических, экономических, климатических условиях. Рассмотрены основные методы анализа формирования дополнительных качественных признаков у ядра концепта с учётом многочисленных факторов экстралингвистического характера. Новизна работы связана с указанием наиболее перспективных в прикладном отношении направлений исследований в концептологии уже сегодня востребованных в построении математических моделей искусственного интеллекта, а также в синхронизации необходимых исследований в смежных областях знаний. В работе использованы методы категоризации, экспертных оценок, синтез, индукция. Практическое использование работы возможно в совершенствовании методик и направления научной работы в области концептов, психолингвистики, социальной психологии, а также формированию современной методической базы преподавания указанных дисциплин.

Ключевые слова: термин, концепт, концептология, языковая картина мира, интерпретация, ментальное пространство, смысл

Для цитирования: Левина В.А. Анализ современных представлений о значении концептологии и ее прикладном применении // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 206 – 214.

Успешное развитие современных информационных технологий во многом является результатом интеграции многих научных дисциплин как в их теоретических, так и в прикладных направлениях исследований. К таким дисциплинам относят: вычислительную математику, математическую логику, основы системного анализа, теорию автоматического управления, кибернетику, бионику, прикладную информатику и так далее. Значительную роль играют также практические разработки в области языков программирования, создания операционных систем, трансляторов, больших баз данных, систем управления сетями, электронных поисковых систем, а также различных приложений для обработки голосовых, текстовых, графических, звуковых данных и сообщений.

Развитие электронного машиностроения создает условия для производства компьютерной техники большой вычислительной мощности, высокой скорости обработки данных, постоянно увеличивающейся пропускной способности глобальной сети связи и передачи данных. Кроме того, достигнуты существенные результаты в области создания «облачных» информационных технологий, использования методов «нечетких» вычислений, что позволяет осуществлять не только расширенный поиск необходимых данных, но и обрабатывать некорректные или неточные запросы.

В целом, оценивая состав и структуру современной информационно – компьютерной отрасли можно утверждать, что она стала действительно интегрально ориентированной. Однако, кроме точных наук, в её состав прочно вошли такие науки как биология, биохимия, физиология, лингвистика. В свою очередь в лингвистике, в том числе возникли когнитивная лингвистика, математическая лингвистика и многие другие направления лингвистических исследований стали основой новых программных продуктов, приложений, в том числе и в архитектуре основных операционных систем.

Современные обществоведение и экономическая науки свидетельствует о ясно различимых и обоснованных этапах в развитии общества. Это так называемые промышленные революции или технологические уклады. Развитие производства порождает необходимость в новых научных разработках, обучении новых специалистов, в целом в усложнении в развитии профессиональной лексики, частоты её употребления, количества людей которым она необходима, увеличению количества различных технических и научных изданий, журналов, методических и учебных материалов.

С.В. Гринёв – Гриневич приводит статистику: «Мы можем сравнить следующие цифры: 17-ти томный словарь Современного русского языка насчитывает около 120 000 слов, в тоже время только русская строительная терминология насчитывает около 150 000 слов. По данным Инфатерма в начале 2000-х годов толь-

ко в развитых странах производилось более 200 миллионов наименований товаров, каждый из которых обозначается каким – либо термином. В наши дни можно уверенно утверждать, что из каждых 100 новых слов 99 являются терминами [1].

Таким образом специальная лексика существенно изменила соотношение общеупотребительных слов и профессионализмов в развитых обществах. Кроме того, значительную роль в этом процессе играет глобальная информатизация. Отдельной, и вероятно наиболее сложной задачей в современной науке, является создание «искусственного интеллекта».

Совершенно не обязательно чтобы одно устройство полностью заменяло весь спектр умственно – логической системы человека, но многие монотонные, многократно повторяемые, функционально разграниченные, постоянно, круглосуточные контроль и так далее подобные функции компьютерные системы осуществляет уже сегодня. Дальнейший анализ возможностей создания и использования «искусственного интеллекта» показывает необходимость изменения парадигмы (лингвистического поворота) в методах исследований в самой лингвистической науке.

Принято считать, что в истории лингвистики, начиная с XIX в.в. и по наше время существовало 4 научных парадигмы: сравнительно-историческая, системно-структурная, антропоцентрическая и современная интегральная [2].

Кубрякова Е.С. полагает что: «Современная парадигма знания провозглашает синтез когниции и коммуникации» [3].

Современная парадигма учитывает многие экстралингвистические факторы: психологические, экономические, социальные, личностно – эмотивные, когнитивные и так далее.

Собственно, осуществление перехода к новой парадигме в лингвистике начинает осуществляться с 1920 – х годов как некоторые существенные корректировки в лингвистической философии. Прежде всего это касается переоценки роли языка в формировании картины мира человека. Это труды Дж. Мура, Л. Виттенштейна. В формировании понятия «интегрального» подхода большую роль сыграли труды К. Уилбера. Он показал, что объединение многих факторов влияния на язык, позволяет вскрыть «глубинные структуры», которые в сознании отдельного человека, группы людей, различных сообществ, носителей разных языков, могут получить различные смыслы, или оттенки смыслов. Его теория основана на данных фактографии и говорит о том, что эти данные позволяют говорить о наличии в языках неких секторов, уровней, линий, состояний, типов, и кроме того около 200 наиболее распространённых иерархических систем в различных областях знаний. Второй этап лингвистического поворота относится периоду после 1940 – х годов, когда исследования разделяются в различных направлениях таких как структуризм, лингвистическая философия, изучение контекстов высказываний. Интегральный подход позволил включить в состав фактора влияния на язык элементы языковой картины мира человека такие как: эстетические ценности, личные мотивы, темперамент, характер, ментальность и так далее.

В новой лингвистической парадигме активно используется мнение Э. Сепира. Он подробно рассматривает механизмы формирования у человека восприятия и впечатления, как частей его личной картины мира. Кроме того, он находит сходство понятия: «с некоторым комплексом мысли, удобным для перекодирования, в речевую деятельность» [4].

Это совпадает с мнением отечественных учёных в области языкознания и психологии. Реальный мыслительный процесс, сохраняя специфику мышления, существенно, качественно отличающую его от всех других психических процессов, вместе с тем всегда вплетен в общую ткань целостной психической жизни, реально дан в связи и взаимопроникновении со всеми сторонами психической деятельности с потребностями и чувствами, с волевой активностью и целеустремлённостью, с наглядными образами - представлениями и со словесной формой речи. Наглядное и отвлечённое содержание в процессе мышления взаимопроникают друг в друга, и друг в друга переходят.

Подобные ментальные структуры служат основой для образования понятий, которые в свою очередь могут образовывать понятийный структуры. Понятийное мышление принято рассматривать как: структурное, функциональное, результативное. Эти элементы позволяют определить (сформировать) уровень понимания человеком происходящих событий, их анализом и принятием адекватных решений. Холодная М.А. полагает что: «Формирование понятийного мышления приводит к появлению принципиально новых механизмов познавательной деятельности и индивидуального ментального опыта (новых тематических признаков, различных комбинаций связи между понятиями). [5]

Таким образом необходимо отметить что схема:

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ → ПОНЯТИЕ → ТЕРМИН

для решения многих современных прикладных задач, о которых мы говорили выше, может быть не достаточна. Образование термина происходит различными способами, включая искусственные, но задача терминоведа всегда сводится к выделению самых существенных признаков объекта, максимально возможной краткости, учитывая традиции в данной предметной области. Например, с латынью или древнегреческим, древнеславянскими языками. Возможны варианты калькирования английских терминов и так далее. Новая лингвистическая парадигма в том числе под влиянием потребностей информационных технологий, предложила расширить существующую схему до более широкого поля использования терминологии, терминологических систем. Это позволяет учитывать большее количество экстралингвистических факторов, способных существенно повлиять на состояние отдельного термина, группы терминов, на их значение в определённом контексте. Например, в юридических процессах, подготовке различных распорядительных документов, в текстах законов и учебно – методической литературе. Включение расширенных данных в программы поиска, позволяет существенно повысить качество поиска запрашиваемой информации в глобальной сети, давая представление пользователю о интересующей его проблеме. Существующая практика показывает, что очень часто точный ответ на вопрос пользователя выглядит иначе, чем он себе его представлял. В этой связи наиболее эффективным инструментом в решении этих задач может стать «концепт».

А современная схема будет выглядеть так:

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ → ПОНЯТИЕ → ТЕРМИН → ИНТЕРПРЕТАЦИЯ → КОНЦЕПТ → СМЫСЛ

Собственно, понятие «концепт» в отечественном языкознании появилось с 1920-х годов и к настоящему времени уже обладает обширной базой научных трудов. Сформировалась наука концептология. Концепты делят на индивидуальные, групповые, общенациональные.

«С позиций концептологии, когда человек живёт, общается, мыслит, действует в мире «понятий», «образов», «поведенческих стереотипов», «ценностей», «идей» и тому подобных привычных фенологических координат своего существования, одновременно на более глубоком уровне бытия он общается, мыслит, действует в мире концептов, по отношению к которым традиционно понимаемые понятия, образы, стереотипы выступают их частными, редуцированными формами. Главное в концепте многомерность и целостность смысла, существенно в непрерывном культурно-историческом пространстве. Рубинштейн С.Л. [6].

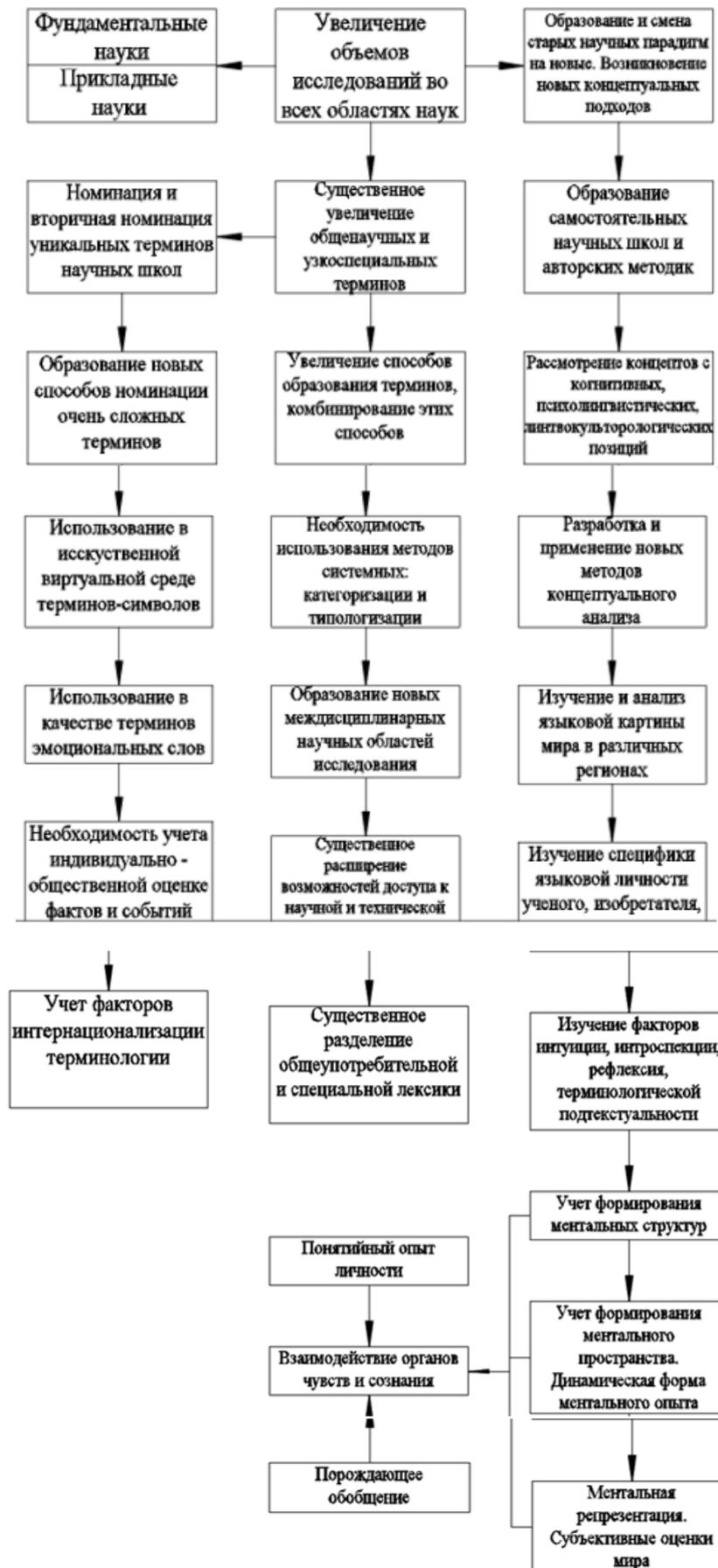

Рис. 1. Схема логико-лингвистического параметрирования свойств и признаков понятий с учётом представлений о концепте (Источник: автор)

Из представленной выше схемы можно сделать вывод о участии в формировании концепта как личностных свойств человека, так и некоторого уровня абстракции, без которой невозможно образное мышление. Это мнение высказывает А.А. Потребня: «Концепт рождается как образ, но появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции. С увеличением уровня абстрактности концепт постепенно превращается из чувственного образа в собственно мыслительный. Первичный эмпирический образ, лежащий в основе концепта, аналогичен «представлению» в концепции» [7].

Существенную роль в формировании теории концептов играет психолингвистика. Её предметом является актуализация концептов, включение их в мыслительную деятельность человека. В научной парадигме когнитивной лингвистики сформировалась лингвокультурология. Это теоретическое направление, направленное на изучение национальных менталитетов и культуры. Она ставит предметом изучения концепт как часть концептосферы страны, региона, национального образования. Материалом служат высказывания, лексемы, особенности мысли выражения, традиционные для этой территории религиозные и культурные теории и представления.

Разрабатываются методы концептуального анализа. Это методы, направленные на выявление наиболее частотных употреблений контекстов слова, всех направлений изменений семантики этого слова. Отличия от семантического анализа очень существенны. Концептуальный анализ фактически позволяет раскрыть способы и причины формирования общей картины мира, а семантический анализ напротив направлен на одно отдельное слово.

Концептуальные отношения делятся на качественные (иерархии, агрегации, функциональные отношения, семантические отношения), и количественные отношения (тождества, оппозиции).

Для продолжения исследовательских работ в области создания искусственного интеллекта концептуальная парадигма создает много новых возможностей.

В частности, комбинации подходов, исследование статистических, этимологических сведений о концепте, его ядре, периферии, позволяет проследить большую часть мыслительного процесса в конкретной области знания. «Мысли – связующее звено между действительностью и языком. Всё идёт от действительности через мысль в язык, и все от языка превращается через мысль в действительность» [8].

Аналогичное мнение выражает А. Вежбицкая: «Языковое значение антропо – и этноцентрично. Оно отражает общие свойства человеческой природы, с одной стороны, и ориентировано на данный этнос, с другой. Нельзя на естественном языке описать мир как он есть: язык изначально задает своим носителем определённую картину мира, причём каждый язык свою» [9].

Вся полнота полученных данных о мире упорядочивается в сознании человека и образуют концептуальную систему, состоящую из вербальных и невербальных составляющих. Однако, одна и та же лексическая единица в условиях реальной жизни, в каждом конкретном случае входит в необходимую структуру предложения, то есть в различных лексических контекстах будет реализовывать различные значения и как следствие различные смыслы высказывания. Каждое предложение использует в своем составе только ту часть концепта, которая соответствует субъектно – продуктивным отношением в этом предложении для достижения необходимого смысла.

Р. Шенк пишет: «Для формирования смысла важным является не только системное значение слова, но и значение структуры, которая осмысливается на основе характера субъектно – объектных отношений в рамках предложения – высказывания. При этом лексическое значение является не узким набором признаков, необходимых для идентификации класса объектов, а комплексом знаний, стоящих за обозначаемыми, в том числе и имплицитных, и этот комплекс реализуется в предложении – высказывании с различными партиципантами [10].

Смысл в отличие, а значения может быть неисчерпаемым. Он прямо зависит от знания человека о объекте.

Совокупность смыслов высказываний и совокупность значений слов, осознаваемых человеком, составляют структуру индивидуальной концептуальной системы человека.

Р.И. Павеленис особо отличает: «Концептуальная система носителя языка – это система его личных знаний и представлений о мире, отражающих его собственный познавательный опыт на доязыковом и языковом уровнях» [11].

Структура понимания с помощью которой связывается объективный смысл высказывания интеллекта должны учитывать и экстралингвистические факторы, мотивационные, религиозные, бессознательные и другие маркеры в реальных условиях существования человека. При ознакомлении с новой информацией происходит интерпретация слушателем (читателем), её со всем имеющимся в сознании (памяти), образами, включая чувственно восприимчивыми, для установления соответствия нового знания с уже имеющимися и осмысленным. Либо напротив осознается отсутствие такого соответствия. В этом случае человек должен

совершить волевое усилие в виде дополнительного вопроса, контекстным методом, логическими построениями, семантическими или психологическими приемами. Совершенно незнакомая информация может показаться человеку бессмысленной. Кроме того, в современной действительности человек должен обладать существенным объемом «фоновых» знаний для определения структурных отношений и связей элементов текста или предложения.

В зависимости от многих внеязыковых факторов (политических, экономических, социальных и так далее), интенсивность оценки концептов может меняться частично или полностью. Особенно это касается индивидуальных концептов, которые более разнообразны и носит уникальный характер. Обладатели подобных концептов становятся либо известными актёрами, писателями, художниками, либо напротив антогонистами к существующим в обществе порядкам.

Когнитивная наука считает лингвокультурный концепт трехкомпонентным. Он состоит из: целостного, образного (образно-перцептивного, образно-метафорического), понятийного компонентов. Понятийный компонент концепта хранится в сознании в вербальной форме. Именно он помогает нам распознать концепт и его место в системе концептов. Анализ показывает, что сознанию могут храниться и архаичные знания о мире, или иначе говоря части наивной картины мира. В современной жизни они существуют в народных сказаниях, сказках, фольклорных формах, песнях, костюмно-исторических фильмах, предметах народного прикладного творчества, элементах архитектуры, особенно церковных и так далее.

Существуют методики использования концепта. К первому этому относят анализ лексического значения и внутренней формы слова, затем выявляются из синонимического ряда лексемы – репрезентата концепта. И в заключении определяется способ категоризации концепта в языковой картине мира. Возможно также исследование сценариев. В основе культурных кодов различных народов лежит мифологический символизм, посредством которого происходит перенос образов конкретных предметов или явлений на абстрактные образы.

А.А. Залевская считает, что: «В психологической парадигме концепт трактуется как объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование, включающее нейронную основу и образующее личностную концептосферу» [12].

Концептуальные образные признаки могут быть различными: признаки природного характера, признаки флоры и фауны, признаки характера, эмотивности и так далее. В целом концептуальная система языка сохраняет все познанное и пережитое народом. Эта система подвижна, она постоянно изменяется и пополняется новыми данными из современной жизни и деятельности.

Первичный мотивирующий признак способствует возникновению слова, которое со временем приобретает дополнительные смыслы, в том числе с помощью интерпретации и под влиянием новых данных, различного характера как предметного, так и образного видов. В дальнейшем образуются вторичные значения слова, которые «овеществляют» абстрактные смыслы. В свою очередь это приводит к появлению в структуре концепта признаков категоризации: целостно-оценочных, пространственных, темпоральных. Самой высокой степенью абстракции следует считать наличие в структуре концепта символических признаков. Чем больше признаков у концепта, тем он древнее. Исследование архаичных признаков, также важно в языковой картине мира. Каждое поколение людей вносит вклад в этапы формирования концептуальной системы, и этот процесс длится тысячелетиями.

Н.Н. Болдырев подчёркивает, что: «Система знаний о мире состоит из концептов разного уровня сложности и абстракции. Разнообразие форм определяет разные способы формирования концептов в сознании человека» [13].

Концепт может иметь эмоционально-экспрессивную окраску. В реальной речевой практике выражаться исключительно терминами невозможно. В любом случае концепт (термин), выложен в определённый контекст, стиль, часто чередуемый с жаргонизмами, метафорами, кальками и так далее, особенно это свойственно стилю общения молодежи вообще, и молодыми специалистами в IT области, в частности. В подобных разговорах присутствуют и профессионализмы и общеупотребительная лексика в определённой коннотации, симпатии, антипатии, конфликтные конструкции. Дифференциацию можно определить методом сравнения основы, выделяемой логики, и содержания, и объема концепта, понятия и значения. Собственно, понятие является ядром контекста. Концептуальные структуры позволяют изменять ментальное пространство, и активировать другие концептуальные структуры, что образует межпонятийные связи разного типа.

Степанов Ю.С. считает, что: «Концепты, во-первых, реальны и, во-вторых, по-разному реальны для различных людей в различные эпохи и в своих реальных модусах или ипостасях. Отсюда и вытекает тезис о правомерности различных подходов к исследованию концептов. Имеют ценность и наблюдения, и интроспективные и определения, и гипотетические модели, и социологические и социолингвистические эксперименты, и анализ значений слов, фразеологизмов, паремий, художественных и деловых текстов [14].

Карасик В.И. уточняет: «Образная сторона концепта это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, событий, отраженных в нашей памяти. Понятийная сторона концепта – это языковая сторона концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существует изолированно. Совокупность концептов, рассматриваемых в аспекте целостностей, образует целостную картину мира» [15].

В исследованиях чувственно – мыслительного осознания концепта человеком, и влияния на этот процесс культурных и общественных явлений, отдельной проблемой изучения является интерпретация. В лингвистике интерпретация рассматривается как стратегия, имеющая цели и средства реализации. Иначе говоря, это вид целенаправленной деятельности, связанной с рефлексией человека. Научный подход к изучению интерпретации начинается с XVIII века трудами Ф. Шлейермахера, и дальше В. Дильтея с 1950-х годов формировались два научных подхода к этой проблеме герменевтический, основанный на понимании исследователем сути субъекта изучения, и структурно-семантический подход. Герменевтический круг – это принцип понимания текста с учётом диалектики части и целого.

Авторы полагали, что процесс понимания бесконечен и никогда не может быть завершен. В. Дильтей включил в процесс понимания позицию автора, его личную психологию и внешние условия его существования. То есть автор понимает себя через других, но по сути эти процессы можно сравнивать с анализом и синтезом. Интерпретатору важно сохранять смысловую связность, путём соотнесения части и целого и выявления смысла. Кроме того, интерпретатор должен уметь «погрузить» свое сознание в условия материала (текста, речи, документа), с целью сохранения смыслового соответствия. В этой связи можно говорить о трёх основных видах интерпретации: нормативной, репродуктивной, распознающей. Если репродуктивная интерпретация в основном относится к анализу смысла в драматургии, музыке, переводом различных текстов, то нормативная напротив необходима в понимании законов, правил, инструкций, то есть юридических, административных документов.

К древнейшим типам интерпретации относят: толкование мифов, сказаний, саг и даже религиозных текстов. В процессе интерпретации личностный смысл конечно отражает пристрастное отношение к предметам и событиям. В психологической науке сегодня используются такие механизмы порождения смысла как: замыкание жизненных отношений, индукция смысла, идентификация, инсайт, столкновение смыслов, полагание смысла (возможны варианты расширения перечня). Существует мнение что смысл отличен от значения и является индивидуальным значением слова в данный момент и в данных обстоятельствах. Таким образом можно говорить, что смысл является главной единицей коммуникации в основе которого лежит намерение и мотивы говорящего человека. Кроме того, можно сделать вывод о том, что значение общественно признанное качество, а смысл личностное мнение об этом значении или явлении.

Психология разделяет три основных вида смысла: смысл – это то, что ведёт к достижению цели, смысл как переживание, смысл как достижение промежуточного результата (смысл как достижение).

Важнейшим конечно является смысл жизни – то есть осознание человеком меры или достигнутого как с его личных позиций, так и в сравнении с другими людьми.

Заключение

В наши дни лингвистические исследования вносят существенный вклад в развитие самых передовых технологий таких как информационно-ориентированные программные продукты, новейшие конструкции нейро-интеллектуальных устройств в том числе медицинского назначения, в разработку методических материалов для изучения сложных для понимания дисциплин, корректирующих методик для детей, адаптационных логико-понятийных моделей поведения и коммуникации в экспериментальных условиях, в том числе в условиях космических полётов. Безусловно эти исследования учитывают специфику глобальных информационных сетей и интернационализации специальной лексики. В реальной речевой ситуации, в одном и том же контексте различными участниками могут использоваться слова, термины, словосочетания с различной эмотивной или метафорической окраской. Таким образом это слово может получить дополнительные признаки, непосредственно не связанные с его планом содержания. Фактически происходит усложнение, которое может вызвать трудности в понимании смысла даже у человека, не говоря о компьютерной системе распознавания и поиска. Машина в этом смысле лишена биологической возможности анализировать образно-чувственные нюансы смыслопорождения человека. Однако концептология во многом может помочь упростить автоматический поиск, если подобный объект не имеет чётких границ. Речь идёт о том, что лингвисты могут подсказать математикам какой тип вычислений применить в архитектуре программы поиска и какого типа логические решения являются особенно эффективными. Такие системы работают как правило поэтапно. Многие пользователи используют систему Google именно за её уникальную архитектуру программы поиска. Она называется «дружественной», или принципом «Наименьшего удивления».

Программа использует как адресный, так и расширенный поиск. По введённым ключевым словам, машина ищет наиболее подходящие к ним страницы, но расширенный поиск возможен на основе теории качества, то есть могут быть выявлены значения ключевого слова не только в формальных источниках (словарях, энциклопедиях), но и в статьях, и других видах текстов. Фактически в программах поиска используются возможности «нечёткой логики», как раздела математики. Её активно используя в создании искусственного интеллекта. Эта технология позволяет, используя модель концепта, создавать «нечёткие множества» свойств в тексте, в распознавании символов в автоматическом считывании или переводе текстов, звуков речи и даже изображений. Важнейшим показателем в этой области является «лингвистическая переменная». Программа осуществляет интерпретацию (объединение), пересечения и дополнения множеств факторов (свойств, признаков) через функцию характеристики. Функции принадлежности квалифицируют как активацию нейронов, а передачу сигналов как нейронные связи через синапсы. Существует также математическая модель восприятия информации мозгом. В ней существуют аналоги биохимических систем человека – датчики, ассоциативные элементы, регулирующие элементы, имитаторы символов, имитаторы физиологического ответа. Эта система называется «Перцептрон». Модель искусственного нейрона была разработана ещё в 1943-м году У. Питтс и У. Мак-Каллоком. Исследования в области концептологии являются не только важными для лингвистической науки, так и очень продуктивными в прикладных направлениях использования. Мы полагаем, что исследования ближайших лет будут во многом связаны с углубленным изучением процессов ментальной оценки событий человеком, с целью построения математических моделей поведения на основе анализа концептов, связей между концептами в интересах развития систем искусственного интеллекта.

Литература

1. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А. Понимания в общепотребительной и в специальной лексике // Вестник Московского Государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 14. С. 51 – 64.
2. Хомутова Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского Государственного университета. Филология, искусствоведение. 2009. Вып. 37 №35 (173). С. 142 – 151.
3. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988. С. 108.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Изд-во Прогресс «Универс», 1995. С. 34.
5. Холодная М.А. Психология понятийного мышления от концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд. Институт нейхологии РАН 2012. С. 49.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.-б.: Изд-во. «Питер» 2020. С. 321.
7. Потребня А.А. Мысль и язык. М.: Изд-во Лабиринт, 2007. С. 53 – 70.
8. Гак В.Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля). Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Издво Наука, 1993. С. 12 – 40.
9. Вежбицкая А. Семантические универсалии и «приливное мышление». Язык, культура, познание. М.: Изд-во «Русские словари» 1996. С. 291 – 325.
10. Шенк Р., Биренбаут Л., Мей Дж. К интеграции семантики и прагматики. Новое в зарубежной лингвистике. М.: Изд-во Прогресс, 1989. Вып. XXIII. С. 52 – 92.
11. Павеленис Р.И. Проблемы смысла. Современный логико-философский анализ языка. М.: Изд-во Мысль, 1983. С. 11.
12. Залевская А.А. Психологический подход к проблеме концепта. Методические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронежского Государственного университета. 2001. С. 13.
13. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во Тамбовского Государственного университета 2000. С. 18 – 36.
14. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследователя. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 73.
15. Карасик В.И. Языковой круч: личность, концепты, дискурс. М.: Изд-во Гнозис, 2004. С. 280 – 287.

References

1. Grinev-Grinevich S.V., Sorokina Ye.A. Ponimaniya v obshheupotrebitel'noj i v special'noj leksike. Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2015. № 14. S. 51 – 64.
2. Homutova T.N. Nauchnye paradigmy v lingvistike. Vestnik Cheljabinskogo Gosudarstvennogo universiteta. Filologija, iskusstvovedenie. 2009. Vyp. 37 №35 (173). S. 142 – 151.

3. Kubrjakova E.S. Rol' slovoobrazovanija v formirovanii jazykovej kartiny mira. Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: jazyk i kartina mira. M., 1988. S. 108.
4. Sepir Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii. M.: Izd-vo Progress «Univers», 1995. S. 34.
5. Holodnaja M.A. Psihologija ponjatijnogo myshlenija ot konceptual'nyh struktur k ponjatijnym sposobnostjam. M.: Izd. Institut nejhologii RAN 2012. S. 49.
6. Rubinshtejn S.L. Osnovy obshhej psihologii. SP.-b.: Izd-vo. «Piter» 2020. S. 321.
7. Potrebnya A.A. Mysl' i jazyk. M.: Izd-vo Labirint, 2007. S. 53 – 70.
8. Gak V.G. Prostranstvo mysli (opyt sistematizacii slov mental'nogo polja). Logicheskij analiz jazyka. Mental'nye dejstvija. M.: Izdvo Nauka, 1993. S. 12 – 40.
9. Vezhbickaja A. Semanticheskie universalii i «prilivnoe myshlenie». Jazyk, kul'tura, poznanie. M.: Izd-vo «Russkie slovari» 1996. S. 291 – 325.
10. Shenk R., Birenbaud L., Mej Dzh. K integracii semantiki i pragmatiki. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. M.: Izd-vo Progress, 1989. Vyp. XXIII. S. 52 – 92.
11. Pavelenis R.I. Problemy smysla. Sovremennij logiko-filosofskij analiz jazyka. M.: Izd-vo Mysl', 1983. S. 11.
12. Zalevskaja A.A. Psihologicheskij podhod k probleme koncepta. Metodolicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo Gosudarstvennogo universiteta. 2001. S. 13.
13. Boldyrev N.N. Kognitivnaja semantika. Tambov: Izd-vo Tambovskogo Gosudarstvennogo universiteta 2000. S. 18 – 36.
14. Stepanov Ju.S. Konstatnty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovatelja. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1997. S. 73.
15. Karasik V.I. Jazykovej kruch: lichnost', koncepty, diskurs. M.: Izd-vo Gnozis, 2004. S. 280 – 287.

*Levina V.A.,
Moscow International University*

Analysis of modern views of conceptology meaning and application

Abstract: this paper presents the analysis on the major research areas of both theoretical and applicable conceptology. An important role of linguistics in meaning-making process modeling, logical and conceptual relationships establishing, and the semantic orientation of statements determination is noted. The differences between the properties of the term and the concept and possible ways to analyze concepts are considered, taking into account the specifics of the mental properties of the individual and the direction of interpretation of incoming information by the subject. The factors of linguistic worldview formation for people in different social, political, economic, and climatic conditions are evaluated. The main methods of additional qualitative features of the concept core formation are analyzed with consideration to the numerous extralinguistic factors. The novelty of the paper consists in indication of the most promising areas of conceptology application-wise which are already in demand in the mathematical modeling of artificial intelligence, as well as in the synchronization of the necessary research in related fields of knowledge. Research methods used in the study are categorization methods, evaluation methods, synthesis, and inductive reasoning. Practical use of the study is seen in improving of the methods and the direction of scientific work in the fields of concepts, psycholinguistics, and social psychology. The study may also be used to form a modern methodological basis for teaching above-mentioned disciplines.

Keywords: term, concept, conceptology, linguistic worldview, interpretation, mental space, meaning

For citation: Levina V.A. Analysis of modern views of conceptology meaning and application. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (2). P. 206 – 214.

Савельева А.Ю.,

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ

Роль перцептивных метафор в условиях концептуального сдвига понятия война war

Аннотация: статья посвящена рассмотрению роли когнитивных метафор на основе перцептивного компонента в процессе оказания манипулятивного воздействия на общество в рамках политической коммуникации посредством концептуального сдвига в восприятии понятия война war. Материалом для исследования в настоящей статье послужили собственно перцептивная метафора *холодная война cold war* и ее дериваты и производные в русском и английском языках. В рамках анализа выделяются исходные прототипические значения лексем, составляющих перцептивные метафоры, а также определяются основные компоненты семантики, лежащие в основе метафорического переноса при моделировании понятий, которые соотносятся с феноменом война как в русском, так и в английском языках.

Ключевые слова: перцептивная метафора, метафорическое моделирование, лексема, политическая коммуникация, язык СМИ, феномен война war

Для цитирования: Савельева А.Ю. Роль перцептивных метафор в условиях концептуального сдвига понятия война war // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 215 – 217.

Современные условия развития политических процессов на международной арене активно влияют на становление изменений в рамках политической коммуникации, в частности языка новостных СМИ. Данный вид коммуникации является основным источником оказания как непосредственного, так и опосредованного воздействия на общественное (подразумевается индивидуальное и коллективное) сознание, так как подрыв фундаментальных оснований человеческого мышления производится путем применения совокупности разнообразных форм и методов информационных технологий.

Как правило, новые понятия и реалии, функционирующие в рамках актуального политического дискурса, вводятся в сферу современного межкультурного общения посредством расширения объема семантического пространства на базе актуализации уже существующих содержательных форм лексического состава языка путем их своевременного изменения [2, с. 192].

В связи с усложнением геополитической обстановки на международной арене следует говорить о повсеместной эволюции характера войны в традиционном понимании, что, в свою очередь, приводит к появлению дополнительных значений данной лексемы как в русском, так и в английском языках. Новая реальность значительно отличается от существующей ранее, в современных условиях человечество постоянно находится в состоянии конфликтов совершенного иного порядком, ранее не реализованных, но трактуемых в терминах войны в широком понимании [3, с. 175].

Таким образом, стало возможно говорить о появлении в языке СМИ новой политической метафоры на основе перцептивного компонента *новая холодная война new cold war* или *холодная война 2.0. cold war 2.0.* в русском и английском языках, которая сформировалась на основе уже существующей перцептивной метафоры *холодная война cold war*, активно реализованной в предшествующий исторический период. Детальное изучение данного процесса позволяет говорить о своеобразном концептуальном сдвиге при метафорическом моделировании в описываемом словосочетании. Учитывая когнитивные аспекты на фоне эволюционного развития современного мироустройства, необходимо говорить о становлении нового периода, сопоставляемого с псевдо мирным существованием (без ведения реальных боевых действия между потенциальными противниками, в частности, например, Россией и Западом во главе с США).

Помимо этого, стоит отметить порождение богатой на состав метафоры, включающей многообразие компонентов, которые активно расширяют сферу номинации предметов и явлений, формирующих лексический потенциал исследуемого явления: морфологические (сторонник холодной войны *a cold warrior*, времен холодной войны *cold war era* и др.) и семантические дериваты (ментальная война *mental war*, когнитивная война *cognitive war* и др.) собственно описываемой метафорической единицы, производные перцептивные (красные линии *red lines*, военные операции вне условий войны *soft missions (military operations other than war (MOOTW))* и неперцептивные метафоры («пояс Анаконды», ядерный шантаж, американские кукловоды).

Рассматривая область функционирования собственно метафоры *холодная война cold war*, отмечается повсеместная актуализация перцептивного опыта, который был получен в результате взаимодействия человека с пониженными температурными параметрами и в дальнейшем вербализован. Соответственно, исход-

ная метафора представляет собой базовый компонент, участвующий в деривационных процессах и формировании совершенно иных производных метафорических конструкций.

Преимущественно значительная часть новых метафорических единиц, вне зависимости от способа их образования, относится к онтологическим метафорам на основе перцептивного компонента (в рамках активизации и проявления сенсорного опыта в исходном прототипическом значении соответствующих лексем, входящих в состав определенных метафорических единиц (чаще всего образованных по модели Adj+N) как в русском, так и английском языках).

С лингвистической точки зрения особый интерес представляет изучение перцептивных (психических и физиологических) смыслов в организации процессов концептуализации и категоризации понятия война war в русском и английском языках. Наличие сенсорных компонентов в семантическом пространстве словосочетаний, описывающих данный концепт, способствуют его метафорическому моделированию.

Лексика чувственного восприятия является предметом для повсеместного изучения, так как, с одной стороны, обусловлена нейрофизиологическим аспектом, а с другой – культурной средой: образно выражаясь, «одной ногой в природе, другой – в культуре» [6, с. 54].

Как отмечает Жантурина Б.Н., прилагательные, являясь основным источником выражения признаков предметов и явлений и, соответственно, способом передачи информации сенсорной природы, объединяются в своеобразные признаковые пространства с учетом соотносительности со значением денотатов, тем самым определяя тот или иной признак (размер, форма, цвет, температура и т.д.) [1, с. 14].

Принимая во внимание вышесказанное, произведем анализ перцептивной метафоры, соответствующей гаптическому типу перцепции (согласно каналу, в рамках которого обрабатывается информация): военные операции вне условий войны *soft missions (military operations other than war (MOOTW))*.

В семантике рассматриваемой метафорической единицы «военные операции вне условий войны *soft missions*» необходимо опираться на ее исходное прототипическое значение, которое является результатом процесса конвергенции онтологического предметного «военные операции *missions*» и гаптического признакового «вне условий войны *soft*» (которое трактуется в русском языке иным образом в силу особенностей передачи смысла при переводе с исходного языка на язык перевода) значений.

Согласно данным, полученным из энциклопедического издания Википедия, политическая метафора «военные операции вне условий войны *soft missions (military operations other than war (MOOTW))*» используется для обозначения мероприятий, проводимых с целью сдерживания войны, разрешения конфликтных ситуаций, содействия миру и поддержке гражданских властей в ответ на внутренние кризисы.

Метафорическое моделирование данного словосочетания возможно, в первую очередь, благодаря переосмыслению лексемы *soft*. Выделение исходных значений данной лексемы позволит выявить основные компоненты семантики, которые влияют на репрезентацию особенностей восприятия определенной текстуры (по принципу мягкость-жесткость) и их адаптацию при концептуализации и категоризации других явлений и предметов окружающей действительности.

Необходимо отметить, что словарные данные свидетельствуют о соотносительности прототипического значения лексемы мягкий *soft* в русском и английском языках (оно определяется степенью давления, которое способно испытать тело при оказании на него тактильного воздействия (Легко поддающийся давлению, сжатию, малоупругий, эластичный. *Мягкая шерсть, мягкая обувь* [4]. Not hard or firm. *Soft ground. Soft cheese* [5]).

Значение лексемы мягкий *soft*, используемое при номинации описываемой метафорической единицы, лежит в сфере перцептивного восприятия (Не очень строгий, лишенный грубости, резкости. *Мягкий приговор* [4]. Not severe or forceful enough. *A soft line with somebody* [5]). В данном контексте речь пойдет о тактильно-сенсорном восприятии, которое подразумевает сопоставление ощущений и переживаний (внутренней составляющей) человеческого сознания от перцептуального взаимодействия с определенным текстурным покрытием и составом предметов окружающей действительности. Данные процессы рассматриваются экспериентальной семантикой, которая проявляется в рамках вербализации телесного опыта человека.

Соответственно, ощущения, которые человек испытывает при взаимодействии с мягкими, эластичными материалами, не требующими жесткого воздействия, приравниваются к степени агрессивности, строгости и жесткости проведения военных операций (включая территориальный охват, объем применяемых сил и средств и преследуемые цели). Следовательно, основной компонент семантики, лежащий в основе метафорического переноса при моделировании понятия военные операции, непосредственного связанного с феноменом война war, выражен степенью интенсивности проявления тактильного давления на определенный объект.

Таким образом, можно сделать следующие выводы, лексика сенсорной тематики активно применяется для переосмысления современных политических реалий, которые напрямую влияют на процессы концеп-

туального сдвига в восприятии и переосмыслении понятий война war как в русском, так и в английском языках. Перцептивные метафоры позволяют сформировать оценочное суждение (на основе сенсорного восприятия) о тех или иных событиях и реалиях на международной арене, в результате оказать должное воздействие на адресата, в частности, посредством языка СМИ.

Литература

1. Жантурина Б.Н. Метафоры на основе перцептивного компонента (на материале русского и английского языков). М.: Изд-во «ФЛИНТА», 2018. 164 с.
2. Жантурина Б.Н., Знак Ю.Э., Новикова З.А. Синкретизм смыслов в цветовой политической метафоре красные линии – red lines // Политическая лингвистика. 2022. № 5 (95). С. 192 – 198.
3. Савельева А.Ю. Проявление телесного опыта человека в перцептивной метафоре *холодная война cold war* // Казанская наука. 2022. №10. С. 173 – 177.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М: Мир и Образование: ОНИКС, 2012. 1375 с.
5. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge ELT, 2013. 1844 p.
6. Evans N., Wilkins D. The knowing ear: An Australian test of universal claims about the semantic structure of sensory verbs and their extension into the domain of cognition. Arbeitspapier № 32. Köln: Institut für Sprachwissenschaft Universität, 1998. 63 p.

References

1. Zhanturina B.N. Metafori na osnovu perceptivnogo komponenta (na materiale ruskogo i anglijskogo jezika). M.: Izd-vo «FLINTA», 2018. 164 s.
2. Zhanturina B.N., Znak Ju.E., Novikova Z.A. Sinkretizm smyslov v cvetovoj politicheskoj metafore krasnye linii – red lines. Politicheskaja lingvistika. 2022. № 5 (95). S. 192 – 198.
3. Savel'eva A.Ju. Projavlenie telesnogo opyta cheloveka v perceptivnoj metafore holodnaja vojna cold war. Kazanskaja nauka. 2022. №10. S. 173 – 177.
4. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' ruskogo jezika: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij. pod obshh. red. L.I. Skvorcova. 28-e izd., pererab. M: Mir i Obrazovanie: ONIKS, 2012. 1375 s.
5. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge ELT, 2013. 1844 r.
6. Evans N., Wilkins D. The knowing ear: An Australian test of universal claims about the semantic structure of sensory verbs and their extension into the domain of cognition. Arbeitspapier № 32. Köln: Institut für Sprachwissenschaft Universität, 1998. 63 p.

Saveleva A.Yu.,

Military University named after Prince A. Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation

The role of perceptual metaphors in the context of the conceptual shift of the concept of war

Abstract: the article is devoted to the role of cognitive metaphors based on the perceptual component in the process of manipulative influence on society within the framework of political communication through a conceptual shift in the perception of the concept of war. The material for the research in this article is the perceptual metaphor *cold war* itself and its derivatives in Russian and English. The analysis highlights the initial prototypical meanings of lexemes that make up perceptual metaphors, and also identifies the main components of semantics that underlie metaphorical transfer in modeling concepts related to the phenomenon of war in both Russian and English.

Keywords: perceptual metaphor, metaphorical modeling, lexeme, political communication, media language, the phenomenon of war

For citation: Saveleva A.Yu. The role of perceptual metaphors in the context of the conceptual shift of the concept of war. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (2). P. 215 – 217.

Сунь Цюцзы, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет

Тактика языковой игры как элемент стратегии привлечения внимания к названиям вывесок в языковом пространстве СПб

Аннотация: настоящая статья посвящена анализу наружных текстов вывесок с точки зрения их воздействия на реципиента. В статье подробно рассматриваются понятия речевого воздействия, коммуникативной стратегии и тактики. Работа посвящена исследованию стратегии номинации текстов вывесок в языковом пространстве Санкт-Петербурга – «привлечения внимания», а также одной из тактик, обеспечивающих ее реализацию – «языковой игры». В статье дается обширное описание и анализ приемов языковой игры в текстах вывесок. Данные приемы подразделяются на пять типов: фонетические, лексические, словообразовательные, графические и комплексные. На уровне фонетики выделяются такие приемы, как использование рифмы, аллитерация, звукоподражание, специальные ошибки в орфоэпии и фонетическое сближение. На уровне лексики автор выделяет прием использования омонимов и «аномалию смысла внутри словосочетания». На уровне словообразования частотны такие приемы, как контаминация, междусловное наложение, окказиональные слова со значимыми морфемами. На уровне графики подразделяются следующие приемы: сцепление, графический каламбур, смещение кириллицы и латиницы, замена вербального элемента цифровыми, использование чисел, обладающих символическими значениями. К описанию каждого приема языковой игры даются наглядные примеры, иллюстрирующие целесообразность его выделения. Автор делает вывод о том, что разнообразие текстов вывесок отражает специфику национального мышления и имеет большой потенциал для исследования.

Ключевые слова: вывеска, речевое воздействие, стратегия, тактика, языковая игра

Для цитирования: Сунь Цюцзы Тактика языковой игры как элемент стратегии привлечения внимания к названиям вывесок в языковом пространстве СПб // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 218 – 225.

Введение

В условиях стремительного развития рыночной экономики людям срочно нужны привлекательные и эффективные формы объектов носителей информации, чтобы выиграть в условиях жесткой рыночной конкуренции. Вывеска – первый шаг к привлечению внимания к своей продукции, организации. Названия вывесок отражают культурные, исторические, социальные особенности города, демонстрирует эстетику и принципы, которым следуют авторы при создании текстов вывесок, ибо они принимают во внимание уже сформировавшиеся ценности общества и всего культурного пространства города. Именно в связи с этим исследование текстов вывесок очень важно. Особенности номинации адресантами текстов вывесок показывают нам их культурные и духовные потребности, установленные в данном языковом культурном контексте. Вывески оказывают влияние на действия человека, однако степень их воздействия различна. В большей мере это зависит от разных средств, которые используют создатели вывесок. Одним из таких средств является тактика языковой игры.

В современной языковой ситуации использование тактики языковой игры прослеживается в текстах различных жанров, этот вопрос интересует как русских исследователей [15, 11, 10, 16, 3 и т.д.], так и ученых других стран [9, 26, 2].

Всем вышесказанным определяется **актуальность данного исследования.**

Объектом данного исследования являются наружные тексты вывесок в г. Санкт-Петербурге.

Предметом данного исследования являются приемы, с помощью которых осуществляется тактика языковой игры в текстах вывесок в г. Санкт-Петербурге.

Материалом исследования послужили тексты вывесок, размещенные в городском пространстве Санкт-Петербурга.

Само понятие *речевого воздействия* было введено группой психолингвистов при Институте языкознания АН СССР в начале 1970-х годов. Речевое воздействие определяется в широком и в узком смысле. В широком смысле речевое воздействие воспринимается как «речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности» [21, с. 5], а в узком – «речевое общение в системе средств массовой информации или агитационном выступлении непосредственно перед аудиторией» [21, с. 5]. Л.Л. Федорова отмечает, что «речевое воздействие – однонаправленное речевое действие, содержанием которого является социальное воздействие на говорящего в процессе общения» [22, с. 48].

Для достижения собственных целей адресант неизбежно выбирает оптимальный набор целенаправленных коммуникативных действий и языковых средств, т.е. применяет коммуникативные стратегии (КС) и тактики (КТ) в процессе общения.

С позиции когнитивной лингвистики понятие «стратегия» толкуется как «совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего» [8, с. 109]. В русле психолингвистики КС понимается «способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуниканта» [1, с. 85]. С точки зрения прагмалингвистики КС является «цепочкой решений говорящего, его выборов определенных коммуникативных действий и языковых средств» [13, с. 137]. С позиции психологии в рамках «стратегии выбираются определенные психологические параметры, определяют необходимые изменения в их значениях и способы достижения этих изменений». Кроме того, существуют следующие токования КС: «основополагающая интенция в рамках коммуникативного процесса» [17, с. 94]; «общее планирование коммуникации на основе текущей ситуации и цели общения» [24, с. 76].

Выполнение задачи описания стратегий обычно одновременно требует представить номенклатуру ряда тактик, КТ – это «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [8, с. 110]; «некое речевое действие, направленное на решение одной задачи в рамках одной стратегической цели» [19, с. 278]. В некоторых определениях КТ ещё упомянули связь между КТ и речевыми приемами – «речевые приемы, позволяющие достичь определённых целей в конкретной ситуации» «тактика обретает свою форму с помощью приема» [19, с. 279]. Таким образом, стратегия – это замысел, ищущий средства реализации, это – план. А тактика – это средства для реализации замысла, которые претворяют план в жизнь. Стратегия воплощается в конкретных тактиках, которые в рамках общей стратегии направлены на решение отдельных задач, а тактика реализуется в приемах, которые связаны с огромными возможностями вербальных и невербальных средств. В работе Е.С. Поповой представлен следующий механизм реализации речевого воздействия в тексте: цель – стратегия – тактика – прием – перлокутивный эффект (желаемый результат).

При анализе стратегии и тактики, использованных авторами в собранных нами текстах вывесок, мы опираемся на схему «АИДА», выдвинутую американским специалистом по рекламе E. St. Elmo Lewis в 1898 году. Данная схема раскрывает секрет превращения читателя в покупателя: первый этап – привлечение внимания (attention); второй этап – разжигание интереса (interest) у адресата к содержанию информации; третий этап – возбуждение потребительского желания (desire); четвертый этап – побуждение к действию (action).

В данной статье мы остановимся на **стратегию «привлечение внимания»**. Результаты психологических исследований показывают, что факторы, привлекающие внимание людей, делятся на внешние и внутренние. Внешние факторы – это факторы новизны, т.е. неожиданности, а внутренние относятся к тому, что актуально и значимо для человека в данный момент [12, с. 105]. По поводу нашего исследования стратегия «Привлечение внимания» включает в себя тактики: языковая игра, использование пиктографем, использование прецедентных имен, использование цвета и др.

В данном исследовании на основе собранного материала мы рассматриваем языковую игру в названиях вывесок как одну из тактик, осуществляющих стратегию привлечения внимания, и хотели бы показать и проанализировать конкретные приемы языковой игры, используемые в текстах вывесок в городском пространстве СПб.

Тактика «Языковая игра». Тактика использования языковой игры широко используется в текстах вывесок. Приемы языковой игры, основанные на отклонении от норм языка, осуществляются с помощью вербальных и невербальных средств, доставляют адресату эстетическое и интеллектуальное удовольствие при «дешифровке» текста. Языковая игра в текстах вывесок представляет собой «осознанное нарушение стереотипа, закономерностей функционирования языковых единиц в определенном окружении и нормы в языковом понимании социума и конкретного индивида, используемое для усиления выразительности рекламного текста с материальной целью – продажей рекламируемого товара или услуги» [Ильцова, Амири 2009:36]. По мнению Н.Д. Арутюновой, Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, М.В. Розановой, В.З. Санникова, природа и структура феномена языковой игры связаны с уровнями языка [Земская, Китайгородская, Розанова 1983, Санников 2002]. Таким образом, мы можем рассматривать приемы вербальной языковой игры на уровнях фонетики, словообразовании, синтаксиса.

- **На уровне фонетики.**

Использование рифмы – созвучие или совпадение окончаний слов в тексте вывески. Например, названия кафе «Ели-Пили», «Шар Бар», «Что-Гврито», «Пури оджахури», «Печки-Лавочки»; названия ресторанов «Пхали-хинкали», «Чё? Харчо!», «Бараи Лаваш», «Сули-Гули»; названия детских магазинов «Чудо-Юдо», «Дочки-Сыночки». Рифма вносит в название комическое звучание, заставляет обратить внимание на вывеску, воспринять ее легко, и делает процесс запоминания проще.

Аллитерация – это повторение одной или нескольких согласных для придания тексту большей музыкальности и выразительности (<https://avtoram.com/alliteracia/>). «Хочу харчо» (ресторан), «Гартарбар» (ресторан), «Трын-трава» (трактир). Функции такого приема совпадают с функцией использования рифмы.

Звукоподражание. Цели номинатора при употреблении такого приема в основном направлены на использование звуковой ассоциации, которая активизирует воображение адресата, заставляет «расшифровывать» потенциальный смысл текста вывески, например, «Ням-ням» (ресторан), «Мяу-Гав» (зоомагазин), «Тик-Так» (салон часов), «Буль-Буль» (центр раннего плавания), «Чик-Чик» (парикмахерская), путем этих звукоподражаний адресат может легко угадать тип предприятия.

Специальные ошибки в орфоэпии. «Пиворама» (ресторан) – номинатор заменил букву «л» на «в», нарушает ожидание адресата относительно произношения слова «пилорама» и в то же время придает названию вывески функцию указания на рекламный объект – пиво. Похожие названия ещё «Боржч» (кафе), сочетание «жч» произносится как [ш':], по произношению адресат сразу может понять, о чем идет речь – о борще.

Фонетическое сближение. Такой прием побуждает адресатов вспоминать слова, по произношению похожих на названия вывесок. Например, произношение названия «ШашлыкоFF» (кафе) копирует способ трансформации русских фамилий эмигрантов в США конца 19-го века – начала 20-го века. Так появился бренд Davidoff, и название кафе «ШашлыкоFF» тоже намекает на возможность кафе быть брендом [23, с. 161-172].

- **На уровне лексики.**

Использование омонимии. **Омоним** – «слово, совпадающее с другим словом по звучанию и написанию, но расходящееся по значению и системе форм». Такой прием создает неоднозначность смысла текста вывески. Например, «Красный кабачок» (ресторан). «Кабачок» в первом значении – «небольшой милый ресторан», образованный от слова «кабак» при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса –ок-. «Кабачок» во втором значении – название растения [Большой толковый словарь русского языка, 2000:407]. И, кроме того, «Красный кабачок» в истории Петербурга – известная награда, данная Петром I в 1706 году переводчику Семену Иванову, «за его службу, раны, полное терпение и уход из полону» [20, с. 115]. Это знают образованные петербуржцы, с удовольствием об этом рассказывают. Таким образом, данный текст вывески может вызвать у адресатов различные ассоциации.

Название ресторана «По чесноку» также можно по-разному понять. С одной стороны, «по чесноку» является жаргонным выражением, который обозначает «по-честному», «честно», а с другой стороны, это словосочетание содержит слово «чеснок» в дательном падеже – название растения, и текст вывески можно понять и как «дать каждому входящему по чесноку».

Название «Шкурный вопрос» (склад мехового полуфабриката) также имеет не только одно значение. «Шкурный» является многозначным словом. «Шкурный» в первом значении – прилагательное от слова «шкура». Такое значение указывает на объект номинации. «Шкурный» во втором значении означает «стремление только к своему личному благополучию». Само же словосочетание «шкурный вопрос» является фразеологизмом, который имеет значение «вопрос, заданный из корыстных побуждений».

Ателье-мастерская «Всё в ажуре» занимается пошивом и ремонтом одежды. Первое значение вывески легко понять, если адресаты знают значение выражение «Всё в ажуре» – «удачное положение дел», т.е. название вывески можно понять как «всё хорошо», «всё благополучно». Второе значение вывески можно понять с помощью другого значения слова «ажур» – «сквозной узор», которое указывает на тип деятельности учреждения.

Использование приема «Аномалия смысла внутри словосочетания». Этот прием нарушает нормы словосочетания русского языка, но все же позволяет адресатам понять потенциальный смысл данного словосочетания. Например, «Пытка мясом» (ресторан), «Общество чистых тарелок» (кафе-бар), «Джинсовая необходимость» (магазин джинсовой одежды), «Кафедра вкуса» (кафе), «Вкусный дом» (кафе), «Рецепт здоровья» (аптека)

- **На уровне словообразования.** При помощи словообразовательных приемов номинаторы создают окказиональные слова, «связанные с нарушением законов словопроизводства, нарушением словообразовательных норм». Рассмотрим способы номинации вывесок на основе приемов, используемых на уровне словообразования.

Контаминация. По мнению Н.А. Янко-Триницкой, контаминация представляет собой «проникновение компонентов одной единицы языка в другую (иногда взаимное проникновение) с неизменным вытеснением какого-либо компонента данной единицы» [25, с. 473-474]. Например, «Пельмондо» (кафе) – пельмень + Бельмондо, «Шиколад» (салон красоты) – шик + шоколад.

Междусловное наложение. Сущность такого приема заключается в том, что «на конец основы одного слова накладывается омонимичное начало другого слова» [25, с. 471]. Отличие между междусловным наложением и контаминацией определяется тем, что если при контаминации в окказионализме выделяется один корень, то при наложении – два корня [14, с. 135-136)]/ Например, «Угрюмочная» (*бар*) – угрюмо + рюмочная; «Честн'ок» (*магазин продуктов*) – честно + ок (хорошо); «ДоМод» (*кафе находится в торговом доме «Дом Мод»*).

Окказиональные слова со значимыми морфемами. Такие слова авторы вывесок создают на основе существующего корня, в котором содержится основное значение лексемы, добавляя к нему морфему, необходимую для производства нового слова с нужным значением, по известной модели словообразования. Например, «Пиццер» (*кафе*) является суффиксальным дериватом от имени существительного «пицца», суффикс -ер- в русском языке может выражать значение лица по профессии. «Пирожковая» обозначает место, где готовят и продают пирожки. И по модели создания данного слова номинаторы кафе создали следующие названия вывесок: «Хотдожная», «Вкусняшечная», «Хекальная», «Хачапурная», «Чебуречество» (*кафе*), «Футболизация» (*детский магазин*), «Сушильня» (*суши-ресторан*).

Слово «Гастрономика» (*ресторан*) вызывает ассоциации с наукой: корень *-гастр-* в медицинских терминах обозначает «желудок», и значение слова «Гастрономика» воспринимается как «наука о желудке», что по смыслу подходит для названия ресторана и заставляет подумать о стремлении его работников заботиться о здоровье желудков посетителей.

Кроме вышеуказанных вербальных приемов, для привлечения внимания адресата в вывесках языковая игра осуществляется также при помощи невербальных средств или взаимосвязей между вербальными и невербальными средствами.

• **Графические приемы языковой игры.** Такая игра «не просто привлекает внимание и возбуждает интерес у потенциальных потребителей, но и организует текст вывески в единое смысловое целое. Именно слияние словесного и визуального языка максимально способствуют успешной реализации рекламной функции вывески».

Сцепление – прием, когда происходит сцепление в целое значимых слов или их компонентов, которые выделяются при помощи особых средств супраграфемике, например, прописных и строчных букв, пунктуации, специальных шрифтов или цветов слов... В вывесках «ТамГдеНикто» (*магазин сувенирной продукции*), «ВотОнЯ» (*детский магазин*) авторы использовали именно такой способ. В названии «Пивной Академия Бар» (*бар*) три слова расположены вертикально, а первые буквы трех слов, выделенные красным шрифтом, объединяются по вертикали в слово «паб» (см. рис. 1).

Рис. 1. Вертикальное расположение названия

Графический каламбур. «Каламбур» – это «игра слов, основанная на комическом обыгрывании звукового сходства (омонимии) слов и словосочетаний, имеющих разное значение...». Таким образом, прием «графический каламбур» дает возможность многообразного прочтения текста вывесок благодаря графическому разделению и звуковому сходству слов / словосочетаний. Дизайнер магазина одежды «ТрикотаЖ» разделил название на три части с помощью разницы по высоте – «три», «кота», «ж» (рис. 2).

Рис. 2. Выделение названия по высоте

Таким образом, адресаты воспринимают название как целое слово – «трикотаж» или как несколько слов – «Три котаж!». Успех текста названия заключается в том, что, создавая юмористический эффект, оно также дает читателям подсказки, позволяющие угадать род деятельности учреждения. Номинатор ресторана «МЫ ЖЕ НА ТЫ» (рис. 3.) также предоставляет адресату возможность по-разному интерпретировать данный текст вывески – «Мы же на ты» или «Мы женаты». Первое значение призывает к дружеской атмосфере, апеллируя к якобы существующей договоренности о дружбе, потому что в традиционном речевом этикете русского языка, если люди обращаются друг к другу на «ты», это значит, что отношения между ними относительно близкие. Использование же второго значения говорит о том, что этот ресторан очень привлечет внимание влюбленных и тех, кто хочет посидеть в нем парой.

Рис. 3. Наименование, призывающее к дружеской атмосфере

Смешение кириллицы и латиницы. Употребление «чужих» букв, частей слов и слов создает эффект языковой игры, привлекает внимание к вывеске: «BeefZavod» (ресторан), «ПИЛКИ» (салон маникюра и педикюра), «Вкус моды» (магазин одежды), «Пушкин KURIT» (бар), «Просто Vkusno» (кафе), «Pizza-море» (кафе)...

Замена вербального элемента цифровыми. Это создает экспрессивный эффект. Например, «На 7 небе» (салон красоты), «100ловая» (ресторан)... Часто использование цифр основано на созвучии или полном звуковом совпадении с замещаемым словом. Так, в названии супермаркета «7Я Семья» цифра 7 сочетается со следующей буквой «я», чтобы получилось звучание слова «семья». Вспомним: среди людей есть представление, что слово "семья" восходит к числу "семь" и местоимению "я" и значит «семья из семи человек, большая семья» (<https://otvet.mail.ru/question/34808738>). Поэтому наличие в названии цифры 7 здесь имеет двойное значение: показать использование современных способов номинации (уже привычное для всех) и заставить подумать о большой дружной семье.

Использование чисел, обладающих символическими значениями. Некоторые числа используются потому, что им придается особое значение в определенных ситуациях. Например, «3.14-во» (бар). Во-первых, «во» выражает высокую оценку чего-либо. Во-вторых, 3.14 – это число π . А буква π произносится «пи», тогда и получилось название вывески «пиво». Аптека называется «36.6», потому что 36.6 является стандартом нормальной температуры здорового человека. Магазин электрических инструментов имеет название «220 вольт», т.к. 220 вольт – это напряжение, которое используется в домах.

Итак, в найденных нами названиях вывесок мы проанализировали четыре вида проявления языковой игры как способа привлечения внимания, но следует отметить, что различные приемы реализации языковой игры иногда пересекаются друг с другом и дополняют друг друга.

- **Комплексный метод языковой игры:**

Название «SereniTEA» с выделением букв «tea» создано при помощи использования метода параграфемной игры, но мы видим также в этом слове использование метода фонетической игры, поскольку про-

изношение «Serenitea» похоже на слово «serenity» (англ.), которое означает «спокойствие». Значит, чайные напитки этого кафе могут принести клиентам чувство спокойствия. Такое название привлекательно для людей, знающих английский язык, т.к. в процессе дешифровки адресанты испытают интеллектуальное удовольствие от того, что они, возможно, по сравнению с другими, хорошо поняли значение вывески. Но первая часть слова «SereniTEA» содержит и часть, которая фонетически сходна со словом «сирень» – цветы кустарника, любимого за красоту и запах. Более того, некоторые люди знают, что «на языке цветов сирень означает первую любовь» (<https://prostoroza.ru/novosti/vse-kraski-vesny-v-vetvyah-sireni/>), и это еще больше привлекает адресатов к такой вывеске.

Заключение

В городском пространстве, где темп жизни ускоряется, авторы вывесок для различных учреждений используют стратегию привлечения внимания, чтобы взгляд адресатов подольше остался на созданном ими названии. Языковые игры, с их уникальной выразительностью и юмором, стали средством достижения стратегии привлечения внимания. В собранных нами текстах вывесок мы выявили следующие приемы языковой игры: фонетические, лексические, словообразовательные, графические и комплексные. В этих приемах учитывается и культурологические знания реципиентов, и психологические способы воздействия. Также мы видим, как в названиях вывесок отражается мудрость их создателей и обаяние русского языка.

Литература

1. Борисова И.Н. Категория цели и аспекты текстового анализа // Жанры речи: Сб. науч. статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 81 – 97.
2. Ван Чжо Стратегический подход к изучению языковой игры в рекламном слогане: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ, 2018. 21 с.
3. Войцех К.Д. Языковая игра в кинематографическом дискурсе: лексико-семантический уровень // Вестник Башкирского университета. 2021 Т. 26. № 1. С. 235 – 240.
4. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.И. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 172 – 213.
5. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта: наука, 2015. 296 с.
6. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта, 2009. 296 с.
7. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта, 2009. 296 с.
8. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008. 288 с.
9. Козан О. Языковая игра в заголовках турецких газет // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63). № 3. С. 162 – 168.
10. Колокольцева Т.Н. Туровская О. Д. Языковая игра с использованием прецедентных феноменов в разговорной речи // Электронный научнообразовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2015. № 8 (42). С. 153 – 157.
11. Коновалова О.Ю. Языковая игра в современной русской разговорной речи: монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. 196 с.
12. Крижанская Ю.С., Третьякова В.П. Грамматика общения. Л, 1990. 208 с.
13. Макаров М.Л. Интерпретационный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998. С. 137.
14. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1986. 156 с.
15. Николина Н.А., Агеева Е.А. Языковая игра в современной русской прозе: Семантика языковых единиц. М., 1998. С. 404.
16. Нухов С.Ж., Войцех К.Д. Особенности языковой игры в кинематографическом дискурсе // Вестник Башкирского университета, 2020. Т. 25. № 2. С. 382 – 389.
17. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
18. Покровская Е.В. Языковая игра в газетном тексте // Русская речь. 2006. № 6. С. 63 – 65.
19. Попова Е.С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. С. 278 – 229.
20. Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1996. С. 115.
21. Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие: методология и теория // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 3 – 14.

22. Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 46 – 50.
23. Хисамутдинова Н.В., Хисамутдинов А.А. Как Сахаров стал Свитом: метаморфозы русских фамилий в Америке // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. С. 161 – 172.
24. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
25. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М.: Изд-во «Индрик», 2001. С. 471 – 474.
26. Savchenko A.V. The Street Text and Language Game // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communications». 2012. Vol. 25 (64). № 1. Part 2. P. 163 – 168.
27. Кузнецова С.А. Большой толковый словарь русского языка / под ред. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
28. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
29. Происхождение слова "семья" [электронный ресурс]. <https://otvet.mail.ru/question/34808738> (дата обращения: 20.02.2023)
30. Все краски весны в ветвях сирени [Электронный ресурс]. <https://prostorozha.ru/novosti/vse-kraski-vesny-v-vetvyah-sireni/> (дата обращения: 20.02.2023)

References

1. Borisova I.N. Kategorija celi i aspekty tekstovogo analiza. Zhanry rechi: Sb. nauch. statej. Saratov: Izd-vo GosUNC «Kolledzh», 1999. Вып. 2. С. 81 – 97.
2. Van Chzho Strategicheskij podhod k izucheniju jazykovoj igry v reklamnom slogane: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Burjat. gos. un-t. Ulan-Udje, 2018. 21 s.
3. Vojceh K.D. Jazykovaja igra v kinematograficheskom diskurse: leksiko-semanticheskij uroven'. Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2021 T. 26. № 1. S. 235 – 240.
4. Zemskaja E.A., Kitajgorodskaja M.V., Rozanova N.I. Jazykovaja igra. Russkaja razgovornaja rech': Fonetika. Morfologija. Leksika. Zhest. M.: Nauka, 1983. S. 172 – 213.
5. Il'jasova S.V., Amiri L.P. Jazykovaja igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy. M.: Flinta: nauka, 2015. 296 s.
6. Il'jasova S.V., Amiri L.P. Jazykovaja igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy. M.: Flinta, 2009. 296 s.
7. Il'jasova S.V., Amiri L.P. Jazykovaja igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy. M.: Flinta, 2009. 296 s.
8. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i tak- tiki russkoj rechi. M., 2008. 288 s.
9. Kozan O. Jazykovaja igra v zagolovkah tureckih gazet. Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo Serija «Filologija. Social'nye kommunikacii». 2011. T. 24 (63). № 3. S. 162 – 168.
10. Kolokol'ceva T.N. Turovskaja O. D. Jazykovaja igra s ispol'zovaniem precedentnyh fenomenov v razgovornoj rechi. Jelektronnyj nauchnoobrazovatel'nyj zhurnal VGSPU «Grani poznaniya». 2015. № 8 (42). S. 153 – 157.
11. Konovalova O.Ju. Jazykovaja igra v sovremennoj russkoj razgovornoj rechi: monografija. Vladivostok: Izd-vo VGUJeS, 2008. 196 s.
12. Krizhanskaja Ju.S., Tret'jakova V.P. Grammatika obshhenija. L, 1990. 208 s.
13. Makarov M.L. Interpretacionnyj analiz diskursa v maloj gruppe. Tver', 1998. S. 137.
14. Namitokova R.Ju. Avtorskie neologizmy: slovoobrazovatel'nyj aspekt. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rost. un-ta, 1986. 156 s.
15. Nikolina N.A., Ageeva E.A. Jazykovaja igra v sovremennoj russkoj proze: Semantika jazykovykh edinic. M., 1998. S. 404.
16. Nuhov S.Zh., Vojceh K.D. Osobennosti jazykovoj igry v kinematograficheskom diskurse. Vestnik Bashkirskogo universiteta, 2020. T. 25. № 2. S. 382 – 389.
17. Oljanich A.V. Prezentacionnaja teorija diskursa: monografija. M.: Gnozis, 2007. 407 s.
18. Pokrovskaja E.V. Jazykovaja igra v gazetnom tekste. Russkaja rech'. 2006. № 6. S. 63 – 65.
19. Popova E.S. Struktura manipuljativnogo vozdejstvija v reklamnom tekste. Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2002. № 24. S. 278 – 229.
20. Pyljaev M.I. Zabytoe proshloe okrestnostej Peterburga. SPb., 1996. S. 115.
21. Tarasov E.F. Rechevoe vozdejstvie: metodologija i teorija. Optimizacija rechevogo vozdejstvija. M., 1990. S. 3 – 14.
22. Fedorova L.L. Tipologija rechevogo vozdejstvija. Voprosy jazykoznanija. 1991. № 6. S. 46 – 50.

23. Hisamutdinova N.V., Hisamutdinov A.A. Kak Saharov stal Svitom: metamorfozy russkih familij v Amerike. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2019. № 62. S. 161 – 172.
24. Chudinov A. P. Politicheskaja lingvistika: ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2006. 256 s.
25. Janko-Trinickaja N.A. Slovoobrazovanie v sovremennom russkom jazyke. M.: Izd-vo «Indrik», 2001. S. 471 – 474.
26. Savchenko A.V. The Street Text and Language Game. Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communications». 2012. Vol. 25 (64). № 1. Part 2. P. 163 – 168.
27. Kuznecova S.A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. pod red. SPb.: Norint, 2000. 1536 s.
28. Zherebilo T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. 5-e izd., ispr. i dop. Nazran': OOO «Pilgrim», 2010. 486 s.
29. Proishozhdenie slova "sem'ja" [jelektronnyj resurs]. <https://otvet.mail.ru/question/34808738> (data obrashhenija: 20.02.2023)
30. Vse kraski vesny v vetyjah sireni [Jelektronnyj resurs]. <https://prostoroza.ru/novosti/vse-kraski-vesny-v-vetyyah-sireni/> (data obrashhenija: 20.02.2023)

*Sun' Cyuczy, Postgraduate,
St. Petersburg State University*

Tactics of the language game as an element of the strategy of attracting attention to the names of signage in the language space of St. Petersburg

Abstract: this article is devoted to the analysis of outdoor signage texts from the point of view of their impact on the recipient. The article discusses in detail the concepts of speech influence, communicative strategy and tactics. The work is devoted to the study of the strategy of nomination of signage texts in the language space of St. Petersburg – "attracting attention", as well as one of the tactics that ensure its implementation – "language game". The article provides an extensive description and analysis of the techniques of language play in the texts of signage. These techniques are divided into five types: phonetic, lexical, word-formation, graphic and complex. At the level of phonetics, such techniques as the use of rhyme, alliteration, onomatopoeia, special errors in orthoepy and phonetic convergence are distinguished. At the lexical level, the author highlights the technique of using homonyms and the "anomaly of meaning within the phrase". At the level of word formation, such techniques as contamination, inter-word overlap, occasional words with significant morphemes are frequent. At the level of graphics, the following techniques are subdivided: coupling, graphic pun, mixing Cyrillic and Latin letters, replacing a verbal element with digital ones, using numbers with symbolic meanings. Visual examples illustrating the expediency of its allocation are given to the description of each technique of the language game. The author concludes that the variety of signage texts reflects the specifics of national thinking and has great potential for research.

Keywords: signboard, speech influence, strategy, tactics, language game

For citation: Sun' Cyuczy Tactics of the language game as an element of the strategy of attracting attention to the names of signage in the language space of St. Petersburg. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (2). P. 218 – 225.

*Хараева Л.А., доктор педагогических наук, профессор,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Путиловская Т.С., кандидат психологических наук, доцент,
Государственный университет управления,
Тхакахова К.С., аспирант,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова*

Молчание в акте коммуникации и его понимание

Актуальность: современный интегрированный глобальный мир справедливо называют веком коммуникации, который обусловил невиданный ранее уровень коммуникативного, и, в частности вербального взаимодействия людей. Как отмечают исследователи, наш век - это мир шума и хаоса, всё возрастающего говорения, мир, стремящийся к тотальному высказыванию. Человек теряется в потоке многословия и часто бессилён воспринимать бытие аутентично. В связи с этим все большее внимание привлекает к себе невербальная коммуникация, специфической и в тоже время мало исследованной составляющей которой является молчание.

Ключевые слова: коммуникация, культура, общение, взаимодействие, символ, знак, невербальный, молчание, дешифровка

Для цитирования: Хараева Л.А., Путиловская Т.С., Тхакахова К.С. Молчание в акте коммуникации и его понимание // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 226 – 232.

Категория коммуникативности стала всеобъемлющей характеристикой современного глобального мира, обусловившей невиданный ранее уровень коммуникативного и, в частности, вербального взаимодействия людей. Соответственно, результатом всевозрастающей роли коммуникации в человеческом сообществе стало выделение в качестве ключевых компетенций, необходимых для современного человека, компетенций, относящихся к социальному взаимодействию и социальной сфере. Эти компетенции проявляются на всех уровнях общества в процессе устного и письменного общения, в том числе и кросскультурного общения [5].

Умение коммуницировать, высказываться, предьявлять себя, таким образом, стало выражением успеха и конкурентноспособности в обществе, что привело к тотальному доминированию говорения и высказывания в социальном взаимодействии, в результате которого человек стал теряться в потоке многословия и часто стал бессилён воспринимать бытие аутентично.

Однако обращение к проблеме невербальной коммуникации было продиктовано не только прагматическим интересом, но и желанием дальнейшего научного познания целостного процесса коммуникации, частью которого оказалась невербальная коммуникация. Несмотря на привычную веру в слова и понимание речи как универсального способа общения, к началу 20 столетия многие исследователи пришли к выводу, что коммуникативный процесс является далеко неполным, если не рассматривать его невербальные средства: жесты, мимику, интонацию, которые дополняют и уточняют получаемую языковую информацию. Например, швейцарский психолог К.Юнг в работе «Психологические типы» [14], описывая ограниченную способность общения людей интровертированного интуитивного типа, обратил внимание на «одну из самых больших ошибок нашей культуры, а именно, сильную веру в слова и изложение, безмерную переоценку обучения словами и методами. ...Люди такой установки двигатели культуры и воспитания в своем роде... Их жизнь учит большему, чем они говорят» [14].

Одним из первых, кто обратился к изучению невербального общения, был известный психолог В.Вунд [4], опубликовавший в 1921 году книгу «Язык жестов», в которой он отмечает естественную произвольную природу жестов, в связи с чем они более всего способны передавать внутренний мир говорящего и быть проводником эмоций.

Активное исследование невербального аспекта общения началось с 1950-х годов изучением невербальных информационных потоков, а затем и с введением понятия «кинесика» (Р.Бердвистел), рассматривающих жесты и мимику, используемые человеком в процессе коммуникации.

Другими источниками изучения невербальной коммуникации явились проксемика и хронемика. Согласно проксемике Э.Холла [11], вокруг каждого человека находится невидимая пространственная материя, которая расширяется или сжимается в зависимости от ряда обстоятельств: отношений с окружающими людьми, эмоционального состояния человека, культурной составляющей и той деятельности, которая про-

исходит в момент общения. Хронемика предполагает понимание и использование времени как части невербальной коммуникации.

Одним из наиболее своеобразных, непостижимых на первый взгляд, видов невербальной коммуникации является такой способ передачи информации, как молчание, которое является неотъемлемой частью коммуникации.

Лингвисты, обратившись к «человеку говорящему» для познания процессов функционирования языка, должны были с этой целью признать и «человека молчащего», поскольку стало очевидным, что любое общение представляет собой постоянное взаимодействие речевых действий и речевых актов молчания в различных пропорциях. Молчание немыслимо без речи, а речь (вербальная или невербальная) немыслима без молчания [12].

Отсутствие внешней вербальной речи не означает ее отсутствия во внутреннем плане. Человек часто намеренно или ненамеренно переходит к молчанию как форме внутренней речи ввиду определенных обстоятельств психологического и социокультурного характера [12].

Известно, что создаваемая человеком картина мира изначально антропоцентрична; акт молчания также участвует в реализации представления о человеке как о центре мира. Познавая молчание, можно раскрыть природу человека. И в этом смысле молчание является одним из ключей к пониманию глубоких внутренних мыслительных процессов. Отмечая равноправие речи и молчания в структуре языка, авторы указывают на их общую важную характеристику, в качестве которой выступает интенциональность, то есть обращенность сознания субъекта на какой-либо объект и способность выступать знаком определенного содержания. При этом роль и основная функция молчания по сравнению с речью, по С. Зонтагу, есть «область созерцательного мышления, духовного созревания, испытания, завершение которого дает право говорить» [10].

Еще одна из существенных характеристик экзистенциальной и функциональной природы молчания дана в высказывании Л. Витгенштейна: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [3], что отражает сакральную мистическую сторону человеческого бытия, которую нежелательно облекать в словесную форму. Однако отсутствие говорения и переход к молчанию не означает отсутствия коммуникации, которое происходит средствами другого семиотического кода. «Молчание задает языку границы его деятельности и ту смысловую форму, в которой он определяет и расчленяет себя» [3].

Возникает вопрос: что такое молчание? В литературе находим неоднозначные подходы к определению понятия «молчания». В толковом словаре Ожегова, в словарях русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой, Л.Г. Бабенко, В.В. Розановой значение слова «молчать», в целом, определяется как 1) ничего не производить, не издавать никаких звуков; 2) ничего не говорить; 3) не проявляться, не давать о себе знать. Такой подход к определению молчания уподобляет его понятию «тишина» на основе внешнего акустического тождества – отсутствия звуков и тем самым лишает его содержательного значения.

Анализ контекстов использования глаголов «молчать» и «не говорить» в речи показывает, что часто это не взаимозаменяемые понятия. Слово «говорить», открыто связанное с обозначением объектов и предметов сравнительно более частотно, чем «молчать». Молчание же явно приобретает семантику скрытых внутренних мотивов социально психологического характера, которые и должны быть расшифрованы партнером общения. С другой стороны, молчание в отличие от тишины, при желании субъекта и соответствующих условиях всегда может быть выражено речевым действием. «Молчать можно только о том, о чем можно говорить» [3].

Сравнивая понятия «молчание» и «тишина», К.А. Богданов [15] справедливо утверждает, что в мире языкового мышления «тишина» обозначает естественное состояние среды, а «молчание» относится к явлениям психического ряда, и оба эти понятия в одинаковой степени являются антропологически ориентированными.

Таким образом, большинство исследователей (В.В. Богданов, Н.Б. Корнилова, Т.Р. Копылова, С.В. Крестинский, Г.Г. Почепцов, А. Яворски) правомерно считают молчание полноправным коммуникативным актом в различных проявлениях: лингвистических, дискурсивных, социальных, культурных, духовных и других.

Отметим основные характеристики молчания как коммуникативного акта:

- молчание должно быть коммуникативно значимым, т.е., оно должно иметь определенную функциональную нагрузку;
- в основе коммуникативно значимого молчания лежит язык;
- молчание, также, как и речевое действие, имеет интенциональность и целенаправленность;
- молчание как коммуникативный акт есть выражение отношений;
- молчание – это высококонтекстуальный коммуникативный акт, который нельзя воспринимать в отрыве от его целостного контекста;

- молчание универсальное явление, имеющееся в каждой лингвокультуре, хотя в каждой культуре оно по-разному воспринимается и интерпретируется;

-соответственно, молчание – это социокультурно детерминированный коммуникативный акт.

Определяя условия значимости молчания, Г.Г. Почепцов отметил три обязательных условия. Это:

- осознанное и намеренное использования молчания со стороны отправителя;

- осведомленность получателя о намеренном характере молчания;

- обладание отправителем и получателем общим знанием относительно значения молчания, что поможет адекватно расшифровать информацию.

Итак, как было рассмотрено, молчание, в отличие от неговорения, следует связывать не с отсутствием речи, а с передачей информации другими неязыковыми средствами. Существует много причин, когда выражение мысли, воли, желания в языковой форме оказывается нежелательным или неэффективным, и цели общения могут быть успешнее достигнуты, если прибегнуть к молчанию, когда говорящий целенаправленно уменьшает языковую нагрузку высказывания с тем, чтобы слушающий самостоятельно пришел к мысли о них.

Понятно, что адекватная интерпретация, расшифровка и понимание молчания в коммуникации представляет для партнера общения непростую задачу в связи с чрезвычайной полисемантической и даже «многоликостью» молчания.

Анализ литературы позволяет выделить следующие виды модальности молчания, связанные с группами общих факторов: молчание, вызванное эмоциями, в том числе, и аффектом; молчание, порожденное раздумьями, когда человек «мыслями говорит сам с собой»; молчание, выражающее согласие, несогласие или неприятие объекта, или субъекта; молчание как позиция невмешательства, которое имеет место из боязни или во избежание нежелательных последствий; молчание как нежелание продолжать взаимодействие.

Так, рассмотрим различные виды модальности молчания, которые можно обнаружить уже в языковых средствах, описывающих внешне феномен молчания и показывающих их различную мотивировку. Например, «уныло молчать», «грустно молчать», «боязливое молчание» (передача эмоционального состояния); «небрежное молчание», «благодарно молчать», «молчать с осуждением» (отношение к собеседнику или объекту); «упрямое молчание», «настойчивое молчание» (выражение воли) и т.д. Можно также говорить о молчании как процессе, длящемся во времени: «минутное» молчание», «долгое молчание», получающем в зависимости от контекста определенное значение. Во всех этих случаях можно говорить об определенных конкретных прагматических значениях-мотивировках.

Другая трудность интерпретации молчания заключается в динамическом характере взаимодействия в коммуникации, в процессе которого меняется контекст и соответственно прагматическое значение молчания.

Более конкретно прагматические значения молчания обнаруживаются при рассмотрении многочисленных функций, выполняемых молчанием в коммуникации.

Многозначность молчания обуславливает большой разброс в содержании выделяемых авторами функциональных структур молчания. Однако даже поверхностный анализ этих структур позволяет выделить две общие функции молчания во всех случаях: функцию связи и функцию воздействия.

В функции связи в зависимости от взаимопонимания можно выделить полную контактную, неполную контактную и дисконтактную функции молчания. Полная контактная функция может осуществляться во взаимодействии хорошо знающих друг друга субъектов, способных к идентификации. В этом случае имеет место смысловое общение, не нуждающееся в словах. При неполной контактной функции взаимопонимание коммуникантов осуществляется неполно, в силу чего коммуникация может нарушаться. Молчание выполняет дисконтактную функцию, когда один из партнеров общения не желает продолжать разговор.

Функциональный анализ феномена молчания на различных основаниях, представленный в работах В.В. Богданова, М. Савиль-Труак, В. Йенсена, С.В. Крестинского, Т.Д. Бруно, развивает представление о сложном многофакторном характере функционирования коммуникативной системы, которая без рассмотрения молчания была бы далеко неполной.

Наиболее полно функциональный потенциал молчания, на наш взгляд, отражается в работе С.В. Крестинского [7]. Коммуникативные функции молчания в данной классификации достаточно четко дают ответ на вопрос, почему молчит один из субъектов коммуникации. Соответственно такому подходу С.В.Крестинский выделяет 18 функций молчания, перечисление которых показывает полноту отражения контекстуальных условий коммуникации. К данным функциям молчания относятся следующие:

1) Контактная; 2) дисконтактная; 3) экспрессивная; 4) информативная; 5) оценочная; 6) рогативная (интеррогативная); 7) аффективная; 8) стратегическая; 9) риторическая; 10) синтаксическая; 11) социальной

позиции; 12) социально-ролевая; 13) ролемаркирующая; 14) когнитивная; 15) гезитативная; 16) экспективная; 17) фоновая; 18) ритуальная.

Каждая из названных функций молчания является коммуникативно значимой и составляет неотъемлемую часть коммуникативного процесса. Они выделяются как наиболее частотные функции в практике коммуникативного взаимодействия, но, скорее всего, многозначность молчания не исчерпывается выделенными в литературе функциями. Например, мы считаем возможным выделение еще одной функции молчания – функции коммуникативного такта, когда в соответствии с принципом вежливости в данной коммуникативной ситуации лучшим коммуникативным актом является молчание (например, молчание при замечаниях и выговоре младшему со стороны старшего, молчание в ответ на похвалу в кавказской культуре).

Все изложенное выше показывает, что молчание представляет собой сложное многозначное и многофункциональное психическое явление, которое является неотъемлемым аспектом коммуникативного поведения людей.

Понятно, что в связи со специфическими особенностями молчания как коммуникативного акта возникает вопрос: как происходит дешифровка и понимание молчания?

Ответ на этот вопрос следует искать в понимании содержания самого процесса общения, коммуникации. Согласно социальной психологии процесс взаимодействия людей в общении включает три взаимосвязанных аспекта: общение как обмен информацией (коммуникативная сторона общения), общение как взаимодействие (интерактивная сторона общения) и общение как восприятие людей друг друга (перцептивная сторона общения) [1].

Очевидно, что ответ на поставленный выше вопрос более конкретно находится в плоскости третьего аспекта общения – перцептивной деятельности участников общения, согласно которой каждый человек в процессе коммуникации не только говорит, но и наблюдает, изучает, «читает» своего собеседника, составляя представление о его установках, намерениях, мотивах, эмоциях и поступках. Перцептивная деятельность человека всегда характеризуется осмыслением и пониманием, в связи с чем перцептивную деятельность восприятия и понимания молчания точнее называть перцептивно-мыслительной деятельностью.

Исходным условием понимания молчания является полное включение адресата акта молчания в единый с партнером контекст ситуации, в которой он актуализирует имеющиеся знания о партнере, связанные с его социальной ролью, индивидуально-психологическими, личностными и культурными особенностями.

Восприятие, интерпретация и понимание молчания в этом случае происходит при помощи таких механизмов социальной перцепции, как идентификация, эмпатия, рефлексия, аттракция.

Идентификация как один из самых простых способов понимания другого человека является уподоблением себя другому. Предположение о внутреннем состоянии партнера по общению строится на основе попытки поставить себя на его место. В этом плане идентификация выступает в качестве одного из механизмов познания и понимания другого человека [1, с. 144].

Существует тесная взаимосвязь между идентификацией и другим близким по содержанию механизмом понимания другого человека – эмпатией, которую мы считаем одним из самых эффективных механизмов понимания молчания в связи с его способностью обеспечивать возможность постижения эмоционального состояния другого человека в форме сопереживания. Эмоциональная природа эмпатии проявляется именно в том, что ситуация партнера по общению не столько продумывается, сколько прочувствуется, что создает преимущество более быстрого интуитивного «схватывания» ситуации.

Процесс коммуникация, как известно строится на взаимопонимании. Акт молчания как единица коммуникации, соответственно, включает элемент понимания друг друга, который связан с механизмом рефлексии, то есть, говорящий, расшифровывая молчание партнера, включает в процесс понимания то, как он воспринимается им. С другой стороны, его партнер осуществляет то же действие. Таким образом, происходит «глубокое последовательное взаимоотражение, содержанием которого является воспроизведение внутреннего мира партнера по взаимодействию, причем в этом внутреннем мире, в свою очередь, отражается внутренний мир первого исследователя» [6]. Этот процесс взаимоотражения и понимания друг друга называется механизмом рефлексии, который играет значительную роль в интерпретации и понимании молчания.

Наконец, в перцептивно-мыслительной деятельности восприятия и понимания молчания участвует еще один механизм, называемый аттракцией. Дело в том, что молчание, как и любой коммуникативный акт, есть также выражение отношений субъектов общения. Взаимодействуя в общении, коммуниканты не просто воспринимают друг друга, но и формируют определенные отношения к друг другу, сопровождаемые разными чувствами – от неприятия до симпатии и даже любви. Молчание партнера воспринимается и рассматривается через призму этих чувств, которые вырабатывают определенную установку по отношению к

нему, или аттракцию, т.е., меру его привлекательности. Аттракция входит в целостный контекст восприятия молчания и наряду с другими факторами обуславливает его понимание.

Названные механизмы межличностного восприятия не являются единственными средствами интерпретации молчания, используемыми коммуникантами в процессе общения. В расшифровке молчания участвуют другие невербальные компоненты коммуникации и, в частности, оптико-кинестическая система знаков, среди которых выделим мимику, жесты, контакт глаз.

Мимические движения, или выражение лица связывают с выражаемыми ими шестью основными эмоциями: радостью, гневом, удивлением, отвращением, страхом, грустью. Соответственно, эти невербальные компоненты общения помогают выявить такой существенный параметр коммуникативного процесса, как намерение его участников [1, с. 115]. Значение молчания, сопровождаемое мимическими движениями лица, как правило, легко распознается.

Из жестов наибольшее значение для понимания молчания приобретают жесты головой. Значимыми являются три основных положения головы. Прямое неподвижное положение головы, сопровождаемое время от времени легкими кивками, обычно свидетельствует о нейтральном отношении субъекта восприятия к субъекту или объекту высказывания.

Наклон головы в сторону и кивание время от времени предполагает положительное заинтересованное отношение к источнику и содержанию информации.

Наклон головы вниз может быть связан с рядом отрицательных эмоций неодобрения, несогласия, осуждения.

Наиболее «говорящей» смысловозначительной составляющей в комплексе невербальных компонентов, используемых в процессе молчания является выражение, или сигнал глаз. «С помощью глаз передаются самые точные и открытые сигналы из всех сигналов человеческой коммуникации, потому что они занимают центральное положение в человеческом организме, а зрачки ведут себя полностью независимо» [9].

В литературе имеется краткое описание основных мимических признаков эмоциональных состояний, в которой затрагиваются также форма и яркость глаз [8].

Рассматривая проблему понимания молчания, попытаемся определить основные показатели различных состояний молчания, в которых ведущую роль играет выражение глаз, а именно, направление и длительность взгляда, поведение зрачков. Воспользуемся также имеющимися данными В.А. Лабунской о форме и яркости глаз.

Рассмотрим наиболее частотные виды молчания, используемые в практике коммуникации.

Заинтересованное одобрительное молчание – взгляд искоса с наклоном головы, легкие кивки время от времени, брови слегка приподняты, глаза немного прищурены в улыбке, которая отражается легким блеском в глазах, зрачки расширены.

Критическое неодобрительное молчание- голова наклонена вниз, взгляд искоса или исподлобья, брови и уголки рта опущены, глаза сужены, зрачки сокращены.

Виноватое молчание – голова низко опущена, взгляд отсутствует, уголки губ опущены

Презрительное молчание – относительно устойчивый взгляд суженных «глаз-бусинок», зрачки сокращены, брови сдвинуты к переносице, уголки губ опущены.

Отстраненное молчание- отстраненный обращенный в себя, на свой внутренний предмет взгляд невидящих остановившихся глаз, глаза при этом расфокусированы.

Молчание как нежелание взаимодействия- выражается в подсознательном жесте прикрытых век как желания не видеть и убрать своего собеседника из поля зрения; веки при этом закрываются больше, чем на секунду. При желании подчеркнуть превосходство закрытые веки сочетаются с откинутой назад головой и долгим взглядом свысока [9, с. 163].

Гневное молчание (с вызовом) – положение головы прямое неподвижное, глаза раскрыты и прищурены, блестят холодным блеском, взгляд прямой, открытый, длительный, с вызовом; рот открыт, брови сдвинуты к переносице, внешние уголки бровей подняты вверх.

Удивленное молчание- положение головы может быть прямое или наклоненное в сторону, глаза блестят, могут быть как прищуренными, так и раскрытыми; взгляд на собеседника длительный, заинтересованный, брови приподняты.

Боязливое молчание- голова и плечи опущены, взгляд исподлобья, человек избегает зрительного контакта, но время от времени бросает быстрые взгляды на собеседника, глаза тусклые, зрачки сокращены, рот сжат, лицо застывшее.

Унылое молчание-голова опущена, глаза сужены, взгляд невидящих тусклых глаз, рот открыт, лицо застывшее.

Молчание с любовью- прямой открытый взгляд или частые взгляды на собеседника, зрачки расширены, глаза блестят, лицо динамичное, уголки рта приподняты.

Описание различных видов молчания можно было бы продолжить в соответствии с многочисленным разнообразием ситуаций коммуникации, но уже представленное здесь описание наиболее частотных видов молчания очевидно показывает, что молчание есть невербальный целенаправленный и мотивированный коммуникативный акт выражения отношений и воздействия на партнера общения, реализуемый при помощи внутреннего семиотического кода, известного представителям одной культуры.

Многофункциональный и многозначный характер молчания в акте коммуникации предполагает его способность не только к реализации смыслов и значений, выполняемых языковыми средствами, но и возможность осуществлять свои собственные функции, которые могут быть реализованы только в коммуникативном акте молчания.

Соответственно, восприятие и понимание молчания представляет собой сложнейший психический процесс, определяемый целями, мотивами, установками партнера общения в коммуникативной ситуации. Данный процесс основан на функционировании механизмов социальной перцепции и невербальных компонентов общения, а также знания культурного кода, социальных, индивидуальных психологических особенностей субъекта молчания.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 12.
2. Бердвистелл Р.Л. Предыстория кинесики // ЕТС: Обзор общей семантики. Т. 13. Нет. I. Осень 1955. С. 34.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: ЛГУ, 1994. 411 с.
4. Вунд В. «Язык жестов». С. 15.
5. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма рез-та образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 41.
6. Кон И.С. Открытие «Я». М., 1978. С. 110.
7. Крестинский С.В., Молчание как средство коммуникации и его функции в языковом дискурсе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: «Филология». 2011. Вып. 1. С. 34 – 37.
8. Лабунская В.А., Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1986. С. 33.
9. Пиз Аллан Язык телодвижений. Ай Кью. Нижний Новгород, 1992. С. 155.
10. Почепцов Г.Г. Молчание как знак // Анализ знаковых систем. Киев: Высш. Шк., 1986. С. 90 – 98.
11. Холл Э. «Немой язык», 1959. С. 188.
12. Шабанова Я.В. Речевой акт «Молчание» в структуре вербальной и невербальной коммуникации // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: ВГУ, 2007 Вып. 7. С. 183 – 192.
13. Эпштейн М. Из тоталитарной эпохи – в виртуальную: введение в Книгу книг // Континент 1999. № 102. С. 355 – 366.
14. Юнг К. «Психологические типы». 1921. С. 87.
15. Богданов К.А. Очерки по антропологии молчания. Спб., 1997. С. 24.

References

1. Andreeva G.M. Social'naja psihologija. M.: Aspekt Press, 1998. S. 12.
2. Berdvistell R.L. Predystorija kinesiki. ETC: Obzor obshhej semantiki. T. 13. Net. I. Osen' 1955. S. 34.
3. Vitgenshtejn L. Logiko-filosofskij traktat. M.: LGU, 1994. 411 s.
4. Vund V. «Jazyk zhestov». S. 15.
5. Zimnjaja I.A. Kljuchevyje kompetencii – novaja paradigma rez-ta obrazovanija. Vysshee obrazovanie segodnja. 2003. № 5. S. 41.
6. Kon I.S. Otkrytie «Ja». M., 1978. S. 110.
7. Krestinskij S.V., Molchanie kak sredstvo kommunikacii i ego funkcii v jazykovom diskurse. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: «Filologija». 2011. Vyp. 1. S. 34 – 37.
8. Labunskaja V.A., Neverbal'noe povedenie (social'no-perceptivnyj podhod). Rostov-na-Donu: Izd-vo RGU, 1986. S. 33.
9. Piz Allan Jazyk telodvizhenij. Aj K'ju. Nizhnij Novgorod, 1992. S. 155.
10. Pohepcov G.G. Molchanie kak znak. Analiz znakovyh sistem. Kiev: Vyssh. Shk., 1986. S. 90 – 98.
11. Holl Je. «Nemoj jazyk», 1959. S. 188.

12. Shabanova Ja.V. Rechevoj akt «Molchanie» v strukture verbal'noj i neverbal'noj komunikacii. Jazyk, komunikacija i social'naja sre da. Voronezh: VGU, 2007 Vyp. 7. S. 183 – 192.
13. Jepshtejn M. Iz totalitarnoj jepohi – v virtual'nuju: vvedenie v Knigu knig. Kontinent 1999. № 102. S. 355 – 366.
14. Jung K. «Psihologicheskie tipy». 1921. S. 87.
15. Bogdanov K.A. Oчерki po antropologii molchanija. Spb., 1997. S. 24.

*Kharaeva L.A., Doctor of Pedagogic Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
Putilovskaya T.S., Candidate of Psychological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
State University of Management,
Tkhakakhova K.S., Postgraduate,
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov*

Silence in the act of communication and its understanding

Abstract: the modern integrated global world is justly called an age of communication, which has caused an unprecedented level of communicative, and in particular the verbal interaction of people. As noted by researchers, our age is a world of noise and chaos, of ever-increasing speaking, a world that aspires to a total statement. One gets lost in the flow of verbosity and is often powerless to perceive being authentically. In this regard, more and more attention is attracted to non-verbal communication, a specific and at the same time little-researched component of which is silence.

Keywords: communication, culture, communication, interaction, symbol, sign, non-verbal, silence, decoding

For citation: Kharaeva L.A., Putilovskaya T.S., Tkhakakhova K.S. Silence in the act of communication and its understanding. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (2). P. 226 – 232.

**Чжан Юй, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет**

Любовная иллюзия в романе Саши Соколова «Школа для дураков»

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Государственного комитета КНР (CSC) № 202008110003

Аннотация: данная статья написана по книге Саши Соколова «Школа для дураков», в которой он повествует о необыкновенном мире, существующем по своим законам и со своим отсчетом времени. Благодаря творческой художественной фантазии писателя, его любви к русскому языку и глубокому знанию его, Саша Соколов своеобразным литературным манером написания повествует о монологе необычного большого мальчика с самим собой на протяжении всего произведения. Роман о разочаровании, детском одиночестве, утрате чувства реальности и оторванности от общества. Мальчик - подросток и окружающие его люди живут в разных мирах. Он оторван от окружающего мира, живет в своем воображаемом пространстве. Замыкаясь в себе, он оказывается взаперти своего личного «я», и способ убежать оттуда для него – это растворение в мире природы, естественного мира и иллюзорной любви к единственной женщине. По замыслу автора главный герой неизлечимо болен двойственностью своего существования, и ему только и остается, как смириться с безысходностью и любить безответно только в своем воображении, облегчая этим свои психические страдания и муки. Герой счастлив тем, что имеет, и ему не надо того, чего у него нет, никогда не было, и не будет. Он счастлив в своем воображаемом мире.

Ключевые слова: воображение, природа, больной, фантазии, любовь, двойственность, воспоминания, время, противоречие, смерть

Для цитирования: Чжан Юй Любовная иллюзия в романе Саши Соколова «Школа для дураков» // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 233 – 238.

Введение

Роман Саши Соколова «Школа для дураков» – глубокое, противоречивое и особенно сложное произведение русского модернизма и постмодернизма, сплетенное из множества сомнений, детских страхов и парящих «зимних бабочек», смятения и забытой памяти необычного мальчика. Книга была издана в бывшем СССР первым и полным изданием в 1989 году. Саша Соколов представил читателю монолог, который стал диалогом большого мальчика-подростка с самим собой. Автор и просто свободный человек смело заглядывает в самые тайные глубины человеческого сознания и делает роман уникальным уже с первых строк произведения.

Повествование Саши Соколова стелется полотном, выстроенным из потока изысканных, базовых и интерпретированных фраз любимого автором русского языка. Благодаря его творческой художественной фантазии, словно сквозь призму проходит весь роман. Его повествование многообразно и интересно, заполнено потоком мыслей со стремительным перемещением из сюжета в сюжет. Естественная череда событий в момент монолога главного героя происходит в настоящем времени, но мысли его убегают от реальности в прошлое и в будущее, и его чувственные восприятия в этот момент являются существенными и реальными только для него.

По замыслу произведения, главный герой необычен и живет в образах своего специфического сознания. Он пытается освободиться и убежать от большого шаблонного современного мира, виртуально, пересекая временные границы, и попадает туда, куда можно попасть не всем! К тому же пересекать границы – это непреодолимое желание и для автора произведения. Для Саши Соколова такое желание было необходимостью из-за многих сложившихся в жизни обстоятельств. Как пишет О. Матич, он на протяжении был одержанным нарушенными ими границами, они напоминали ему клетку, в которой сидят взаперти всю жизнь, из которой хочется выбраться всегда [4, с. 12].

Цель данного исследования – выявить специфику темы любви в художественном тексте Саши Соколова «Школа для дураков».

Актуальность исследуемой проблемы

Проблематика, составляющая основу данной статьи, представляется актуальной ввиду недостаточной изученности темы любви в творчестве Саши Соколова.

Материал и методы исследования

Материалом для исследования любовной иллюзии в произведении послужил роман Саши Соколова «Школа для дураков». В статье, главным образом, применены такие методы, как интерпретационный, структурно-описательный.

Результаты исследования и их обсуждение

Главный герой неизлечимо болен двойственностью своего существования, и ему только и остается, как смириться с безысходностью и любить безответно только в своем воображении, облегчая этим свои психические страдания и муки. У героя романа иллюзорная любовь.

Все, что подростку удастся вспомнить о прошлом – это обрывки воспоминаний и скорее то, что ему всегда хочется помнить: лето, солнечные дни, животный мир, соседи по даче, окружающая природа, ветка акации, учительница биологии Акатова, в которую он влюбляется. В настоящем он вспоминает и переносится в будущее, живет синхронически во временном пространстве своего воображения, наполненным идеальной гармонией, слитой с миром природы – бабочками, прекрасными цветами, ветром и рекой. А что является временем? И есть ли оно вообще? Время приходит из прошлого и уходит в будущее. В романе течение времени хаотично. Оно движется по инерции: то заглядывает вперед, то отодвигается назад. О неупорядоченном пребывании мыслей в голове мальчика, которого зовут Витя Пляскин, повествует Саша Соколов, рассказывает о его мечтах и о том, что происходит в душе главного героя его романа «Школа для Дураков». И как будто бы обыденное восприятие действительности для него не совсем привычное, а то и вообще кажется неприемлемым для общественного уклада, он говорит, что личные часы являются только условными и цифры, которые показывают дни, ничего не обозначают [12, с. 11]. Для героя время просто исчезает и растворяется, не оставляя ни каких следов, кроме иллюзорной любви к женщине.

Окружающее общество и мальчик живут в разных мирах. Главный герой замкнут, сомневается в себе и закрыт. Он оказался взаперти застенков своего личного «я», и способ убежать оттуда для него – это раствориться в мире природы, а не существовать в социуме, в котором он никогда не адаптируется. Герой оторван от общества, ему не понять смысла происходящего потому, что он болен и на самом деле считает, что в своей голове он не один. Внутри себя со вторым «я» мальчик способен обсуждать, ненавидеть, ревновать и даже запрещать разговаривать о некоторых вещах, о которых он не хочет слушать: «Нет, я ничего не скажу тебе, ты не имеешь права расспрашивать меня о моих личных делах, тебе не должно быть до той женщины никакого дела, не приставай, ты дурак, ты больной человек, я не хочу тебя знать, я позвоню доктору Заузе, пусть он отвезет тебя снова туда» [9, с. 180].

Предпосылками к раздвоению личности героя становится детское одиночество, изолированность и оторванность от действительности, отсутствие любви, понимания и поддержки. Он неизлечимо болен двойственностью своего существования, и ему остается просто любить, смириться и осознать безысходность такого положения.

Со своими скудными, ограниченными, вызывающими умиление, представлениями о жизни и любви, герой, погруженный в свои мысли и эмоции, спонтанно, необычно и увлекательно словесными конструктами ведет диалог о воображаемых им контактах с внешним миром, которые сложно отличить от реальности. Детское сознание успокаивается и воспринимает такое положение вещей, как способ облегчения своих психических страданий, связанных с его глубокой замкнутостью, ощущением неполноценности и ненужности. «Школа для дураков», на первый взгляд, выглядит как обычное произведение, ну или как обычная картина со своими красками и мазками кистью ее автора, но если взглянуть под другим ракурсом, то эта картина превращается в голографическое изображение, особенностью которого является просмотр с изменением угла зрения. Вначале картинка простая, застывшая, а потом, когда угол зрения меняется, некоторые детали и некоторые элементы на голограмме начинают двигаться и как будто бы оживают и становятся реальностью.

Саша Соколов в своей книге сотворил необыкновенный мир, который существует по своим законам. Его всегда интересовала тема смерти, начиная с самого детства. Смерть представлялась ему, как что-то неизбежное, истинное и вечное, способное поведать о том, что находится между гранью внешнего и внутреннего миров и не знающее различий между объективной и субъективной реальностью. В тот момент, когда автор встречается с фактом неодолимости смерти, рождается время с обратным отсчетом. Следуя своим правилам и особому языку написания, Саша Соколов заостряет внимание на инициации главного персонажа, описывает то, как он переходит на новый уровень восприятия информации, как меняются его психика, взгляды и оценка мира взрослых, и наконец, отношение к основе основ – любви и смерти.

Главный герой – мальчик или мужчина, взрослеет и, казалось бы, время двигается вперед, но вдруг он оказывается в обратном временном пространстве, в своем реальном прошлом, останавливается и наслаждается этим. Там он любит, переживает, живет и тут же оказывается в будущем, оставаясь ребенком. Любовь

к учительнице биологии и воображение помогают его сознанию освободиться от глубоко социальной действительности, победить время и раствориться в вечном водовороте мира природы.

Виртуально, в своих фантазиях он и остальные герои проходят через смерть, ведь смерть и любовь всегда неразделимы. Любовь – это сильное чувство. Любовь созвучна с энергией созидания и способна возвращать человека к жизни, но очень часто силу любви укрепляет разрушительная энергия смерти – повелительницы запредельного существования тела и материи.

В романе любовь и смерть тесно переплетаются и имеют разные обличья. В образе обратимой смерти возникают в воображении мальчика прекрасные рододендроны с вечным идеальным существованием – «вся природа, исключая человека, представляет собою одно неумирающее, неистребимое целое» [5, с. 36]. Для главного героя там, где время идет от смерти к бессмертию – это счастливое время в вечности. В этом выдуманном главным героем мире живет его любимый учитель географии Норвегов, который является для своего ученика лучшим наставником и примером справедливого и самого лучшего человека, победившего время, сумевшего приблизиться к мерцанию отождествленной смерти. В своих мечтах герой хочет повторить то, что удалось его учителю географии – существовать в двух мирах, проходить границы безо всяких препятствий и проделать этот путь со своей возлюбленной Ветой Атаковой. Он мечтает быть здоровым, обязательно выучиться, прочитать множество умных и интересных книг, работать инженером, купить машину и жениться на любимой женщине. Огромным желанием мальчика является вхождение существования человека в «неумирающее неистребимое целое», сделав это такой же закономерностью, как и принцип существования круговорота в природе. Но ни что не вечно и имея свой срок, заканчивается. В этом вся обреченность надуманных персонажей романа. Трагедией для героя становится не слияние с природой, а осознание разрушения этого девственного мира, как сорванного цветка, осознание болезненное и навсегда уходящее в нереальность и утопию, убегающее в мир фантазий и сравнения с близостью его и любимой женщины, с печалью в глазах и мыслях о безответной любви. Случившееся событие с сорванным цветком приводит к необратимым последствиям в психике подростка и проявляется нарушением его душевного рассудка – это восприятие себя прекрасной Нимфеей, фантазийное превращение в сорванную водяную лилию с именем Нимфея Альба и возвращения в новое начало, с уединенным созерцанием природного мира и бытия. Концом или началом такого соприкосновения становятся странные рассуждения после появления особенного слуха и пространственного, далекого от мира реальности, воображения, что больше вызывает ассоциации, похожие на слуховые галлюцинации, вследствие переживаний души и эмоциональных расстройств, при невозможности различить слышимое от действительной реальности происходящего: «Я слышал, как на газонах росла нестриженная трава, как во дворах скрипели детские коляски. <...> Я слышал поцелуи и шепот, и душное дыхание незнакомых мне мужчин и женщин» [3, с. 80].

Драматизм ситуации заключается в том, что подросток произведения Саши Соколова так и останется ребенком потому, что никогда не повзрослеет. Именно по этой причине в мире взрослых он быть никогда не сможет. В иллюзорном мире мальчика из «Школы для дураков» время остановилось. Он счастлив там, где вечная желанная красота, где парят «зимние бабочки», цветут рододендроны, течет река Лета, рядом его друг и наставник Норвегов и он, влюбленный в Вету, держит ее за руку. По замыслу автора, иллюзорный мир больного мальчика в «Школе дураков», придуманный им самим, с каждым мгновением преобразуется в его сознании, проявляется индивидуальными яркими красками и особо ценен и важен для него. Автор подобрал правильные поэтические слова, описывая трогательную детскую нежность и сильные чувства мальчика к любимой женщине – Вете Атаковой. Глубоко любящий герой, видит в любимой женщине то, чего не видят все люди мира. Для героя Вета Атакова – главная и единственная женщина в сердце и во всем мире. Такая любовь – это самый дорогой подарок, который получает далеко не каждый человек. В романе с образом любимой учительницы биологии связаны самые чудесные, одухотворенные моменты. Автор с нежностью рисует портрет Веты: «...представьте себе женщину, она столь прекрасна, что когда вы вглядываетесь в черты ее, то не можете сказать нет радостным слезам своим» [1, с. 157].

Добиваясь взаимности в любви, герой готов на все ради любимой. Нимфея мечтает подружиться с желтой мохнатой собакой девочки Веты, хотя очень ее боится. Когда из бытия исключается объект любви и обожания, то теряется смысл и ценность жизни, уходит и желание существовать. Идеальным миром для подростка является мир иллюзий, отсутствие реальности, которая замирает и вдруг рассеивается в именах несуществующих любимых женщин мальчика и любимого учителя географии в некоей школе для дураков. Глубокое изучающее созерцание всего того, что окружает и того, что происходит, помогает герою познавать мир и проходить сквозь время, ассоциируясь в разных его плоскостях, наложенных одна на другую. Переписывая «какую-то» статью, «ученик такой-то», оставаясь зрительно в своем доме, оказывается у академика Акатова и просит руки его дочери. В своем воображении не раз прокручивается картина, как он – ученик – Нимфея просит руки Веты у Аркадия Аркадиевича Акатова, с обещанием вечной любви, зная, что

все это никогда не исполнится. Здесь герой счастлив тем, что имеет, и ему не надо того, чего у него нет, никогда не было и не будет. У каждого человека своя настоящая любовь со страстью к жизни, любовь, которая идет из глубины сердца и несет с собой неутрачиваемую боль, разочарование или слезы радости и счастья. Любовь главного героя большая, настоящая счастливая и безграничная, насколько хватает сил, до смерти. Она вдохновляющая, переходящая за рамки реальной обыденной жизни.

Сила воображения, которой в своем романе наделил больного мальчика Саша Соколов, является неиссякаемой сокровищницей самого автора романа. Проекция образов и их восприятие в нереальности не знают границ. И как следствие этого, все происходящее в подсознании ощущается физически, как состоявшаяся реальность западает в душу. Мальчик изолирован от общества, его любовь никому не нужна, он как бы потерян и мертв для всех вокруг. Чувства, мысли и ощущения его гораздо шире, чем у обычных людей, а любовь чище и светлее, потому что не он не такой как все, а весь мир не такой, как этот мальчик.

Внутреннюю сущность главного героя автор представляет, как противоположность убогому пространству школы для дураков, в которой он учится. Благодаря необыкновенной способности героя вслушиваться и вглядываться во все, он с легкостью оживляет все неживое в своих фантазиях и заветных мечтах. Происходящее в романе действие и герои романа - все ассоциируется с природой: Вета Атакова становится и веткой акации, железнодорожной веткой или веткой по созвучию; придуманная девочка, ученица Роза Ветрова – розой ветров. Мальчик видит сосну, в которую ночью, во время грозы ударила молния, разглядывает ее обожженные иголки и от увиденной действительности начинает интерпретировать, в его воображении возникают иллюзии воспоминаний, как будто все произошедшее случилось с ним, в определенное время, соответственно происходящему на самом деле. Вот так автор передает читателю волнительные иллюзорные ощущения главного героя: «дует ветер, хлопают оконные рамы, люди зажигают и гасят свет» [2, с. 97].

Сила воображения в сознании мальчика переносит действие в другое пространственное время. Наблюдая как будто бы сверху за происходящим в дачном поселке, он перечисляет обыденные вещи и события, случившиеся в настоящей жизни: «...загудел дождь: он намочил крыши, сады, оставленные в садах раскладушки, матрацы, гамаки, простыни, детские игрушки, буквари – и все остальное» [6, с. 18]. Ученик – Нимфея сливается с природой, считая, что он часть ее. Он беседует о доме, где живет «та женщина», в которую он влюблен, женщина – загадка по имени Вета: «И он уже не Ученик школы для дураков, не Нимфея, а пылкий Возлюбленный, нежный и робкий» [13, с. 18].

Главного героя притягивает поведение полноценного взрослого человека, каким он себя воображает, фантазирует о взрослой жизни, рассуждая вполне по-взрослому: «Черт возьми, я не могу так сразу. Нам необходимо побеседовать. Где-нибудь посидеть, давайте поедим в ресторан» [7, с. 98]. Мальчик – Нимфея выдумывает и выстраивает в голове свою счастливую, благополучную семейную жизнь, в которой он - взрослая личность, представляет себя инженером, мужем учительницы Веты Аркадьевны Атаковой, рассуждает с достоинством и важностью зрелого мужчины, воображая в своих фантазиях, что он вернулся домой, к своей любимой женщине: «Как замечательно, что она рада и в предвкушении любви все уже приготовила для этого. Не только он желает ее, но и она желает его и без ложного стыда ясно дает ему понять это» [8, с. 19]. Автор с трогательной искренностью описывает фантазии мальчика у «проката велосипедов» и беседу с милой девушкой, его эйфорию о недавней свадьбе и свадебном путешествии, о том, как в своем воображении он нежен и заботлив к своей возлюбленной, готов исполнять все ее желания. Фантазии и мысли в голове героя сплетаются с мыслями автора и очень правдиво обрисовываются им. Читатель вправе подумать, что Саша Соколов некогда сам пережил нечто подобное, и что он тоже болен иллюзиями так же, как и удивительный мальчик Витя Пляскин. Особенный, мифический мир подростка, который он себе воображает – это мир, похожий на рай, там властвует любовь, благоденствие природы и музыки – Край Одинокого Козодоя. Мальчик уверен, что именно таким должно быть место, где «будут жить, или уже жили, наверное» он и единственная, самая желанная, совершенная и недостижимая женщина – Вета Аркадьевна Атакова: «Единственная, которая останется после всего, что будет. Но пока не знаешь. Потом – сколько-то лет подряд – жизнь. Как называется. Называется жизнь» [11, с. 14].

Но, увы, Вета в романе выглядит как безрассудная, легкомысленная: «...я вся белоснежна ну осыпьте меня совсем, осыпьте же поцелуями, никто не заметит, лепестки на белом не видны» [10, с. 2]. Можно только догадываться, что такое поведение выглядит как результат нестабильного эмоционального состояния и выражения неприятия и протеста уродливому социуму. Презрительное и в то же время естественное и магнетическое, как само собой разумеющееся отношение к взрослому сексу – это стремление к утверждению для самого себя, правдивости и реальности воображаемого. В романе ученику ненавистны проклятые «скирлы» – это звуки, которые ему слышатся, и мерещится медведь, а он не медведь вовсе, а неизвестный мужчина, который ему очень ненавистен. Страшную выдуманную сказку о медведе, который ходит по лесу и по ночам, много раз повторяет отвратительное «скирлы», он старается забыть и никогда не вспоми-

нать. Переживания, слуховые иллюзии и предчувствия непонятного ужаса, становятся еще одной душевной травмой и мучительных страданий больного мальчика. Порочная страсть женщины, которую безумный мальчик очень сильно любит ненавистна ему – это презренно и противно до тошноты, и он даже готов убить того человека, но не знает, кто он. Детскому больному естеству хочется отвергнуть пребывание Веты с каким-то чужим и взрослым мужчиной: «...вы понимаете, конечно, мы с вами не дети» [14, с. 14]. Несчастный и счастливый, сентиментальный влюбленный мальчик в «Школе для дураков» ни кто иной, как сам автор, роющийся в своем сознании. Он вспоминает прошлое, а не выдумывает сюжеты. Все его впечатления являются основным содержанием романа – смутным воспоминанием о детстве. Игра слов в произведениях Саши Соколова – волшебна, раскручивание и интерпретация множества сюжетов заставляет переосмыслить значение многих фраз, переиграть их форму и услышать в новом перерожденном качестве, знакомом и забытом. Размышления автора здесь скорее о вечном и неизблемом, о любви и смерти. Тема иллюзии любви главного героя и отношений между мужчиной и женщиной является главной темой, как и тема природы. Простые и искренние чувства прослеживаются от начала и до конца романа, напоминая о том, что люди не должны разучиться сострадать ближнему своему. Происходящее здесь условно и нереально, движется непостижимым образом в разных направлениях одновременно – то несется вперед, то возвращается в прошедшее назад, а то и вовсе замирает и парит над выдуманными образами.

Выводы

«Школа для дураков» является глубоким, двояким и особенно сложным произведением русского модернизма и постмодернизма, сплетенное из множества сомнений, детских страхов и парящих «зимних бабочек», смятения и забытой памяти необычного мальчика.

Чем же заканчивается «Школа для дураков»? В финале повествование не заканчивается, а прерывается, так как «вышла бумага». Рассказывающий, ну или повествующий мог бы еще долго вести свой затянувшийся монолог о любимой Вете, их счастливой жизни среди прекрасных людей, умеющих радоваться прекрасному в жизни и сострадать. Но счастливого конца для читателя не будет, так как монолог прерывается, и автор и герой выходят на улицу, или в никуда, сливаются с толпой прохожих, перерождаются, растворяясь во времени.

Литература

1. Битов А. Грусть всего человека // Октябрь. 1989. № 3. С. 157 – 158.
2. Диваков С. Познавший природу тетивы // Вопросы литературы. 2013. № 1. С. 94 – 116.
3. Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2000. С. 80.
4. Матич. О. Беседа с Сашей Соколовым: «Нужно забыть всё старое и вспомнить всё новое» / «Русская мысль». 31 мая 1985. № 3571. С. 12.
5. Руднев В. Несколько уроков в «Школе для дураков». 1993. С. 36.
6. Руднев В. Феноменология события. М.: Логос, 1993. Вып. 4. С. 18.
7. Соколов С., Школа для дураков. Отрывок. Ольга Булычёва: литературный дневник // Стихи.ру URL: <https://stihi.ru/diary/escette/2010-05-04?ysclid=la848ak1gv559972773> (дата обращения: 09.11.2022)
8. Соколов С. Время для частных бесед. 1989. № 8. С. 19.
9. Соколов С. Знак озарения. Попытка сюжетной прозы // Октябрь. 1991. № 2. С. 178 – 186.
10. Соколов. С. Легко ли быть гражданином мира. (Беседа с писателем) // Учительская газета. 1989. С. 2.
11. Соколов С. Литературное обозрение. 1993. № 1. С. 13 – 16.
12. Соколов С. На сокровенных скрижалях // Собеседник. 1989. № 30. С. 10 – 11.
13. Соколов С. Между собакой и волком // Собеседник. 1990. С. 18.
14. «Школа для дураков» Саши Соколова глазами автора «Горизонтального положения» Дмитрия Данилова // Год литературы URL: <https://godliteratury.ru/articles/2017/01/19/sasha-sokolov-shkola-dlya-durakov> (дата обращения: 11.11.2022)

References

1. Bitov A. Grust' vsego cheloveka. Oktjabr'. 1989. № 3. S. 157 – 158.
2. Divakov S. Poznavshij prirodu tetivy. Voprosy literatury. 2013. № 1. S. 94 – 116.
3. Kuricyn V. Russkij literaturnyj postmodernizm. M.: OGI, 2000. S. 80.
4. Matich. O. Beseda s Sashej Sokolovym: «Nuzhno zabyt' vsjo staroe i vspomnit' vsjo novoe». «Russkaja mysl'». 31 maja 1985. № 3571. S. 12.
5. Rudnev V. Neskol'ko urokov v «Shkole dlja durakov». 1993. S. 36.
6. Rudnev V. Fenomenologija sobytija. M.: Logos, 1993. Vyp. 4. S. 18.

7. Sokolov S., Shkola dlja durakov. Otryvok. Ol'ga Bulychjova: literaturnyj dnevnik. Stihi.ru URL: <https://stihi.ru/diary/escette/2010-05-04?ysclid=la848ak1gv559972773> (data obrashhenija: 09.11.2022)
8. Sokolov S. Vremja dlja chastnyh besed. 1989. № 8. S. 19.
9. Sokolov S. Znak ozarenija. Popytka sjuzhetnoj prozy. Oktjabr'. 1991. № 2. S. 178 – 186.
10. Sokolov. S. Legko li byt' grazhdaninom mira. (Beseda s pisatelem). Uchitel'skaja gazeta. 1989. S. 2.
11. Sokolov S. Literaturnoe obozrenie. 1993. № 1. S. 13 – 16.
12. Sokolov S. Na sokrovennyh skrizhaljah. Sobesednik. 1989. № 30. S. 10 – 11.
13. Sokolov S. Mezhdu sobakoj i volkom. Sobesednik. 1990. S. 18.
14. «Shkola dlja durakov» Sashi Sokolova glazami avtora «Gorizontal'nogo polozenija» Dmitrija Danilova. God literatury URL: <https://godliteratury.ru/articles/2017/01/19/sasha-sokolov-shkola-dlya-durakov> (data obrashhenija: 11.11.2022)

*Zhang Yu, Postgraduate,
St. Petersburg State University*

Love illusion in Sasha Sokolov's novel "School for fools"

Abstract: this article is based on the book by Sasha Sokolov "School for Fools", in which he tells about an extraordinary world that exists according to its own laws and with its own countdown. Thanks to the creative artistic imagination of the writer, his love for the Russian language and his deep knowledge of it, Sasha Sokolov tells about the monologue of an unusual sick boy with himself throughout the work in a peculiar literary manner. The novel is about disappointment, childhood loneliness, loss of a sense of reality and isolation from society. A teenage boy and the people around him live in different worlds. He is cut off from the world around him, lives in his imaginary space. Closing himself in, he finds himself locked up in his personal self, and the way to escape from there for him is to dissolve into the world of nature, the natural world and illusory love for the only woman. According to the author's plan, the main character is terminally ill with the duality of his existence, and he only has to accept hopelessness and love unrequited only in his imagination, thereby alleviating his mental suffering and torment. The hero is happy with what he has, and he does not need what he does not have, never had, and will not have. He is happy in his imaginary world.

Keywords: imagination, nature, patient, fantasy, love, duality, memories, time, contradiction, death

For citation: Zhang Yu Love illusion in Sasha Sokolov's novel "School for fools". *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 233 – 238.

*Середа Е.В., кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Московский государственный педагогический университет*

Терминологический статус дефиниции «Особые части речи»

Аннотация: данная статья посвящена описанию традиционной морфологической терминологии в дифференциации классов слов. В работе выявлены недостатки дефиниций "особые, интеръективные и маргинальные" части речи, предложено и обосновано введение термина "сентиметивные части речи" для междометий и звукоподражательных слов. Функциональное противопоставление позволяет определить место сентиметивных групп слов в системе частей речи современного русского языка на круговой схеме, где ЗЧР – это знаменательные части речи, СлЧР – служебные части речи и СЧР – сентиметивные части речи. Для знаменательных частей речи свойственны способность выступать в роли как главных, так и второстепенных членов предложений, передавать номинативное (лексическое) значение и быть преимущественно изменяемыми (имеют морфологические признаки); служебные слова, напротив, сами не выполняют функции членов предложения, не передают лексического значения и не имеют форм словоизменения.

Автор приходит к выводу, что термин «сентиметивные» части речи подчеркивает функциональную общность междометий и звукоподражаний, а также приближающихся к ним по функционированию в живой разговорной речи модальных частиц и модальных слов. Сентиметивные части речи синхронизируются с традиционно выделяемыми классами слов по учету полноты набора их дифференциальных признаков. Введение понятия «сентиметивные части речи» устраняет терминологическую неточность ранее используемой дефиниции «особые» и помогает дидактически (в учебных целях) описать морфологическую систему как систему «трех С: самостоятельные – служебные – сентиметивные» классы, упрощающую мнемотическую функцию содержательного компонента при изучении морфологии в школьной и вузовской практике преподавания современного русского языка.

Ключевые слова: особые части речи, интеръектив, междометие, звукоподражания, модальные слова, частицы, сентиметив, гибридные явления, синкретичные образования

Для цитирования: Середа Е.В. Терминологический статус дефиниции «Особые части речи» // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 2. С. 239 – 243.

В морфологической системе длительное время некоторые группы слов стояли особняком, не вписываясь в традиционный набор частеречных категорий. В работах большинства исследователей [3]; [1] отмечалось, что ряд таких групп слов может не относиться ни к каким частям речи («они находятся за пределами частеречной системы»). Между тем попытка классификации и определения точной дефиниции для таких групп слов начиная с конца XX века отечественными исследователями предпринималась не раз.

Так, части речи, которые в XVIII-XX веках было принято оставлять за пределами дифференциаций, позже стали объединять в так называемые «особые» [2] и даже «маргинальные» [6] части речи. И если наименование «маргинальные» за счет своей яркой эмоциональной (и преимущественно негативной) коннотации не получило широкого распространения в дидактике и научном дискурсе, то дефиниция «особые части речи» попала в учебники 7 класса по русскому языку для средних общеобразовательных учреждений.

Также некоторое время по отношению к этим отдельно стоящим в частеречной системе группам слов применялся термин «интеръективные части речи» [4] однако с позиции дефиниции данный термин также не совсем адекватно описывает систему групп слов, так как термин «интеръектив» (лат. Interjectio – «брошенное между») тесно связан с такой частью речи, как междометие, а междометия хотя и относятся к описываемой «особой» системе, но не составляют ее единолично.

Объединение таких разрядов, как междометия и звукоподражания с так же не подпадающими под основные критерии дифференциации частей речи группами модальных частиц и модальных слов к началу XXI века уже не вызывает сомнений, однако наименование «особые части речи» продолжает ограничивать широкое употребление указанной дефиниции своей нетерминологичностью [9].

Подобное ограничение употребления понятия обусловлено тем, что вышеуказанная дефиниция не передает функционального значения описываемых классов слов, а только указывает на их изолированность от других морфологических объединений и на их отличие от слов самостоятельных и служебных частей речи.

Так, при обращении к словарям можно увидеть следующее определение понятия «особый»:

1. Не похожий на других; необычный, особенный. || Присущий только данному лицу, явлению, предмету; своеобразный.
2. Большой, значительный.

3. Отдельный, не общий.

4. Специальный [8].

Как можно заметить, подобные значения определения «особый» разнообразны, но ни одно из них не обладает свойствами терминологической дефиниции, особенно в противопоставлении двум другим системам: самостоятельным / знаменательным и служебным классам слов.

Анализ описываемых языковых явлений позволяет говорить о том, что адекватным противопоставлением по функциональным признакам словам-наименованиям (самостоятельным / знаменательным словам) и словам служебным могут стать слова-отношения, так называемые «сентиметивные слова» [4], то есть слова, которые отвечают за передачу «чувств» (от лат. *sentimento* – чувствую), «эмоций», «модальности».

Предложенный термин образован по аналогии с другими морфологическими терминами, имеющими латинское происхождение: наряду с такими понятиями, как «субстантив, адъектив, инфинитив, компаратив, предикатив, интеръектив» и пр. сентиметив представляет собой результат сентиметивизации – одного из регулярных случаев транспозиции, характеризующегося переходом знаменательных и служебных слов в сентиметивы (в первую очередь, в интеръективы, то есть в непервообразные междометия).

От понятия «сентиметив» по частотной модели словообразования образуется прилагательное «сентиметивный». Сравним: субстантив – субстантивный, интеръектив – интеръективный, предикатив – предикативный и так далее. Образование этого имени прилагательного отлично от образования однокоренного понятия-признака «сентиментальный»: последнее слово соотносится со словами «сентиментализм» (направление в искусстве и литературе – *сентиментальные романы*) и «сентимент» (заимствованное из французского языка, редко употребляемое слово, устаревающий синоним к понятию «чувство»: «*Ох уж эти ваши девичьи сантименты!*», «*Хватит уже писать ему сентиментальные письма и вирши!*»).

Дефиниция «сентиметивный» (в отличие от трех вышеприведенных: «маргинальные, интеръективные, особые») терминологична и дидактически целесообразна: в практике школьного преподавания современного русского языка трехчастная оппозиция морфологических систем после введения вышеуказанного термина представляется в таком случае системой «трех С» – самостоятельные, служебные и сентиметивные части речи, а устойчивая закономерность внешних признаков всегда мнемотически (с точки зрения запоминания) более эффективна, чем закономерность скрытых признаков второго и третьего уровня.

Функциональное противопоставление позволяет определить место сентиметивных групп слов в системе частей речи современного русского языка на круговой схеме, где ЗЧР – это знаменательные части речи, СлЧР – служебные части речи и СЧР – сентиметивные части речи.

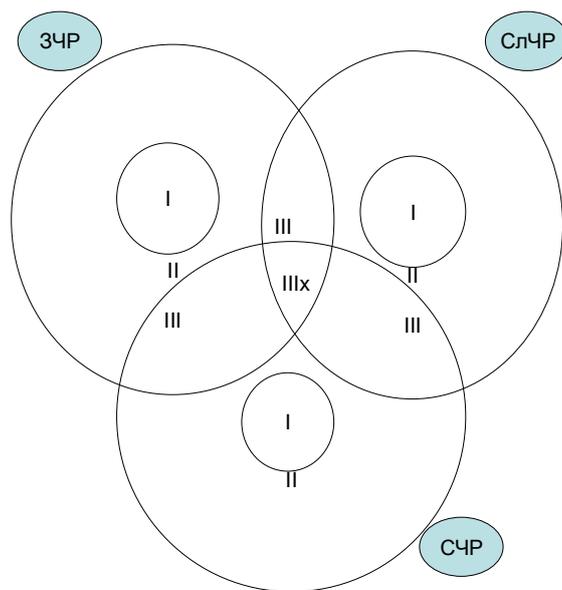

Рис. 1. Сентиметивные группы в системе частей речи

Такая дифференциация основывается на традиционной классификации, в которой части речи выделяются с учетом трех основных признаков (синтаксический / функция в предложении, морфологический / грамматический, семантический / категориальный).

Так, для знаменательных частей речи свойственны способность выступать в роли как главных, так и второстепенных членов предложений, передавать номинативное (лексическое) значение и быть преимущественно изменяемыми (имеют морфологические признаки); служебные слова, напротив, сами не выполняют функции членов предложения, не передают лексического значения и не имеют форм словоизменения.

В сопоставлении со знаменательными и служебными группами слов сентиметивные слова характеризуются следующими признаками:

1) Они способны образовывать собой нечленимые предложения, а также выступать в роли вводных конструкций предложения, например:

- Ура! – погнали они.

- Вон! – прогремело в окрестностях.

- Ты завтра будешь? – Конечно.

- Кукареку! – послышалось тут же, как дверь за ним закрылась. (Поляков. Замыслил я побег)

Мы, увы, уже ничего не ждали.

Терентьев, конечно, всё помнил, но заставить себя пойти – опаньки! – никак не мог.

Вдруг – хрум! – что-то хрустнуло и щелкнуло за углом.

И тут Люба – ура! – появилась в разъеме калитки.

Увы. Дома никого не было.

Ой какие ойюшки!

Ты знала? – Агась.

2) Сентиметивные слова преимущественно неизменяемы, однако у них есть способность удваиваться, утраиваться и т.д. – способность повторяться; при повторе у сентиметивных слов появляется дополнительная коннотация интенсивности, поспешности, услужливости и т.п., сравните:

Ой! – Ой-ой-ой-ой!

Ха! – Ха-ха-ха!

Опа! – Опа-опа-опа!

Брысь! – Брысь-брысь!

Конечно! – Конечно-конечно!

Спасибо! – Спасибо-спасибо!

Здравствуйте-пожалуйста.

Базовое орфографическое правило приписывает при повторе употреблять дефис, однако по отношению к однобуквенным междометиям и звукоподражаниям, а также к некоторым интеръективным неологизмам молодежной речи и сленга допустим отказ от постановки дефиса (дефисов) в пользу интенсификации передачи отношения: эмоции, призыва или подражания: Ооооооооооо! Аааааа! Брррр! Ррррррррррррр! Ахах! Мурррр!

3) И, наконец, у сентиметивных слов нет номинативного значения, однако свойственно наличие даже при полной десемантизации категориального значения; содержание (семантика) сентиметивных слов выражается разнообразной сопутствующей интонацией в живой разговорной речи; для этих слов обязательно наличие в значении эмоциональной составляющей.

Давайте сопоставим:

«Мамочки!» - испуганно закричал Сеня и побежал к мамочке.

К мамочке (к кому?) – мамочка: знаменательное слово, имя существительное, в предложении является дополнением, относится к одушевленным словам женского рода, 1 склонения, стоит в форме единственного числа, дательного падежа, обладает номинативным значением «обозначение лица по родству», уменьшительно-ласкательная форма.

К мамочке – к: служебное слово, предлог, помогает связать слова в предложении, самостоятельно не является членом предложения (является дополнением вместе с именем существительным, которому сопутствует), неизменяемое, передает категориальное значение направления.

Мамочки! – сентиметивное слово, междометие, образует собой нечленимое предложение, не изменяется (представляет собой застывшую форму словоизменения – результат транспозиции, перехода имени существительного в междометие), не передает номинативного значения (десемантизировано), однако выражает эмоцию, отраженную контекстуально и поддержанную знаменательным словом (наречием «испуганно»).

Ядро сентиметивных частей речи составляют междометия и звукоподражательные слова, в то время как модальные частицы все же следует рассматривать как гибридное образование, находящееся вместе со все-

ми другими частицами в зоне синкретизма служебных и сентиметивных систем; так же, как и модальные слова из-за их тесной живой связи со знаменательными частями речи целесообразно рассматривать на периферии сентиметивной системы: они также являются гибридными образованиями, находящимися на стыке знаменательной и сентиметивной систем. На круговой схеме междометия представлены группой слов I ступени, звукоподражания – группой слов II ступени, а частицы и модальные слова – III ступени.

Как можно заметить, термин «сентиметивные» части речи подчеркивает функциональную общность междометий и звукоподражаний, а также приближающихся к ним по функционированию в живой разговорной речи модальных частиц и модальных слов. Сентиметивные части речи синхронизируются с традиционно выделяемыми классами слов по учету полноты набора их дифференциальных признаков. Введение понятия «сентиметивные части речи» устраняет терминологическую неточность ранее используемой дефиниции «особые» и помогает дидактически (в учебных целях) описать морфологическую систему как систему «трех С: самостоятельные – служебные – сентиметивные» классы, упрощающую мнемотическую функцию содержательного компонента при изучении морфологии в школьной и вузовской практике преподавания современного русского языка.

Литература

1. Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка: Утв. НКП РСФСР. М.: Учпедгиз, 1945. 236 с.
2. Евсева И.В., Лужгина Т.А. Современный русский язык: Курс лекций / Сибирский федеральный ун-т. Красноярск, 2007. 642 с.
3. Русская речь: сборники, издаваемые Отделом словесных искусств: новая серия / Гос. ин-т истории искусств; под ред. Л.В. Щербы. Ленинград: Academia, 1927-1928. 83 с.
4. Серeda Е.В. Классификация междометий по признаку выражения модальности // Русский язык. 2002. № 23 (335). С. 13.
5. Серeda Е.В. Пути пополнения непервообразных междометий в разговорной молодежной речи, в сленге // Сборник материалов по итогам научно-исследовательской деятельности студентов в области гуманитарных, естественных и технических наук. М., 2000. 103 с.
6. Сичинава Д.В. Параллельные корпуса в составе Национального корпуса русского языка: новые языки и новые задачи // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. № 21. С. 41 – 61.
7. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 702 с.
8. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М.: Дом Славянской кн., 2008. 959 с.
9. Шигуров В.В. Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи. М: Академия, 2010. 463 с.

References

1. Avanesov R.I., Sidorov V.N. Oчерk grammatiki russkogo literaturnogo jazyka: Utv. NKP RSFSR. M.: Uchpedgiz, 1945. 236 s.
2. Evseeva I.V., Luzgina T.A. Sovremennyy russkij jazyk: Kurs lekcij. Sibirskij federal'nyj un-t. Krasnojarsk, 2007. 642 s.
3. Russkaja rech': sborniki, izdavaemye Otdelom slovesnyh iskusstv: novaja serija. Gos. in-t istorii iskusstv; pod red. L.V. Shherby. Leningrad: Academia, 1927-1928. 83 s.
4. Sereda E.V. Klassifikacija mezhdometij po priznaku vyrazhenija modal'nosti. Russkij jazyk. 2002. № 23 (335). S. 13.
5. Sereda E.V. Puti popolnenija nepervoobraznyh mezhdometij v razgovornoj molodezhnoj rechi, v slenge. Sbornik materialov po itogam nauchno-issledovatel'skoj dejatel'nosti studentov v oblasti gumanitarnyh, estestvennyh i tehničeskikh nauk. M., 2000. 103 s.
6. Sichinava D.V. Parallelnye korpusa v sostave Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka: novye jazyki i novye zadachi. Trudy instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova. 2019. № 21. S. 41 – 61.
7. Slovar' russkogo jazyka: v 4-h t. RAN, In-t lingvistich. Issledovanij. Pod red. A.P. Evgen'evoj. 4-e izd., ster. M.: Rus. jaz.; Poligrafresursy, 1999. 702 s.
8. Ushakov D.N. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka: sovremennaja redakcija. M.: Dom Slavjanskoj kn., 2008. 959 s.
9. Shigurov V.V. Inter#ektivacija kak tip stupenchatoj transpozicii jazykovyh edinic v sisteme chastej rechi. M: Akademiya, 2010. 463 s.

*Sereda E.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Moscow State Pedagogical University*

Terminological status of the definition "Special parts of speech"

Abstract: this article is devoted to the description of traditional morphological terminology in the differentiation of word classes. The paper reveals the shortcomings of the definitions of "special, interjective and marginal" parts of speech, suggests and justifies the introduction of the term "sentimental parts of speech" for interjections and onomatopoeic words. Functional opposition allows us to determine the place of sentimental groups of words in the system of parts of speech of the modern Russian language on a circular scheme, where the HRE is the significant parts of speech, the HRE is the service parts of speech and the HRE is the sentimental parts of speech. Significant parts of speech are characterized by the ability to act as both main and secondary members of sentences, convey nominative (lexical) meaning and be predominantly changeable (have morphological features); service words, on the contrary, do not themselves perform the functions of sentence members, do not convey lexical meaning and do not have forms of inflection.

The author comes to the conclusion that the term "sentimental" parts of speech emphasizes the functional community of interjections and onomatopoeias, as well as modal particles and modal words approaching them in terms of functioning in live colloquial speech. The sentimental parts of speech are synchronized with the traditionally distinguished classes of words by taking into account the completeness of the set of their differential features. The introduction of the concept of "sentimental parts of speech" eliminates the terminological inaccuracy of the previously used definition of "special" and helps to didactically (for educational purposes) describe the morphological system as a system of "three C: independent – service – sentimental" classes, simplifying the mnemonic function of the content component in the study of morphology in school and university practice of teaching modern Russian.

Keywords: special parts of speech, interjective, interjection, onomatopoeia, modal words, particles, sentimental, hybrid phenomena, syncretic formations

For citation: Sereda E.V. Terminological status of the definition "Special parts of speech". *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (2). P. 239 – 243.